

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 1 (39), 2015

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2015, 1 (39)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук С. Суляк (Молдавия)

кандидат исторических наук Н. Бабилунга (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина)

доктор исторических наук В. Зиновьев (Россия)

кандидат филологических наук Д. Катунин (Россия)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

доктор исторических наук Н. Руссев (Молдавия)

кандидат исторических наук В. Содоль (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук Н. Тельнов (Молдавия)

доктор исторических наук А. Черкасов (Россия)

доктор исторических наук М. Чучко (Украина)

Р. Шапка (Канада)

кандидат исторических наук П. Шорников (Молдавия)

доктор лингвистических наук М. Фейса (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А.
Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2015

© Association «Rus'», 2005-2015

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ РУСИНОВ / HISTORY OF THE RUSINS

Жих М.И. Христианизация волынской земли в контексте её социально-политического развития

Zhikh M.I. Hristianization of the Volhynia in the context of its socio-political development 5

Майоров А.В. Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы

Maiorov A.V. The Mongol conquest of Volhynia and Galicia: controversial and unresolved issues 11

Киселев М.В. Австрийский «узел» во внешней политике Даниила Галицкого

Kiselev M.V. Austrian “knot” in foreign policy of Daniel of Galicia 25

Василик В.В. О болезни и смерти владими́ро-Волынского князя Владимира Васильковича. Некоторые медицинские, гомилетические и литургические наблюдения

Vasilik V.V. About the illness and death of Vladimir Vasilkovich, Prince of Volhynia. Some medical, homiletic and liturgical observations .. 51

Прокоп Т.И. Администратор и военачальник Пётр Александрович Румянцев-Задунайский

Prokop T.I. Administrator and Military Officer Peter Rumyantsev-Zadunaisky 69

Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов

Fominyh S.F., Zinovuyev V.P. The magazine “Slavic Century” as a source for the history of the Rusins 83

Суляк С.Г. Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности

Sulyak S.G. The Rusins of Bessarabia in the 19th - beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers 95

Ахременко Д.А. Внутренние и внешние причины возникновения украинского национализма в России в XIX в.

Akhremenko D.A. Internal and external causes ukrainian nationalism in Russia in XIX century 116

Майор Р.І. Народовський рух на Закарпатті в 1860-х – 1918 рр.: генеза, розвиток та ідеологічні засади

Mayor R.I. The Populist Movement in Transcarpathia in 1860-1918: Genesis, Development and Ideological Background 132

Луцак В.Г. Положение женщины в русинской семье на Буковине в XIX – начале XX в.

Dushchak V.G. The position of women within ruthenian family in the XIX – in the early XX century 151

Дегтярев С.И. Бессарабия в составе Российской империи в первой половине XIX в.: по материалам Полного собрания законов Российской империи

Degtyarev S.I. Bessarabia within the Russian Empire in the first half of XIX century: on materials of Complete Collection of Laws of the Russian Empire 166

Пиддубный И.А. Реформування органів влади та здійснення заходів з уніфікації в умовах авторитарного режиму в Румунії у 1938-1939 рр. (на прикладі цинуту Сучава)

Piddubnii I.A. Reform of the administrative authorities and the implementation of measures to unify under the authoritarian regime in Romania in 1938-1939 (on the basis of Suceava Region) 182

Гордійчук С.О. Трудові депортації як важливий засіб радянзації Закарпатської України (1944-1946)

Gordiychuk S.O. Labor expulsion an important means of sovietization transcarpathian Ukraine (1944-1946) 203

ЯЗЫКОЗНАНИЕ / LINGUISTICS

Луцай Ю.В. Лексические заимствования из славянских языков в западноевропейских источниках XIII-XV вв.

Lushchay Y.V. Lexical borrowing from Slavic languages in West Europe sources XIII-XV centuries 214

Катунин Д.А. Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия

Katunin D.A. The Rusinian and Ukrainian languages in the current laws of Serbia 229

Резанова З.И., Шилияев К.С. Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование

Rezanova Z.I., Shilyaev K.S. Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian” in Russian discourse: a corpus study 239

УДК 94(4)

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/1

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ В КОНТЕКСТЕ ЕЁ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

М.И. Жих

Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар»
(Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
ORCID ID: 0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

Христианизация Волыни закрепила вхождение региона в состав Киевской Руси, способствовала переходу столичных функций от Волыни к Владимиру, структурной перестройке политической организации региона, в частности смене местных князей и их окружения представителями киевской администрации.

Ключевые слова: Волынь, христианство, язычество, Владимир, епископия.

Hristianization of the Volhynia in the context of its socio-political development

M.I. Zhikh

Public and scientific project
“Russian-German Historical Seminar” (St. Petersburg, Russia)
E-mail: max-mors@mail.ru,

Abstract

Hristianization Volhynia fixed entry of the region into structure of Kievan Rus, promoted transition of capital functions from Volhynia to Vladimir, restructuring of the political organization of the region, in particular change of local princes and their environments representatives of the Kiev administration.

Keywords: Volhynia, Christianity, paganism, Vladimir, espiskopiya.

В VI–X вв. Волынь была одним из важнейших политических центров славянского мира. В этом регионе существовали последовательно сменявшие друг друга мощные этнополитические союзы дулебов и волянян, отсюда исходили миграционные волны в соседние славянские регионы. Указанные факты нашли отражение в труде арабского историка ал-Мас'уди и в так называемом «Баварском географе» (Седов 1999: 41-50; Войтович 2006: 6-12; Жих 2008: 35-57).

По всей видимости, Волынь сохраняла независимость от Киева вплоть до конца X в. (Жих 2008: 43). Хотя дулебы упоминаются в «Повести временных лет» среди участников похода Олега на Византию в 907 г. (ПСРЛ. I: 29; ПСРЛ. II: 21), скорее всего, они были вставлены летописцем в этот список механически.

Константин Багрянородный не упоминает ни дулебов, ни волянян, ни бужан в числе пактиотов-данников киевских русов, указывая в качестве таковых лишь лендзян (Константин Багрянородный 1989: 45, 157), живших, очевидно, на западе Волыни (Жих 2008: 56-57. Прим. 100).

Из всех восточнославянских земель Волынь и Хорватия последними попали под власть Киева. Произошло это примерно одновременно с крещением Руси, которое представляло собой важный этап в рамках проводимой Киевом политики централизации завоёванных территорий Восточной Европы (Фроянов 2003).

Необходимость унификации религиозной жизни разных славянских (и не только) этнополитических союзов была осознана Владимиром сразу после захвата Киева. Первоначально он попытался решить её путём централизации и «огосударствления» язычества, создав центральные государственные святилища в Киеве и Новгороде. Процесс этот, однако, был в силу рыхлости славянского язычества и его привязанности к отдельным «племенам» очень сложен, и куда проще было перенести на Русь централизованную религиозную организацию в «готовом» виде, что и послужило основной политической причиной принятия Владимиром христианства.

Централизация Руси, активно проводившаяся Владимиром, рука об руку шла с христианизацией. Ликвидация местных «племенных» князей сопровождалась ликвидацией и местных культовых центров, а также местного жречества. И если, по справедливому утверждению В.В. Пузанова, «Юриковичи, в прямом смысле слова, утверждались на костях “племенных князей”» (Пузанов 2001: 31), то и православное духовенство утверждалось во многом «на костях» славянских волхвов. Соответственно, и для славянских этнополитических союзов борьба за независимость от Киева на рубеже X-XI вв. сливалась с борьбой за родную веру.

Под 981 г. «Повесть временных лет» сообщает о походе Владимира на Червенские города (ПСРЛ. I: 81; ПСРЛ. II: 69), а под 992 г. – о подчинении князем хорватов (ПСРЛ. I: 122; ПСРЛ. II: 106). Очевидно, что в ходе этих походов Волынь и оказалась под властью Киева. Вероятно, первое время после завоевания земли хорватов и волынян были административно объединены князем под властью основанного им Владимира-Волынского (Грушевский 1905: 362-363, 390).

Факт основания этого города Владимиром подтверждается самим названием: князь любил называть основанные им города своим именем (вспомним Владимир в Ростово-Суздальской земле и названный по его христианскому имени Василёв). Археологические материалы также свидетельствуют о возникновении Владимира-Волынского именно в конце X в. (Кучинко 1978: 23).

Основание этого города прекрасно вписывается в традиционную политику киевских князей со времён Ольги, создававших в покорённых восточнославянских землях свои опорные пункты в противовес древним местным центрам (Жих 2007). Именно такова была ситуация и с Владимиром, созданным как опорный пункт власти Киева в пику местному политическому и, вероятно, религиозному центру – городу Волыни.

В «Повести временных лет» Владимир-Волынский впервые упоминается в рассказе о наделении Владимиром своих сыновей княжениями. В нем говорится, что после смерти княжившего в Новгороде Вышеслава (конец X или начало XI в.) князь посадил в этом городе сына Всеволода (ПСРЛ. I: 121; ПСРЛ. II: 105-106). Это свидетельствует о том, что местные волыньские князья к тому времени были уже ликвидированы.

Новая столица региона в соответствии с описанной выше логикой киевского правительства неизбежно должна была стать и его религиозным центром. О поставлении в 6500 (992) г. киевским митрополитом Леонтом во Владимир-Волынский епископа Стефана говорится в Никоновской летописи (ПСРЛ. IX: 65). В «Истории Российской» В.Н. Татищева поход Владимира на Волынь и в Хорватию описан с рядом уникальных подробностей, отсутствующих в других источниках: «Владимир ходил по Днестру со двумя епископы, много людей научая, крести, и построил в земле Червенской град во имя своё Владимирь и церковь пресвятая Богородицы созда, оставя ту епископа Степана и возвратися с радостию» (Татищев 1963: 64). О.М. Рапов считал эти известия поздних источников достоверными и отражающими раннюю традицию (Рапов 1988: 350-353).

С общеисторической ситуацией они, безусловно, полностью стыкуются: для того чтобы добиться прочного политического един-

ства Руси, необходимо было объединить её религиозно, что могло обеспечить только создание централизованной церковной организации. Это должно было внести немалый вклад в подавление остатков независимости славянских этнополитий. Особенно это было актуально для только что завоёванных регионов. В этом плане создание епископии в недавно покорённых землях выглядит вполне логичным.

Христианизация Волыни закрепила вхождение региона в состав Киевской Руси, способствовала переходу столичных функций от Волыни к Владимиру, структурной перестройке политической организации региона, в частности смене местных князей и их окружения представителями киевской администрации.

ЛИТЕРАТУРА

Грушевский 1905 - *Грушевский М.С.* История України-Руси. Львів, 1905. Т. II. 634 с.

Войтович 2006 - *Войтович Л.В.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э. Начальные этапы формирования государственности // *Rossica antiqua*. 2006. СПб., 2006. С. 6-39.

Жих 2007 - *Жих М.И.* О некоторых аспектах «переноса» древнерусских родов // Новый взгляд. Международный сборник работ молодых историков. Тамбов, 2007. Т. 1. С. 37-40.

Жих 2008 - *Жих М.И.* О предыстории Волынской земли (VI – начало X в.) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2008. № 3-4 (13-14). С. 35-57.

Константин Багрянородный 1989 - *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.

Кучинко 1978 - *Кучинко М.М.* Средневековые города Побужья в свете летописных и археологических источников // Советское славяноведение. 1978. № 4. С. 22-30.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Никоновская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2000. 288 с.

Пузанов 2001 - *Пузанов В.В.* Главные черты политического строя Киевской Руси X-XI вв. // Исследования по русской истории : сб. статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова. Санкт-Петербург; Ижевск, 2001. С. 19-47.

Рапов 1988 - *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Мысль, 1988. 304 с.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Татищев 1963 - *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л.: Наука, 1963. Т. II. 352 с.

Фроянов 2003 - *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2003. 276 с.

REFERENCES

Grushevskiy 1905 – *Grushevskiy M.S.* Istoriya Ukraïni-Rusi [The History of Ukraine-Russia], Lviv, 1905, vol. II, 634 p. [in Ukrainian].

Voytovich 2006 – *Voytovich L.V.* Vostochnoe Prikarpat'e vo vtoroj polovine I tys. n.je. Nachal'nye jetapy formirovaniya gosudarstvennosti [East Prikarpatye in the second half of the 1st millenium AD. Initial stages of the statehood formation], *Rossica Antiqua. The Scientific Journal on the History of Old Russ [St. Peterburg]*, 2006, p. 6-39 [in Russian].

Zhikh 2007 - *Zhikh M.I.* O nekotorykh aspektakh “perenosa” drevnerusskikh gorodov [On some aspects of “transfer” of Old Russian cities], in: *Novyy vzglyad. Mezhdunarodnyy sbornik rabot molodykh istorikov [A New Look. International collection of articles by young researchers]*, vol. 1, Tambov, 2007, pp. 37-40 [in Russian].

Zhikh 2008 – *Zhikh M.I.* O predystorii Volynskoy zemli (VI – nachalo X v.) [On the background of the Volynsk earth (the 6th – early 10th centuries)], 2008, Nr 3-4 (13-14), pp. 35-57 [in Russian].

Constantine VII Porphyrogenetos 1989 – *Constantine VII Porphyrogenetos.* Ob upravlenii imperiey [On the Administration of the Empire], trans. from Greek. Moscow, Nauka Publ., 1989, 496 p. [in Russian].

Kuchinko 1978 – *Kuchinko M.M.* Srednevekovye goroda Pobuzh'ya v svete letopisnykh i arkheologicheskikh istochnikov [The medieval cities of Pobuzhya in as described in annals and archaeological sources], *Sovetskoe slavyanovedenie [Moscow]*, 1978, Nr 4, pp. 22-30 [in Russian].

Polnoe sobranie 1997 – *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. I. Laurentian Chronicle]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

Polnoe sobranie 1998 – *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. II. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. II. Hypatian Chronicle]*, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

Polnoe sobranie 2000 – *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. IX. Nikonovskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. IX. The Nikon Chronicle]*, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2000, 288 p. [in Russian].

Puzanov 2001 – *Puzanov V.V.* Glavnye cherty politicheskogo stroya Kievskoy Rusi X-XI vv. [The main features of the political system in Kievan Rus' in the 10th-11th centuries], in: *Puzanov V.V., Froyanov I.Ya. (eds.) Issledovaniya po russkoy istorii [Research on Russian History]*, St. Petersburg, Izhevsk, 2001, pp. 19-47 [in Russian].

Rapov 1988 – *Rapov O.M.* Russkaya tserkov' v IX – pervoy treti XII v. Prinyatie khristianstva [The Russkaya church in the 9th – early 12th centuries. Adoption of Christianity], Moscow, Mysl' Publ., 1988, 304 p. [in Russian].

Sedov 1999 – *Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'* [Old Russian nationality], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Tatishchhev 1963 – *Tatishchev V.N. Istoriya Rossiyskaya* [The Russian History], Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1963, vol. 2, 352 p. [in Russian].

Froyanov 2003 – *Froyanov I.Ya. Nachalo khristianstva na Rusi* [The Beginning of Christianity in Russia], Izhevsk, Udmurt University Publ., 2003, 276 p. [in Russian].

Жих Максим Иванович – историк (Санкт-Петербург, Россия), координатор общественно-научного проекта «Российско-немецкий исторический семинар».

Zhikh Maksim – historian (St. Petersburg, Russia), Coordinator of the Public and Scientific project “Russian-German Historical Seminar”.

E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 94(47).03

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/2

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ВОЛЫНИ И ГАЛИЧИНЫ: СПОРНЫЕ И НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

А.В. Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Scopus Author ID 55092108400

Researcher ID A-5985-2013

SPIN-код: 4584-2571

Авторское резюме

В статье рассматриваются спорные и нерешенные вопросы истории монгольского завоевания Галицко-Волынской Руси. Анализируются известия летописца Даниила Галицкого о взятии войсками Батые городов Берестья, Владимира-Волынского и Галича. На основании изучения сравнительно-исторических материалов автор приходит к выводу, что на Волыни и в Галиции монголы использовали прием, часто применявшийся ими ранее. Жителей покоренных городов принуждали выйти за пределы городских укреплений, где их подвергали жестокой расправе. В живых оставляли только молодых людей, пригодных для военной службы. Их забирали во вспомогательные войска (хашар) и в дальнейшем использовали на самых опасных участках боевых действий.

Ключевые слова: монгольское нашествие, Галицко-Волынская Русь, Берестье, Владимир-Волынский, Галич.

The Mongol conquest of Volhynia and Galicia: controversial and unresolved issues

A.V. Maiorov

St. Petersburg State University

7/9, University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Abstract

The author analyzes the controversial and unresolved issues of the history of the Mongol conquest of Galicia-Volhynian Rus. Analyzed news Chronicler Daniel Galitsky about taking troops of Batu city's Berestyie, Vladimir-Volhynian and Halych. Based on the study of comparative-historical materials, the author concludes that in Volhynia and Galicia, the Mongols used the techniques frequently used by them earlier. Inhabitants of conquered cities were forced to go beyond the city's fortifications, where they were subjected to brutal violence. In living allowed only young people, suitable for military service. They were taken into auxiliary troops (Hashar) and subsequently used in the most dangerous areas of combat operations.

Keywords: Mongol invasion, the Galicia-Volhynian Rus, Berestyie, Vladimir-Volhynian, Halych.

Монгольское завоевание Юго-Западной Руси обычно остается в тени других событий нашествия Батыя, заслоненное более яркими картинками летописных описаний разорения Рязани, Владимира-на-Клязьме, Чернигова или Киева (Майоров 2009: 311-326; Майоров 2012a: 33-94; Майоров 2012b: 43-113). Ранее в журнале «Русин» были опубликованы некоторые результаты наших исследований пребывания захватчиков в галицко-волынских землях и завершающего этапа Западного похода монголов (Майоров 2012c: 56-72; Майоров 2013b: 6-12). Теперь попробуем остановиться на выяснении обстоятельств обороны и падения важнейших городских центров Волыни и Галичины.

Верный своим обязательствам перед татарами, галицко-волинский князь Даниил Романович заблаговременно покинул территорию родной земли, не дожидаясь начала вражеского вторжения, и вернулся на Волынь только после того, как получил известие об уходе монголов за пределы Руси (Майоров 2013a: 53-77). Этим обстоятельством объясняется весьма своеобразный характер летописных сведений о завоевании татарами Галицко-Волинской Руси, представленных придворным летописцем Даниила (Майоров 2013c: 87-99).

Летописец Даниила Галицкого говорит о небывалом доселе нашествии степняков очень кратко и как бы мимоходом, все внимание сосредоточив на том, как счастливо избежали опасностей князь и его семья. Следы постигшего страну бедствия он отмечает лишь постольку, поскольку они попадались на глаза Даниилу, когда после ухода татар князь возвращался в нетронутый захватчиками Холм, проезжая через разоренные Берестье и Владимир.

Самому же нашествию татар княжеский летописец посвятил лишь пару строк: «И приде к Володимироу, и взя и копьемъ, и изби и не

щадя; тако же и град Галичь, инии грады многы, имже несть числа» (ПСРЛ 1: 786).

Пожалуй, ни в одном из дошедших до нас письменных памятниках, происходящих из любой другой русской земли, где велось собственное летописание и были созданы литературные произведения, посвященные Батыеву нашествию, мы не найдем столь беглого и невразумительного описания постигшей страну катастрофы.

Трудно избежать впечатления, что летописец Даниила Галицкого намеренно уходит от более подробного описания нашествия, ограничиваясь по необходимости только теми сведениями, которые не могли навредить репутации его князя.

Благополучно переждав вражеское нашествие в Мазовии, Даниил и Василько Романовичи повернули на родину. После неудачной попытки отбить утаплиеров пограничный город Дрогичин (Майоров 2014: 36-51) князья въехали в разоренные татарами русские земли. Первым на их пути оказался волынский город Берестье. По словам летописца, очевидно, лично сопровождавшего Романовичей и наблюдавшего все происходящее своими глазами, по прибытии в Берестье Даниил и Василько не могли выйти из города в поле из-за сильного смрада от множества неубранных тел погибших: «Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью, и не возмогоста ити в поле смрада ради и множьства избьеных» (ПСРЛ 1: 788; в Хлебниковском и Погодинском списках союз *и* после слова *ради* отсутствует, что делает более ясным смысл сообщения: Даниил и Василько не могли выйти из Берестья в поле «смрада ради множьства избьенных»).

Примечательно, что тела «множьства избьеных» находились не в самом Берестье, как можно было ожидать, а где-то в его окрестностях – «в поле». Сам же город не только не был уничтожен, но и, насколько можно судить, не понес значительных разрушений. К такому выводу приходят новейшие исследователи в результате изучения археологических памятников средневекового Берестья. «Во время раскопок, – пишет П.Ф. Лысенко, – не выявлено следов массового пожара и гибели города в слоях середины XIII в.» Отсюда, заключает историк, «наиболее вероятно предположение о том, что город не был взят и разрушен, а в его окрестностях произошла битва» (Лысенко 1985: 21; Лысенко 2007: 28).

Нельзя, разумеется, исключать, что под стенами Берестья могла произойти какая-то кровопролитная битва, о которой почему-то умалчивает летописец. Но кто мог участвовать в этой битве? Если иметь в виду защитников города, то что заставило их покинуть родные стены и выйти на бой с татарами в чистом поле, обрекая себя на смерть? Даже если представить, что массовая гибель берестян

«в поле» произошла вследствие неудачной вылазки, в которой участвовала большая часть населения, маловероятно, чтобы вооруженное сопротивление жителей монголы оставили без последствий для их города.

Насколько нам известно, описанная летописцем Даниила Галицкого массовая гибель берестян за городскими стенами – это единственный в своем роде случай, получивший отражение в летописных известиях о монгольском нашествии на Русь. Поэтому причины случившегося остаются невыясненными.

Чтобы яснее представить картину трагических событий, произошедших под стенами Берестья, на наш взгляд, следует присмотреться к некоторым известным фактам из истории монгольских завоеваний в Средней Азии и на Ближнем Востоке, иллюстрирующим регулярно применявшиеся способы подчинения городов и обращения с покоренным населением.

В феврале 1221 г. Чингисхану покорились жители Балха. «Затем, – сообщает Рашид ад-Дин, – под предлогом того, что нужно сосчитать [людей], монголы вывели все население Балха в степь и по своему обыкновению разделили между ратниками и всех перебили» (Рашид ад-Дин 1952: 218). Такая же судьба постигла жителей Бенакета, одного из хорезмийских городов: «На четвертый день население города запросило пощады и вышло вон [из города]... Воинов, ремесленников и [простой] народ [монголы] разместили по отдельности. Воинов кого прикончили мечом, кого расстреляли, а прочих разделили на тысячи, сотни и десятки» (Рашид ад-Дин 1952: 201). После двухнедельной осады в Хорасане монголы взяли город Насу. Жителей выгнали из города и приказали им крепко связать друг друга. После этого началась бойня: монголы перебили семьдесят тысяч обитателей Насы, «накормив ими диких зверей и птиц небесных» (Мухаммад ан-Насави 1973: 96-97).

Во время штурма Багдада в феврале 1258 г. хан Хулагу потребовал от халифа Абдуллаха аль-Мустасима: «Скажи, чтобы жители города сложили оружие и вышли, дабы мы произвели им счет». Когда это требование было исполнено, монголы устроили массовую бойню под стенами города: «Горожане толпами, сложив оружие, выходили, и монголы их убивали» (Рашид ад-Дин 1946: 44). В конце 1259 г. войска Хулагу подошли к сирийской крепости Харим. После недолгой осады «тамошние жители запросили пощады», намереваясь уйти из города. «По клятвенному договору они спустились вниз. Хулагу-хан очень гневался на них и приказал, чтобы их сразу с женами и детьми перебили...» (Рашид ад-Дин 1946: 50).

Даже если город сдавался монголам без всякого сопротивления, его жители должны были выйти в поле без оружия и покорно принять свою

судьбу. Однако в таких случаях, как правило, обходилось без массовых убийств. В апреле 1219 г. монголам без боя сдался хорезмийский город Джент. Выгнанных из него жителей девять дней держали в поле, пока шел грабеж города (Рашид ад-Дин 1952: 200; Джувейни 1958: 88-90). Когда Чингисхану сдались жители города Зарнука, всех их вывели за городские стены, молодых людей забрали в хашар (вспомогательные войска, использовавшиеся при штурме городов), а остальным разрешили вернуться домой, предварительно разрушив городскую цитадель (Рашид ад-Дин 1952: 204; Джувейни 1958: 98-100). Сдавшихся без боя жителей Нура вывели в поле, шестьсот юношей отобрали в хашар, а остальных заставили уплатить выкуп (Рашид ад-Дин 1952: 204-205; Джувейни 1958: 98-100).

Как видим, перед штурмом укрепленных городов монголы предлагали жителям сдаться и в знак покорности безоружными выйти из города. Никакие клятвенные обещания и гарантии безопасности в таких случаях не соблюдались: покоровшихся нередко ожидали смерть или плен. Только если город сдавался без всякого сопротивления, его жители могли сохранить жизнь и свободу. Взятые без боя города подвергались нещадному грабежу, но, как правило, избегали более масштабных разрушений.

Нет никаких сомнений в том, что подобная практика применялась захватчиками и на Руси. Проезжавший в 1245 г. через русские земли папский посланник в Монголию Джованни дель Плано Карпини отмечает в своих записках: «...когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле» (Плано Карпини 1957: 47).

В свете приведенных фактов убийство монголами жителей Берестья за пределами города позволяет думать, что в начале осады берестяне оказали какое-то сопротивление захватчикам, но затем были вынуждены покориться, безоружными вышли в поле, где и были убиты. Тот факт, что тела погибших несколько месяцев оставались неубранными (вероятно, до апреля 1241 г., когда после ухода татар Романовичи смогли вернуться из Польши), наводит на мысль, что все это время некому было их хоронить: берестяне были либо убиты, либо забраны в хашар.

Можно думать, что при схожих обстоятельствах монголами были захвачены и другие города Волынской земли, в том числе Владимир. Как и Берестье, стольный город Волыни почти полностью обезлюдел. Когда князь Даниил прибыл туда после ухода татар, «не бе бо на Володимере не осталъ живии». Правда, на этот раз непогребенные тела погибших горожан князь нашел не в поле под городом, а в городских храмах: «церкви святои Богородици исполнена троупья, иныа церкви наполнены быша троубья и телесь мертвых» (ПСРЛ 1: 788).

Эта трагическая картина, а также указание летописца, что Владимир был «взят копьем», по-видимому, свидетельствуют о штурме города монголами. Археологические данные как будто подтверждают этот вывод.

Насколько можно судить, более или менее явные следы сопротивления захватчикам обнаружены именно во Владимире-Волынском. Еще в 1930-х гг. на рыночной площади вблизи Киевских ворот при производстве земляных работ случайно была найдена братская могила со множеством лежавших в беспорядке скелетов с разбитыми черепами, отсеченными конечностями и остриями стрел в позвоночниках; здесь же находилось и поврежденное в бою оружие (Цинкаловский 1961: 165; Терський 2010: 46, 96). Весьма вероятно, что эти находки являются материальными свидетельствами штурма Владимира монголами в декабре 1240 г. Однако обстоятельства, при которых они были сделаны, исключают возможность точной датировки.

То же самое следует сказать и о найденных на территории средневекового Владимира-Волынского следах многочисленных пожаров: нет надежных оснований трактовать их как следствие штурма города татарами.

Не приходится говорить о тотальном разрушении города в середине XIII в. Большинство известных ныне древних владимирских храмов пережили татарское нашествие. Проезжавший через Владимир-Волынский Плато Карпини не отметил никаких следов разрушений, какие он наблюдал затем в Киеве: «этот город (*Киев*. – А.М.) был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов» (Плато Карпини 1957: 47).

Наконец, ошибочным, на наш взгляд, является разделяемое многими новейшими исследователями представление о массовых казнях, которым монголы подвергли непокорных защитников Владимира в отместку за их упорное сопротивление.

В разное время на территории города были найдены человеческие черепа со вбитыми в области темени и височных костей большими железными гвоздями. Такие черепа происходят из одиночных погребений и кладбищенских захоронений, располагавшихся близ древних церквей Владимира (урочища Апостольщина, Михайловец, Спащина) или под их сводами (урочища Федоровщина, Старая Кафедра); несколько черепов найдены в окрестностях города и в различных поселениях Владимирского уезда (Цинкаловский 1936: 33; Цинкаловский 1937: 223; Цинкаловский 1984: 99, 368).

В.В. Каргалов, ознакомившись с упомянутыми краниологическими материалами по одной из публикаций А.Н. Цинкаловского, пришел к мысли, что пробитые гвоздями черепа возникли вследствие массовых казней татарами защитников Владимира-Волынского: «...битва

за город была долгой и ожесточенной, и татары с большим трудом сумели его взять, подвергнув за это жителей страшным казням» (Каргалов 1967: 127).

Эта интерпретация прочно вошла в литературу. Вслед за Каргаловым большинство современных авторов видят в пробитых гвоздями человеческих черепах из Владимира следы массовых казней, совершавшихся монголами (Хрусталева 2008: 189; Кучинко 2009: 405; Карпов 2011: 105). Н.Ф. Котляр пишет, что, взяв город, татары «отомстили пленным, подвергнув их страшным пыткам и издевательствам». Нечто подобное, по мнению историка, ранее произошло в Киеве, где археологи также нашли черепа с вбитыми в них гвоздями (Котляр 2005: 256).

Между тем уже давно высказано более основательное, на наш взгляд, объяснение происхождения «волынских черепов», которого в свое время придерживались сам А.Н. Цинкаловский, а также Я.И. Пастернак (Пастернак 1961: 629). Пробивание черепа покойного гвоздем или железным зубом бороны – известный способ борьбы с заложными покойниками и упырями, особенно широко распространенный среди украинского населения, в частности на Волини и в Прикарпатье, и существовавший еще в XIX в. (Кузеля 1907: 109-124; Гузій 2007: 108).

Современные исследователи древнерусского погребального обряда относят сделанные в Киеве и Владимире-Волинском находки человеческих костяков с пробитыми гвоздями черепами к числу известных ныне городских захоронений, при совершении которых были приняты меры для обезвреживания покойников в соответствии с распространенными поверьями о вурдалаках и упырях (Панова 2004: 152).

Недавно были представлены новые доказательства происхождения «волынских черепов» вследствие древнего обычая борьбы местного населения с упырями (Мазур, Терський, Подоляка 2010: 302-317). Так, специальному краниометрическому исследованию был подвергнут один из найденных Цинкаловским черепов с вбитым в него гвоздем, хранящийся ныне в собрании Львовского исторического музея (КР 23497). По своим основным параметрам череп относится к волинскому антропологическому типу, т. е. принадлежал коренному жителю средневековой Волини. Характер имеющихся на черепе поврежденных однозначно свидетельствует, что они были причинены уже после смерти его обладателя (Мазур, Терський, Подоляка 2010: 311).

Ввиду приведенных фактов «волынские черепа» едва ли можно признать свидетельством длительного и упорного сопротивления жителей Владимира войскам Батыя. Тем более что применение монголами столь своеобразного способа умерщвления пленных

врагов, насколько нам известно, не подтверждается никакими другими данными.

О взятии монголами Галича – столицы державы Романа Мстиславича, за который его сыновья вели долгую и упорную борьбу, летописец Даниила Галицкого говорит как бы между прочим, не сообщая ничего, кроме названия города: он достался врагу в числе «иных градов многих».

Такое странное невнимание к судьбе стольного Галича, похоже, приводило в недоумение уже поздних летописцев, вызывая стремление дополнить повествование какими-нибудь подробностями, чтобы изобразить хотя бы самую общую картину падения города: «И потом приидоша до Галича, – читаем в Густынской летописи, – его же взяша и огнемъ сожгоша, а люди изсекоша, а иныхъ въ пленъ поведоша» (ПСРЛ 2: 119).

При нынешнем состоянии письменных источников едва ли возможно восстановить более полную картину. Подозрительное молчание о падении Галича древних русских летописей и отсутствие каких-либо упоминаний об этом в монгольских источниках заставляют думать, что захват города был заурядным событием, не оставившим повода отметить героизм его защитников или доблесть монгольских полководцев.

В момент татарского нападения в Галиче не было не только князя, но и какой-то части местных бояр, сопровождавших Даниила и его сына Льва в Венгрию и остававшихся там до ухода татар. Это обстоятельство, разумеется, не могло способствовать успеху обороны города.

Археологические исследования памятников средневекового Галича не выявили, как и во Владимире-Волынском, следов тотальных разрушений середины XIII в. Главный храм города – Успенский собор – и многие другие постройки пережили нашествие Батыя и были разрушены позднее (вследствие иных причин).

Новейший исследователь древнего Галича Б.П. Томенчук локализует его детинец на Крылосском городище (ныне село Крилос Галицкого района Ивано-Франковской области) (О дискуссиях по поводу локализации и территориальной структуры древнего Галича см.: Ляска 2008: 467-476). В центре городища располагался хорошо укрепленный княжеский замок площадью 7 га. «Нашими раскопками вокруг замка, – пишет историк, – исследованы мощные деревянно-земляные укрепления (III фаза), которые сгорели в середине XIII в.» (Томенчук 2008: 501). Сгорела также внешняя стена детинца, имевшая более сложную срубную конструкцию. «Данная оборонительная стена с жилищно-хозяйственными пристройками сгорела где-то в середине XIII в. и ныне фиксируется достаточно мощным слоем золы (0,3–0,7 м)» (Томенчук 2008: 515).

Сожжение детинца и княжеского замка как будто говорит о штурме. Однако, как известно, к таким мерам монголы прибегали и в случаях добровольной сдачи городов.

Следов массовой гибели населения города вследствие нашествия Батыея не выявлено. Тем не менее ясно, что середина XIII в. стала трагическим рубежом в истории города. Время его расцвета закончилось, и Галич постепенно вступил в период своего упадка. Можно констатировать значительное сокращение общего количества сделанных там археологических находок, относящихся ко времени после середины XIII в. (см.: Гончаров 1956: 61-67; Ауліх 2001: 146-151; Баран 2001: 70-74).

По всей видимости, вследствие захвата монголами Галич, как и другие города Юго-Западной Руси, лишился значительной части своего населения, которое было убито или забрано в хашар. Этих захваченных на Волини и в Галичине русских пленников мы затем видим в авангарде монгольских войск, начавших военные действия в Польше и Венгрии.

Так, по словам Яна Длугоша, впереди монгольских войск по польским землям шли русские отряды, указывая захватчикам дорогу: «Управляли их движением и показывали им путь некоторые русины, очень неприязненно относящиеся к полякам» («*Ruthenis quibusdam oppido Polonis infestis gressus eorum et itinera dirigentibus*» – Длугош 1873: 267). Фома Сплитский сообщает о русском перебежчике, предупредившем венгров перед решающей битвой с татарами на реке Шайо (11 апреля 1241 г.) о готовящемся обходном маневре врага: «Однако один перебежчик из рутенов перешел на сторону короля и сказал: “Этой ночью к вам переправятся татары, поэтому будьте настороже, чтобы они внезапно и неожиданно не набросились на вас”» (Фома Сплитский 1997: 107).

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

ЛИТЕРАТУРА

Ауліх 2001 - Ауліх В. Княжий Галич // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / Відп. ред. Я.Д. Ісаєвич. Львів, 2001. С. 146-151.

Баран 2001 - Баран В.Д. Княжий Галич в історії України // Український історичний журнал. 2001. № 4. С. 70-74.

Гончаров 1956 - Гончаров В.К. Древній Галич // Вісник Академії наук Української РСР. 1956. № 1. С. 61-67.

- Гузій 2007 - *Гузій Р.З* народної танатології: карпатознавчі розсліди. Львів, 2007.
- Джувейни 1958 - *Ala' al-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Tarikh-i-Jahan Gusha / Ed. M. M. Qazwini; Eng. transl. J.A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. I.
- Длугош 1873 - *Joannis Długossii*. Historiae Polonicae / Ed. A. Przewdzicki. Cracoviae, 1873. Т. II (*Joannis Długosz Senioris*. Opera omnia. Т. XI).
- Каргалов 1967 - *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
- Карпов 2011 - *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011.
- Котляр 2005 - *Котляр Н.Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н.Ф. Котляра. СПб., 2005.
- Кузеля 1907 - *Кузеля З.* Причинки до народніх вірувань з початком ХІХ ст. Упирі і розношене зарази // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1907. Т. 80. С. 109-124.
- Кучинко 2009 - *Кучинко М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в Х–ХІV століттях. Луцьк, 2009.
- Лысенко 1985 - *Лысенко П.Ф.* Берестье. Минск, 1985.
- Лысенко 2007 - *Лысенко П.Ф.* Открытие Берестья. Минск, 2007.
- Ляска 2008 - *Ляска В.* Планувальна структура Галича ХІ–ХІІІ ст.: історія досліджень // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2008. Вип. 12. С. 467-476.
- Мазур, Терський, Подоляка 2010 - *Мазур О., Терський С., Подоляка Т.* Археологічні, краніологічні та етнографічні відомості про боротьбу з упирями за княжої доби // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2010. Вип. 3. С. 302-317.
- Майоров 2009 - *Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2009. Т. LX. С. 311-326.
- Майоров 2012а - *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1 (5). С. 33-94.
- Майоров 2012б - *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 43-113.
- Майоров 2012с - *Майоров А.В.* Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2012. № 4 (30). С. 56-72.
- Майоров 2013а - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2013. № 1 (35). С. 53-77.
- Майоров 2013б - *Майоров А.В.* Последний рубеж Западного похода Батыя и Карпато-Дунайские земли // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2013. № 2 (36). С. 6-12.
- Майоров 2013с - *Майоров А.В.* «Двойные» известия Галицко-Волынской летописи // Русская литература. 2013. № 3. С. 87-99.
- Майоров 2014 - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и тамплиеры // Русин.

Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г.Суляк [Кишинев]. 2014. № 1 (35). С. 36-51.

Мухаммад ан-Насави 1973 - *Мухаммад ан-Насави*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1973.

Панова 2004 - *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004.

Пастернак 1961 - *Пастернак Я.* Археологія України: Первісна, давня та середня історія України за археологічними джерелами. Торонто, 1961.

Плано Карпини 1957 - *Джиованни дель Плано Карпини*. История монгалов / Пер. А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957.

ПСРЛ 1 - Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

ПСРЛ 2 - Полное собрание русских летописей. Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003.

Рашид ад-Дин 1946 - *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. А.К.Арендса. М.; Л., 1946. Т. III.

Рашид ад-Дин 1952 - *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. О.И. Смирновой; под ред. А. А. Семенова. Т. I, кн. 2. М.; Л., 1952.

Терський 2010 - *Терський С.* Княже місто Володимир. Львів, 2010.

Томенчук 2008 - *Томенчук Б.* Археологія городищ Галицької землі. Галицько-Буковинське Прикарпаття. Матеріали досліджень 1976-2006 рр. Івано-Франківськ, 2008.

Фома Сплитский 1997 - *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О.А. Акимовой. М., 1997.

Хрусталеv 2008 - *Хрусталеv Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига» (30-40-е гг. XIII в.). СПб., 2008.

Цинкаловський 1936 - *Цинкаловський О.* Княжий город Володимир. Львів, 1936.

Цинкаловський 1937 - *Цинкаловський О.* Матеріали до археології Володимирського повіту // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1937. Т. 154.

Цинкаловський 1961 - *Cynkatowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961.

Цинкаловський 1984 - *Цинкаловський О.* Стара Волинь і Волинське Полісся. Вінніпер, 1984. Т. I.

REFERENCES

Aulikh 2001 – *Aulikh V.* Knyazhiy Galich [Prince Galich], in: Galichina ta Volin' u dobu seredn'ovichchya. Do 800-richchya z dnya narodzhennya Danila Galits'kogo [Galicia and Volhyn in the Medieval], Lviv, 2001, pp. 146-151 [in Ukrainian].

Baran 2001 – *Baran V.D.* Knyazhiy Galich v istorii Ukraini [Prince Galich in the history of Ukraine], Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal [Kiev], 2001, Nr 4, pp. 70-74 [in Ukrainian].

Goncharov 1956 – *Goncharov V.K.* Drevniy Galich [Old Galich], Visnik Akademii nauk Ukraïns'koï RSR [Kiev], 1956, Nr 1, pp. 61-67 [in Ukrainian].

Guziy 2007 – *Guziy R.* Z narodnoi tanatologii: karpatoznavchi rozslidi [From folk thanatology: Carpathian research], Lviv, 2007 [in Ukrainian].

Dzhuveyni 1958 – *Ala' al-Din 'Ata-Malik Juvaini.* Tarikh-i-Jahan Gusha, ed. by M.M. Qazwini, trans. into English by J.A. Boyle. Manchester, 1958, vol. I.

Długosz 1873 – *Długosz J.* Historiae Polonicae, ed. by A. Przewdziecki, Krakow, 1873, vol. II.

Kargalov 1967 – *Kargalov V.V.* Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki [The factors of foreign policy in the development of feudal Russia. Feudal Russia and Nomads], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1967, 263 p. [in Russian].

Karpov 2011 – *Karpov A.Yu.* Batyy [Batu], Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2011, 345 p. [in Russian].

Kotlyar 2005 – *Kotlyar N.F.* Galitsko-Volynskaya letopis': Tekst. Kommentariy. Issledovanie [The Galician-Volhynian Chronicle. Text. Commentary. Research], St. Petersburg, Aleteya Publ., 2005, 421 p. [in Russian].

Kuzelya 1907 – *Kuzelya Z.* Prichinky do narodnikh viruvan' z pochatkom XIX st. Upiri i roznoshene zarazi [Notes on the folk beliefs of the early 19th century. Ghouls and diversity of contagion], Zapiski Naukovogo Tovaristva im. Shevchenka [L'viv], 1907, vol. 80, pp. 109-124 [in Ukrainian].

Kuchinko 2009 – *Kuchinko M.* Istoriya naseleण्या Zakhidnoï Volini, Kholmshchini ta Pidlyashshya v X–XIV stolittiyakh [The history of the population of Western Volhynia, Chełm Land and Podlasie in the 10th–14th centuries], Lutsk, 2009. [in Ukrainian].

Lysenko 1985 – *Lysenko P.F.* Berest'e [Berestyie], Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1985, 395 p. [in Russian].

Lysenko 2007 – *Lysenko P.F.* Otkrytie Berest'ya [The opening of Berestyie], Minsk, 2007 [in Russian].

Lyaska 2008 – *Lyaska V.* Planuval'na struktura Galicha XI–XIII st.: istoriya doslidzhen' [The planning structure of Galich in the 11th–13th: the history of research], in: Materiali i doslidzhennya z arkeologii Prikarpattya i Volini [Materials and research on the archeology of Subcarpathis and Volhynia], L'viv, 2008, iss. 12, pp. 467-476 [in Ukrainian].

Mazur, Ters'kiy, et al. 2010 – *Mazur O., Ters'kiy S., Podolyaka T.* Arkheologichni, kraniologichni ta etnografichni vidomosti pro borot'bu z upiryami za knyazhoï dobi [Archaeological, craniological and ethnographical data about the fight against vampires in the Middle Ages], in: Knyazha doba: istoriya i kul'tura [The epoch of princes: history and culture], Lviv, 2010, iss. 3, pp. 302-317 [in Ukrainian].

Maiorov 2009 – *Maiorov A.V.* Letopisnye izvestiya ob oborone Chernigova ot mongolo-tatar v 1239 g. (Iz kommentariya k Galitsko-Volynskoy letopisi) [The Chronicles of Chernigov defense against the Mongol-Tatars in 1239 (from the commentary to the Galician-Volhynian Chronicle)], in: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) RAN [The works of Old Russian literature Institute of Russian Literature (Pushkinskiy dom) RAS], St. Petersburg, 2009, vol. LX, pp. 311-326 [in Russian].

Maiorov 2012a – *Maiorov A.V. Povest' o nashestvii Batyya v Ipat'evskoy letopisi. Chast' pervaya* [The tale of the invasion of Batu in the Hypatian Chronicle, part one], *Rossica antique*, 2012, Nr 1 (5), pp. 33-94 [in Russian].

Maiorov 2012b – *Maiorov A.V. Povest' o nashestvii Batyya v Ipat'evskoy letopisi. Chast' vtoraya* [The tale of the invasion of Batu in the Hypatian Chronicle, part two], *Rossica antique*, 2012, Nr 2 (6), pp. 43-113 [in Russian].

Maiorov 2012c – *Maiorov A.V. Mongolo-tatary v Galitsko-Volynskoy Rusi* [The Mongol-Tatars in the Galician-Volhynian Rus], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2012, Nr 4 (30), pp. 56-72 [in Russian].

Maiorov 2013a – *Maiorov A.V. Daniil Galitskiy i "prints Tartar" nakanune nashestviya Batyya na Yuzhnyu Rus'* [Daniel of Galicia and the "prince of Tartar" before the invasion of Batu in South Russia], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2013, Nr 1 (31), pp. 53-77 [in Russian].

Maiorov 2013b – *Maiorov A.V. Posledniy rubezh Zapadnogo pokhoda Batyya i Karpato-Dunayskie zemli* [The last frontier of Batu's Western campaign and the Carpathian-Danube lands], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2013, Nr 2 (32), pp. 6-12 [in Russian].

Maiorov 2013c – *Maiorov A.V. "Dvoynye" izvestiya Galitsko-Volynskoy letopisi* ["Double" news of Galician-Volhynian Chronicle], *Russkaya literatura*, 2013, Nr 3 (33), pp. 87-99 [in Russian].

Maiorov 2014 – *Maiorov A.V. Daniil Galitskiy i tampliry* [Daniel of Galicia and the Templars], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2014, Nr 1 (35), pp. 36-51 [in Russian].

Mukhammad an-Nasavi 1973 – *Mukhammad an-Nasavi. Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny* [The life of Sultan Dzhahal ad-Din Mankburny], trans. from Arabian by Z.M. Bunyatova, Baku, Elm Publ., 1973, 450 p. [in Russian].

Panova 2004 – *Panova T.D. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov* [The kingdom of death. The funeral ceremony of medieval Russia in the 11th–16th centuries], Moscow, Radunitsa Publ., 2004. 180 p. [in Russian].

Pasternak 1961 – *Pasternak Ya. Arkheologiya Ukraïni: Pervisna, davnya ta serednya istoriya Ukraïni za arkheologichnimi dzherelami* [The archaeology of Ukraine: primeval, ancient and medieval history of Ukraine on archaeological sources], Toronto, 1961 [in Ukrainian].

Carpini 1957 – *Carpini G. Istorija mongolov* [History of the Mongols], translated by A.I. Malein, in: Shastina N.P. (ed.) *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Carpini i Rubruka* [the travel to Eastern countries by Plano Carpini and Rubruque], Moscow, Geographical literature Publ., 1957 [in Russian].

PSRL 1 – *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ipatievskaya letops'* [Complete Collection of Russian Chronicles (hereinafter – PSRL). Hypatian Chronicle], Moscow, 1998, vol. 2 [in Russian].

PSRL 2 – PSRL. *Gustynskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Goustynian Chronicle], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Rashid ad-Din 1946 – *Rashid ad-Din*. Sbornik letopisey [The collection of chronicles], trans. by A.K. Arends, Moscow, Leningrad, 1946, vol. III [in Russian].

Rashid ad-Din 1952 – *Rashid ad-Din*. Sbornik letopisey [The collection of chronicles], trans. from Persian by O.I. Smirnova, Moscow, Leningrad, 1952, vol. I, book 2 [in Russian].

Terskiy 2010 – *Terskiy S.* Knyazhe misto Volodimir [The city of Prince Vladimir], Lviv, 2010 [in Ukrainian].

Tomenchuk 2008 – *Tomenchuk B.* Arkheologiya gorodishch Galits'koï zemli. Galits'ko-Bukovins'ke Prikarpatya. Materiali doslidzhen' 1976–2006 rr. [The archaeological settlements of Galicia. Galician-Bukovynian Carpathians. Materials of research 1976–2006], Ivano-Frankivsk, 2008 [in Ukrainian].

Foma Splitskiy 1997 – *Foma Splitskiy*. Istoriya arkhiepiskopov Salony i Splita [History of the Archbishops of Split and Salons], trans. by O.A. Akimova, Moscow, Indrik Publ., 1997, 319 p. [in Russian]

Khrustalev 2008 – *Khrustalev D.G.* Rus': ot nashestviya do "iga" (30–40-e gg. XIII v.) [Russia: from invasion to 'yoke' (the 30–40-ies of the 13th century)], St. Petersburg, Eurasia Publ., 2008. 380 p. [in Russian].

Cynkałowski 1936 – *Cynkałowski A.* Knyazhiy gorod Volodimir [Vladimir, the city of the prince], Lviv, 1936 [in Ukrainian].

Cynkałowski 1937 – *Cynkałowski A.* Materiali do arkheologii Volodimirs'kogo povitu [Materials on the archaeology of Vladimir district], Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka [Lviv], 1937, vol. 154 [in Ukrainian].

Cynkałowski 1961 – *Cynkałowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego [Materials on the ancient history of Volhynia and Volhynian Polesye], Warszawa, 1961.

Cynkałowski 1984 – *Cynkałowski A.* Stara Volin' i Volins'ke Polissya [The ancient Volhynia and Volhynian Polesye], Winnipeg, 1984, vol. I [in Ukrainian].

Майоров Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Maïorov Alexander – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Museology of the Institute of History of the St. Petersburg State University.

E-mail: a.v.maïorov@gmail.com

УДК 94(47).03

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/3

АВСТРИЙСКИЙ «УЗЕЛ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО

М.В. Киселев

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург
Университетская набережная, 7/9
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

Авторское резюме

Участие Даниила Романовича, князя Галицко-Волынского, в войне за наследство Бабенбергов в середине 1250-х гг. предшествовал ряд эпизодов, имевших значение для истории внешней политики Галицко-Волынской Руси в целом и русско-австрийских отношений периода правления Даниила Романовича в частности. Одним из таких эпизодов была битва на реке Лейте 1246 г., в которой союзником венгерского короля Белы IV был неназванный «король Руси», который, согласно анналам монастыря святого Пантелеймона, сошелся в поединке с австрийским герцогом Фридрихом II Воинственным и победил его.

Ключевые слова: Даниил Галицкий, Бабенберги, Лейта, Фридрих II, Галицко-Волынская Русь, Бела IV, король Руси.

Austrian “Knot” in foreign policy of Daniel of Galicia

M.V. Kiselev

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

Abstract

Galician and Volhynian prince Daniel Romanovich's participation in the war for the Babenbergs' inheritance in the middle of 1250s was preceded by several episodes that have a value for history of foreign policy of Galician-Volhynian Rus' in general and for the Russian-Austrian relationships during the rule of Daniel of Galicia in particular. One of those episodes was the battle of the Leitha River in 1246, where an unnamed "king of Rus" was an ally to Bela IV, king of Hungary. This "king", according to the chronicle of St. Pantaleons' monastery, competed against Frederick II the Quarrelsome, the duke of Austria, and defeated him.

Keywords: Daniel of Galicia, Babenbergs, Leitha, Frederick II, Galician-Volhynian Rus', Bela IV, king of Rus'.

Почему Даниил Галицкий воевал в Австрии?

Исследователи Галицко-Волынской Руси обращали внимание на эпизод, связанный с участием Даниила Романовича в войне за наследство угасшей австрийской династии Бабенбергов. По данным летописи, в ходе противостояния Венгрии и Чехии за австрийские владения король Венгрии Бела «послал сказать Даниилу: "Пошли мне сына своего Романа, и я отдам за него сестру герцога и передам ему Немецкую землю"» (ПСРЛ 2: 275), после чего произошло бракосочетание Романа Даниловича и Гертруды Бабенберг, а затем Даниил присоединился к войскам Белы и князя краковского и сандомирского Болеслава V, воевавшим против чешского короля Пржемысла II Оттокара.

Этот эпизод стал предметом дискуссии среди российских, украинских, польских и венгерских историков (Котляр 2001; Dąbrowski 2001; Мика 2008). Многие недоумевали: почему Даниил ввязался в войну в далекой Австрии? М.С. Грушевский задается вопросом, зачем Даниилу было участвовать в «таком далеком и неинтересном для него деле» (Грушевський 1993: 75). Так полагает и Н.Ф. Котляр, называя «стратегическим просчетом» участие Даниила в этой войне (Котляр 2003: 140). При этом Котляр предполагает, что Даниил «мечтал об объединенном Русско-Австрийском государстве» (Котляр 2003: 140). Подобную точку зрения ранее высказывал В.Т. Пашуто, который утверждал, что Австрия была нужна Даниилу как «резерв для княжеской семьи» на время ордынской угрозы (Пашуто 1950: 258).

М. Бартницкий полагал, что главной причиной вмешательства Даниила в австрийский вопрос стал общий поворот внешней политики Галицко-Волынской Руси в сторону Запада после монголо-татарского нашествия (Bartnicki 2005: 188-189). Д. Домбровский и Л.В. Войтович считают, что данный политический ход Даниила сочетается с политическим курсом Белы IV, который предпочел бы

иметь на австрийском престоле сына своего русского союзника – это позволило бы Беле впоследствии решить свои давние территориальные споры с Австрией (Войтович 2011: 134; Dąbrowski 2012: 319). Войтович замечает, что Бела IV, заключая с Даниилом союз в 1246 г., помнил о его связях с Бабенбергами, а за помощь в утверждении Романа в Австрии венгерский король мог бы получить Штирию (Войтович 2011: 134).

А.В. Майоров отмечает, что выбор Гертруды не случайно пал на Романа Даниловича, так как у того были «сторонники в среде австрийской знати» (среди них были Генрих и Ульрих фон Хассбахи, Конрад фон Васербург, братья Пройсели, Оттон фон Майсау и другие) (Майоров 2011в: 650, 653). Точку зрения Майорова разделяет Л.В. Войтович, который не соглашается с мнением Домбровского о том, что галицко-волынский князь участвовал в войне за наследство Бабенбергов исключительно под влиянием и в интересах венгерского короля (Войтович 2011: 135-136).

А.В. Майоров подробно рассматривает участие Даниила в коалиции правителей в войне за наследство Бабенбергов (Майоров 2011а). Кроме того, исследователь показывает, что через свою мать, «княгиню Романовую», которую исследователь отождествляет с Евфросинией-Анной (Марией), дочерью византийского императора Исаака II Ангела, Даниил был родственником Фридриха II Воинственного, сына Феодоры Ангелины (Майоров 2011г; Майоров 2013а: 177-178).

В Мелькских анналах Феодора Ангелина названа «дочерью короля Греческого» (MGH SS 9: 506), хотя в одном из австрийских источников сказано, что она была «внучкой от дочери константинопольского императора» (Constantinopolitanī imperatoris ex filia neptem) (MGH SS 9: 590). Об этом писал Г. Шайбелрайтер (Scheibelreiter 2010: 278), а Д. Швеннике и А. Тиле полагали, что Феодора могла быть дочерью Иоанна Ангела, младшего брата Исаака II (Thiele 1993: 116, 204; Schwennike 1998: 39, 85).

Все эти обстоятельства делали притязания Романа на австрийское наследство весьма серьезными. Именно поэтому другие претенденты на Австрию – Премысл Оттокар и Бела IV – действовали против него осторожно, не с помощью силы, а при помощи уловок и уговоров (Майоров 2011в: 653).

В 1245 г. последний представитель мужской линии Бабенбергов, Фридрих II Воинственный, погиб в битве на реке Лейте. У герцога остались сестра Маргарита и племянница Гертруда, и отныне претенденты на австрийские земли стремились легализовать свои претензии путем заключения с наследницами Бабенбергов династических браков. Согласно Малой привилегии (Privilegium minus), полученной

в 1156 г. Генрихом II Австрийским от императора Фридриха I (Привилегия преобразовала австрийское маркграфство в герцогство и положила конец противостоянию австрийских Бабенбергов и баварских Вельфов (MGH SS 9: 504)), в случае отсутствия наследников мужского пола герцогский титул должен был передаваться по женской линии (MGH LS: 222).

В 1248 г. Гертруда дала согласие на брак с Германом Баденским, и 14 сентября того же года Герман был признан герцогом Австрии. Однако он не пользовался популярностью у австрийской знати. Согласно Мельским анналам, «лишь немногие вельможи Австрии его в этом поддержали» (paucis optimatibus in Austria faventibus eidem (MGH SS 9: 508)).

После смерти Германа Баденского о притязаниях на австрийскую корону заявил Пржемысл II Оттокар, сын чешского короля Вацлава (Венцеслава) I. Мать Оттокара Кунигунда, была внучкой византийского императора Исаака II Ангела и родственницей Феодоры Ангелины, матери герцога Фридриха II Воинственного (Zemlicka 1998), т. е. Оттокар уже состоял в родстве с Бабенбергами, но чтобы еще больше подкрепить свои права на престол он в 1252 г. женился на Маргарите Бабенберг (KLCР: 291; KLM: 289). Как сообщают Адмонтские анналы, еще до этого, в ноябре 1251 г., Оттокар, признанный австрийской знатью, вошел с войсками в Вену (MGH SS 9: 599).

Несмотря на это Гертруда не собиралась выбывать из борьбы за австрийские земли. В 1252 г., согласно Мельским анналам (продолжение хрониста монастыря Святого Креста), Гертруда «взяла в мужья короля Руси (*Романа Даниловича*. – М.К.) наперекор своей тётке, герцогине Австрии» (MGH SS 9: 643). На то, что главной целью Гертруды было возвращение власти в Австрии, указывает и венский хронист – составитель продолжения анналов венских братьев проповедников:

«1252. Госпожа Гертруда, вдова герцога Германа, через посредство короля Венгрии, взяла в мужья некоего из русских, желая назло своей тётке завладеть землями» (MGH SS 9: 727).

Однако, как справедливо замечает А.В. Майоров, «едва ли правильно думать, что в свой брак с Романом Мстиславичем Гертруда вступила единственно под давлением венгерского короля Бела IV» (Майоров 2011в: 650). Гертруда была достаточно самостоятельна в своих действиях: в 1245 г. она не согласилась стать женой императора Фридриха II (Lechner 1976: 298).

Вступив в брак с Гертрудой, Роман, таким образом, заявил о своих правах на Австрию, причем Пржемысл II Оттокар признал Романа своим «своёком» и предложил ему раздел австрийских земель, о чем свидетельствует летопись: «оставь короля Венгерского, ты мне родст-

венник и свояк, Немецкая земля будет разделена с тобой» («стави корола Оугорьского æко оужика ми еси и своæкъ земля Нъмцькаæк раздѣлена боудеть») (ПСРЛ 2: 279об.).

Летом 1253 г. в поддержку Романа Даниловича против Пржемысла II Оттакара выступили войска короля Венгрии Белы IV и его союзников – галицко-волынського князя Даниила Романовича, князя краковського Болеслава V и баварського герцога Оттона II, о чем свидетельствует чешская хроника Козьмы Пражского (KLCP: 565). Русско-польские войска вторглись в Моравию и подошли к городу Опаве, но этот поход закончился неудачно из-за противоречий между русскими и поляками (ПСРЛ 2: 275-276об.). Не получив поддержки, вскоре на Русь из Австрии бежал Роман Данилович, оставив в Австрии свою жену (MGH SS 9: 599, 727). Не преуспели и войска Белы IV, которые, несмотря на всю жестокость своих действий (KLCP: 291), потерпели поражение. Пржемысл II Оттокар сохранил титул герцога австрийского.

Однако война за наследство Бабенбергов – это не первый эпизод в русско-австрийских отношениях периода княжения Даниила Галицкого, а Даниил и австрийские Бабенберги имели длительную историю противостояния, одной из причин которого была династическая.

За что император Священной империи в 1237 г. платил «королю Руси»?

В 1240 г. император Священной Римской империи Фридрих II отдал распоряжение имперским министериялам в Италии, текст которого свидетельствует о том, что одному из венских купцов, Генриху Бревно, надлежит передать зерно для «покрытия затрат, которые он понес по нашему повелению за послов короля Руси в то время, когда мы пребывали в Вене» (Mandatum 1237: 677-678). Речь в документе шла о затратах в 500 марок.

На этот документ обратил внимание А.В. Майоров (Майоров 2011б: 180-181). Из документа видно, что во время своего пребывания в Вене император Фридрих велел выплатить довольно большую сумму некоему «королю Руси». Логично, что сумма, которую император обязывался выплатить, говорит о важности «заслуг» упомянутого «короля Руси» перед Фридрихом (Майоров 2011б: 181). В Галицко-Волынської летописи есть запись о намерении Даниила Галицкого помочь герцогу австрийского в борьбе с императором Фридрихом, однако разрешения на это князьям не дал король Венгрии: «в то время пошель бяше Фридрихъ цесарь на герцика (*Фридриха Воинственно-го. – М.К.*) войною, и восхотеста ити Даниль с братомъ Василькомъ герцикови во помощь, королеви же (*Бела IV. – М.К.*) възбранившоу има, возвратистася во землю свою» (ПСРЛ 2: 262 об.).

Император Фридрих II пребывал в Вене в начале 1237 г. Этому предшествовал конфликт императора с герцогом Австрии. Император Фридрих II в 1236 г. после нескольких отказов герцога Фридриха II Австрийского явиться на суд для рассмотрения выдвинутых против него обвинений объявил герцогу имперскую опалу, вскоре после чего немецкая армия вступила в Вену. Сам император был в австрийской столице до середины апреля (Майоров 2011б: 181).

Еще в XIX в. исследователи, работавшие с данным документом, отмечали, что «королём Руси» мог быть назван Даниил Романович (Regesta Imperii 1881: 442). Если соотнести текст документа с текстом летописи, получается, что Даниил Галицкий отказался от похода против императора, а вскоре получил от него же значительную денежную выплату. Вполне логично предположение Майорова о том, что это могла быть плата за переход галицко-волынского князя на сторону императора (Майоров 2011б: 183). Стоит отметить, что данный случай был не первым – в 1235 г. Фридрих, ведя войну с Генрихом (VII), своим мятежным сыном – герцогом Швабии и германским королём, переманивал его союзников на свою сторону при помощи имперской казны. Кроме того, сыграла определенную роль в данном случае и позиция Белы IV, союзника императора Фридриха. О венгерском короле летописец прямо сообщает, что он «запретил» князьям Даниилу и Васильку поддерживать герцога австрийского.

Видно, что интерес к австрийским землям возник у Даниила значительно раньше 1250-х гг. Причиной этого были родственные связи Даниила с Ангелами, к которым принадлежала мать Фридриха II Воинственного, герцога Австрии. Матерью Даниила также была византийская принцесса Евфросиния-Анна (Мария), которая была дочерью императора Исаака II Ангела (Майоров 2011г; Майоров 2013а). Если принять во внимание фактор кровного родства галицко-волынского князя и австрийского герцога, можно логично заключить, что и император, и венгерский король рассматривали (по крайней мере, могли рассматривать) Даниила как своего союзника в борьбе с Австрией и возможного кандидата на австрийский престол. Поэтому ни тот, ни другой не были заинтересованы в разрыве дружественных отношений с Даниилом Романовичем: Бела IV в 1237 г. оказывает Даниилу особые почести: «зовет его на честь» (ПСРЛ 2: 262об.), а император Фридрих одаривает его деньгами.

До 1235 г. кровное родство могло быть фактором, который определял дружественный настрой галицко-волынских князей относительно Австрии, но около 1235 г. произошел конфликт между герцогом и его матерью, в результате чего она вынуждена была бежать ко двору императора с жалобами на сына (Майоров 2011б: 185), что могло

повлиять на разлад в отношениях между Даниилом и Фридрихом Австрийским, а затем на создании союза Даниила с Белой, который был мужем Марии Ласкарины, византийской принцессы, двоюродной племянницы матери Даниила.

Важно отметить еще один документ из канцелярии императора Фридриха. Этот документ, адресованный чешскому королю Вацлаву (Венцеславу) I, свидетельствовал, что австрийский герцог Фридрих «приказал отобрать дары, посланные нам с послами герцогом Руси» (*xenia quoque, per ducem Rossiae nobis transmissa* (MGH LS: 272)).

В этом тексте есть свидетельство о контакте с послами некоего «герцога Руси», под титулом которого, по мнению Майорова, также «скрывается» Даниил Романович (Майоров 2011б: 184-185). То есть в 1235 г. в имперских документах упоминается еще «герцог», поддерживающий Фридриха Воинственного, а два года спустя – уже «король», поддерживающий императора. Очевидно, что присвоение королевского титула русскому правителю было свидетельством его особых заслуг либо начала союзных отношений с императором. Кроме того, если титулом «короля Руси» император действительно титулует Даниила Романовича, то таким образом он ставит его выше австрийского герцога по статусу, так как Фридрих Воинственный нигде не фигурировал с королевским титулом (Lechner 1976: 298). Видимо, не случайно королевский титул используется и в папских посланиях к Даниилу и его брату Василько начиная с 1246 г. (Майоров 2011д: 42-49).

Таким образом, титулование Даниила в имперских документах «королём», а также выплата 500 марок серебром могут свидетельствовать о заключении союза между Даниилом и императором Фридрихом или, по крайней мере, о складывании между двумя правителями дружественных отношений.

Д. Домбровский предлагает иную трактовку данного эпизода. Он пишет, что русское посольство могло прибыть ко двору императора вскоре после смерти короля Венгрии Андраша II, когда Даниил прибыл на коронацию Белы IV (Dąbrowski 2012: 189). Польский историк связывает этот и последующие контакты с тем, что Даниил не получил от своего сюзерена (венгерского короля) военной помощи для отвоевания Галича, что заставило его искать помощи у императора (Dąbrowski 2012: 190-191). Версия, приведенная В.Т. Пашуто (Пашуто 1968: 257) о том, что «герцогом Руси» мог быть назван князь Михаил Черниговский, в литературе не распространилась.

К сожалению, документ 1240 г. сейчас мало изучен. Пожалуй, работа Майорова – это первое полноценное исследование данного

документа. В. Нагирный (Nagirnyj 2011: 209) и ряд исследователей предшествующего периода (Bartnicki 2005: 96) рассматривали события 1235-1237 гг. исключительно в аспекте русско-венгерских отношений, современные работы позволяют взглянуть на эти события как на процесс формирования европейских военно-политических коалиций, в который включились и Бела IV с Даниилом Галицким.

Битва на Лейте: кто такой «король Руси»?

На этом эпизоде интерес Даниила к австрийским делам не заканчивается. Последующее участие галицко-волынского князя в войне между королем Венгрии Белой IV и герцогом австрийским Фридрихом Воинственным в 1246 г. и в войне за наследство Бабенбергов косвенно подтверждают тезисы о личном, «родственном», интересе Даниила в австрийском вопросе и опровергают предположение о союзе между Белой и герцогом Австрии.

15 июня 1246 г. на берегу реки Лейта произошло сражение между войсками венгерского короля Белы IV и герцога австрийского Фридриха II. Говоря о месте сражения, венгерский источник называет Нойштадт («sub Nova Civitate iuxta fluvium Saar»; Саар (Saar) – венгерское обозначение Лейты, Bécs-Ujhely – современное венгерское обозначение Винер-Нойштадта (Kezai Simon 1862: 24)). Впрочем, эта точка зрения не единственная, среди возможных мест сражения также называются Эбенфурт и Нойфельдт (Dienst 1971: 16-19). В этой битве австрийским войскам удалось одержать победу, но в сражении погиб герцог Фридрих. Обстоятельства гибели герцога Фридриха на Лейте до сих пор остаются предметом спора. Венгерские хронисты придерживались точки зрения, согласно которой Фридрих был убит венгерскими войсками («nostrorum prostratus armis») (Dienst 1971: 14). Мелькские анналы сообщают, что герцог был убит «уж не знаю, в результате какой случайности» («nescio quo casu miserabiliter occiditur» (MGH SS 9: 508)). Галицко-Волинский летописец, описывая битву, говорит о том, что герцог был убит собственными воинами (ПСРЛ 2: 273об.), о том, что герцог мог быть убит своими людьми говорит и зальцбургский хронист, хотя и не делает однозначного вывода («vel a suis vel a hostibus, sicut dubitatur, fuit interemtus» (MGH SS 9: 789)).

В хронике Магнуса Райхерсберга впервые называется имя убийцы герцога Фридриха – Генрих фон Хассбах («occiditur ut dicitur a pincerna de Habespach nomine Heinrico» (MGH SS 16: 529)).

Иная версия приводится в анналах кёльнского монастыря святого Пантелеймона. Согласно ей, с герцогом Фридрихом сошелся в поединке, в результате которого оба противника погибли, некий «король

Руси» (MGH SS 22: 541). На это обращали внимание исследователи, справедливо замечая, что русские летописи не дают ответа, кто же был тем самым «королем Руси».

Согласно А.В. Майорову, «королём Руси», участвовавшим 15 июня 1246 г. в битве на Лейте, был Даниил Романович Галицкий (Майоров 2012: 55). Свидетельство о гибели самого «короля Руси» в поединке А.В. Мартынюк объясняет «этикетными представлениями» средневековых хронистов, согласно которым «Фридрих Воинственный не мог погибнуть, не победив при этом врага» (Мартынюк 2013: 53).

Оппонентом Майорова выступает Домбровский, который утверждает, что «королем Руси» источник именует Ростислава Михайловича, зятя и союзника короля Белы IV (Dąbrowski 2007: 50-52). Д. Домбровский же утверждает, что Даниил не мог принимать участия в битве на Лейте (Литаве), так как не успел к этому времени даже вернуться из Орды. Он еще раз обращает внимание на отсутствие описания битвы в Галицко-Волынской летописи – основном источнике по деяниям Даниила Галицкого (Dąbrowski 2012: 272-273). Надо признать, что отсутствие описания героического поединка Даниила и Фридриха Воинственного (если таковой был) и описания участия Даниила в битве вообще представляется серьезным аргументом против версии об участии князя в сражении. Данное обстоятельство можно связать с отсутствием в это время в Галиче княжеского летописца Кирилла. Подробнее этот сюжет будет рассмотрен ниже.

Скептически к предположению об участии Даниила в битве на Лейте относится и В. Нагирный, который, основываясь на выводах Д. Домбровского и еще ранее М.С. Грушевского, приводит все те же два главных контраргумента: 1) Даниил не мог успеть поучаствовать в битве, так как еще не вернулся из Орды, и 2) Галицко-Волынская летопись не говорит об участии Даниила Романовича в битве (Nagirnyj 2011: 238), есть лишь описание сражения постфактум в связи с событиями 1253 г. (ПСРЛ 2: 275).

Густынская летопись свидетельствует в пользу версии участия Даниила в Лейтском сражении (ПСРЛ 40: 21). Впрочем, некоторые историки скептически относились к этой летописи (особенно к первой части, повествующей о событиях до 1300 г.): А.Е. Пресняков называл её «сомнительной по источникам компиляцией» (Пресняков 1953: 94), а М.В. Левченко – «весьма поздней компиляцией с притязаниями на учёность» (Левченко 1938: 213). Впрочем, надо отметить, что Густынская летопись – т. е. летопись Черниговского Густынского монастыря XVII в. – это не просто компиляция из разных источников, а оригинальный труд по древнерусской истории, автор которого

пользовался не только Ипатьевской, но и другими русскими и европейскими летописями и хрониками, которые были ему доступны и ссылки на которые он дает в тексте. Относительно описания битвы, взятого из Густынской летописи, Нагирный говорит, что летописец мог вполне перепутать и написать под 1246 г. о событиях 1253-1254 гг. (Nagirnyj 2011: 238), имея в виду войну за наследство Бабенбергов.

Л.В. Войтович не соглашается с Майоровым по поводу участия Даниила в битве на Лейте и убийства им герцога австрийского. Одним из аргументов исследователь называет то, что до 1247 г., пока Бела IV не пожаловал своему зятю Ростиславу Славонию, галицко-волынский князь не мог быть уверен в дружественных намерениях венгерского короля и в его отказе от претензий на галицкие земли (Войтович 2014: 54). Не менее вероятным можно считать и другое объяснение: сперва Бела отказался от претензий в пользу Даниила, союз с которым для предотвращения монгольской угрозы ему был выгоден, а затем в утешение дал своему зятю Славонию. Следует отметить также, что даже после получения Славонии Ростислав не отказывался от претензий на Галич, причем, признавал их и Бела, о чем свидетельствует титулование Ростислава уже в 1255 г. «князем Галицким».

Далее Войтович рассматривает вопрос о неназванном по имени «короле Руси», вновь вслед за другими историками повторяя то, что свидетельства участия князя Ростислава Михайловича в этой битве есть, а Даниила – нет (Войтович 2014: 56). Тем не менее он не приводит достаточно убедительных аргументов того, что «королём Руси» в источниках назван именно Ростислав – то, что тот продолжал титуловаться «князем Галицким» даже после ухода из Галича (Войтович 2014: 57), еще не доказывает, что западноевропейские хронисты считали его независимым правителем русского княжества (королевства).

Вопрос о битве на Лейте рассматривает и А.В. Мартынюк. Он критикует взгляды А.В. Майорова, говоря, что предположение о родстве матерей Даниила Галицкого и Фридриха Воинственного безосновательно, а следовательно, безосновательно и предположение об участии Даниила в битве на Лейте (сам этот факт исследователь называет «историческим фантомом») (Мартынюк 2013: 51). Далее Мартынюк приводит документ из канцелярии Белы IV 1255 г., согласно которому тот совершил пожалование родственникам некоего воина Андреаса, который в битве против Фридриха Австрийского «*по свидетельству* Радислава, князя Галиции, нашего любимого зятя» (Fejer 1829: 314), убил немецкого рыцаря, и делает из этого однозначный вывод: «королём Руси» в источниках назван Ростислав Михайлович, бывший князь Черниговский и Галицкий, зять Белы IV (Мартынюк 2013: 53). Однако в источнике мы видим очень четкую формулировку: «*по свидетельству*

Радислава, князя Галиции, нашего любимого зятя». То есть сказано, что Ростислав всего лишь сообщил Беле или каким-либо другим образом свидетельствовал о гибели некоего немецкого рыцаря. Более того, в данной грамоте к Ростиславу применяется титулование «*duxem Gallicie*» – «князя Галицкого», таким образом, даже тесть, король Бела, не называет князя «королём Руси».

Поэтому доводы Мартынюка можно было бы признать справедливыми только при условии предоставления твердых и обоснованных доказательств того, что Даниил в битве на Лейте не участвовал. Историк таких доказательств не приводит.

Кроме того, необходимо упомянуть и тот факт, что дочь Ростислава, внучка Бела, Кунигунда Славонская была замужем за герцогом Австрии и королем Чехии Пржемыслом Оттокар, а внучка Ростислава Агнесса была замужем за Рудольфом II из новой австрийской правящей династии Габсбургов. Следовательно, фигура Ростислава для летописцев габсбургского периода должна быть важна, так как он является родственником данной династии. Мартынюк же говорит, что средневековый австрийский анналист «мог записать в участники битвы любого русского союзника Бела IV» (Мартынюк 2013: 51). Скорее всего, что хронист все же упомянул бы имя Ростислава – предка австрийских герцогов из рода Габсбургов, если бы тот участвовал в битве и сыграл в ней важную роль. Отсутствие конкретизации как раз говорит в пользу версии об участии в сражении Даниила, не имевшего родственных связей с Габсбургами.

Также Мартынюк сравнивает действия Ростислава в битве под Ярославом 1245 г. и сражении на Лейте годом позже, находя в них общие черты («стремительную кавалерийскую атаку» князя Ростислава (ПСРЛ 2: 270)), он даже называет это «личным воинским стилем» Ростислава (Мартынюк 2013: 53). При этом исследователь, видимо, упускает из виду и другой момент, который заметен при анализе данного летописного свидетельства, – это убийство (захват и казнь) венгерского воеводы Фильнея (Фили) Даниилом Галицким в той же битве под Ярославом (ПСРЛ 2: 270об.), т. е. у Даниила тоже был, выражаясь терминологией Мартынюка, «личный стиль» – убийство предводителя вражеского войска (пусть даже не всегда честное, хотя момент с «убийством в спину» остается спорным). Аналогичный ход событий был и в битве на Лейте. Мартынюк предлагает собственную концепцию, где свидетельства рассмотренных источников представляются звеньями одной цепи; но при более подробном рассмотрении видно, что многие положения спорны, так как они не подкреплены твердыми аргументами, позволяющими разрешить все дискуссионные моменты.

Князь Ростислав Михайлович в 1245 г. был разгромлен в борьбе за Галич, а затем бежал в Венгрию и лишь в 1247 г. получил Славонию от своего тестя. Таким образом, к моменту битвы на Лейте Ростислав даже не владел землей и не представлял из себя важную фигуру. К тому же, как правильно отмечает Майоров, если бы Ростислав стал убийцей Фридриха Воинственного, в европейских источниках, скорее всего, было бы соответствующее уточнение, так как венгерский король был хорошо известен в Европе, и неизвестного русского короля – если бы им был Ростислав – европейские хронисты, скорее всего, определили бы как зятя короля Белы (Майоров 2012: 70). К тому же изгнанного из Руси князя, поступившего на службу к венгерскому правителю, едва ли стали бы воспринимать как суверенного правителя, равного королю по рангу.

Очень важен тот факт, что Фридрих, император Священной Римской империи еще в 1240 г. или даже ранее, признает Даниила «королём Руси», в то время как источников, подтверждающих подобное титулование Ростислава Михайловича до 1246 г., нет. Логичнее выглядит предположение о том, что подданные императора будут называть «королём» того, за кем данный титул признает сам верховный сюзерен. Упомянутая русского короля хроника монастыря Святого Пантелеймона – это имперская хроника, которая, скорее всего, будет титуловать Даниила так же, как это делает император.

1246 г.: успел бы Даниил вернуться из Орды и заключить союз с Венгрией?

А.В. Майоров подробно исследует данные, на которых основывались М.С. Грушевский и последующие историки при расчете времени пути Даниила из ставки Батыя в Венгрию. Он детально разбирает путь Даниила, описанный в источниках (включая вычисление суточной скорости всадника в Средние века), и доказывает, что Даниил мог успеть заключить союз с Белой и женить своего сына в Венгрии (Майоров 2012: 59-68).

Этот вопрос нужно рассмотреть подробнее. Многие историки, начиная с М.С. Грушевского, для расчета времени поездки и пребывания Даниила в Орде используют данные Галицко-Волынской летописи и записки папского посла Плато Карпини, согласно которым путь из Киева до ставки Батыя занял у папской делегации ровно 2 месяца (4 февраля – 4 апреля) (Карпини 1957: 70-71). Однако при расчетах времени пути, основанных на данных Плато Карпини, часто не учитывается, что время с 4 по 26 февраля папский посол потратил на поездку и посещение татарского военачальника Куремсы (Коренцы) (Карпини 1957: 67-70), без разрешения которого путь к Батыю про-

должить было нельзя (Майоров 2012: 58). Более того, делегация во главе с Плано Карпини ехала на подводах, в то время как движение всадника верхом занимало значительно меньше времени. Об этом говорит и сам Плано Карпини: «прежде чем нам попасть к Бату, двое из наших татар поехали вперед, чтобы передать ему все слова, которые мы сказали у Коренцы» (Карпини 1957: 70).

Летописные свидетельства XIII-XIV вв. позволяют установить примерную скорость передвижения всадника верхом в то время. Так, новгородское конное войско прибыло в 1380 г. в Тверь для соединения с Дмитрием Донским за «четыре или пять дней» (ПСРЛ 11: 23), т. е., преодолевая расстояние (между Тверью и Новгородом около 350 км) со скоростью не менее 70 километров в день (при пятидневном пути) или даже 87 километров (при четырехдневном). По словам А.Н. Кирпичникова, дневной переход всадника в XII-XIII вв. составлял около 50-60 километров, а иногда – значительно больше (Кирпичников 1971: 58). Б.А. Рыбаков, исследовав эпизод 1230 года, когда войска Даниила добрались из Холма в Галич на третий день, говорит о суточной скорости перехода конного воина в 78 километров; а в 1248 г., когда войска Василько Волынского на третий день добрались из Владимира-Волынского в Дрогичин (205 километров), суточная скорость была 68 километров (Рыбаков 1969: 354).

Из дома в путь Даниил отправился 26 октября – в день святого Дмитрия Солунского (ПСРЛ 2: 269об.) и пребывает в пути около двух месяцев, причем значительную часть этого времени он тратит на пребывание у Куремсы, а ранее – на остановку в Киеве и Переяславле.

Пробыв в ставке Батые 25 дней, Даниил выезжает обратно. При этом в марте 1246 г. князь встретился с Плано Карпини, о чем пишет сам папский посол: «Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Бату» (Карпини 1957: 81-82). О времени встречи можно судить по косвенным данным, но, безусловно, она произошла между «понедельником после первого воскресенья Четырнадцатницы» (т. е. 26 февраля), когда Карпини начал путь к Батю, и до «среды Страстной недели» (4 апреля), когда делегация прибыла в ставку хана (Карпини 1957: 70). Таким образом, скорее всего встреча Даниила и Карпини в низовье Дона (известно, что они встретились в ставке хана Картана, кочевавшего в нижнем течении Дона) произошла в начале или середине марта. Это время косвенно подтверждает и Галицко-Волынская летопись, в которую помещена вставка о походе на ятвягов Василько Волынского и Конрада Мазовецкого, произошедшем «той же зимой», что и поездка Даниила в Орду. Эта вставка в рассказ об ордынских делах Даниила обозначает

хронологически возвращение князя, произошедшее сразу после неудачного похода марта 1246 года (Грушевский 1901: 33; Майоров 2012: 62-63).

С минимальной скоростью в 68 километров в день Даниил Галицкий мог преодолеть путь от низовьев Дона до Холма (это около 1 000 километров) за 14-16 дней (Майоров 2012: 61). Современное расстояние (по автодорогам) от польского Хелма до Ростова-на-Дону составляет 1 463 километра, на его преодоление у всадника ушел бы 21 день. Очевидно, что на обратный путь Даниил потратил значительно меньше времени, так как ему уже не надо было останавливаться у Куремсы – Даниил уже имел ханскую грамоту, гарантировавшую ему защиту и свободный проезд. То есть он имел возможность передвижения со скоростью 60-70 километров в день, а значит, потратил на возвращение от 16 до 21 дня и мог вернуться к концу марта 1246 г.

Л.В. Войтович, не соглашаясь с выводами Майорова, считает, что зимой дорога из Орды пролегла через Чернигов и Рязань в обход Дикого поля, и, следовательно, Даниил должен был затратить значительно больше времени на этом пути (Войтович 2012: 58-59). Но это предположение учёного никак не подтверждается источниками.

Еще один аргумент, приводимый рядом исследователей, состоит в том, что в первой половине 1240-х гг. между Даниилом и Белой развернулась вражда – Бела был союзником своего зятя Ростислава Черниговского, которого поддерживал в борьбе за Галич (Майоров 2013б: 63-67). В 1245 г. черниговско-венгерские войска были разбиты Даниилом в сражении под Ярославом.

Но в том же 1245 г. вновь обострился конфликт между Белой и Фридрихом Воинственным. Этому непосредственно предшествовал съезд в Вероне, на котором император Фридрих II проводил переговоры с бывшим противником – герцогом Фридрихом (MGH SS 9: 559, 597). 17 июля 1245 г. в послании «Ad Apostolicae Dignitatis Apicem» (Bullar, Roman 1858: 510-516) папа Иннокентий IV объявил об отлучении императора Фридриха от церкви, а позднее, в августе того же года, освободил Белу IV от клятвы подданства, данной императору на время монгольского вторжения. Эти обстоятельства заставили императора искать поддержки, в частности австрийского герцога. Таким образом, положение герцога, овладевшего вскоре Крайной, укрепилось, что не нравилось соседним правителям: король Чехии Вацлав I был недоволен разрывом предварительного соглашения, согласно которому Гертруда, племянница герцога Фридриха, должна была стать женой его сына Владислава. Белу IV не устраивало то, что Фридрих Воинственный не отказывался от притязаний на приграничные венгерские комитаты.

Противостояние между королём и герцогом, по свидетельству Рогерия, началось еще в 1241 г., когда герцог Фридрих обманом заманил бежавшего после монгольского разгрома Белу в один из замков, пленил его и потребовал «вернуть некую сумму денег, которую, как он утверждал, король некогда у него отнял» (Рогерий 2012: 44). Чтобы выполнить условия герцога, Беле пришлось «расплатиться» тремя приграничными венгерскими комитатами. После этого, пользуясь отсутствием в Венгрии королевской власти, герцог Фридрих ввел в земли Белы войска и начал разорение венгров (Рогерий 2012: 45). В следующем году Бела организовал поход против Фридриха, вернув потерянные территории. Фридрих, как уже было сказано, после союза с императором в 1245 г. не отказался от притязаний на западные комитаты Венгрии, с чем и было связано вторжение в Австрию венгерских войск в 1246 г.

Ситуация вела к примирению между Даниилом и Белой, причем инициатором выступал именно последний. Ростислав Черниговский, зять Белы, после поражения под Ярославом более не представлял собой сильную военно-политическую единицу, Даниил же, напротив, укрепил свое положение в Юго-Западной Руси, более того, в 1245 г. он был признан ханом Батыем. Бела, несколько лет назад разгромленный Батыем на реке Шайо, опасался нового вторжения монгольских войск. Об этом говорит летописец, упоминая, что Бела «боялся Даниила, потому что тот был у татар, победил Ростислава и угров» (ПСРЛ 2: 271об.). В отличие от Даниила короля Белу Батый не признавал, что привело к возникновению угрозы нового нападения на Венгрию татар, теперь уже в союзе с Даниилом. Самому Беле не хватало средств на ведение новой войны с монголами, так как Венгрия оказалась разорена после их вторжения. Сперва Бела рассчитывал на то, что союзником в борьбе с монголами после захвата Галича станет Ростислав Михайлович. Но Ростислав был разбит Даниилом в битве под Ярославом, и королю пришлось мириться с бывшим противником. Пока Бела не обзавелся союзником на Востоке и не обезопасил себя от вторжения монгольских войск, он не мог вести войну с Австрией.

Всё это и привело к заключению мира и союза между двумя правителями. Более того, Бела пошел на некоторые уступки Даниилу, например он сопровождал Кирилла, ставленника Даниила, в Никею и способствовал утверждению того митрополитом (для чего использовал родственные связи жены, Марии Ласкарины) (Майоров 2012: 65).

Дальнейшие события (заключение мира и бракосочетание Льва Даниловича и Констанции, дочери Белы) должно было произойти в течение апреля – июня 1246 г. Летописец показывает, что все происходило очень быстро: события шли без перерыва, одно за другим:

«Тогда Даниил пошел, взяв с собой сына своего Льва и митрополита, пришел к королю в Изволин, и взял его дочь в жены сыну своему, и отдал ему взятых в плен вельмож, которых Бог отдал в его руки, когда он с братом победил короля у города Ярослава. Он заключил с ним мир и вернулся в землю свою» (ПСРЛ 2: 271об.). Это подтверждает то, что Бела спешил с поиском союзника для борьбы с Австрией. А.В. Майоров отмечает, что «после битвы на Лейте спешить было уже некуда» (Майоров 2012: 65). Кроме этого, он также указывает на важный факт, согласно которому город Изволин (ныне словацкий Зволен), где и был подписан мир, находится на полпути от Холма к городку Эберфурт, возле которого, как считается, произошла битва на реке Лейте (Майоров 2012: 68).

Таким образом, нет оснований датировать прибытие Даниила из Орды и заключение мира с Белой более поздним сроком (позже апреля – июня 1246 г.), а значит, нет оснований полагать, что Даниил не имел возможности принять участие в битве на Лейте. Более того, как союзник и отец зятя Бела IV (Льва Даниловича), признанный и императором, и ханом правитель, он имел все основания появиться там во главе большого русского отряда.

Почему нет упоминания о битве в Галицко-Волынской летописи?

Текстологический анализ «летописца Даниила Галицкого» А.Н. Ужанкова дает основания для объяснения отсутствия сообщения об участии Даниила в битве на Лейте. Исследователь подробно исследует проблему авторства первой редакции (до 1247) Галицко-Волынской летописи (Ужанков 2009: 325-356). На основании текста летописи он приходит к выводу, что авторство первой части принадлежит печатнику Кириллу – духовному лицу при дворе Даниила Галицкого (Ужанков 2009: 356), которого князь в начале 1240-х гг. назвал кандидатом на киевскую митрополичью кафедру. Это предположение весьма логично, так как первая редакция летописи (согласно выводам Ужанкова) заканчивается в 1246-1247 гг. известием о том, что Кирилл уезжает в Никею за благословением от патриарха.

Есть и другие варианты датировки редакций летописца Даниила Галицкого. Они принадлежат Л.В. Черепнину, В.Т. Пашуто, А. Генсьорскому и Н.Ф. Котляру. Черепнин выделял три редакции летописи: первую 1211 г. (о детстве братьев Романовичей), вторую, составленную между 1238 и 1245 гг. (цель второй редакции – подведение идеологической базы под «разгром» галицкого боярства), и третью – 1256-1257 гг. (целью которой была пропаганда борьбы с монголо-татарами) (Черепнин 1940: 228-253). При этом Черепнин

не объясняет, почему именно княжеский летописец использовался для указанных пропагандистских и идеологических целей, но, тем не менее, эти даты принимает безоговорочно.

В.Т. Пашуто, исследуя первую часть летописи (так называемую Галицкую летопись), называет её «Холмским сводом» и пишет о том, что данный летописный свод был составлен при холмской кафедре в 1246 г. (Пашуто 1950: 61-92). По словам учёного, на составление свода повлияли последние события – разгром противников в Ярославской битве и признание власти Даниила ханом Батыем, что позволило представить Даниила «великим князем “русской земли”, преемником власти киевских князей» (Пашуто 1950: 90). При этом Пашуто перечисляет целый ряд авторов, чьи рассказы могли лечь в основу летописного свода, а относительно печатника Кирилла учёный заявляет, что тот мог принимать «участие в летописной работе» (Пашуто 1950: 91-92), не конкретизируя степень данного участия.

А. Генсьорский выделяет четыре летописные редакции: 1234, 1266, 1285 и 1289 гг. (Генсьорский 1958), а автором первой редакции он называет не печатника Кирилла, а одного из галицких бояр – Иоанна Михалковича (Генсьорский 1958: 95-96). А.Н. Ужанков замечает, что Генсьорский не учитывает работы своих предшественников (Ужанков 2009: 294), более того, он не приводит доказательств причастности Иоанна Михалковича Скулы к составлению летописца (Ужанков 2009: 296).

Н.Ф. Котляр пишет о двух летописцах – летописце Даниила Галицкого и летописце Василько Волынського; первый, по его мнению, заканчивается известием о поездке Даниила в Орду в 1245 г. (Котляр 2006: 37). Относительно второй части летописи Котляр говорит, что у неё отсутствуют начало и конец, а первая запись, точно относящаяся к волынскому летописцу, датирована 1259 г. (Котляр 2006: 37-38). Котляр также утверждает, что летописец Даниила Галицкого изначально не планировался как цельное летописное произведение, а был составлен из нескольких не связанных друг с другом повестей (Котляр 1997: 164). При этом Котляр не учитывает литературных особенностей летописного повествования, периодически удивляясь «нарушению книжником последовательности событий» (Котляр 1997: 107) или «переплетению реальности с вымыслом» (Котляр 1997: 117) и упрекая летописца. Также Н.Ф. Котляр не объясняет, почему, по его мнению, княжеский летописец был составлен (или, по логике учёного, скорее, скомпилирован) именно в 1246 г.

А.В. Ужанков, чья точка зрения представляется наиболее обоснованной, так как она основана на результатах широкого текстологического анализа и сопоставления с другими источниками, отмечает, что

исследователи (Черепнин, Пашуто и Котляр) не зря называли 1245 и 1246 г. возможными годами смены автора летописи (Ужанков 2009: 306). Однако прежние авторы не смогли объяснить эту датировку, так как не связывали написание летописца с фигурой печатника Кирилла.

Кирилл отправляется в Никею вскоре после возвращения из Орды (Ужанков 2009: 335) и в Галицкую Русь уже не возвращается (Ужанков 2009: 337). Таким образом, Кирилл – автор летописца – отправляется в Никею, еще не зная об исходе битвы на Лейте, а затем летописание в Галиче ведет уже совершенно другое лицо, при этом возобновляется летописание только через 16 лет после отъезда Кирилла (Ужанков 2009: 356-357). О том, что Кирилл отправился в Никею до битвы на Лейте, свидетельствует и летопись, в которой Бела обещает содействовать Кириллу на его пути в Византию в обмен на его помощь в заключении мира с Даниилом («Кирилл-митрополит был послан Даниилом и Васильком для поставления на русскую митрополию. Когда он был у короля *(Белы. – М.К.)*, король словами его убеждал и многими подарками увещевал, говоря: “Проведу тебя к грекам с великой честью, если Даниил заключит со мной мир”» (ПСРЛ 2: 271об.)). Представляется весьма логичная картина – Кирилл способствует заключению мира между Белой и Даниилом, после чего отправляется в Никею, а Бела с Даниилом – воевать с Австрией.

А.Н.Ужанков говорит о том, что в первой части летописца нет ни одной ссылки на события, происходившие после 1247 г. (Ужанков 2009: 316), т. е. летописец, очевидно, работал не позднее этого года. В летописной статье о 1247 г. (в датировке летописи – 1251) рассказывается о смерти князя Конрада Мазовецкого, произошедшей 31 августа 1247 г., при этом автор предлагает ретроспективу событий 1247-1251 гг. – от смерти Конрада до похода Даниила на ятвягов («Умер великий князь ляшский Кондрат, который был славен и предобр. Горевали о нем Даниил и Василько. Потом же и сын его умер, Болеслав, мазовецкий князь, и оставил Мазовию брату своему Семовиту, послушав князя Даниила: потому что за ним замужем была его племянница, дочь Александра, по имени Настасья, которая потом вышла замуж за угорского боярина Дмитра. В тот же год Семовит сел в Мазовии. Послали к нему Даниил и Василько, говоря ему: “Ты видел от нас добро, так пойдем с нами на ятвягов”. И у Болеслава они получили помощь – воевод Суда и Сигнева, и собрались они в Дорогочине, и пошли, и перешли болота, и пришли в страну их» (ПСРЛ 2: 271об.-272)).

В следующей статье, по словам А.С. Орлова, и вовсе есть заимствования из «Хронографа» 1262 г. (Орлов 1926: 93-95), что прямо доказывает невозможность написания второй части летописи ранее. В летописной части после 1247 г. нет упоминаний о событиях,

происходивших ранее, за исключением только краткого известия о собственно битве на Лейте. Но и оно введено в летопись только для того, чтобы объяснить причину начавшейся затем войны за наследство Бабенбергов (Ужанков 2009: 316-317).

Это значит, что все события 1246-1262 гг. описывались летописцем по памяти, по слухам или по уже известным текстам (например европейским), в которых имя Даниила Галицкого не упоминалось, а также сообщалось о гибели австрийского герцога от руки кого-то из его собственного окружения.

Также важно отметить, что убийство герцога Фридриха австрийского, возможно, не было таким уж «подвигом» для Даниила Галицкого. Австрийский поэт – очевидец битвы – Ульрих фон Лихтенштейн прямо пишет, что русские напали на герцога «сзади и убили его в спину» (Ulrich von Liechtenstein 2000: 576-578). Так что вполне возможно, что подобное убийство не прославило бы Даниила Романовича. Кажется весьма убедительной версия, вытекающая из доводов Ужанкова, что летописец описывал указанные события уже через много лет после них.

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

ЛИТЕРАТУРА

Войтович 2011 - *Войтович Л.В.* Король Данило Романович. Біла Церква, 2011.

Войтович 2012 - *Войтович Л.В.* Князь Лев Данилович. Львів, 2012 (Славетні постаті середньовіччя. Т. I).

Войтович 2014 - *Войтович Л.В.* О некоторых спорных проблемах изучения Галицко-Волинской Руси времен Романа Мстиславича и Даниила Романовича (заметки о новейшей историографии) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2014. № 1 (35).

Генсьорский 1958 - *Генсьорский А.* Галицко-Волинський літопис (процес складання; редакції і редактори). Київ, 1958.

Грушевський 1901 - *Грушевський М.С.* Хронольоґія подій Галицко-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. ХLI.

Грушевський 1993 - *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ, 1993. Т. 3.

Карпини 1957 - *Иоанн де Плано Карпини.* История Монгалов / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957.

Кирпичников 1971 - *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Л., 1971. Т. III.

Котляр 1997 - *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (Источники, структура. Жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997.

Котляр 2001 - *Котляр Н.Ф.* Даниил Галицкий. Киев, 2001.

Котляр 2003 - *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003.

Котляр 2006 - *Котляр Н.Ф.* О возможной природе нетрадиционной структуры и формы Галицко-Волынской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2 (24).

Левченко 1953 - *Левченко М.В.* Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире // Византийский временник. М., 1953. Т. VII.

Майоров 2011а - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 32-52.

Майоров 2011б - *Майоров О.В.* Невідомий епізод 1237 року у взаєминах князя Данила Романовича з імператором Фрідріхом II // Княжа доба: історія і культура / Відп. ред. В. Александрович. Львів, 2011. Вип. 4.

Майоров 2011в - *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII-XIII вв. СПб., 2011.

Майоров 2011г - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46).

Майоров 2011д - *Майоров А.В.* Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев], 2011. № 3 (28). С. 42-49.

Майоров 2012 - *Майоров А.В.* «Король Руси» в битве на Лейте // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2012. № 3 (29).

Майоров 2013а - *Майоров О.В.* Ефросинія Галицька. Дочка візантійського імператора в Галицько-Волинській Русі: княгиня і черниця. Біла Церква, 2013.

Майоров 2013б - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2013. № 1 (31). С. 53-77.

Мартынюк 2013 - *Мартынюк А.В.* Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. №2 (52).

Орлов 1926 - *Орлов А.С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия отдела русского языка и словесности Академии наук. 1926. Т. XXXI.

Пашуто 1950 - *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пашуто 1968 - *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пресняков 1938 - *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1.

ПСРЛ 2 - *Полное собрание русских летописей* (далее - ПСРЛ). М., 1998. Т. II.

ПСРЛ 11 - ПСРЛ. М., 2000. Т. XI.

ПСРЛ 40 - ПСРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. XL.

Рогерий 2012 - *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А.С. Досаев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.

Рыбаков 1969 – *Рыбаков Б.А.* Военное искусство // Очерки русской культуры XIII-XV вв. Ч. I: Материальная культура / Под ред. А.В. Арциховского и др. М., 1969.

Ужанков 2009 – *Ужанков А.Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI-XIII веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Черепнин 1940 – *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1940. № 12.

Bartnicki 2005 – *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna ksecia Daniela Halickiego w latach 1217-1264. Lublin, 2005.

Bullar. Roman 1858 - *Bullar. Roman.* Turin, 1858. T. III.

Dąbrowski 2001 – *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne Lwa Daniłowicza z sąsiadami zachodnimi w latach 1264-1299/1301 // Галичина та Волинь в добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. Вип. 3.

Dąbrowski 2007 - *Dąbrowski D.* Stosunki pomiędzy Romanowiczami a królem Węgry Bełą IV i niektórymi książętami polskimi w latach 1235-1240 // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2007. □□□. 1.

Dąbrowski 2012 - *Dąbrowski D.* Krol Rusi Daniel. Biodrafia polityczna (ok. 1201-1264). Krakow, 2012.

Dienst 1971 - *Dienst H.* Die Schlacht an der Leitha 1246. Wien, 1971 (Militärhistorische Schriftenreihe, Hf. 19).

Fejer 1829 - *Fejér G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budaë, 1829. T. 4, V. 2.

Kezai Simon 1862 - *Kézai Simon* mester Magyar krónikája / ford. K. Szábo // Magyarország történetének forrásai., Áz Árpád-házi vezérek és királyok kora 889-1300. Pest, 1862. V. 1, pt. 3.

KLCP - *Kosmova* letopisu ceskeho pokrafovatele (Letopisy ceske od roku 1196 do roku 1278) / Ed. J. Emler // Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dejin ceskych vydavane z nadani F. Palackego. Praha, 1874. T. II.

KLM - *Kronika* Jana z Marignoly / Ed. J. Emler // Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dejin ceskych vydavane z nadani F. Palackego. Praha, 1882. T. III.

Lechner 1976 - *Lechner K.* Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Osterreich. 976-1246. Wien-Koln-Graz, 1976.

Mandatum 1237 - *Mandatum* ad Alexandrum, filium Henrici, ut Henrico Baumo de Vienna mercatori // Historia diplomatica Friderici Secundi: sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus; accedunt epistolae paparum et documenta varia / Ed. J.-L.-A. Huillard-Bréholles. Paris, 1860. V. 5.

MGH SS 9 - *Monumenta* Germaniae Historica. Scriptores (MGH SS) / Ed. G. Pertz. Hannoverae, 1851. T. IX.

MGH SS 16 - *MGH. SS.* Hannoverae, 1861. T. XVI.

MGH SS 22 - *MGH. SS.* Hannoverae, 1872. T. XXII.

MGH LS - *MGH.* Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / Ed. L. Weiland. Hannoverae, 1893. T. I.

Mika 2008 - *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach 1246-1278. Racibórz, 2008.

Nagirnyj 2011 - *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)-1205. Kraków, 2011.

Regesta Imperii 1881 - *Regesta Imperii.* Innsbruck, 1881. V.5: Jüngere Staufer 1198-1272 / Ed. J.Fr. Böhmer. Bd. I: Die Regesten des Kaiserreichs unter Philipp, Otto IV, Friedrich II, Heinrich (VII), Conrad IV, Heinrich Raspe, Wilhelm und Richard / Bearb. J. Ficker, E. Winkelmann. Abt. 1.

Scheibelreiter 2010 - *Scheibelreiter G.* Die Babenberger: Reichsfürsten und Landesherren. Böhlau, Wien, 2010.

Schwennike 1998 - *Schwennike D.* Europäische Stammtafeln. Neue Folge. Frankfurt-am-Main, 1998. Bd. II.

Thiele 1993 - *Thiele A.* Erzählende genealogische Stammtafeln zur europäischen Geschichte. Frankfurt-am-Main, 1993. Bd. I, tbd. I.

Ulrich von Liechtenstein 2000 - *Ulrich von Liechtenstein.* Frauendienst / Hrsg. von V. Spechtler. Klagenfurt, 2000.

Zemlicka 1998 - *Zemlicka J.* Tradice babenbersko-pfemyslovských manželských svazku // Cesko-rakouské vztahy ve 13 století. Praha, 1998.

REFERENCES

Voytovich 2011 – *Voytovich L.V.* Korol' Danilo Romanovich [King Daniel Romanovich], Bila Tserkva, 2011 [in Ukrainian].

Voytovich 2012 – *Voytovich L.V.* Knyaz' Lev Danilovich [Prince Lev Danilovich], Lviv, Institute of Ukrainian Studies, 2012, 184 p. [in Ukrainian].

Voytovich 2014 – *Voytovich L.V.* O nekotorykh spornykh problemakh izucheniya Galitsko-Volynskoy Rusi vremen Romana Mstislavicha i Daniila Romanovicha (zametki o noveyshey istoriografii) [On several disputable problems in studying Galician-Volhynian Rus' in times of Roman Mstislavich and Daniel Romanovich (notes about the latest historiography)], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2014, Nr 1 (35), pp. 52-63 [in Russian].

Gens'orskiy 1958 – *Gens'orskiy A.* Galits'ko-Volins'kiy litopis (protses skladannya; redaktsii i redaktori) [The Galician-Volhynian Chronicle (the process of compilation, editing and editors)], Kii, Academy of Sciences of Ukrainian SSR, 1958 [in Ukrainian].

Grushevskiy 1901 – *Grushevskiy M.S.* Khronologiya podiy Galits'ko-Volins'koï litopisi [Chronology of events in the Galician-Volhynian Chronicle], *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka* [Lviv], 1901, vol. XLI. [in Ukrainian].

Grushevskiy 1993 – *Grushevskiy M.S.* Istoriya Ukraini-Rusi [The History of Ukraine-Russia], Kii, 1993, vol. 3 [in Ukrainian].

Carpini 1957 – *Carpini G.* Puteshestvija v vostochoye strany Plano Karpini i Rubruka [Travel to the East by Plano Carpini and Rubruquis], trans. by A.I. Malein. Moscow, State Publishing House of Geographical Literature, 1957 [in Russian].

Kirpichnikov 1971 – *Kirpichnikov A.N.* Drevnerusskoye oruzhiye [The Weapon of Ancient Rus’], Leningrad, 1971, vol. 3 [in Russian].

Kotlyar 1997 – *Kotlyar N.F.* Galicko-Volynskaya letopis (Istochniki, struktura. Zhanrovyye i ideinye osobennosti) [The Galician-Volhynian Chronicle (Sources, structure. The genre and conceptual features)], in: Drevneyshije gosudarstva Vostochnoj Evropy. Materialy iissledovaniya [Ancient states of Eastern Europe. Materials and research], Moscow, 1997 [in Russian].

Kotlyar 2001 – *Kotlyar H.F.* Daniil Galitskiy [Daniel of Galicia]. Kiev, 2001 [in Russian].

Kotlyar 2003 – *Kotlyar N.F.* Diplomatiya Yuzhnoy Rusi [Diplomacy of Southern Rus’], St. Petersburg, Aleteya Publ., 2003, 300 p. [in Russian].

Kotlyar 2006 – *Kotlyar N.F.* O vozmozhnoy prirode netraditsionnoy struktury i formy Galitsko-Volynskoy letopisi [On the possible nature of a non-traditional structure and form of Galician-Volhynian Chronicle], Drevnyajya Rus’. Voprosy Medievistiki, Scholarly Journal [Moscow], 2006, Nr 2 (24) [in Russian].

Levchenko 1953 – *Levchenko M.V.* Vzaimootnosheniya Vizantii i Rusi pri Vladimire [The relationships between Byzantium and Rus’ under Vladimir], in: Vizantiyskiy vremennik, Moscow, 1953, vol. VII [in Russian].

Mayorov 2011 – *Mayorov A.V.* Daniil Galitskiy i Fridrikh Voinstvennyy: russko-avstriyskie otnosheniya v seredine XIII v. [Daniel of Galicia and Frederick the Quarrelsome: Russian-Austrian relationships in the middle of the 13th century], Voprosy istorii [Moscow], 2011, Nr 7, pp. 32-52 [in Russian].

Mayorov 2011a – *Mayorov A.V.* Nevidomiy epizod 1237 roku u vzaeminykh knyazy Danila Romanovicha z imperatorom Fridrikhom II [An unknown episode of the year 1237 in relations of prince Daniel Romanovich and Emperor Friedrich II], in: Knyazha doba: istoriya i kul’tura [The epoch of princes: history and culture, Lviv, 2011, iss. 4 [in Ukrainian].

Mayorov 2011b – *Mayorov A.V.* Rus’, Vizantiya i Zapadnaya Evropa: Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul’turnykh svyazey XII-XIII vv. [Rus’, Byzantium and Western Europe. On the history of international and cultural relations in the 12th–13th centuries], St. Petersburg, 2011 [in Russian].

Mayorov 2011c – *Mayorov A.V.* Daniil Galitskiy i nachalo formirovaniya kul’ta sv. Daniila Stolpnika u Ryurikovichy [Daniel of Galicia and formation of the cult of St. Daniel the Stylite at the Rurikids], Drevnyajya Rus’. Voprosy Medievistiki, Scholarly Journal [Moscow], 2011, Nr 4, pp. 32-51 [in Russian].

Mayorov 2011d – *Mayorov A.V.* Byl li Daniil Galitskiy koronovan papoy Innokentiem IV? [Was Daniel of Galicia crowned by Pope Innocent IV?], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2011, Nr 3 (25), pp. 42-49 [in Russian].

Mayorov 2012 – *Mayorov A.V.* “Korol’ Rusi” v bitve na Leyte [The “King of Rus’” in the Battle of Leitha River], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2012, Nr 3 (29), pp. 54-77 [in Russian].

Mayorov 2013 – *Mayorov A.V.* Efrosiniya Galits’ka. Dochka vizantiys’kogo imperatora v Galits’ko-Volynskiy Rusi: knyaginya I chernitsya [Yefrosinia of

Galicia. A daughter of the Emperor of Byzantium in Galician-Volhynian Rus': a princess and a nun], Bila Tserkva, 2013 [in Ukrainian].

Mayorov 2013a – *Mayorov A.V.* Daniil Galitskiy i “prints Tartar” nakanune nashestviya Batyya na Yuzhnyuyu Rus' [Daniel of Galicia and the “prince of Tartar” before the invasion of Batu in South Russia], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2013, Nr 1 (31), pp. 53-77 [in Russian].

Martynyuk 2013 – *Martynyuk A.V.* Knyaz' Rostislav v bitve na reke Leyte: “russkiy epizod” avstriyskoy istorii [Prince Rostislav in the Battle of Leitha river: the “Russian episode” of Austrian history], *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki*, Scholarly Journal [Moscow], 2013, Nr 2 (52), pp. 49-55 [in Russian]

Orlov – *Orlov A.S.* K voprosy ob Ipatyevskoy letopisi [On the question about Hypathian Codex], *Izvestiya otdela russkogo yazyka i slovesnosti Akademii Nauk*, 1926, vol. XXXI [in Russian].

Pashuto 1950 – *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi [Essays on the history of Galician-Volhynian Rus'], Moscow, AS USSR Publ., 1950, 327 p. [in Russian].

Pashuto 1968 – *Pashuto V.T.* Vneshnyaya politika Drevney Rusi [The foreign policy of Ancient Rus'], Moscow, Nauka Publ., 1968, 430 p. [in Russian].

Presnyakov 1938 – *Presnyakov A.E.* Lektsii po russkoy istorii [Lectures on Russian history]. Moscow, 1938, vol. 1. [in Russian].

PSRL 1998 – *Polnoye sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles (*further – PSRL*)]. Moscow, 1998, vol. 2 [in Old East Slavic].

PSRL 2000 – PSRL, Moscow, 2000, vol. 11 [in Old East Slavic].

PSRL 2003 – PSRL, St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003, vol. XL [in Old East Slavic].

Rogierius of Apulia 2012 – *Rogierius of Apulia.* Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami [A Sad Song about the destruction of the Kingdom of Hungary by the Tartars], trans. from Latin by A.S. Dosaev, St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2012, 300 p. [in Russian].

Rybakov 1969 – *Rybakov B.A.* Voennoe iskusstvo [The military art], in: *Artsikhovskiy A.V.* (ed.) *Ocherki russkoj kultury XIII-XV vv. Ch. 1: Materialnaya kultura* [The essays of Russian Culture, the 13th–15th centuries], Moscow, 1969. [in Russian].

Uzhankov 2009 – *Uzhankov A.N.* Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskikh pamyatnikov XI-XIII vekov [Problems of historiography and textology of ancient Russian monuments of the 11th – 13th centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009, 439 p. [in Russian].

Cherepnin 1940 – *Cherepnin L.V.* Letopisets Daniila Galitskogo [The Chronicler of Daniel of Galicia], *Istoricheskiye zapiski*, 1942, Nr 12 [in Russian].

Bartnicki 2005 – *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna ksecia Daniela Halickiego w latach 1217-1264 [International politics of Prince Daniel of Galicia in the years 1217-1264], Lublin, Wydawn, Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005, 251 p. [in Polish].

Bullar 1858 – Bullar Roman [Romanian papal bulls], Turin, 1858, vol. III.

Dąbrowski 2001 – *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne Lwa Danilowicza z sąsiadami zachodnimi w latach 1264–1299/1301 [Political relationships of Lev Danilovich with the western neighbors in the years 1264–1299/1301], in: *Galychina ta Volin w dobu sredniowichia. Do 800-richia z dnia narodzhennia Danila Galickogo.* Lviv, 2001, iss. 3 [in Polish].

Dąbrowski 2012 – *Dąbrowski D.* Krol Rusi Daniel. Biodrafia polityczna (ok. 1201-1264) [King of Rus' Daniel. The political biography (ca. 1201-1264)], Krakow, 2012 [in Polish].

Dąbrowski 2007 – *Dąbrowski D.* Stosunki pomiędzy Romanowiczami a królem Węgier Belą IV i niektórymi książętami polskimi w latach 1235-1240 [The relationships between the Romanids and king Bela IV of Hungary and some princes of Poland in years 1235-1240], in: *Kniazha doba: istoriya i kultura* [The epoch of princes: history and culture], Lviv, 2007, iss. 1 [in Polish].

Dienst 1971 – *Dienst H.* Die Schlacht an der Leitha 1246 [Battle of Leitha 1246], *Militärhistorische Schriftenreihe* [Wien], 1971, Nr 19 [in German].

Fejer – *Fejér G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis [Ecclesiastical and secular diplomatic documents of Hungary], Budae, 1829, vol. 4, V. 2 [in Latin].

Kezai 1862 – *Kézai S.* Magyar krónikája [Hungarian Chronicle], *Magyarország történetének forrásai, Áz Árpád-házi vezérek és királyok kora 889-1300*, Pest, 1862, vol. 1, Pt. 3 [in Hungarian].

KLCP 1874 – Kosmova letopisu ceskeho pokrafovatele (Letopisy ceske od roku 1196 do roku 1278) [Chronicle of Bohemians of Cosmas of Prague (Czech chronicles from 1196 to 1278)], ed. by J. Emler, *Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dejin ceskych* vydavane z nadani F. Palackego, Praha, 1874, vol. II [in Czech].

KLM 1882 – *Kronika Jana z Marignoly* [Chronicle of Giovanni de' Marignolli], ed. by J. Emler, *Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dejin ceskych* vydavane z nadani F. Palackego. Praha, 1882, vol. III.

Lechner 1976 – *Lechner K.* Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Osterreich. 976 – 1246 [The Babenbergs. Margraves and Dukes of Austria], Wien-Koln-Graz, 1976 [in German].

Mandatum 1237 – *Mandatum ad Alexandrum, filium Henrici, ut Henrico Baumo de Wienna mercatori* [Mandate to Alexander, son of Henry, and Henry Baumo, the merchant of Vienna], *Historia diplomatice Friderici Secundi: sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus; accedunt epistolae papparum et documenta varia*, ed. by J.-L.-A. Huillard-Bréholles, Paris, 1860, vol. 5 [in Latin].

MGH SS 9 – *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum* (MGH SS) [German History Documents (MGH SS)], ed. by G. Pertz, Hannover, 1851, vol. IX (in Latin).

MGH SS 16 – MGH SS, Hannover, 1861, vol. XVI [in Latin].

MGH SS 22 – MGH SS, Hannover, 1872, vol. XXII [in Latin].

MGH LS – *MGH. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum* [MGH SS. Law's section IV: charters and public instruments of emperors and kings], ed. by L. Weiland, Hannover, 1893, vol. I [in Latin].

Mika 2008 – *Mika N. Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278* [Struggle for the Babenberg's inheritance], Racibórz, 2008 [in Polish].

Nagirnyj 2011 – *Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1205* [International politics of Galician and Volhynian lands in 1198 (1199)-1205], Kraków, 2011 [in Polish].

Regesta Imperii 1198-1272 – *Regesta Imperii, Innsbruck, 1881, vol. 5: Jüngere Staufer 1198–1272, Bd. I, Abt. 1* [in Latin].

Scheibelreiter 2010 – *Scheibelreiter G. Die Babenberger: Reichsfürsten und Landesherren, Böhlau, Wien, 2010* [in German].

Schwennike 1998 – *Schwennike D. Europäische Stammtafel. Neue Folge, Frankfurt-am-Main, 1998, Bd. II* [in German].

Thiele 1993 – *Thiele A. Erzählende genealogische Stammtafeln zur europäischen Geschichte*. Frankfurt-am-Main, 1993, Bd. I, Tbd. I [In German].

Liechtenstein 2000 – *Liechtenstein U. von. Frauendienst. Klagenfurt, 2000* [in German].

Zemlicka 1998 – *Zemlicka J. Tradice babenbersko-přemyslovských manželských svazků* [Traditions of Babenberg-Přemyslid dynastic marriages], in: *Cesko-rakouske vztahy ve 13 Století, Praha, 1998* [in Czech].

Киселев Максим Викторович – аспирант кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Kiselev Maksim – Graduate Student of the Department of Museology of the Institute of History of the St. Petersburg State University.

E-mail: fasthedgehog@bk.ru

УДК 94(477)"1914/1917": 378.18

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/4

О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬКОВИЧА. НЕКОТОРЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ, ГОМИЛЕТИЧЕСКИЕ И ЛИТУРГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

В.В. Василик

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: fvasilik@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена ряду вопросов, связанных с болезнью и кончиной Владимира Васильковича.

Несмотря на кажущуюся неяркость личности, он был достойным правителем Владимиро-Волынского княжества и подлинным христианином на престоле. Его летописец епископ Евсигний особое внимание уделил его болезни и страстотерпческой кончине. Исходя из описания болезни князя, данного в «Летописце Владимира Васильковича», можно предположить, что князь болел остеомиелитом нижней челюсти, связанной с кариесом, или парадонтозом зубов нижней челюсти, из-за которого воспаление могло перейти на костную ткань, а затем и мягкие ткани нижней челюсти и гортани. В результате свищевого процесса разрушилась мандибула и обнажилась гортань, что привело к нарушению питания, сепсису и гибели больного.

Из «Летописца Владимира Васильковича» мы узнаем, что князь встретил кончину обдуманно и мужественно. «Книжник-философ» оказался прагматиком. Он передал в надежные руки свое княжество, раздал сокровища неимущим, пострадавшим от татар, и молитвенно подготовился к смерти через исповедь и причастие. Похвала Владимиру Васильковичу построена на «Слове о Законе и благодати» в силу как готовившейся канонизации князя, так и оправдания его «цесарского» статуса. Разночтения в цитатах со «Словом о Законе и благодати» имеют смысловой характер и адекватно отражают деятельность благочестивого князя, в том числе его храмо-строительную деятельность и проведение церковных соборов, вероятно, связанных с дисциплинарными проблемами. Предпричастная молитва князя основана на предсмертной молитве Давида Ростиславича, однако разночтение с ней говорит о князе

как о «Втором Иове» и являет его благодарение Богу за болезнь, связанное с особым православным пониманием человеколюбия и доверием Божественной державе.

Ключевые слова: болезнь, остеомиелит, свищевой процесс, смерть, исповедь, милостыня, завещание, молитва, похвала.

About the illness and death of Vladimir Vasilkovich, Prince of Volhynia. Some medical, homiletic and liturgical observations

V.V. Vasilik

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: fvasilik@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to a number of questions connected with the disease and the death of Vladimir Vasilkovich, Prince of Volyn. Vladimir, inspite of a seeming lack of brightness was a digny ruler of Vladimir Volyn principedom and a true Christian on the throne. His chronist bishop Eusignius paid a special attention to his disease and martial death. If we take in account the description of the disease given in the "Chronicle of Vladimir Vasilkovich" we may propose, that the prince was ill with osteomyelitis of mandibula, connected with caries or paradontosis of teeth of mandibula. It caused inflammation, which struck at first bone texture and then of mandibula and pharynx. Mandibula was destroyed in result of fistula process and pharynx opened, which caused the problems with nourishing, sepsis and death of the sick person.

We learn from the Chronicle of Vladimir Vasilkovich, that the prince met his death with dignity, reason and high spirit and fortitude. A philosopher and booker appeared to be pragmatic. He testamented his principedom to a digny inheritor, he distributed his treasures among the poor, who had suffered from the Tatars and he prepared himself to death through prayers, the confession and the Holy Communion. The Praise to Vladimir Vasilkovich is based on "The Sermon about the Law and the Grace" in virtue of both prepared canonization of Vladimir Vasilkovich and justification of his status as a czar. Varia lectiones in quotations from "The Sermon about the Law and the Grace" have semantic character and they reflect adequately activity of the pious prince - both building of the churches and assembling of Church councils, possibly connected with the problems of Church discipline. Vladimir Vasilkovich's prayer before the Holy Communion is based on the deathbed prayer of prince David Rostislavich, however different readings say about Vladimir Vasilkovich as a second Job. They also reveal his thanksgiving to the God for his

disease, connected with a special Orthodox understanding of philanthropia (kindness to men) and his faith to the Divine Power.

Keywords: diseases, osteomyelitis, fistula process, death, confession, alms, testament, prayer, panegyric.

К сожалению, человечество часто неблагодарно к достойным людям, предпочитая помнить преступников и разрушителей: мы помним Герострата, но не знаем имен строителей Эфесского храма. Это суждение отчасти применимо к благочестивому великому князю Владимиру Васильковичу (Котляр 1993: 140, 144; Котляр 2005: 28, 353), который по степени популярности среди современных историков намного уступает своему двоюродному брату Льву Даниловичу, прославившемуся неразумными и жестокими поступками (Котляр 2005). Между тем в нелегкие времена монгольских набегов и внутренней розни Владимир Василькович проявил себя как мудрый политик и достойный правитель княжества. Он смог сохранить единство Волынского княжества и оградить его от посягательств Льва Даниловича, вел активную внешнюю политику, поддерживал польского князя Конрада Мазовецкого, минимизировал ущерб от татарских набегов (Назаренко 2005: 724-725). Владимир Василькович прославился как строитель храмов и покровитель церкви, наконец, как добрый христианин, сумевший достойно встретить свою кончину. Его житие описано в части Галицко-Волынской летописи за 1272-1289 гг., называемой «Летописец Владимира Васильковича».

Сюжет болезни и смерти Владимира Васильковича не относится к числу достаточно востребованных в научном мире. Прежде всего это связано с трудностью диагностики его болезни. Без достаточных оснований исследователи считают, что он болел костным раком (саркомой) нижней челюсти (Котляр 2005: 354). Однако костный рак протекает стремительно, и больной погибает от него в течение нескольких месяцев, максимум через полгода. Между тем из Галицко-Волынской летописи известно, что болезнь Владимира Васильковича длилась в течение целых четырех лет и симптоматика ее отличалась от рака. Вот что сообщает летописец князя о его заболевании: «Князю же Володимеру Васильковичу великому, лежащу в болести 4 лѣта, болѣзнь же его сице скажемъ. Нача ему гнити исподняя ууствна первого лѣта мало, на другое и на третье болма нача гнити, и еще же ему не велми болну, но ходяшь и ездяшь на конѣ. Исходящу же четвертму лѣту и наставше зимѣ и нача болми немочи. И опада ему все мясо с бороды, и зуби исподнии выгниша вси, и челюсть бородная перегни. Се же бысть вторы Иевь... Пришедшу же ему от церкви и леже потомъ, вонь не вылазя. Но болми нача изнемогати. И опада

ему мясо все с бороды, и кость бородная перегнила бяшет, и бысть видети гортань. И не вокуша по семь недѣл ничегоже, развѣ единое воды и то же по скуду».

Другая точка зрения, выраженная в статье Федора Андрощука и Анны Чельстрем (Андрощук, Чельстрем 2006: 243-258), связана со сравнением Владимира Васильковича с Иовом (се бо бысть вторы Иевь). Они обращаются к болезни библейского страдальца, описанной в Книге Иова. В синодальном переводе мы читаем: «И отошел сатана от лица Господня и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его» (Иов. 2, 8). Однако еврейский термин «шехин», переведенный как «проказа», означает «воспаление, нарыв». Как кажется, ближе к истине греческий перевод Семидесяти толковников, который гласит:

«Ἐξῆλθεν δὲ ὁ διάβολος ἀπὸ τοῦ κυρίου καὶ ἔπαισεν τὸν Ἰωβ ἕλκει πονηρῶ ἀπὸ ποδῶν ἕως κεφαλῆς. καὶ ἔλαβεν ὄστρακον, ἵνα τὸν ἰχῶρα ξύη, καὶ ἐκάθητο ἐπὶ τῆς κοπρίας ἔξω τῆς πόλεως» («Вышел же диавол от Господа и поразил Иова язвой скверной (или нарывом скверным) от ног до головы, и взял он черепок, чтобы соскребать гной, и сел на гноище (навозную кучу) вне города» (Иов. 2, 9)). В славянском переводе стоит «и порази Иова язвою лютою» (Septuaginta 1955).

При проказе гной выделяется лишь на заключительных стадиях. Эта болезнь протекает несколько иначе, чем та, что описана в Книге Иова. Вероятно, праведный Иов болел кожным заболеванием, связанным с образованием свищей и выделением большого количества гноя. Существует специальный медицинский термин – синдром Иова. Как отмечают специалисты, при нем наблюдаются гиперчувствительность к золотистому стафилококку (*Staphylococcus aureus*), эозинофилия, дефекты гемотаксиса лейкоцитов, постоянные стафилококковые инфекции кожи (холодные абсцессы, дерматиты, кандидоз кожи и слоистых оболочек, другие инфекции) (Синдром Иова 2014).

Соответственно, по мнению Ф. Андрощука и А. Чельстрем, уподобление Владимира Васильковича праведному Иову может носить характер не только общего сравнения двух страдальцев, но и известного сходства протекания их болезни и конкретного диагноза. Однако мнение уважаемых коллег вряд ли может быть принято по следующим основаниям.

1. Из описания явствует, что очаг первоначального поражения был невелик и касался нижней губы. Он расширился лишь на второй год болезни и перешел на кость лишь на четвертый год. Между тем лепра характеризуется достаточно быстрым расширением пораженных участков.

Представим нашу гипотезу, возникшую при чтении литературы, а равно при общении со специалистами.

Из достаточно подробного описания болезни благочестивого князя можно сделать следующие выводы. Владимир Васильевич болел одонтогенным остеомиелитом нижней челюсти, связанным с пародонтозом или кариесом зубов нижней челюсти (Александров 1954: 1-25; Васильев 1972: 119-161). При неизбежно низком уровне стоматологической помощи в Древней Руси (Марчукова 2014) и не слишком большом внимании князя к своему здоровью воспалительный процесс мог перейти на костную ткань нижней челюсти. Известны случаи, когда при заболевании зуба образовывался абсцесс, который пробивался в мягкую ткань под нижней челюстью. При этом появляется свищ – трубчатая язва, способная перейти в язву расширенную (Галлеев et al. 1978: 34). Свищевой процесс может осложниться появлением наружных язв и отторжением не только пораженного зуба, не только части нижней челюсти, которая секвестрируется, но и перейти на мягкие ткани. По наблюдению врачей, в местах разрезов кожи или слизистой полости рта проявляются свищи с выделением гноя. Отграничение секвестров от окружающей здоровой кости сопровождается появлением грануляций из свищевых ходов. В области патологического очага челюсть уплощена, зубы подвижны. При зондировании свища обнаруживают неровные и шероховатые контуры секвестрирующейся кости. Однако процесс может быть торпидным, вялотекущим. Когда свищ пробивается наружу, то может присоединиться различная инфекция, способная перевести процесс в менее болезненную хроническую стадию. Если закрывается свищевой ход, то происходит ухудшение состояния, поднимается температура и т.д. Но прорыв происходит, и вновь наступает торпидная стадия, которая не мешает человеку заниматься обычными делами, например охотиться или управлять государством. При одонтогенном остеомиелите происходит обширное выделение гноя, запах которого ощущается присутствующими: «Нача ему гнити исподняя уустана первого лѣта мало, на другое и на третье болма нача гнити». Этот процесс может продлиться достаточно долго, несколько лет, однако при очередном обострении – закупорке свищевых ходов – может возникнуть горячий абсцесс. Присоединение более вирулентной инфекции может привести к летальному исходу.

Вполне реально то, о чем пишет ГВЛ: «и перегни бородная кость». При развитии разлитого деструктивного остеомиелита тела нижней челюсти может возникнуть патологический перелом. Так, по данным С.Н. Вайсблата, среди 437 больных с хроническим остеомиелитом нижней челюсти спонтанные переломы наблюдались у 25 из них, то есть у 5,7 % (Вайсблат 1938: 54). Разрушение мягких тканей привело к тому, что обнажилась гортань и больной лишился возможности

регулярно питаться. В современной ситуации, естественно, дело не доходит до столь запущенных случаев, однако в Средневековье это было вполне реально. Гниение «бородной кости» и мягких тканей могло привести к сепсису, от которого Владимир Василькович скончался через четыре года после начала процесса (Елисеев 2005).

Рассмотрим деятельность Владимира Васильковича во время болезни.

Во-первых, он принимает меры против захватнических настроений Льва Данииловича, который стремился после его кончины захватить Волынь и еще при жизни Владимира заявил об этом, послав к нему перемышльского епископа Мемнона: «Присла же потомъ ко Володимеру Левъ епископа своего перемышлескаго, именовъ Мемнона. Слуги же его повѣдаша ему: “Владыка, господине, приѣхаль”. Онъ же рече: “Который владыка?” Они же повѣдаша: “Перемышлеский. Бздить от брата ть ото Лва”. Володимѣрь же бѣ разумѣа древняя и задняя, на што приѣхаль посла по него. Он же воиде к нему и поклонився ему до землѣ, река: “Братъ ти ся кланяетъ”. И велѣ ему състи, и нача посольство правити. “Брат ти, господине, молвить: стрый твой Даниило король, а мой отецъ, лежить в Холмѣ у святѣй Богородици, и сыновѣ его, братья моа и твоя, Романъ и Шварно, и всихъ кости туто лежать. А нынѣ, брате, слышимъ твою немочь великую. Абы ты, брат мой, не изгасиль свѣчѣ надъ гробомъ стрыа своего и братьи своей, абы даль городъ свой Берестий – то бы твоя свѣща была”. Володимѣрь же бѣ разумѣа притѣчѣ и темно слово, и повѣстивъ со епископомъ много от книгъ, зане бысть книжникъ великъ и философъ, акого же не бысть во всей земли, и ни по немъ не будетъ. И рче епископу: “Брате, – рци, – Лве княже, ци без ума мя творишь, оже быхъ не разумѣль сей хитрости? Ци мала ть – рци – своя земля, оже Берестья хочешь? А самъ держа княжения три: Галичкое, Перемышльское, Бельзьское. Да нѣтути сыти! А се пакъ мой – рци – отецъ, а твой стрый лежить во епископыи и у святой Богородици в Володимерѣ, а много ль есь над нимъ свѣчѣ поставиль? Что есь даль который городъ, абы то свѣча была? Оже – рци – просиль еси живымъ, а уже пакъ мертвымъ просиши. Не дам не – реку – города, но ни села не возмешь у мене. Розумѣю я твою хытрость. Не дамъ”. Володимеръ же, одаривъ владыку, отпусти и, зане бысть не бываль у него николиже» (Котляр 2005: 165).

Мы не разделяем мнения Франклина (Franklin 2002: 223), а также Ф. Андрощука и А. Чельстрем (Андрощук, Чельстрем 2006: 253) относительно того, что слово «философ» в древнерусской литературе означало некую отчужденность, разрыв с действительностью. Книжник-философ, знающий «древняя и задняя»¹, оказывается отнюдь не книжным червем, не келейным мечтателем, а жестким практиком

и прагматиком. На него не оказывает должного впечатления сан епископа Мемнона: он уделяет ему должное почтение, богато одаривает как редкого гостя, но не поддается его просьбе. Притча Льва о заупокойной свече в память Даниила Галицкого, Романа и Шварна с намеком пожертвовать на их помин город Берестье нисколько его не трогает и не пробуждает никаких сентиментальных чувств и воспоминаний, а встречает должное трезвое и ироническое отношение.

Во-первых, мертвым города не нужны, пусть и на помин души: «Оже — рци — просиль еси живымъ, а уже пакъ мертвымъ просиши». («Хоть бы просил ты для живых, так уже и для мертвых просишь».)

Во-вторых, Владимир Василькович выстраивает параллельную символическую конструкцию: как в Холме, так и во Владимире есть церкви во имя Пресвятой Богородицы, во Владимире-Волынском лежит тело князя Василька Романовича – соправителя и помощника великого Даниила Галицкого, дяди Льва Даниловича. А между тем Лев не то что города и села, а, вероятно, совершенно ничего не пожертвовал на помин души своего стряя (дяди по отцу) Василька. Сама «притча» Льва связана с ктиторской практикой, согласно которой свечи (равно как ладан, хлеб и вино для евхаристии) доставлялись с доходов тех или иных сел или городов. Именно поэтому Владимир Василькович, возмущенный домогательствами Льва, резко отказывает ему. Некоторые историки упрекали князя в том, что он своим отказом не способствовал объединению галицко-волынских земель, однако это обвинение несостоятельно: Владимир Василькович заботился как о благе своих подданных, которым пришлось бы несладко под жестоким правлением Льва, так и о балансе сил в регионе, который неминуемо нарушился бы с соответствующими печальными последствиями и для Галицкого, и для Волынского княжества.

Характерна предусмотрительность, с которой он взял обязательство со своего наследника брата Мстислава ничего не отдавать племяннику Юрию из его наследия: «Посем же посла Володимѣрь слугу своего доброго вѣрного, именемъ Ратчьшю, ко брату своему Мьстиславу, тако река: “Молви брату моему: прислать — рци — ко мнѣ сыновѣчь мой Юрьи просить у мене Берестья, азъ же ему не даль ни города, ни села, а ты — рчи — не давай ничегоже”. И возьмь соломы в руку от постеля своее, рече: “Хотя быхъ ти — рци — братъ мой тотъ вѣхоть соломы даль, того не давай по моемъ животѣ никомуже”» (Котляр 2005: 161). Однако отметим, это же обязательство относилось и ко Льву. Вспомним, что «философом» назывался святой равноапостольный Константин (Кирилл), который был не только великим богословом и проповедником, не только великим филологом – создателем литературного церковнославянского языка и азбуки, но и великим политиком своего времени, способным

совершить невозможное – заставить Рим благословить византийскую миссию и богослужение на живом народном языке.

Безызвестный проповедник, названный в «Повести временных лет» философом, способствовал грандиозному духовно-политическому перевороту – крещению Руси.

«Философия по Христу»², отнюдь не подразумевает отчужденности, оторванности от земных дел, напротив, нередко она означает деятельное в них участие, если, конечно, это необходимо для спасения.

Автор Галицко-Волынской летописи подчеркивает, что Владимир Василькович встретил болезнь и смерть достойно и мужественно. Первое, что он сделал, – раздал большую часть имущества нуждающимся. «И розда убогим имѣние свое: все золото и серебро и камение дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряные, и свое, иже бяше по отци своемъ стяжалъ, все розда. И блюда великаа сребрянаа, и кубьки золотые и серебряные самъ передъ своима очима поби и поля в гривны. И мониста великая золотая бабы своей и матери своей все поля и розъсла милостыню по всей земли, и стада роздая убогимъ людемъ, у кого то коний нѣтуть, и тѣмъ, иже кто погибли в Телебузину рать» (Котляр 2005: 163).

С одной стороны, поступок Владимира Васильковича продиктован его благочестием и возможным желанием с помощью милостыни стяжать молитвы своих подданных о его здравии и спасении. С другой стороны, он имеет отчетливое социальное измерение: во время нашествия Телебуги, когда татары проходили через Волынь на завоевание Польши, многие волыняне лишились либо всего имущества, либо жизни, оставив семьи без кормильцев. По свидетельству Галицко-Волынской летописи, эти события осмыслились как великий гнев Божий: «Посла Богъ на насъ мѣчь свой, иже послужить гнѣву своему за умножение грѣховъ нашихъ. Идущу же Телебузѣ и Алгуеви с нимъ в силѣ тяжьцѣ, и с ними русѣи князи Левъ и Мьстиславъ, и Володимѣръ, и Юрьи Лвовичъ, инии князи мнозии. Тогда бяхуть вси князи русции в воли татарьской, покорени гнѣвомъ Божиимъ» (Котляр 2005: 153).

Раздача милостыни была обыкновенным и любимым делом святого князя, о чем упоминает и летописец, правда, цитируя, впрочем, уместно, «Слово о Законе и благодати»: «Къ сему же кто исповѣсть многие твоя и нещаныя милостыня и дивныя щедроты, яже ко убогимъ творяше и к сиротамъ, и к болящимъ, и ко вдовичамъ, и къ жаднымъ? И ко всимъ творяще милость требующимъ милости» (Котляр 2005: 165). Однако здесь необычайные размеры раздачи и ликвидация большей части казны связаны не только с болезнью князя, но и с общественным бедствием, требовавшим чрезвычайных вливаний финансовых средств.

Может возникнуть вопрос: почему князь приказал перелить кубки и блюда, а также мониста, а не продал их? Ведь при переливке теряется цена работы, ювелирное изделие ценится лишь на вес. Здесь возможно несколько ответов.

Первое: князь поступает так в силу того, что на этих блюдах и кубках, а также монистах находились священные изображения³.

Соответственно, он поступает в духе православной канонической практики, освещенной, в частности, в «Номоканоне» Фотия, согласно которой для помощи голодающим допустима была продажа священных сосудов. Но для этого необходимо было их перелить, благочестиво ликвидировав священное изображение и сакральный статус сосуда⁴. Есть и второе объяснение: сами княжеские сокровища обладают неким сакральным содержанием, и для того чтобы они перешли в пользование другого, должны измениться, пройти через огонь⁵. Однако, на наш взгляд, наиболее вероятно следующее объяснение. Из-за обеднения княжества для таких сокровищ не находилось внутренних покупателей, а татарские нашествия нанесли по торговым связям удар, достаточно сильный для того чтобы исчез внешний спрос на столь редкие и дорогие товары. Для раздачи драгоценностей иного пути, кроме переплавки, очевидно, не было.

Характерно, как осмысливается милостыня Владимира Васильковича в летописи благодаря цитате из «Слова о Законе и благодати»: «Слышалъ бо бѣ глас Господень ко Навьходъносору царю: “Свѣтъ мой да будетъ ти вгоденъ и неправды твоя щедротами нищихъ”; еже слыша ты, о честниче, дѣломъ сконча слышаное: просящимъ подаа, нагыя одѣвая, жадныя и альчныя насыщая, болящимъ всяко утѣшение посылая, долъжныя искупая. Твоя бо щедроты и милостыня нынѣ во человецѣхъ поминаемы суть, паче же предъ Богомъ и ангелы его. Еяже ради добропрелюбныа Богомъ милостыня и много деръзновенье имѣеши к нему, яко присный рабъ Христовъ. Помогаетъ ми словесы реки: “Милость хвалиться на судѣ, милостини мужю, акы печать с нимъ”. Вѣрние же самого Господа глаголь: “Блаженни милостивии, яко тѣи помиловани будутъ”. Ино же яснѣе и вѣрние послушество приведемъ о тебе отъ святыхъ псаний, реченое Яковомъ апостоломъ, яко: “Обративы грѣшника от заблуждения путии его спасеть и душу, и покрыеть множество грѣховъ”».

Летописец практически ничего не изменил в цитате из «Слова о Законе и благодати» и соответственно в характеристике, данной митрополитом Иларионом св. князю Владимиру, для которого креститель Руси равен в своей славе и святости апостолам: «Хвалить же похвальными гласы Римскаа страна Петра и Паула, има же вероваша въ Иисуса Христа, сына Божиа; Асия, и Ефесь, и Пафмъ – Иоанна Бого-

словца; Индия – Фому, Егупеть – Марка. Вся страны, и гради, и людие чтуть и славят коегождо ихъ учителя, иже научиша я православней вере. Похвалимъ же и мы по силе нашей малыими похвалами великаа и дивнаа сотворшааго, нашего учителя и наставника великааго кагана нашеа земли Володимера...».

Следует вспомнить, что «Слово о Законе и благодати» как литературный источник впервые использовано в житии Стефана (Симеона) Немани, основателя «светородной» династии Неманичей. Отметим, что Стефан Первовенчанный относится к своему отцу как к святому, прославленному многими чудесами и аскетическими подвигами. Соответственно, то, что для прославления святого Симеона Немани избирается «Слово о Законе и благодати», косвенно указывает и на признаваемую святость св. князя Владимира (Даничић 1866: 34).

В еще большей степени это относится к князю Владимиру Васильковичу. Отметим, что повесть о его болезни и смерти, по замыслу ее создателей и заказчиков, могла мыслиться как пролог к его канонизации. Об этом свидетельствует, во-первых, агиографический канон характеристики князя, исполненного всех христианских добродетелей: «Кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мьздоимѣць, не лживъ, татьбы ненавидяше, питья же не пи от возраста своего. Любь же имѣяше ко всимъ, паче же и ко братьи своей, во хрестьном же челованьи стояше со всею правдою истинною, нелицемѣрною, страха же Божия наполненъ, паче же милостыни предлежае, монастыря набдя, черньць утѣшаа и вси игуменъ любью приимая. И монастыря многи созда, на всь церковный чинъ и на церьковники отверзль ему бяшетъ Богъ сердце и очи, иже не помрачи своего ума пьянствомъ, кормитель бо бяшетъ черньцемъ и черничамъ, и убогимъ, и всякому чину, яко возлюбленный отцемъ бяшетъ». Нисколько не сомневаясь в историчности свидетельств летописца, в особенности относительно крестоцелования, отметим, что эти черты достаточно типичны для агиографического повествования. Не оставляет он в стороне, однако, и воинские достоинства князя: «И ловечь хитръ хороборъ». Христианские добродетели князя мирно уживаются с дружинными и воинскими: «Мужьство и умъ в немъ живяше, правда же и истина с нимъ ходяста, инога добродѣанья в немъ много бѣаше, гордости же в немъ не бяше, зане уничижена естъ гордость предъ Богомъ и человѣкы, но всегда смиряше образъ свой скрушенымъ сердцемъ, и въздыхание от сердца износя».

Во-вторых, рассказ об обретении тела Владимира Васильковича недвусмысленно говорит о нетленности его тела и намекает на его святость. Как сообщает «Летописец Владимира Васильковича», с декабря по апрель рака с его телом стояла «незамазанна», а затем в

присутствии вдовы князя, епископа Владимиро-Волынского Евсигния и «всего клироса» была открыта и «видиша тело его цело и бело, и благоухание отгроба бысть и воня, подобна арапат многоценных». Это сообщение тем более удивительно и интересно, что князь Владимир Василькович, как мы отметили выше, скончался от сепсиса в результате гниения «бородной кости» и мягких тканей. Отметим, что епископ Евсигний, занимавший волынскую кафедру с 1287 по 1290 г., – наиболее вероятный автор «Летописца Владимира Васильковича».

Исходя из этого, следует полагать, что в повести о болезни и смерти князя Владимира Васильковича далеко не случайно использование «Слова о Законе и благодати», которое посвящено св. равноапостольному князю Владимиру, который почитался как святой, по мнению авторитетных ученых, с первой половины XI в. (Милютенко 2008: 334). Весьма вероятно, что оно направлено на канонизацию праведного князя.

Есть, однако, дополнительное объяснение. Как отмечает в своих исследованиях А.В. Майоров, власть Владимира Васильковича осмыслялась как царская, а сам он именовался цесарем (Майоров 2013: 668)⁶. В «Слове о Законе и благодати» князь Владимир, хотя и не явно, наделяется царским титулом, и он уподобляется Константину Великому. В службе св. равноапостольному князю Владимиру, созданной под влиянием «Слова о Законе и благодати», креститель Руси именуется царем. В стихире на «Господи, воззвах» о св. Владимире говорится: «Якоже отец духовно, царь же чувственно»⁷.

Отметим, что ряд топосов и сравнений, вполне применительных к св. равноапостольному князю Владимиру, не вполне применимы к Владимиру Васильковичу. Так, призыв Даниила к гонителю евреев Навуходносору, справедливый в отношении бывшего язычника и гонителя христиан Владимира, не вполне соответствует образу князя, изначально ведшего христианскую жизнь.

Однако относительно церковного строительства «Летописец Владимира Васильковича» меняет текст и находит точную формулировку: «Ты же и церкви многи Христовы поставль, и служителя его введь, подобниче великого Костянтина, равноумне и равнохристосолюбче, равночестителю служителемь его: онь со святыми отци Никейского сбора законъ челоуѣкомъ полагаше, ты же со епископы и игумены снимаася часто со многимь смирениемь, много бѣсѣдоваше от книгъ о житьи свѣта сего тлѣннаго». Владимир Василькович действительно активно занимался церковным строительством: по его приказу были возведены и снабжены иконами и священными сосудами Благовещенский храм в Каменце, построенный по велению князя, церковь в Бельске, Георгиевский храм в Любомле, Петровский храм в Берестей

(Назаренко 2005: 725). Из «монастырей многих», созданных благочестивым князем, можно определительно отождествить лишь монастырь Святых Апостолов во Владимире-Волынском, где на средства князя была расписана церковь Св. Димитрия. Отметим, что Лев Даниилович не принимал в его ктиторской деятельности никакого участия, иначе он не услышал бы возмущенного ответа Владимира Васильковича: «Отець, а твой стрый лежить во епископыи и у святой Богородици в Володимерѣ, а много ль есь над нимъ свѣчь поставиль?»⁸ Характерна тематика соборов, которые собирал князь Владимир Василькович, вероятно, под председательством епископа Владимиро-Волынского⁹: «Ты же со епископы и игумены снимаася часто со многимъ смиренемъ, много бѣсѣдоваше от книгъ о житьи свѣта сего тлѣннаго».

Русский человек отчетливо почувствовал тленность и непрочность своего жития и возможную близость конца света именно в эпоху монгольских погромов: это отразилось и в летописании, и в проповедях святителя Серапиона Владимирского (Громов, Мильков 1991: 55). На наш взгляд, эти беседы носили отнюдь не книжный характер: князь и духовенство могли совещаться о том, как отвратить грозу монгольских нашествий и минимизировать их последствия, в том числе и духовно-нравственный упадок русского человека. Последнюю цель ставил перед собой Владимирский собор 1274 г., который ввел «Кормчую книгу св. Саввы Сербского» как основной канонический сборник Северо-Восточной Руси (Цыпин 2000: 100). Не исключено, что соборы во Владимире-Волынском могли носить характер, сходный с Владимиро-Суздальским собором 1274 г., и книги, от которых «беседовал» князь Владимир Василькович, могли носить канонический и практический характер.

В конце четвертого года болезнь вошла в конечную стадию: «Исходящу же четвертому лѣту, и наставши зимѣ, и нача болми немочи. И опада ему все мясо с бороды, и зуби исподнии выгниша вси, и челюсть бороднаа перегни. Се же бысть вторы Иевъ. И вниде во церковь святаго и великаго мученика Христова Георгья, хотя взяти причастье у отца своего духовнаго. И вниде во олтарь малый, идеже ерѣи совлачаху ризы своа. Ту бо бяшеть ему обычай всегда ставати. И сѣде на столцѣ, зане не можаше стояти от немочи. И въздѣвъ руцѣ на небо, моляшеса со слезами, глаголя: "Владыко Господи Боже мой, призри на немощь мою и вижь смирение мое, одержаща мя нынѣ, на тя бо уповая, терплю о всихъ сихъ. Благодарю тя, Господи Боже: благая прияхъ от тебе в животѣ моемъ, то злыхъ ли не могу терпѣти? Яко державѣ твоей годѣ, тако и бысть. Яко смирилъ еси душу мою, во царствии твоёмъ причастника мя створи молитвами Пречистыя твоея Матери, пророкъ и апостоль, мученикъ, всихъ приподобныхъ святы

отець, якоже и тии пострадаваша и, угодше тобѣ, искушени быша от дьявола, яко злато в горниль, ихже молитвами, Господи, избранномъ твоємъ стадѣ, с десными мя овцами причти". Пришедшу же ему от церкви и леже потомъ, вонь не вылазя. Но болми нача изнемогати» (Котляр 2005: 164).

Здесь значимо многое. Князь Владимир Василькович принимает последнее причастие не в Успенском соборе Владимира-Волынского – главном храме своего княжества, а в Георгиевском храме г. Любомля, где жил его духовник, к сожалению, не названный по имени, и где, очевидно, князь решил «строить душу» – очистить ее исповедью и причастием и готовиться к переходу в иной мир. Символично, что глубоко страдающий князь принимает последнее причастие в храме великомученика Георгия, не только «немогущих врача и царей поборника», но и страстотерпца, перенесшего страшные страдания, в том числе и колесование.

Отметим, что Владимир Василькович стоит в диакониконе («идеже иереи ризы совлачают»), и это в контексте грядущей кончины глубоко значимо: князь готовится «совлечься» своего брэнного и болезнующего тела и облечься в жизнь нестареющую и бесконечную.

Предпричастная молитва Владимира Васильковича, как установил еще В. Пашуто (Пашуто 1950: 123), почти полностью воспроизводит первую часть предсмертной молитвы смоленского князя Давида Ростиславича, помещенной в Ипатьевской летописи за 1197 г. Возможны две причины подобного совпадения. Первая – князь Владимир, будучи книжником и знатоком летописей, мог запомнить полюбившуюся ему молитву и повторить ее в тяжелый для себя час. Вторая – это условность, допущенная летописцем, который мог вложить в уста благочестивого князя достаточно известный летописный текст. В пользу второго предположения говорит дословное совпадение со второй частью молитвы Давида Ростиславича предсмертной молитвы Владимира Васильковича, который вряд ли был в состоянии произнести ее, поскольку «челюсть бородная перегни».

Однако что касается предпричастной молитвы Владимира Васильковича, то здесь присутствует значимое разночтение с исходным текстом: «Благодарю тя, Господи Боже: благая прияхъ от тебе в животь моеь, то злыхъ ли не могу терпѣти? Яко державѣ твоей годѣ, тако и бысть». Оно непосредственно связано с образом Владимира Васильковича как второго Иова, поскольку является цитатой из Книги Иова – ответа праведника его жене, побуждавшей его похулить Бога и умереть: «Аще благая восприяхом, то злых не можем ли терпети?» (Иов. 2, 10). Но слова Иова вводятся благодарственной формулой, соответствующей фразеологии евхаристии, для которой благодарение

является центральной темой. Вместе с тем в евхаристии верующие «сами себе и друг друга, и весь живот свой Христу Богу предают», и благодарение совершается за всю жизнь, за ведомые и неведомые благодеяния, которые могут быть скрыты под бедами и страданиями. Отметим, что объяснением страшной болезни князя в молитве становится Божественная держава, т. е. власть. Согласно Священному писанию, пути Божественной власти часто могут становиться неисповедимыми, как и власти земной, от которой могут исходить как благо, так и беда. Но, в отличие от земной власти, небесная может как мертвить, так и животворить, низводить во ад и возводить на небеса. И самое главное – носитель этой власти Бог хочет «всем человекомъ спастися и в разум истины прийти» и ради этого Он, как опытный врач, может употреблять достаточно горькие лекарства. Слово «φιλανθρωπία» – «человеколюбие» в византийском греческом могло означать не только гуманность, мягкость, но временами и наказание, и даже... смертную казнь. Человеколюбие власти – как земной, так и небесной – могло быть весьма жестким, но спасительным. И в молитве Владимира Васильковича чувствуется сыновнее доверие к этой власти, понимание того, что «глубиною мудрости» она «человеколюбно вся строит».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Характерна временная ориентация – будущее осмысляется как «задняя», то, что позади нас, в то время как «древняя» как бы находится впереди. Подобная пространственная ориентация, с одной стороны, присуща человечеству издревле, начиная от Древней Месопотамии. См. классическую работу недавно почившего замечательного вавилониста Игоря Сергеевича Клочкова (Клочков 1984: 125). С другой стороны, Моисей на горе Синай видит «задняя Божия» (Исх. 33). Не исключено, что речь идет о будущем Израиля и человечества. Будущее как «задняя» может осмысляться и в контексте уверенности в завтрашнем дне и как бы владения им: достаточно характерно слово «задница» в значении «имение, собственность».

2. Выражение св. Иустина Философа из его «Первой Апологии», известного древнерусским книжникам (цитаты из него приводятся в «Изборнике» 1073 г.).

3. Подобная практика была достаточно частой для Византии (Вагнер, Владышевская 1993: 234; Колпакова 2005: 345).

4. Только в одном случае древние церковные правила позволяли продавать церковные сосуды: когда не было других средств для выкупа пленных (Номоканон Фотия. Титул 2, гл. 2). Но и в этом случае

продавались не самые священные сосуды, а только материал их в виде слитков. (Цыпин 2000). См. также: Павлов 1902: 448.

5. Известным аналогом является сожжение сокровищ вместе с героем, которое присутствует, в частности, в «Беовульф».

Проститесь, дружинники,
с владыкой гаутов
и возложите
златодарителя
на ложе пламени,
а с ним и сокровища –
не частью, но полностью –
в огне да сгинут
каменья и золото,
добыча, взятая
в последнем сражении
ценою жизни, –
так пусть же истлит
и казну, и конунга
костер единый:
не должно героям
носить драгоценности
горестнопамятные (Западноевропейский эпос 1976: 150).

6. И единодержець бывъ земли своеи, покоривъ подъ ся округняа страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ (Библиотека 1999: 225). Подобниче великааго Конъстантина, равноумне, равнохристорлюбче (там же: 230).

7. Стихира на «Господи воззвах». Минея. Июль. М., 1992. С. 182.

8. См. выше. Хотя речь здесь идет о непосредственном поминовении Василька Романовича, а не о построении церкви или создании монастыря, однако храмы и монастыри часто строились на помин души кого-либо из членов семьи ктитора.

9. К сожалению, нам не известны другие возможные участники, и вряд ли на них собиралось много епископов из-за больших расстояний и опасностей. Так, епископ Мемнон Перемышльский, к примеру, «не бысть» у Владимира Васильковича «николиже».

ЛИТЕРАТУРА

Александров 1954 - Александров Н.М. Одонтогенные остеомиелиты челюстей: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1954.

Андрощук, Чельстрем 2006 - Андрощук Ф., Чельстрем А. «Се же бысть

- вторы Иевь»: болезнь князя Владимира Васильковича и его библейские параллели // *Ruthenica*. 2006. Т. 6. С. 243-258.
- Библиотека 1999 - Библиотека литературы Древней Руси. М., 1999. Т. 1.
- Вагнер, Владышевская 1993 - *Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф.* Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993. 256 с.
- Вайсблат 1938 - *Вайсблат С.Н.* Гнойные остеомиелиты челюстей. Киев: Госмедиздат УССР, 1938.
- Васильев 1972 - *Васильев Г.А.* Руководство по хирургической стоматологии. М., 1972. 161 с.
- Галлеев et al. 1978 - *Галлеев М.А., Сахаутдинов В.Г., Хусаинов Ш.И.* Остеомиелит. Уфа: Башкир. книж. изд-во, 1978. 176 с.
- Громов, Мильков 1991 - *Громов В.В., Мильков В.И.* Философия Древней Руси. М., 1991. 290 с.
- Даничић 1866 - *Даничић Ђ.* Животи краљева и архиепископа српских / Написао архиепископ Данило и други. Београд; Загреб, 1866.
- Елисеев 2005 - *Елисеев В.В.* Клинико-лабораторная характеристика, диагностика и лечение хронического одонтогенного остеомиелита челюстей: Дис. ... канд. мед. наук. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kliniko-laboratornaya-kharakteristika-diagnostika-i-lechenie-khronicheskogo> (дата обращения: 12.10.2014).
- Западноевропейский эпос 1976 - Западноевропейский эпос / Под ред. Ю.Г. Корнеева. М., 1976.
- Клочков 1984 - *Клочков И.С.* Духовный мир Вавилонии: Человек. Судьба. Время. М., 1984. 208 с.
- Колпакова 2005 - *Колпакова Г.С.* Византийское искусство. Ранний и средний периоды. СПб.: Азбука-Классика, 2005. 524 с.
- Котляр 1993 - *Котляр М.Ф.* Галицко-Волински літопис XIII ст. Київ, 1993. С. 140, 144.
- Котляр 2005 - *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская Русь второй половины XII-XIII в. // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин. СПб., 2005. 421 с.
- Майоров 2013 - *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь, Византия, Западная Европа. СПб., 2013. 880 с.
- Марчукова 2014 - *Марчукова С.М.* Медицина в Древней Руси // Медицина в зеркале истории. [Электронный ресурс]. URL: <http://lechebnik.info/421/59.htm> (дата обращения: 12.10.2014).
- Милютенко 2008 - *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный великий князь Владимир. СПб., 2008. 573 с.
- Миня 1992 - Миня. Июль. М., 1992. 770 с.
- Назаренко 2005 - *Назаренко А.В.* Владимир (Иоанн) Василькович // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 8. С. 724-725.
- Павлов 1902 - *Павлов А.С.* Курс церковного права. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1902. 552 с.
- Пашуто 1950 - *Пашуто В.* Древнерусское летописание. М., 1950. 400 с.

Синдром Иова - Синдром Иова. Синдром Незелофа. Лечение иммунодефицитов. [Электронный ресурс]. URL: <http://medicalplanet.su/Patifiz/319> (дата обращения: 12.10.2014).

Цыпин 2000 - *Цыпин Владислав, протоиерей*. Каноническое право. М., 2000.

Franklin 2002 - *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus. 950-1300*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 325 p.

REFERENCES

Aleksandrov 1954 – *Aleksandrov N.M.* Odontogennye osteomieliity chelyustey. Avtoref. dis ... kand. med. nauk [Odontogenetic osteomyelites of jaws. Abstract of Medicine Doc. Diss.], Leningrad, 1954 [in Russian].

Androshchuk, Chelstrem 2006 – *Androshchuk F., Chelstrem A.* “Se zhe byst'vory lev”: bolezn' knyazya Vladimira Vasil'kovicha i ego bibleyskie paralleli [It was a second Job. A disease of Prince Vladimir Vasil'kovich and its biblical parallels], *Ruthenica. Russian Malacological Journal*, 2006, vol. 6, pp. 243-258 [in Russian].

Biblioteka 1999 – *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The library of the Old Rus literature], Moscow, Nauka Publ., 1999 [in Russian].

Wagner, Vladyshevskaya 1993 – *Wagner G.K., Vladyshevskaya T.F.* *Iskusstvo Drevney Rusi* [The Art of Old Rus], Moscow, Iskusstvo Publ., 1993, 256 p. [in Russian].

Weisblatt 1938 – *Weisblatt S.N.* Gnoynye osteomieliity chelyustey [Purulent osteomyelitis of jaws], Kiev, Gosmedizdat USSR Publ., 1938 [in Russian].

Vasilev 1972 – *Vasilev G.A.* *Rukovodstvo po khirurgicheskoy stomatologii* [A manual on dental surgery], Moscow, Meditsina Publ., 1972, 161 p. [in Russian].

Galleev et al. 1978 – *Galleev M.A., Sakhautdinov V.G., Khusainov Sh.I.* Osteomieliit [Osteomyelitis], Ufa, Bashkiria Book Publ., 1978. 176 p. [in Russian].

Gromov, Mil'kov 1991 – *Gromov V.V., Mil'kov V.I.* *Filosofiya Drevney Rusi* [The philosophy of Old Rus], Moscow, 1991, 290 p. [in Russian].

Eliseev 2005 – *Eliseev V.V.* *Kliniko-laboratornaya kharakteristika, diagnostika i lechenie khronicheskogo odontogennogo osteomieliita chelyustey*. Dissertatsiya [Clinical and laboratory characteristic, diagnostic and treatment of chronic osteomyelitis of jaws], Moscow, 2005 [Online]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/kliniko-laboratornaya-kharakteristika-diagnostika-i-lechenie-khronicheskogo> (Accessed: 12th October 2014) [in Russian].

Zapadnoevropeyskiy epos 1976 – *Zapadnoevropeyskiy epos* [Western European Epic], ed. by Yu.G. Korneev. Moscow, 1976 [in Russian].

Klochkov 1984 – *Klochkov I.S.* *Dukhovnyy mir Vavilonii: Chelovek. Sud'ba. Vremya* [The spiritual world of Babylon. Man. Fate. Time], Moscow, Nauka Publ., 1984, 208 p. [in Russian].

Kolpakova 2005 – *Kolpakova G.S.* *Vizantiyskoe iskusstvo. Ranniy i sredniy periody* [The Byzantine Art. The early and middle periods], St. Petersburg,

Azbuka-Klassika Publ., 2005, 524 p. [in Russian].

Kotlyar 1993 – *Kotlyar N.F.* Galits'ko-Volynski litopis XIII st. [Galician-Volynian Chronicle of the 13th centuries], Kiev, 1993, p. 140, 144 [in Ukrainian].

Kotlyar 2005 – *Kotlyar N.F.* Galitsko-Volynskaya Rus' vtoroy poloviny XII-XIII v. [Galician-Folynian Rus' of the second half of the 12th – 13th centuries], Galitsko-Volynskaya letopis'. Tekst. Kommentariy. Issledovanie, comp. by N.F. Kotlyar, V.Yu. Franchuk, A.G. Plakhonin, St. Petersburg, 2005, 421 p. [in Russian].

Maiorov 2013 – *Maiorov A.V.* Galitsko-Volynskaya Rus', Vizantiya, Zapadnaya Evropa [Galician-Volynian Rus', Byzantium, Western Europe], St. Petersburg, 2013, 880 s. [in Russian].

Marchukova 2014 – *Marchukova S.M.* Meditsina v Drevney Rusi [Medicine in Old Rus'] [Online]. Available at: <http://lechebnik.info/421/59.htm> (Accessed: 12th October 2014) [in Russian].

Milyutenko 2008 – *Milyutenko N.I.* Svyatoy ravnoapostol'nyy velikiy knyaz' Vladimir [Saint Equal-to-the Apostles the Great Prince Vladimir], St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2008, 573 p. [in Russian].

Mineya 1992 – Mineya. Iyul' [Menaia. July], Moscow, 1992, 770 p.

Nazarenko 2005 – *Nazarenko A.V.* Vladimir (Ioann) Vasil'kovich [Vladimir (Ioann) Vasilkovich], in: Pravoslavnyaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia], vol. 8, Moscow, 2005, pp. 724–725 [in Russian].

Pavlov 1902 – *Pavlov A.S.* Kurs tserkovnogo prava [Canon Law], Sergiev Posad, Sv.-Tr. Sergieva Lavrya Publ., 1902, 552 p. [in Russian].

Pashuto 1950 – *Pashuto V.* Drevnerusskoe letopisanie [Composition of chronicles in Old Rus'], Moscow, 1950, 400 p. [in Russian].

Sindrom lova – Sindrom lova. Sindrom Nezelofa. Lechenie immunodefitsitov [Syndrom of Job. Syndrom of Nezeloff. Treatment of immunodeficiency] [Online]. Available at: <http://medicalplanet.su/Patifikz/319> (Accessed: 12th October 2014) [in Russian].

Tsy-pin 2000 – *Tsy-pin V.* Kanonicheskoe pravo [Canon Law], Moscow, 2000 [in Russian].

Danichiñ 1866 – *Danichiñ Ъ.* Zhivoti kral'eva i arkhiepiskopa srpskikh. Beograd; Zagreb, 1866.

Franklin 2002 – *Franklin S.* Writing, Society and Culture in Early Rus. 950-1300. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 325 p.

Василик Владимир Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета.

Vasilik Vladimir – Doctor of philology, Assistant Professor of Department of History of Slavonic and Balcan Countries of St. Petersburg State University.

E-mail: fvasilik@mail.ru

УДК 94(477):929"1725/1796"

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/5

АДМИНИСТРАТОР И ВОЕНАЧАЛЬНИК ПЁТР АЛЕКСАНДРОВИЧ РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ

Т.И. Прокоп

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2
E-mail: prokoptar@gmail.com

Авторское резюме

Пётр Румянцев-Задунайский был не только талантливым военным, но и умелым администратором. Его искусное командование войсками привело Российскую империю к победе в русско-турецкой войне (1768-1774 гг.), которая существенно повлияла на дальнейшее развитие истории России, Украины, Турции, Молдавии и большей части балканских стран. Как удачливый администратор Румянцев сумел воплотить в жизнь идеи Екатерины II об окончательной ликвидации автономии Гетманщины и превращении земель левобережной Украины в административные единицы Российской империи.

Ключевые слова: Румянцев-Задунайский, Екатерина II, русско-турецкая война.

Administrator and Military Officer Peter Rumyantsev-Zadunaisky

T.I. Prokop

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine
E-mail: prokoptar@gmail.com

Abstract

Peter Rumyantsev was not only a talented military officer, but also very skillful administrator. Under his command the army of the Russian Empire achieved a victory in the Russian-Turkish war (1768-1774), which changed the history of Russia, Ukraine, Turkey, Moldova and most of the Balkan countries. Using Rumyantsev as a tool for

achieving her objectives, the Empress Catherine II was able to set control on the big part of Ukrainian territory and to integrate its administrative system to Russian system.

Keywords: Rummyantsev-Zadunaisky, Catherine II, Russian-Turkish war.

4 января 2015 г. исполнилось 390 лет со дня рождения П.А. Румянцев-Задунайского, известного военного и администратора, который сыграл важную роль в истории России, Украины, Молдавии, Турции и ряда стран Балканского полуострова. Благодаря его военному таланту Российская империя одержала победу в русско-турецкой войне (1768-1174 гг.), в результате которой на выгодных для себя условиях заключила Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Этот договор фактически положил начало распаду Османской империи и усилению влияния России на страны, которые до того находились под влиянием Порты. Особого внимания заслуживает роль Румянцева в истории Украины, поскольку именно он завершил процесс инкорпорации левобережной Украины в состав Российской империи.

Пётр Румянцев-Задунайский родился 4 января 1725 г. По одной из версий, он появился на свет в селе Строинцы Рыбницкого района (Молдавия), по другой – в Москве. Наиболее правдивой можно считать первую версию. Есть сведения, что жена Александра Румянцева в январе 1725 г. пребывала в селе Строинцы, ожидая мужа, отправившегося в Турцию по поручению Петра I (Меерович 1987: 7).

Отец Петра Румянцева происходил из бедной дворянской семьи. Он прошел все ступени военной службы – от солдата и денщика Петра I до генерал-аншефа и графа при Елизавете Петровне. В 1738 г. Александр Румянцев был назначен управляющим Малороссии и занимал эту должность до 1740 г. Большую часть своей жизни Александр Румянцев провел в дипломатических поездках или в войнах. Мать Петра Румянцева Мария Андреевна была внучкой известного боярина Артамона Сергеевича Матвеева, который в свое время служил на Украине и был сторонником дружественных отношений с казацкой старшиной. В период освободительной войны он стоял на позициях присоединения Украины к Московскому государству.

Сохранились исторические предания и слетни, что мать Румянцева Мария была одной из любовниц Петра I, и, чтобы скрыть грех и беременность, ее спешно выдали замуж за денщика государя. После рождения ребенка тот получил имя Пётр в честь царя, а его крестной матерью стала супруга Петра – императрица Екатерина I (Когут 1996: 83).

Большую часть своего детства Пётр Румянцев провел на Украине, где его отец владел многочисленными имениями. В 14 лет Петр Александрович был направлен в российское посольство в Берлине,

где должен был получить дипломатическое образование и изучить иностранные языки. Сама императрица Елизавета беспокоилась о его образовании, желая воспитать будущего дипломата. В своем письме барону Бракелю, который был послом в Берлине, она писала: «...чтобы вы его в своей канцелярии для обучения письму и других наук удерживали, чтобы он хорошо изучил иностранные языки, а также другие необходимые ему науки от хороших учителей..., чтобы он смог в нашей службе быть использован с пользой» (Максимович 1913: 5).

Однако юноша не оправдал возложенных на него надежд. Его наставник барон Бракель неоднократно в своих письмах жаловался на тяжелый характер Румянцева и постоянно сообщал о его разгульном образе жизни в Берлине. Так, в одном из них барон пишет о просьбе Румянцева вернуться домой, поскольку из-за своего поведения он больше не может появляться на публичных мероприятиях в Берлине. Также Бракель неоднократно подчеркивал нежелание молодого Румянцева заниматься гражданской службой и утверждал, что Пётр имеет больше склонности к службе военной. Наконец в 1740 г. юношу отозвали в Петербург и отправили в престижное военное учебное заведение – Сухопутный шляхетский корпус. Но там он пробыл недолго. Уже в 1741 г. Пётр Румянцев покинул учебное заведение, после чего генерал-фельдмаршал Миних без ведома отца отправил его в армию. Это стало началом блестящей военной карьеры Петра Румянцева (Тарапыгин 1911: 21-22).

Первым опытом в военном деле стала для него русско-шведская война 1741-1743 гг., в ходе которой он получил чин капитана, а известив Елизавету о подписании Абидосского мирного соглашения, был награжден чином полковника и по приказу императрицы получил в командование Воронежский пехотный полк (ЦДІАУ 1743).

В 1744 г. Александр Румянцев получил от Елизаветы графский диплом для себя и всех потомков. Так молодой Петр Румянцев стал еще и графом, но, даже получив титул и находясь в чине полковника, он продолжал шокировать окружающих своими выходками. В частности, А. Борсуков приводит такой пример: «Румянцев однажды учил целый батальон перед домом одного ревнивого мужа в костюме нашего праотца Адама» (Максимович 1913: 13). Это не могло не разозлить его отца. Разъяренный действиями сына, Александр Румянцев даже говорил, что отречется от него, если тот не прекратит бессмысленных действий.

В возрасте 23 лет Пётр Александрович женился на дочери фельдмаршала Михаила Голицына Екатерине, которая была старше его на 11 лет. Супружеская жизнь изменила поведение Румянцева, он стал более сдержанным и взвешенным. В этом браке родились три сына:

Михаил, Николай и Сергей (Лазаревский 1896: 374-394).

В 1749 г. умер Александр Румянцев, и Пётр как старший сын стал его наследником.

Первая военная слава пришла к Петру Румянцеву в ходе Семилетней войны (1756-1763 гг.). В 1758 г. о нем заговорили как о командире, способном выйти победителем из сложного военного положения. Он командовал кавалерией в битве при Гросс-Егерсдорфе, в которой одержал победу, чем вызвал зависть фельдмаршала А.Б. Бутурлина и уважительное отношение Петра III. В годы этой войны граф получил чин генерал-майора, а уже перед ее окончанием был награжден орденом Александра Невского. Румянцев лично участвовал в захвате прусских городов Кенигсберг и Кольберг (Фельдмаршал 1947: 276).

После переворота, в результате которого к власти в Российской империи пришла Екатерина II, генерал-аншеф Пётр Панин получил приказ возглавить военный корпус, находившийся под командованием Румянцева. В результате молодой граф фактически поставил крест на своей карьере, решил подать в отставку и остаться в Западной Европе. Екатерина не хотела настраивать против себя Румянцева, у которого были хорошие связи при дворе. К тому же она ценила его как талантливого командующего войсками. Поэтому в ответ на его просьбу об отставке она написала очень дипломатичное письмо, в котором объяснила, что ему ничего не грозит за его благосклонное отношение к Петру III и он будет удостоен того уважения, которого заслуживает. После этого письма Румянцев решил продолжить службу и получил в командование Эстляндскую дивизию (Мельник 1997: 139).

Из письма молодого генерала к матери видно, что он с опаской относился к Екатерине, а также что он не был удовлетворен своим новым назначением (РГАДА 1762). Через некоторое время Румянцев вернулся к императорскому двору. Это стало возможно благодаря протекции братьев Орловых, которые представили молодого генерала императрице в хорошем свете. Прусский посол граф Сольмс в своем письме от 1 июня 1764 г. писал, что возвращение Румянцева во дворец всех удивило, поскольку тот всегда называл себя человеком, который впал в немилость императрицы. Также он писал, что позже императрица вызвала Румянцева в свой дворец за город, где он гостил несколько дней, и, в конце концов, она попросила, чтобы тот показал ей военные маневры своей дивизии. Увиденное Екатерине очень понравилось, и этим граф добился ее благосклонного отношения. В 1764 г. императрица назначила 37-летнего генерала своим наместником в Малороссии и президентом Второй Малороссийской коллегии (Зозуля 2008: 3-14).

Власть Петра Румянцева на территории Гетманщины была фактически приравнена к власти гетмана, она ограничивалась лишь так

называемыми «Учреждениями о губерниях» (Ефименко 1895: 114). На самом деле Румянцев в своей деятельности всегда руководствовался инструкциями императрицы, согласно которым он должен был разными способами способствовать интеграции украинской административной системы в общероссийскую и при этом осторожно и систематически уничтожать украинские национальные права и вольности (Полонська-Василенко 1992: 334).

Сложно сказать, почему Екатерина II назначила на эту должность именно Румянцева. Поскольку, как уже отмечалось, граф не скрывал неприязни к новой императрице (он даже позволял себе довольно резкие высказывания в ее адрес) (Максимович 1913: 67), бытует мнение, что назначение его президентом Малороссийской коллегии было своего рода ссылкой, способом избавиться от опасного человека при дворе. Екатерина с подозрением относилась к нему из-за его прежней связи с Петром III. Еще большее недовольство у нее вызвали слухи о том, что граф Румянцев был внебрачным сыном Петра I, поскольку он в любой момент мог стать ключевой фигурой мятежа с целью устранения императрицы от власти. Все это делало пребывание Румянцева при дворе опасным для Екатерины. Поэтому она умышленно отправила графа на периферию, чтобы он не представлял угрозы ее царствованию (Гуржій 1999: 59).

Сразу же после назначения на должность генерал-губернатора Румянцев получил инструкцию, в которой Екатерина II изложила подробный план действий по управлению украинскими землями. Она отмечала, что эти земли плодородны и богаты, но несмотря на это императорская казна последнее время не получала никаких доходов от них. Императрица жестко критиковала административную и судебную систему Гетманщины, считала недопустимым слияние военной и административной власти, а также наличие непонятных иностранных законов, способствовавших нарушениям и злоупотреблениям. Она говорила о Гетманщине следующее: «...там укоренилось много беспорядков, бессмысленное слияние управления военного и гражданского, от непонятности чужих законов и прав суды и расправы, бесконечные несправедливости и притеснения, самостоятельное узаконивание некоторых выдуманных привилегий и свобод, а настоящих частое и большое злоупотребление, что очень вредно как для людей, так и для владельцев» (Письмо 1863: 189).

В инструкции императрица поручала Румянцеву обратить особое внимание на запрет перехода крестьян с места на место и проведение новой ревизии. Основной же задачей генерал-губернатора было «сглаживание того антагонизма, который существует между двумя народами» (Лазаревский 1896: 374).

Прибыв на украинские земли, Пётр Александрович почти полгода потратил на инспекторский объезд подконтрольных ему территорий. Во время этого объезда он собрал 228 донесений и жалоб от местных жителей. Проанализировав все полученные данные, граф составил общую картину экономического, политического и социального положения этой территории (Максимович 1913: 64). Пользуясь этими сведениями, а также полученными установками от Екатерины II, Румянцев стал воплощать в жизнь проект своих реформ.

Назначенный генерал-губернатор не имел опыта административного управления, поэтому в большей степени действовал по-военному. Первым его шагом было проведение ревизии всего, что подпадало под его управление. Эта ревизия вошла в историю под названием «Румянцевская опись Малороссии» (ЦДІАУ 1764).

Румянцев сосредоточился на реформировании административной, военной, судебной и образовательной систем. Благодаря его реформам было ускорено рассмотрение судебных дел, пересмотрен порядок ведения допросов в городских и земских судах, запрещено применение пыток без согласия генерал-губернатора во время проведения допросов. Несмотря на целый ряд реформ, Петру Александровичу полностью не удалось навести порядок в судебной системе. В письме к Екатерине II от 8 декабря 1779 г. он писал о поступающих к нему жалобах на деятельность судов. Ссылаясь на судебное законодательство, он приводил многочисленные примеры его ненадлежащего исполнения. Наиболее распространенными нарушениями Румянцев называл невзыскание денежных штрафов со сторон, которые обращались в суд, в случае их неявки на слушания - привычку судов откладывать решение дела более чем на три дня, а также медленное реагирование правительства на сообщения о насильственном отборе имений (Песцова 2009: 5).

7 ноября 1775 г. было обнародовано «Положение об управлении губерниями», которое начало самую радикальную со времен Петра I административную реорганизацию Российской империи. Этот закон стандартизировал размеры губерний (наместничеств) и уездов, а также четко определял права и обязанности местных органов управления (Петреченко 1999: 83).

На территории России закон сразу же вступил в действие, однако Екатерина II не спешила его распространять на территории бывшей Гетманщины и только в 1779 г. приказала Румянцеву начать подготовку к проведению административной реформы. Осенью 1780 г. царским указом было объявлено, что в Малороссии будет введена такая же административная система, как и в Российской империи (Реформы 1891: 462). Благодаря энергичным реформам Петра Ру-

мянцева, во второй половине XVIII в. фактически вся управленческая система Гетманщины была унифицирована с властными структурами Российской империи.

Период наместничества Румянцева на территории Левобережной Украины обозначен жестоким подавлением всего украинского. Казацкую старшину унижали и притесняли, казаков приравняли к крестьянам, разрушали украинскую экономику и культуру. Гетманщина потеряла своего архиепископа и стала зависеть от Московского патриархата. В борьбе с местными элитами Гетманщины правительство России одержало победу и успешно ликвидировало ее автономные особенности. Левобережная Украина лишилась своих вооруженных сил – одного из главных признаков государственности и была сведена к состоянию обычной окраины Российской империи.

И все же наиболее успешной для Румянцева-Задунайского была не административная, а военная деятельность. С началом русско-турецкой войны 1768-1774 гг. он оставил управление Малороссийской коллегией и приступил к командованию русскими войсками. Сначала Екатерина II назначила его командиром Второй армии, задача которой состояла в охране границ империи, но уже скоро он возглавил Первую армию, заменив князя Александра Голицына, деятельность которого не удовлетворила императрицу, хотя тот сумел освободить Хотин и Яссы (Тарапыгин 1911: 54).

Большинство населения Дунайских княжеств поддерживало российскую армию. 7 декабря 1769 г. молдавские бояре присягнули на верность императрице и послали в Петербург делегацию с просьбой о присоединении к Российской империи. В 1770 г. в российскую столицу была направлена очередная делегация из Молдавии с той же просьбой. Румянецв частично поддерживал эту идею, но Екатерина не могла удовлетворить прошение молдаван, поскольку это не было предусмотрено договорами с союзниками и Турцией и обострило бы конфликт с соседними странами. Тем не менее в результате войны Молдавия на долгое время оказалась в сфере влияния России (Кожолянко 2014: 87).

Командуя Первой армией, Румянецв выбрал наступательную тактику и продемонстрировал свое умение маневрировать войсками и побеждать большего по численности противника. Одним из наиболее значительных сражений этой кампании была битва за реку Ларгу. Турецкая армия тогда насчитывала 80 тыс. воинов и очень удачно размещалась. Румянецв мог отступить, но все же решил вступить в бой (как он сам говорил, «невозможно не начать наступление, видя врага») и не прогадал. В битве при Ларге русские войска одержали

блестящую победу, а Румянцев был награжден орденом Св. Георгия первого класса (Румянцев 1953: 245). В следующей битве на реке Кагул ему удалось одержать еще более впечатляющую победу. Разница в численности войск поражает: сохранились данные о том, что на стороне турецкого войска было 50 тыс. пехотинцев, 100 тыс. конницы, 130-180 орудий и около 80 тыс. крымских татар, а на стороне Российской империи – всего 17 тыс. человек. После этой победы Екатерина II наградила Петра Румянцева званием генерал-фельдмаршал (РГАДА 1770).

В 1770 г. по приказу Румянцева в Молдавии была введена гражданская администрация, а управление этой землей передано генералу Горчакову. В своей деятельности он не сильно отличался от турецких администраторов, поскольку так же назначал на службу бояр и собирал те же налоги на содержание российской армии (Стати 2002: 2014). В 1772-1774 гг. русская военная администрация по приказу Петра Александровича Румянцева провела перепись населения Молдавии по образцу «Описи Малороссии». Надо отметить, что на формат и содержание этой переписи повлиял личный опыт графа. Материалы переписи дают возможность частично определить этнический состав отдельных населенных пунктов и всего княжества в конце XVIII в.

В частности, в работах современных молдавских ученых на основании анализа переписи 1772-1774 гг. убедительно доказывается, что Молдавия в то время была полиэтничным государством. При этом определенную часть населения (особенно северной части Молдавии) составляли русины. Об этом свидетельствует наличие фамилий русинского происхождения (Русин, Руснак, Русначенко, Русначук, Руссу), а также стоящие рядом с именами переписанных жителей этнонимы (рус, русул), т. е. русин (Суляк 2013: 100-103).

Победа при Кагуле позволила русскому войску захватывать все новые территории. Преследуя турецкую армию, Румянцев постепенно занял Измаил, Килию, Аккерман, Браилов, Исакчу. Также он сумел оттянуть главные силы турецкой армии от Бендерской крепости. В 1771 г. боевые действия переместились на Дунай, где снова большинство побед одержал Пётр Александрович, хотя он не сумел захватить Силистрию и Варну, в результате чего вынужден был отвести войско на левый берег Дуная.

Решающим в этой войне стал 1774 г., когда Румянцев с 50-тысячным войском выступил против 150-тысячной турецкой армии. Русские войска сумели обойти позиции турок и отрезали визирю сообщение с Адрианополем. Это вызвало панику в турецкой армии, и визирь принял условия мира. В результате этой кампании 10 июля 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор.

По этому договору Османская империя теряла Крымское ханство и Кубань, которые были провозглашены независимыми от Порты. За собой Российская империя оставляла форпосты на Азовском и Чёрном морях – Керчь, Ени-Кале, Азов и Кинбурн. Туркам оставался только Очаков.

Также Румянцев добился тех же прав, что имели английские и французские суда, для российских торговых кораблей в Чёрном море, а также права иметь свой флот в Чёрном море и свободного прохода через Босфор и Дарданеллы (Фельдмаршал 1947).

Кючук-Кайнарджийский мирный договор значительно ослабил Османскую империю и в дальнейшем привел к ее упадку. Именно этот договор усилил влияние Российской империи на Балканах, а также положил начало процесса присоединения территории Южного Причерноморья.

Большое значение имел Кючук-Кайнарджийский мирный договор и для Молдавского княжества. Согласно статьям договора, жители молдавских земель, которые принимали участие в войне против Порты, получали амнистию, им возвращались земли, которые были отобраны турками. Запрещалось требовать от населения уплаты налогов, накопившихся за время войны. Также жители княжества освобождались от уплаты налогов на два года. Кроме того, уменьшился размер дани, устанавливались более мягкие условия ее уплаты. Благодаря Румянцеву юридическое положение Молдавского княжества в составе Османской империи значительно улучшалось. Этим Российская империя значительно усилила собственное влияние на Дунайские княжества, остававшиеся под протекторатом Турции.

За свои подвиги в годы русско-турецкой войны Пётр Румянцев получил к фамилии приставку «Задунайский» и начал именоваться Румянцев-Задунайский. Также он был награжден грамотой с описанием его побед, фельдмаршальским жезлом, шпагой с алмазами, лавровым венцом с алмазами, крестом и звездой Андрея Первозванного и многими другими наградами (Материалы 1895).

Во время русско-турецкой войны Румянцев не только командовал армией, но и выполнял функции администратора на территории, которая была вовлечена в конфликт. Имея опыт проведения переписи населения на левобережной Украине, граф решил устроить подобное на территории Молдавии. Перепись была проведена русской гражданской администрацией, которая была создана в годы войны с целью упорядочения податей. В переписи, кроме статических данных, содержалась информация о крестьянах, которые обеспечивали продовольствием, фуражом и дровами русские тыловые гарнизоны, штабы, госпитали. Перепись проводилась с 1772 по 1774 г. и не была полностью завершена, поскольку с

подписанием Кючук-Кайнарджийского договора потеряла свое значение. Тем не менее она очень важна для историков, поскольку содержит важный статистический материал по демографии Молдавии (Дмитриев 1975: 18).

Вернувшись на Украину, Пётр Румянцев продолжил воплощать в жизнь свои реформы и выполнять инструкции императрицы. В 1779 г. в его подчинение отошли Курское и Харьковское наместничества, а уже в 1782 г. он выполнил задание Екатерины II, полностью введя на подчиненных ему украинских землях общероссийское административно-территориальное деление и систему управления.

В то время все большее влияние при дворе приобретал граф Потёмкин. В период Первой русско-турецкой войны он был подчиненным Румянцева. Но, став фаворитом Екатерины II, получил в управление новоприсоединенные земли Северного Причерноморья (РГАДА 1783).

Румянцев с нескрываемой ревностью относился к бывшему подчиненному. Французский посол граф Сегюр во время путешествия Екатерины по украинским землям написал о Румянцеве следующее: «На лице этого знаменитого воина выделялись особые черты характера, смесь скромности и гордого благородства, внутреннее сожаление и ревность, которую он испытывал по отношению к графу Потёмкину через благосклонное отношение к последнему императрицы» (Сегюр 1880: 193). Эта ревность обострилась с началом Второй русско-турецкой войны (1787-1791 гг.). Несмотря на значительные заслуги Румянцева, Екатерина II передала в его управление только Вторую армию, в то время как Потёмкин был назначен командующим Первой армии – фактически главнокомандующим. Это сильно оскорбило Петра Александровича, поскольку он не считал Потёмкина настоящим военным. Между ними возник острый конфликт, в результате которого Румянцев был лишен возможности вести боевые действия до конца войны.

Еще до начала той войны Румянцев тяжело болел, а конфликт с Потёмкиным только усилил моральные страдания. С 1794 г. он не проявлял абсолютно никакой активности и всю дальнейшую жизнь провел в одиночестве, не покидая своего имения. Умер Пётр Румянцев-Задунайский 8 декабря 1796 г. в своем доме в одиночестве и был похоронен на территории Киево-Печерской лавры. (Лазаревский 1896: 374)

Оценивая Петра Александровича Румянцева, современники отмечали его быстрый и глубокий ум. Хотя граф не сумел получить должного образования из-за своеобразной натуры, он, по их словам, был человеком очень умным. В зрелом возрасте он все меньше вни-

мания уделял развлечениям, а чаще вел уединенный образ жизни и много читал. Д. Бантыш-Каменский писал, что даже под военными выстрелами он читал книги и, указывая на них, повторял: «Это мои учителя». Екатерина II в своей характеристике Румянцева говорила: «Храбрый умом, а не сердцем». Из исторических источников можно понять, что характер графа был достаточно сложным, его отличительной чертой было честолюбие, особенно в военном деле. Он не любил людей, которые могли его затмить в этой сфере. Любя и ценя Потёмкина, когда тот был молодым и не имел близких отношений с Екатериной, Румянцева возненавидел его, когда тот был назначен главнокомандующим во Второй русско-турецкой войне (Бантыш-Каменский 1822: 67).

Пётр Александрович Румянцева целиком отдавался службе и фактически не уделял внимания своей семье, и, когда его отстранили от военной службы, он полностью отмежевался от внешнего мира и умер в одиночестве.

ЛИТЕРАТУРА

Бантыш-Каменский 1822 - *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России. М.: Типография Семена Селивановского, 1822.

Гуржий 1999 - *Гуржий О.* Гетьманська Україна Київ: Альтернативи, 1999.

Дмитриев 1975 - *Дмитриев П.Г., Драгнев Д.М., Русеев Е.М.* Молдавия в эпоху феодализма / Акад. наук Молдавской ССР. Ин-т истории; сост. П.Г.Дмитриев, Д.М.Драгнев, Е.М.Русеев, П.В.Советов; Под ред. д-ра ист. наук, проф. Л.В. Черепнина. Кишинев: Штиинца, 1975. Т. 7.

Ефименко 2008 - *Ефименко А.* Очерки истории правобережной Украины. Київ, 1895.

Зозуля 2008 - *Зозуля С.* «Опис міста Ніжина 1766 року» – маловідома архівна пам'ятка середини XIX ст. // Ніжинська старовина. 2008. № 7.

Когут 1996 - *Когут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830. Київ: Основи, 1996.

Кожоляно 2014 - *Кожоляно Г.К.* Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и ликвидация турецкого господства в северной части Буковины // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г.Суляк [Кишинев]. 2014. № 1(35).

Лазаревский 1896 - *Лазаревский А.* По поводу ста лет от смерти гр. П.А. Румянцева // Киевская старина. Київ, 1896. № 12.

Максимович 1913 - *Максимович Г.* Деятельность Румянцева-Задунайского по управлению Малороссией. Нежин, 1913.

Материалы 1895 - *Материалы биографии графа П.А. Румянцева-Задунайского // Киевская старина. Київ, 1895. № 4.*

Меерович 1987 - *Меерович Г.И.* Румянцева в Петербурге. Л.: Лениздат, 1987.

Мельник 1997 - *Мельник Л.* Політична історія Гетьманщини XVIII ст. у документах і матеріалах. Київ, 1997.

Румянцев 1953 - П.А. Румянцев: Документы и материалы: В 3 т. М., 1953. Т. 3.

Петреченко 1999 - *Петреченко І.* Описи Чернігівського намісництва останньої чверті XVIII ст. // Україна на порозі XXI століття: актуальні питання історії: Збірник наукових праць. Київ, 1999.

Песцова 2009 - *Песцова А.* Судові реформи малоросійського генерал-губернатора Петра Румянцева // Гілея. Київ, 2009. Вип. 21.

Письмо 1863 - Письмо Екатерины Олсуфьеву // Русский Архив, 1863. Т. 2.

Полонська-Василенко 1992 - *Полонська-Василенко Н.* Історія України: В 2 т. Київ: Либідь, 1992. Т. 1.

РГАДА 1762 - Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 12. Переписка по случаю вступления на престол Екатерины II 1762 г.

РГАДА 1783 - РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 18. Копия манифеста о присоединении Крыма и пр. 1783.

Реформы 1891 - Реформы в Малороссии при гр. Румянцеве // Киевская старина. Київ, 1891. № 8. С. 478-493; № 9.

РГАДА - РГАДА. Ф. 220. Д. 1. Ед. хр. 444. Екатерина II награждает графа П. Румянцева чином генерал-фельдмаршала.

Сегюр 1880 - *Сегюр Л.* Письма графа Сегюра к князю Потемкину // Исторический вестник. 1880. Т. 3, № 9.

Стати 2002 - *Стати В.* История Молдовы. Кишинев: Типография Centrală, 2002. 480 с.

Суляк 2013 - *Суляк С.Г.* Полиэтничная Молдавия // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2013. № 1 (31).

Тарапыгин 1911 - *Тарапыгин Ф.А.* Известные русские военные деятели. Краткое их жизнеописание. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1911.

Фельдмаршал 1947 - Фельдмаршал Румянцев: Сборник документов и материалов. М., 1947. 276 с.

Центральний 1743 - Центральний державний історичний архів України (ЦДІАУ). Ф. 59. Спр. №1. Од. зб. № 7803. Дело об оглашении указа Военной коллегии о назначении Румянцева полковником 1743.

ЦДІАУ 1764 - ЦДІАУ. Ф. 51. Оп. 3. Од. зб. 19147. Арк. 1-21. Инструкция ревизорам по проведению ревизии на левобережной Украине 1764.

REFERENCES

Bantysh-Kamenskiy 1822 – *Bantysh-Kamenskiy D.* Istoriya Maloy Rossii [History of Little Rus’], Moscow, Tipografiya Semena Selivanovskogo Publ., 1822 [in Russian].

Gurzhiy 1999 – *Gurzhiy O.* Get'mans'ka Ukraïna [The Hetmanate Ukraine], Kiev, Al'ternativi Publ., 1999 [in Ukrainian].

Dmitriev et al. 1975 – *Dmitriev P.G., Dragnev D.M., Ruseev E.M.* Moldaviya v epokhu feodalizma [Moldova in the era of feudalism], Kishinev, Shtiintsa Publ., 1975, vol. 7 [In Russian].

Efimenko 2008 – *Efimenko A.* Ocherki istorii pravoberezhnoy Ukrainy [History of the Right-Bank Ukraine], Kiev, 1895 [In Russian].

Zozulya 2008 – *Zozulya S.* 'Opis mista Nizhina 1766 roku' – malovidoma arkhivna pamyatka seredini XIX st. [Description of Nizyn of 1766 – an unknown archive relict of the mid 18th century], Nizhins'ka starovina, 2008, Nr 7 [in Ukrainian].

Kogut 1996 – *Kogut Z.* Rosiys'kiy tsentralizm i ukraïns'ka avtonomiya: Likvidatsiya Get'manshchini, 1760 – 1830 [Russian centralism and Ukrainian autonomy: the death of the Cossack Hetmanate, 1760-1830], Kiev, Osnovi Publ., 1996 [in Ukrainian].

Kozholyanko 2014 – *Kozholyanko G.K.* Russko-turetskaya voyna 1768-1774 gg. i likvidatsiya turetskogo gospodstva v severnoy chasti Bukoviny [The Russian-Turkish war of 1768-1774 and the elimination of Turkish domination in Northern part of Bukovina], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2014, Nr 1 (39). [in Russian].

Lazarevskiy 1896 – *Lazarevskiy A.* Po povodu sta let ot smerti gr. P.A. Rummyantseva [In the memory of hundred years after the death of P. Rummyantsev], Kievskaya starina [Kiev], 1896, Nr 12 [In Russian].

Maksimovich 1913 – *Maksimovich G.* Deyatel'nost' Rummyantseva-Zadunayskogo po upravleniyu Malorossiye [Rummyantsev's activities as of Administrator of Little Russia], Nezhin, 1913 [in Russian].

Materialy 1895 – *Materialy biografii grafa P.A. Rummyantseva-Zadunayskogo* [Materials for the biography of P. Rummyantsev-Zadunaisky], Kievskaya starina, Kiev, 1895, Nr 4 [In Russian].

Meerovich 1987 – *Meerovich G.I.* Rummyantsev v Peterburge [Rummyantsev in St. Petersburg], Leningrad, Lenizdat Publ., 1987 [In Russian].

Mel'nik 1997 – *Mel'nik L.* Politichna istoriya Get'manshchini XVIII st. u dokumentakh i materialakh [The political history of Hetmanate in the 18th century in documents and materials], Kiev, 1997 [in Ukrainian].

Rummyantsev 1953 – *Rummyantsev P.A.* Dokumenty i materialy. V 3 t. [Documents and materials. In 3 vols.], Moscow, 1953, vol. 3 [in Russian].

Petrenchenko 1999 – *Petrenchenko I.* Opisi Chernigivs'kogo namisnitstva ostann'oi chverti XVIII st. [The description of Chernigiv district in the end of the 18th century], in: Ukraïna na porozhchyni XXI stolittya: aktual'ni pitannya istorii: Zbirnik naukovikh prats' [Ukraine on the eve of the 21st century: historical issues], Kiev, 1999 [in Ukrainian].

Pestsova 2009 – *Pestsova A.* Sudovi reformi malorosiy's'kogo general-gubernatora Petra Rummyantseva [The reformation of the judicial system by Rummyantsev], in: Gileya. Kiev, 2009, iss. 21 [in Ukrainian].

Pis'mo 1863 – *Pis'mo Ekateriny Olsuf'evu* [The letter from Catherine to Olsufiev], Russkiy Arkhiv, 1863, vol. 2 [in Russian].

Polonska-Vasilenko 1992 – *Polonska-Vasilenko N.* Istoriya Ukraïni: v 2-kh t. [The history of Ukraine, in 2 vols.], Kiev, Libid' Publ., 1992, vol. 1 [in Ukrainian].

RGADA – The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), Fund 220, Inv. 1, File 444. Ekaterina II nagrazhdaet grafa P. Rummyantseva chinom general-fel'dmarshala [Catherine II awards Rummyantsev with the rank of Field-Marshal] [in Russian].

RGADA 1762 – RGADA, Fund 3, Inv. 1, File 12. Perepiska po sluchayu vstupleniya na prestol Ekateriny II 1762 g. [Correspondence about the accession to the throne of Catherine II] [in Russian].

RGADA 1783 – RGADA, Fund 3, Inv. 1, File 18. Kopiya manifesta o prisoeдинenii Kryma i pr. 1783 [The copy of the manifest about the annexation of Crimea] [In Russian].

Reformy 1891 – Reformy v Malorossii pri gr. Rummyantseve [Reforms in Little Rus' by Rummyantsev], Kievskaya starina [Kiev], 1891, Nr 8, pp. 478-493 [in Russian].

Ségur 1880 – *Ségur L.* Pis'ma grafa Segyura k knyazyu Potemkinu [Correspondence between Ségur and Potyomkin], Istoricheskiy vestnik, 1880, T. 3, Nr 9. [in Russian].

Stati 2002 – *Stati V.* Istoriya Moldovy [The History of Moldova], Kishinev, Tipografia Centrală Publ., 2002, 480 p. [In Russian].

Sulyak 2013 – *Sulyak S.G.* Polietnichnaya Moldaviya [Polietnic Moldova], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2013, Nr 1 (31) [in Russian].

Tarapygin 1911 – *Tarapygin F.A.* Izvestnye russkie voennye deyateli. Kratkoe ikh zhizneopisanie [Famous Russian military leaders. Their lives], St. Peterburg, I.V. Leont'ev Publ., 1911 [in Russian].

Feldmarshal 1947 – Feldmarshal Rummyantsev: Sbornik dokumentov i materialov [Field-Marshal Rummyantsev: the collection of documents and materials], Moscow, 1947, 276 p. [in Russian].

TsDIAU 1743 – The Central State Historical Archive of Ukraine (TsDIAU), Fund 59, Inv. 1, File 7803. Delo ob oglasnenii ukaza Voennoy kollegii o naznachenii Rummyantseva polkovnikom 1743 [On awarding of P. Rummyantsev by rank of Colonel] [in Russian].

TsDIAU 1764 – TsDIAU, Fund 51, Inv. 3, File 19147, Sh. 1-21. Instruksiya revizoram po provedeniyu revizii na levoberezhnoy Ukraine 1764 [Instructions for auditors on how to conduct audition in the Left Bank Ukraine] [in Russian].

Прокоп Тарас Игоревич – аспирант кафедры истории Украины Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича.

Prokop Taras – Graduate Student on History of Ukraine Department of Yuriy Fedkovich Chernivtsi National University.

E-mail: prokoptar@gmail.com

УДК 94(47)"18/19"

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/6

ЖУРНАЛ «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУСИНОВ

С.Ф. Фоминых¹, В.П. Зиновьев²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Scopus Author ID: 56491025000

SPIN-код: 5503-6769

²E-mail: vps@tsu.ru

Scopus Author ID: 56185946000

SPIN-код: 5599-0806

Авторское резюме

В связи с возросшим интересом к истории русинского этноса, который переживает период укрепления национальной идентичности, что ставится под сомнение украинскими националистами, все актуальнее становится история взаимоотношений русофильского и украинофильского направлений в среде русского населения Австрийской империи в конце XIX – начале XX в. Это время рождения украинского национализма и русинского национального самосознания. Авторы статьи хотят привлечь внимание исследователей истории русинов к журналу «Славянский век», который выходил в Вене в 1900-1905 гг. и являлся единственным общеславянским журналом Австро-Венгрии. Редкий номер журнала выходил без сообщений из Галиции, Закарпатья или Буковины. В 92 номерах журнала, которые оказались в распоряжении авторов, помещены 103 статьи и информационные заметки о положении русин в Подьяремной Руси, как называла редакция журнала русские земли в составе империи Габсбургов. Журнал является ценнейшим источником по истории русинов.

Ключевые слова: журнал «Славянский век», русины, Галиция, Буковина, Угроссия.

The magazine “Slavic Century” as a source for the history of the Rusins

S.F. Fominyh¹, V.P. Zinovyev²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

²E-mail: vps@tsu.ru

Abstract

Due to the increased interest to the history of the Rusinian nation that is going through a period of strengthening its national identity that is being questioned by Ukrainian nationalists, the story of relationships of Russophile and Ukrainophile directions among the Russian population of the Austrian Empire in the late XIX - early tenth centuries becomes more and more actual. This is the birth of Ukrainian nationalism and the Rusinian national identity. The authors wish to draw the attention of researchers of the history of the Rusinian journal “Slavic Century”, which came out in Vienna in 1900-1905 and was the only Slavic magazine in the Austro-Hungarian Empire. A rare issue was published without any messages from Galicia, Transcarpathia and Bukovina. In 92 issues of the magazine, which were available to the authors there were placed 103 articles and information notes on the situation in the Podyaremnaya Russia, as editors called Russian lands in the Habsburg Empire. The magazine is a valuable source on the history of the Rusin people.

Keywords: magazine “Slavic Century”, Rusins, Galicia, Bukovina, Ugorrossia.

На фоне событий, происходящих в наши дни на Украине, русинский вопрос приобретает особую остроту. Подход к решению данной проблемы сталкивается с нежеланием киевских властей предоставить русинам автономию. Соседствующие с Украиной европейские государства проявляют большую заинтересованность в положительном решении этого вопроса. Так, венгерское правительство признает существование русинского народа, выступает против его украинизации, поддерживает русинскую культуру и русинское образование

на территории Венгрии. Перед Россией в настоящее время также стоит задача найти подходы к решению сложной проблемы выработки новой политики в отношении русских, живущих в Закарпатье, Буковине, Молдове. Многие из них не считают себя украинцами, а сознают себя самой западной частью Русского мира. Русинская культура и язык, да и само население нуждаются в опеке и защите, как и сто лет назад.

В последнее время появился целый ряд публикаций, посвященных истории русинов и русинскому национальному движению, борьбе этой части русского народа за свою национальную самобытность (Досталь 2007).

Начало русинского движения относится еще к середине XIX в., когда русины находились во власти Австро-Венгрии. В 1848 г. был создан своего рода политический орган галицких русинов «Головная русская рада», печатным органом которого являлся журнал «Зоря Галицкая». С этого времени периодическая печать стала одним из рупоров трансляции идей национального возрождения. Одним из таких периодических изданий был журнал «Славянский век», издававшийся в Вене в 1900-1905 гг. Тогда он являлся единственным всеславянским периодическим изданием на русском языке с сильной русофильской направленностью.

В этой связи интерес представляет статья итальянского историка Джованни Савино «“Самая коренная русская область”: образ Галиции в русской националистической периодике в 1914-1915 гг.», представляющая собой текст доклада, сделанного им на Междисциплинарном «круглом столе» «Первая мировая война в литературных и художественных источниках», организованном Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН 20-21 июня 2013 г. в Москве - «Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны». (Савино 2013: 857-862).

Дж. Савино, ознакомившись русской периодикой времен Первой мировой войны, а также работами К.А. Белиловского, В.А. Верещагина, Д.Н. Вергуна, В.С. Дружковского, отмечает, что «задача националистической периодики состояла в полной русификации области с помощью местных русофилов. Тема истории, т. е. принадлежности Галицкого княжества в системе государств Руси, стала центральным сюжетом. В каждой книге, брошюре, памфлете исторические события, которые происходили в регионе, были встроены в рамки российской истории, а также описывалось отделение «колыбели славянства» от русских земель как страдание для простого народа. Причинами мучений галицкого населения стали завоевание и господство Польского королевства» (Савино 2013: 859).

Подозревать русских в агрессивности для западных авторов в обычае. Знакомство же с материалами журнала «Славянский век», издававшегося в Вене в начале XX в., показывает, что русские в Австрийской империи были в положении защищающейся стороны.

В нашем распоряжении оказался комплект этого журнала за 1901-1904 гг. (№ 26–91/92). Он был пожертвован Императорскому Томскому университету известным славистом П.А. Кулаковским и передан в университетскую библиотеку в 1915 г. уже после его смерти наследниками вместе с библиотекой (всего 973 названия в 1 078 т.) (Отчет 1916: 123).

Платон Андреевич Кулаковский (1848-1913), родом из г. Поневежа (Паневежиса) Ковенской губернии, из семьи священника, уже в юном возрасте стал свидетелем жестокостей, которые творили поляки в отношении православных русских. После окончания Виленской гимназии (1866) он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1870 г. Затем вплоть до 1884 г. П.А. Кулаковский преподавал русский язык в мужских гимназиях Владимира и Москвы. В Москве познакомился с И.С. Аксаковым, братьями Ю.Ф. и Д.Ф. Самаринскими и проникся идеями славянофильства. Во время работы в гимназии, получив отпуск, отправился в годичную командировку за границу и посетил Чехию, Моравию, Хорватию и Словению. Там он познакомился со многими видными деятелями славянства. Возвратившись в Россию, Кулаковский в январе 1882 г. защитил диссертацию «Вук Караджич, его деятельность и значение в русской литературе» на степень магистра славяноведения. С 1884 г. состоял лектором русского языка в Варшавском университете и одновременно (1886-1892) редактировал газету «Варшавский дневник», на страницах которой освещал славянские дела с позиций России. В 1893 г. он предпринял еще одну научную командировку, на этот раз в Хорватию. По возвращении в 1894 г. защитил докторскую диссертацию «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения». В дальнейшем вплоть до 1902 г., П.А. Кулаковский являлся профессором Варшавского университета. Затем, переехав из Варшавы в Петербург, с 1 ноября 1902 до 1 декабря 1905 г. был главным редактором «Правительственного вестника». Оставив государственную службу, П.А. Кулаковский до кончины преподавал славянские наречия в Петербурге в историко-филологическом институте, женском педагогическом институте и на высших женских курсах. После себя он оставил большое количество работ по славянскому и польскому вопросам.

Наряду с этим П.А. Кулаковский – активный участник Славянского движения, развивавший идею «слияния государственных и культурных сил всего славянства», занимался общественной работой,

в 1906 г. был избран действительным членом «Славянского благотворительного общества» (с 1907 г. – почетный член, с 1908 г. – товарищ председателя). В 1911 г. его избрали в Белграде товарищем председателя «Союза славянских журналистов». Он являлся одним из инициаторов и руководителей Русского окраинного общества. С 1906 г. редактировал и издавал еженедельную политическую, общественную и литературную газету «Окраины России», ведущую на своих страницах борьбу с сепаратизмом. В 1907 г. он начал издание специальных приложений к газете «Русский – русским», в которых отстаивал идею недопустимости польской автономии. Выдвигался кандидатом в депутаты Государственной Думы по Петербургу от Союза русского народа и РС, принимал активное участие в создании Партии националистов, а в феврале 1912 г. был избран членом Главного совета Всероссийского национального союза (Степанов).

Авторам удалось просмотреть номера журнала с 26-го по 92-й, но в № 48 (С. II-VIII) помещен указатель статей № 1-48, что позволяет проанализировать состав всех 92 номеров.

В объявлении о подписке редакция журнала представила его так: «Славянский век» являлся «единственным в настоящее время всеславянским повременником на русском языке» и преследовал следующие цели:

1. Дать русскому и славянскому читателю полное, ясное и правдивое представление о культурной жизни всего славянства.

2. Идти навстречу желанию юго-западных славян ознакомиться с русской речью настолько, чтобы русский язык мог сделаться со временем общим языком для сношений славян между собою.

3. Поощрять торговые сношения западных славянских земель с Россией и обратно.

Враг узкой предвзятости «Славянский век» старался быть *всеславянским вечем*, в котором *каждый* славянин имел бы возможность свободно и искренне высказываться на своем языке по текущим славянским вопросам. Параллельные тексты на всех славянских языках дают русскому читателю возможность знакомиться со славянскими языками, славянам облегчают изучение русского языка. Для усвоения правильного произношения печатаются также рассказы и стихотворения с *надстрочными ударениями*.

С № 25 «Славянский Век» вступает во второй год издания, чтобы продолжать будить дремлющее славянское самосознание.

Журнал будет выходить 2 раза в месяц в объеме двух печатных листов.

В журнале принимали участие или обещали принимать:

Антисарматикус, д-р М.В. Вуич (сербский президент министров), Вещий Олег, проф. К.Я. Грот, проф. А.Ф. Гусев, Дамов, И. Драгутино-

вич, Н.Н. Дурново, М.И. Иванка, Гр. А. Ильинский, И.В. Каменский, ген. А.А. Киреев, В.Н. Кораблев (Веди Како), акад. Е.Ф. Корш, А.Ю. Купалов, К.Ю. Купалов, акад. В.И. Ламанский, А.Л. Липовский, Л.М. Лесковец, В.Н. Лясковский, С.Б. Миличевич, О.А. Мончаловский, В.В. Розанов, С.С. Радованович, И.П. Роганович, И.С. Свенцицкий, Сигма (С.Н. Сыромятников), А.П. Соловьевич, акад. Любомир Стоянович, Ф.И. Халупничек, В.Е. Чешихин, М.И. Шевченко, А.Н. Штиглиц (магистр международного права), Ю.А. Яворский, Н.В. Ястребов и мн. др.».

Подписка на журнал была объявлена в Австро-Венгрии, Германии, России, Сербии, Черногории, Болгарии. Подписываться можно было во всех книжных магазинах «Нового времени». Доход поступал галицко-русскому обществу «Друг» во Львове. Адрес редакции – Вена, VIII. Бенногассе № 22. Редактор-издатель – д-р Д.Н. Вергун. Девиз журнала «Любовью и силой» (Славянский век. 1902. № 26. Обложка). В 1904 г. журнал выходил тиражом 1 250 экз., имел 1 126 подписчиков, редакция ответила на 457 писем (Славянский век. 1904. № 92. С. 576).

Редактор выдерживал типовое построение номера: две-три статьи на злобу дня или к юбилею того или иного деятеля славянского движения, славянские вести, художественные рассказы, стихи, сообщение о новых книгах, полученных редакцией, реклама славянских изданий, аннотации одной-двух книг, некрологи. Строго выдержана тематика журнала – освещение проблемы культуры, политики, церковной жизни, языка, искусства славянских народов. Славянские вести касались преимущественно общественного движения – деятельности славянских обществ, кружков, съездов.

Существенное внимание журнал уделял известиям и проблемам русского населения Австро-Венгрии. Из 92 номеров 76 имели информацию о жизни русских в Подъяремной Руси, т. е. в русских областях империи Габсбургов. Анализ 92 номеров журнала с 1 июля 1900 по декабрь 1904 г. показал, что вопросов жизни русинов касались авторы 40 статей, 58 заметок и 5 раз при анализе книг. Больше всего информации о Галиции (Червонороссии) – 68, значительно меньше по Закарпатья (Угророссии) – 14, по Буковине (Карпатороссии) – 12, русинской тематики касались в статьях об Австрии в целом 9 раз. Всего мы насчитали 103 упоминания о проблемах русинского населения.

Это не может вызывать удивления, так как ведущими сотрудниками и авторами журнала были выходцы из Галиции, в которой на начало XX в. жили 7,3 из 26,3 млн подданных Габсбургов, в том числе 3 млн русских (Славянский век. 1904. № 81: 261; № 83: 327). Редактор журнала Дмитрий Николаевич Вергун (18.11.1871 – 3.09.1951) родился в Городке в Галиции, окончил в 1890 г. немецкую гимназию во Львове. За участие в движении червоно-русской молодежи был арестован в

1897 г. В Венском университете защитил докторскую диссертацию о Мелетии Смотрицком, но в должности преподавателя философского факультета этого университета ему было отказано. Тогда он включился в движение панславистов, издавал журнал «Славянский век» с 1900 по 1905 г., вновь был арестован и в 1907 г., затем выехал в Россию, работал в газете «Новое время», руководил подготовкой славянских съездов, в 1910 г. избран генеральным секретарем Всеславянского исполнительного комитета. Участник Первой мировой войны, Д.Н. Вергун с 1917 г. занимался преподавательской деятельностью в Коммерческой академии и Московском университете. В начале 1919 г. он участвовал в работе делегации Карпаторусского конгресса на Парижской мирной конференции, добивавшейся создания автономной Карпатской Руси. С 1921 по 1940 г. жил и преподавал в Праге, затем в Югославии и США. Умер в Хьюстоне. Д.Н. Вергун известен как поэт (Вергун).

В журнале печатали свои статьи такие известные русские деятели Галиции, как литератор и историк Юлиан Андреевич Яворский (27.11.1873–11.01.1937); Илларион Семенович Свенцицкий (7.04.1876–18.09.1956), организатор и директор Национального музея во Львове с 1905 по 1952 гг.; Елизавета Ивановна де-Витте (1836 – после 1915 г.), педагог, историк и публицист; С.А. Лабенский, издатель и публицист и др. Показательно, что русинские общественные деятели не нашли себе места в Советском Союзе, так как большевики сделали ставку на украинизацию.

На страницах журнала «Славянский век» несомненный интерес представляет цикл статей, объединенных общим названием «Подъяремная Русь», в которых освещалось положение русских и русской культуры в Галиции, Буковине и Угроссии (Закарпатье). Авторы статей и заметок писали о том, что русские вынуждены были бороться за свою культуру, язык и экономическое положение против австрийского правительства, онемечивания, против польских помещиков и полонизации, против украинизации, которую финансировали австрийцы, против экономического закабаления еврейской буржуазией, поддерживаемой властями, против униатов и католической церкви за сохранение православия. Многие уезжали в Америку, Канаду, Аргентину и Бразилию. Так, С.А. Лабенский сообщал о вражде русских и украинофилов в Галиции: «Галицкие украинофилы не желают иметь ничего общего с русской культурой и литературой, отвергнув даже имя русское» (Лабенский 1902: 109).

Е.И. де-Витте писала: «Русской партии предоставлено бороться своими собственными силами с латинством, полонизацией, украинофильством, еврейскими захватами и правительственным давлением. Борьба тяжелая и неравная» (В-а В-н. 1904: 222).

Вот что пишет автор под псевдонимом Иоссов: «Борьба за народные права, за сохранение своего национального облика - вот удел Галицкой Руси. Это тяжелая борьба истощает все силы русского галичанина. Она немногим известна, и откуда же знать постороннему жителю о существовании этого забытого и прибитого уголка русской земли? Серый, голодный, полуграмотный галицко-русский мужик не станет ведь глашатаем своего горя-горемычного: ему не на что заплатить недоимки, поправить полуразвалившуюся избу, купить соли, где же ему вещать миру о нужде своей родины? Он остается дома и недоумевает, почему Господь о всех помнил, только о нем забыл. Если же нужда станет непосильна, он продает свое скудное имущество и бежит в Бразилию или Парану, предпочитая неизвестное рабство на чужбине мнимой свободе на родине. И тогда только является галицко-русский крестьянин немым свидетелем родной нужды. Галицко-русский промысел, торговля не могут свидетельствовать о кипучей жизни страны: несколько десятков жидов-коробейников и мелких торговцев скотом не заходят далее родного Куликова и Яворова. Правда, гуцульские кустарные изделия нашли себе место даже и на Парижской выставке, но они заинтересовали одних любителей-этнографов и не могли привлечь внимания на всю страну. И галицкая наука не может отвоевать место своей стране. Вся наука страны слилась с политикой и стала выражением мечтаний и стремлений верховодящих партий» (Иоссов 1902: 371).

Автор обратил внимание на процесс ополячивания и латинизации Восточной Галичины, который осуществляла властвовавшая польская шляхта, добываясь «истребления русского духа и русской мысли в Галичине». Польские профессора-шляхтичи Львовского университета, пишет он, «решились во чтобы то ни стало ополячить Восточную русскую Галичину». Они, по его словам, «произносят противурусские речи в парламенте, пр. Гломбинский доказывает статистически, что одна треть Восточной Галичины – польская, основываясь на этом заявлении проф. Охенковский доказывает необходимость усилить колонизационную деятельность на окраинах. Чудные мысли? Их разрабатывают, литература по этому вопросу растет, выдвигаются различные мотивы, говорящие за колонизацию, между прочим, напр. и то, что Восточную Галичину нужно заселить мазурами для того, чтобы на случай присоединения ее к России можно было бы предъявить свои притязания на всю Галичину как польскую страну». «Пока же Восточная Галичина превратится в сплошную колонию Польши, решили помещики-поляки заставлять русских мужичков-поденщиков изучать польский язык и ходить в костел. Не говорящие по-польски мужики не нанимаются в поденщики, занятия прекращаются только

в воскресения и польские праздники: следовательно, мужик принуждается для получения заработка говорить по-польски и работать в свой русский праздник». В том же направлении работали и польские ксендзы. «Они, – пишет Иоссов, – наводняют русскую часть Галичины своими монахинями, монахами, часовнями, праздниками, миссиями и различного рода польско-патриотическими проповедями и богослужениями. Главными же сопомощниками польских ксендзов в латинизации страны являются униатские василияне и горсточка “русско-католических” священников» (Иоссов 1902: 371-372).

Среди общественно-политических сил, действовавших в начале XX в. в Восточной Галичине, автор называет Народно-русскую партию, «опирающуюся на культурное и духовное единство всех частей великой русской земли» и Национально-демократическую, стремившуюся «к соединению Юго-Западной Руси, т. е. Украины, Белоруссии и Галичины, в одно самостоятельное целое». Причем последняя партия, считавшая себя «украинской», в своей деятельности была очень близка к «польским мечтам разбить Россию так, чтобы от нее и следа не осталось». Неудивительно поэтому, пишет автор, что «противодействие ее вовсе не опасно полякам, и они поддерживают ее деятельность суммой в 60 000 крон, отпускаемой на издания украинофильских обществ “Просвіта”, “Товар[ищества] им. Шевченко” и на содержание “Украинского театра”». Те же самые поляки, продолжает Иоссов, «даруют еще украинофилам ежегодно один гимназический класс с “украинским” преподавательским языком и несколько “украинских” вывесок на казенных учреждениях Восточной Галичины». С русской стороны, пишет он далее, «за права и достояние народа действовали с успехом издания народного Общества им. Качковского, расхोдившиеся в свыше 8 000 экземплярах между русскими галичанами, и народная газета “Русское слово”, насчитывающая сегодня 4 000 подписчиков. Приведенные цифры - самые высокие из когда-либо существовавших в Галичине». По его мнению, важную роль играли возобновление деятельности «Галицко-русской Матицы» и издание Обществом русских студентов «Друг» стихотворений Д.Н. Вергуна. Тем не менее Иоссов выразил надежду на то, «будущее принесет Галиции более успеха в борьбе как с нынешними врагами, так и с губительной деятельностью ее заблудившихся и зазнавшихся сынов!» (Иоссов 1902: 372).

В статье, посвященной «Народному дому», одному из старейших (основан в 1849 г.) русских обществ в Галиции, С.А. Лабенский отмечал: «Русским деятелям в Галиции приходится защищаться на два фронта. С одной стороны, они борются с местными “сепаратистами”, “украинофилами”, задавшимися целью во чтобы ни стало искоренить истинное

русское сознание в галицко-русском населении, с другой стороны, с польским “Drang nach Osten” (напором на восток). <...> Оживление деятельности “Народного дома” направлено главным образом на воспитание молодежи в истинном русском духе, на образцах русской литературы, для того, чтобы дать ей лучшее оружие для борьбы с “сепаратизмом”. С другой стороны, борьба с польским “напором на восток” вызывает потребность усиления народного просвещения и организации народных масс» (Лабенский 1902б: 302-303).

Авторы «Славянского века» своими статьями иллюстрируют умелую национальную политику Вены, которая выражалась в натравливании друг на друга славян, составлявших большую часть населения империи, в выстраивании иерархии народов, в которой русские занимали самое низкое место. Русских сталкивали с украинофилами, поляками, евреями в Галиции, с румынами в Буковине, с венграми в Закарпатье. Русские обделялись школами, их изгоняли из университетов, не признавали право на язык и православную веру. С горечью русские публицисты «Славянского века» отмечали: «Западные славяне, ходящие на немецких помочах, желали бы и самостоятельную Россию переустроить по-немецки» (Лесковец 1902: 587).

Материалы «Славянского века» живо напоминают современную ситуацию борьбы восточноевропейских государств – Польши, Украины, Болгарии, Румынии против всего русского. Только место австрийского императора теперь занимают американский президент и канцлер ФРГ.

Краткий обзор содержания журнала показывает, по нашему мнению, чрезвычайную его ценность как источника по истории русинов. Материалы журнала также помогают раскрыть тайну рождения украинского национализма, возвращенного австрийскими властями для борьбы с русскими в Галиции. Эта «забота» была подхвачена гитлеровским рейхом, а затем властями США и Евросоюза.

* Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ/ Tomsk State University Competitiveness Improvement Programm.

ЛИТЕРАТУРА

Вергун - *Дмитрий Николаевич Вергун*. Материал из Википедии - свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитрий_Николаевич_Вергун (дата обращения: 15.02.2015).

Досталь 2007 - *Досталь М.* Русинское национальное движение и его отражение в современной историографии // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2007. № 3 (11). С. 97-105.

Савино 2014 - *Савино Дж.* «Самая коренная русская область»: образ Галиции в русской националистической периодике в 1914-1915 гг.» Публикации, исследования и материалы. М.: Издательство ИМЛИ им. А.М., 2014. 880 с.

Отчет 1916 - *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1915 г. Томск, 1916. Отдел 6.

Степанов - *Степанов А.* Платон Андреевич Кулаковский. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kulakovski_pa.php (дата обращения: 12.02.2015).

Славянский век - *Славянский век.* Всеславянский журнал. 1900-1904.

Лабенский 1902a - *Лабенский С.* Обновление русской партии в Червонороссии // *Славянский век.* 1902. № 52. С. 109-111.

В-а В-н. 1904 - *В-а В-н.* Рец. на кн.: - Е.И. де-Витте. Буковина и Галичина. Лето, 1903 г. Киев, 1903 // *Славянский век.* 1904. № 79. С. 221-223.

Иоссов 1902 - *Иоссов.* Из Подъяремной Руси // *Славянский век.* 1902. № 37-38. С. 371-372.

Лабенский 1902b - *Лабенский С.А.* Что делается в Подъяремной Руси // *Славянский век.* 1902. № 58. С. 302-307.

Лесковец 1902 - *Лесковец Л.* Из славянской сравнительной психологии // *Славянский век.* 1902. № 45. С. 584-588.

REFERENCES

Vergun – *Wikipedia for Vergun, Dmitriy Nikolaevich* [Online]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=67005210> (accessed: 15th February 2015) [in Russian].

V-a V-n 1904 - *V-a V-n.* Rets. na kn.: E.I. de-Witte. Bukovina i Galichina. Leto, 1903 g., Kiev, 1903 [The Book Review: Witte E.I. Bukovina and Galicia. Summer, 1903, Kiev, 1903], *Slavyanskiy vek* [Slavic century], *All-Slavonic Journal* [Vienna], 1904, Nr 79, pp. 221-223 [in Russian].

Dostal 2007 - *Dostal M.* Rusinskoe natsional'noe dvizhenie i ego otrazhenie v sovremennoy istoriografii [The Ruthenian National Movement as reflected in modern historiography], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2007, Nr 3 (11), pp. 97-105 [in Russian].

Iossov 1902 - *Iossov.* Iz Pod"yaremnoy Rusi [From Rus' Rus under the yoke], *Slavyanskiy vek* [Slavic century], *All-Slavonic Journal* [Vienna], 1902, Nr 37-38, pp. 371-372 [in Russian].

Labenskii 1902 - *Labenskii S.A.* Obnovlenie russkoy partii v Chervonnorossii [The renewal of the Russian party in Chervonnorossiya], *Slavyanskiy vek* [Slavic century], *All-Slavonic Journal* [Vienna], 1902, Nr 52, pp. 109-111 [in Russian].

Labenskii 1902a - *Labenskii S.A.* Chto delaetsya v Podyaremnoy Rusi [What is going on in Podyaremnoy Rus'], *Slavyanskiy vek* [Slavic century], *All-Slavonic Journal* [Vienna], 1902, Nr 58, pp. 302-307 [in Russian].

Leskovets 1902 – *Leskovets L.* Iz slavyanskoy sravnitel'noy psikhologii [From the Slavonic comparative psychology], Slavyanskiy vek [Slavic century], All-Slavonic Journal [Vienna], 1902, Nr 45, pp. 584-588 [in Russian].

Otchet 1916 – *Otchet* o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1915 g. [Report on the status of the Imperial Tomsk University for 1915], Tomsk, 1916 [in Russian].

Savino 2014 – *Savino D.* Samaya korennaya russkaya oblast': obraz Galitsii v russkoy natsionalisticheskoy periodike v 1914-1915 gg. [The most radical Russian region: the image of Galicia in the Russian nationalist periodicals in 1914-1915], Moscow: Institute of World Literature Publ., 2014, 880 p. [in Russian].

Slavyanskiy vek – *Slavyanskiy vek* [Slavic century], All-Slavonic Journal [Vienna], 1900–1904.

Stepanov 2015 – *Stepanov A.* Platon Andreevich Kulakovskiy [Platon A. Kulakovskii] [Online]. Available at: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kulakovski_pa.php (Accessed: 12th February 2015).

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Fominykh Sergey – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief of the Department of Modern Russian History of Historic Faculty of Tomsk state university.

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Томского государственного университета.

ZinovyeV Vasiliy – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History of Tomsk State University.

E-mail: vpz@tsu.ru

УДК 94(478)"1812/1917"

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/7

РУСИНЫ БЕССАРАБИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: К ПРОБЛЕМЕ ЧИСЛЕННОСТИ

С.Г. Суляк

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359315000

Researcher ID: D-6981-2014

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

Дореволюционные и советские исследователи полагали, что численность русинского населения Бессарабии в начале XX в. составляла около 250 тыс. чел. (т. е. более 1/8 населения губернии). Однако русины проживали не только на севере Бессарабии. Смешанные, а также населенные преимущественно русинами пункты существовали в центральных и южных частях губернии. Также они жили в городах Бессарабии и некомпактно - в молдавских селах. В инонациональном окружении они, будучи билингвами, постепенно утрачивали свою идентичность. Свидетельством ассимиляционных процессов являются названия населенных пунктов современной Молдавии и русинское происхождение распространенных фамилий. На проживание русинов в различных частях Бессарабии указывают материалы Национального архива Республики Молдова, в том числе и данные ревизских сказок. Таким образом, можно предположить, что численность русинского населения в рассматриваемый период значительно превышала указанную.

Ключевые слова: русины, Бессарабия, Российская империя, Россия, Молдавия, Буковина, молдаване, русские.

The Rusins of Bessarabia in the 19th-beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers

S.G. Sulyak

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

Pre-revolutionary and Soviet researchers determined the Rusin population of Bessarabia at the beginning of the 20th C. to be about 250 000 (that is more than 1/8 of the population of the province). However, the Rusins not only inhabited the northern part of Bessarabia. Mixed and predominately Rusin areas were also found in the central and southern areas. Rusins also lived in the cities of Bessarabia and less compactly in Moldavian villages. Being bilingual in non-Rusin environments eventually led to the loss of Rusin identity. Evidence of the assimilation process is shown in the names of populated areas in contemporary Moldavia and in the surnames of Rusin ancestry. Material in the National Archives of the Republic of Moldova including data from audits indicate the existence of Rusins in various parts of Bessarabia. Thus it can be assumed that the number of Rusins in the period under study was significantly higher than stated.

Keywords: Rusins, Bessarabia, Russian Empire, Russia, Moldavia, Bukovina, Russians.

Изучение этносов Бессарабии, в том числе и русинов (руснаков), началось со времени вхождения территории между Прутом и Днестром в состав Российской империи. Интерес представляет сравнение изложенных дореволюционными российскими исследователями и румынскими историками-бессарабцами сведений об этой этнической группе, истории ее появления на данной территории, локализации и численности.

Авторы работ, написанных в первые годы после присоединения территории к России, в большинстве своем, учитывая слабую степень изученности вопроса, русинов отдельно не упоминают, причисляя их либо к русским, либо к малороссам. Протоиерей Петр Куницкий в изданном 1813 г. «Кратком статистическом описании Заднепровской области» указывал, что, помимо молдаван (только их считал коренными жителями), в крае проживали великороссияне, малороссияне (*русинов он отдельно не выделил.* – С.С.), болгары, греки, армяне, цыгане, евреи. Он же упомянул, что количество населения «в точности еще не известно» (Куницкий 1813: 13-14).

В служебной записке «Описание Бессарабской области», написанной в 1816 г., сотрудник Коллегии иностранных дел надворный советник П.П. Свинын сообщает, что «Бессарабскую область населяют разные народы, как-то: молдаване, русские, греки, болгары, армяне, немцы, сербы, жида и цыгане». По его мнению, «главные и коренные обитатели земли сей суть молдаване или волохи». «Россияне», на его взгляд, «поселились здесь в разные времена и по разным обстоятельствам». Это «потомки беглых стрельцов», «филипонских

раскольников» (липоване), «некрасовцы» (игнат-казак), «остальные суть те, кои ушли из России от рекрутства или господ своих», «большая часть из них возвратилась в Россию». К «россиянам» Свиньин причисляет и «малороссиян (*т. е. русинов. – С.С.*), переселившихся сюда большей частью из бывшей Польши по причине угнетения поляками за веру во время Унии» (Свиньин 1867: 204-205).

М.Я. Драган в 1849 г. указывал, что, кроме молдаван, великороссиян, казаков, некрасовцев, болгар, волохов, сербов, армян, швейцарцев, виртемберцев, баварцев, евреев и др., Бессарабия населена «в северо-западной части Хотинского уезда и по берегам Днестра русняками, перешедшими из Галиции и укоренившимися здесь с давнего времени» (Драган 1849: 99-100).

В изданном Статистическим комитетом «Списке населенных мест Бессарабской области» среди этносов, населявших Бессарабию, указывались «галицияне» (галичане), «или собственно руснаки, иначе русины, нередко называемые, хотя и неправильно, малороссиянами и еще райлянами или точнее райянами» (Бессарабская область 1961: XIX-XX). Их называли «старейшими, по времени водворения, если не исконными поселенцами здешнего края». Упоминалось, что русняки живут преимущественно в Хотинском уезде, где их более 3/5 населения (и 1/8 всего населения Бессарабии). По численности после Хотинского следует Сорокский, затем Ясский (*с марта 1887 г. - Белецкий (Бельцкий) уезд. - С.С.*) и Оргеевский уезды, в остальных трех (Кишиневском, Бендерском, Аккерманском) русины встречаются в незначительном количестве. По показаниям приходских списков, их приблизительно до 130 тыс. чел., хотя «нельзя определенно сказать, до какой именно цифры простирается общее количество русняков в Бессарабии» (Бессарабская область 1861: XX).

А.И. Защук перечисляет «племена, населяющие ныне Бессарабию»: «молдаване (румыны), русины, или племя южнорусское, болгары, армяне, греки, немецкие колонисты, швейцарцы и всюду рассеянные евреи и цыгане, к этому должно прибавить разновременно причисленных к городам и селениям, преимущественно средней и южной части Бессарабии, выходцев из разных мест, великороссиян и малороссиян, а также в Хотинском уезде поляков. Кроме того, в болгарских колониях находятся сербы и арнауты» (Защук 1862: 151; Защук 1863: 498). Он указывал, что «второе по многочисленности своей племя из населяющих Бессарабию – русины, или руснаки, говорящие языком южнорусским, немного отличным от малороссийского», «племя, населявшее Червонную Русь и Галицкое княжество» (Защук 1862: 155; Защук 1863: 504). Они населяют «почти все селения Хотинского уезда и некоторые припрутские селения Яско-

го уезда, преимущественно северной части». Количество русинов во всей области им оценено до 120 тыс. чел. (1/8 населения Бессарабии) (Зашук 1862: 156; Зашук 1863: 304). По местным сведениям, в 1856 г. в области числилось 980 тыс. чел. (Зашук 1862: 151; Зашук 1863: 498). Он делил русинов на три группы: коренных жителей, переселенных молдавским господарем Георгием Дукой, которого турки назначили гетманом Украины в 1681-1684 гг., и перешедших в Молдавию во времена унии в конце XVI – начале XVII в. (Зашук 1862: 155; Зашук 1863: 504).

А.С. Афанасьев-Чужбинский писал, что «по обеим сторонам Днестра от австрийской границы до Черного моря живут малорусы ("руснаки – отрасль малорусов"), молдаване, евреи, армяне, сербы, цыгане и великорусские раскольники, именуемые в Бессарабии липованами» (Афанасьев-Чужбинский 1863: 3). Он же отмечал, что бессарабские руснаки родственны галицийским и жили здесь исконно (Афанасьев-Чужбинский 1863: 4).

Согласно отчету бессарабского губернатора за 1868 г., малороссов и русинов в области было 21,5 % населения (РГИА: 35). Как видим, в официальных документах эти этносы не разделялись.

В «Трудах этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край» русинов («русьняков») обозначают как «третий видовой тип южнорусского племени», живущий на территории Подолья, «т.е. страны, расположенной по обеим сторонам р. Збруч, между рр. Ушица и Серет, а также пограничья Волынской губернии, всего Владимирского уезда, большей части Люблинской губернии, Восточной Галичины, южных склонов Карпатских гор в Венгрии, северной части Буковины и западной Хотинского уезда Бессарабской области» (Труды 1872: 465). В Бессарабии русины населяли северо-западную часть области: около половины населения Хотинского уезда, менее 10 % Ясского и 1/6 Сорокского. Всего в этих уездах их насчитывалось, по данным исследователей, до 100 тыс. чел. (Труды 1872: 362-364).

А.Ф. Риттих, как и официальная российская статистика, не разделял русинов и малороссов, называя их «малоруссы (украинцы)» (Риттих 1875: 166, 168). Правда, он отмечал, что «в северных уездах Бессарабской области живут малоруссы-украинцы, которых иногда зовут русняками», и что «этот отдел славянства ничуть не отличается от своих соседей в Галичине, Буковине – русин и в Подолии – украинцев» (Риттих 1875: 180).

В монографии «Бессарабия...», изданной П.Н. Батюшковым, русины названы «потомками древних хорватов» (Петров 1892: 32), «исконными обитателями Хотинского и соседних уездов» (Петров:

101), жившими здесь до прихода волохов (Петров 1892: 46-47), частью русского народа, и отделялись от малороссов («русские (русины, малороссы, великороссы»).– С.С.). В 1861-1862 гг. при населении области 1 003 035 чел. молдаван и валахов было 515 927 чел., русинов, малороссов и великороссов – 283 793 (Петров 1892: 171).

В «Бессарабии...» под редакцией П.А. Крушевана подчеркивается, что «русины, или руснаки, говорящие немного отличным от малороссийского языком», – коренное население края, жившее в верховьях Бессарабии еще до прихода «первого основателя Молдавии Драгоша». «Русинами населены почти все селения Хотинского и некоторые припрутские селения Белецкого уезда, преимущественно северной его части. Общая численность их в губернии не менее 250 тыс., т. е. 1/8 всего населения» (Бессарабия 1903: 179).

В работах, проведенных под руководством П.П. Семёнова-Тян-Шанского, тоже приводятся сведения о русинском населении Бессарабии. В первом томе «Географо-статистического словаря Российской империи», изданном в 1863 г., (в справке «Бессарабская область») говорится, что «русняки, или галициане и райяне (т. е. составляющие райю (провинцию) турецких владений) живут в числе до 130 000 чел. д. об. п. преимущественно в уу. Хотинском, Сорокском, Яссском, Оргеевском. Малороссияне стали селиться здесь в XVII в., их теперь до 70 000 д. об. п.» (Семёнов 1863: 253). В «Полном географическом описании нашего отечества» о русинах Бессарабии сказано следующее: «В северо-западном углу Бессарабской губ., в Хотинском у., затем отчасти в соседних с ним Сороцком (*Сорокском*. – С.С.), Белецком и Оргеевском живут малоруссы – так называемые русняки (червоноруссы), в наших переводах с немецкого (Ruthenen) – русины, или райяне, т. е. жители «райи» – района, составлявшего некогда турецкую провинцию с христианским населением. Нередко бессарабские русняки называются также галицианами, так как большая часть их переселилась сюда из Галиции во время притеснения унии, часть же русняков считается даже чуть ли не коренным населением этого бессарабского района, заселявшегося особенно усиленно после ухода отсюда турок в 1806 г. В Хотинском уезде они составляют около 1/2-2/3 населения (113 сел, из них 90 населенных исключительно русинами и 23 – в смеси с молдаванами), в Белецком – 10 % и в Сороцком – до 1/6 населения, а всего в Бессарабии их численность составляет около 1/8 общего количества жителей» (Россия 1910: 186, 187). Если учесть, что на 1 января 1910 г. в Бессарабской губернии числилось 2 445 354 чел. (Справочные сведения 1911: 9), то 1/8 – более 300 тыс. чел.

А.А. Кочубинский писал, что «русский элемент в крае представлен в двух его концах: на севере – автохтонным, «русинским», на юге, в

Буджаке – пришлым, велико- и малорусским, от недавнего времени» (Кочубинский 1903: 399).

По мнению П.А. Несторовского, автора первой монографии, посвященной русинам Бессарабии, «давно отрезанные от своих сородичей – закордонных русинов – бессарабские русины за протекшее время своей обособленной жизни успели превратиться в самостоятельную этнографическую единицу с довольно явственно обозначенною индивидуальностью». Указывая, что «в настоящее время они уже не русины Буковины и Галиции и не малороссы юго-западных губерний России, а племя почти самостоятельное, понимая, конечно, это последнее относительно». Под русинами, указывает автор, «принято вообще понимать малорусское население Галиции и Буковины или потомков тех древних славян, которые в истории известны под именем Червонной Руси или червоноруссов. Потомки этих червоноруссов уцелели и в Бессарабии, а именно в Хотинском уезде. Изредка, отдельными поселениями, встречаются они еще и в других уездах, преимущественно соседних с Хотинским – Сорокском и Белецком». Он считал, что последние в значительной части подверглись «румынизации» (молдавенизации). (Несторовский 1905: 1-2). В свое время В.И. Кельсиев тоже отметил этнографические отличия «между русинами и руснаками, между жителями поля и гор, между хлопами (галичанами) и мужиками (буковинцами, на Буковине не было крепостного права) (Кельсиев 1868: 139).

П. Несторовский считал, что русинское население «как в Хотинском уезде, так и вообще в Бессарабии» в начале XX в. составляло около 250 тыс. чел. (Несторовский 1905а: 11; Несторовский 1905b: 73).

П.Д. Драганов в своих записках о народонаселении Бессарабии от 25 декабря 1910 г., приводя данные о русском населении края и его расселении, считал, что русские составляли 537 943 чел. (1/4 «всего разнородного населения губернии (2 344 806)». Причисляя русинов к малороссам, он упомянул, что «здесь русский народ представлен в настоящее время не только потомством поздних переселенцев из Малороссии и Московского государства... но и в лице потомков аборигенов края - современных строго православных руснаков, или русин, хотинских райков (по-молдавски райлян) и отчасти гуцулов, лемков и бойков» (НАРМ 1: 1). «Райки, или райляны, заселяют почти сплошь Хотинский и отчасти Со... (обрывается: Сорокский и Бельцкий. – С.С.) (НАРМ 1: 2).

По сведениям В.Н. Бутовича, общая численность русинов, которых он называл «здесьнее малороссы, обычно называющие себя руснаками или русскими», в Хотинском, Сорокском, Бельцком, Оргеевском

уездах составляла в 1907 г. не менее 270 тыс. чел. (Бутович 1916: 11-12, 14-15).

Л.С. Берг, чьи работы по истории Бессарабии вышли сразу после революции, называл русинов «малорусы-украинцы». Это «коренное малорусское население сосредоточено на севере губернии, преимущественно в Хотинском уезде». «Сами себя наши малорусы называют руснаками или руськими» (Берг 1918: 106). Отмечено, что «прежде нередко их именовали райками или райлянами, ибо при турецком владычестве они населяли Хотинскую райю; в Аккерманском уезде есть деревня Райлянка, названная так, потому что она населена малорусами – переселенцами из Хотинского уезда. Малорусы населяют сплошными массами преимущественно северную часть Хотинского уезда... Всего в этом уезде, считая с городом, малорусы составляют 53 % населения. Отдельными поселениями они встречаются и в соседних частях Сорокского и Белецкого уездов. Всего коренного малорусского населения (так называемых русин) в Северной Бессарабии насчитывают до 250 тысяч. Отсюда, а равно из Подолии и других мест России, малорусы переселились, а отчасти и теперь продолжают переселяться и в прочие уезды Бессарабии (кроме Кишиневского), особенно - в Аккерманский» (Берг 1918: 107).

В другой своей работе «Население Бессарабии. Этнографический состав и численность» Л. Берг тоже указывает регион расселения так называемого малорусского населения, которого насчитывалось 20 % населения губернии: «Малорусы в Бессарабии живут сплошными массами в двух местах: на севере, в Хотинском уезде, и на юге, в Аккерманском и частью в Измаильском и Бендерском. Происхождение тех и других различно». «Северные, мы будем их называть хотинскими, – это коренное население Бессарабии, возможно, сидящее здесь, в лесной области, с древнейших времен, может быть, со времен уличей». «Хотинские малорусы – это те же самые русины, что населяют прилегающие части бывшей австрийской Буковины, и в литературе они обычно известны под именем русин. Сами себя хотинские малорусы называют руснаками или руськими» (Берг 1923: 15). Л. Берг упоминает, что, помимо северной части Хотинского уезда, прилегающей к Днестру, где «малорусское население здесь является преобладающим», отдельными поселениями коренное малорусское население встречалось и в соседних частях Сорокского и Бельцкого уездов (Берг 1923: 16-17). Касательно заселения Райлянки он уточняет, что «она заселена в 1830 г. райлянами из Хотинского уезда» (Берг 1923: 15). Всего коренных малорусов в северной Бессарабии, по данным Л. Берга, к 1907 г. было около 250 тыс. Однако перед началом Первой мировой войны русины в

довольно большом числе переселялись из-за Днестра в Северную Бессарабию (Берг 1923: 17).

Исследователи обращали внимание, что русины, проживая рядом с молдаванами, подвергались «румынизации» (молдавенизации). Это отмечали А. Кочубинский, П. Несторовский, В. Бутович, Л. Берг (Кочубинский 1903: 296, 397; Несторовский 1905а: 1-2; Бутович 1916: 9, 11; Берг 1923: 16).

Интересное замечание о сложности этнической идентификации в смешанных молдавско-русинских поселениях и в местах некомпактного расселения русинов, как правило, владевших не только русинским, но и молдавским языком, высказал В. Бутович: «Сам народ хорошо подметил это явление и запечатлел в ходячей пословице "Татул рус, мама рус, нума Иван – молдаван", т. е. отец русский, мать русская, а сын Иван молдаванин. На каждом шагу встречаются в смешанных молдавско-малорусских селениях малорусские семьи, где старшие члены семьи хорошо говорят на своем родном языке, а младшее поколение не умеет говорить и даже иногда не понимает его. Случается нередко то же даже с целыми чисто малорусскими селениями, заброшенными в молдавскую стихию. Вот по этой-то причине весьма часто представляется трудным и даже положительно невозможным установить без специальных научных изысканий настоящую народность жителей того или иного селения; назвать ли их малороссами, прекрасно говорящими по-молдавски, или молдаванами, говорящими или только понимающими по-малорусски. Затрудняются в этом постоянно даже так близко стоящие к народу люди, как народные учителя и священники. Нередко один считает жителей данного селения молдаванами, другой малороссами. И каждый из них по-своему прав» (Бутович 1916: 10).

Таким образом, дореволюционные российские этнографы в большинстве своем считали русинов (руснаков) Бессарабии коренным населением края, родственным русинам соседней австрийской Буковины и Галиции, и отделяли их от малороссов. Некоторые признавали их совершенно отдельной этнографической группой, регионом их компактного расселения обозначали северо-восток Бессарабии (Хотинский, отчасти Бельцкий, Сорокский и Оргеевский уезды). Также некоторые исследователи указывали на их некомпактное расселение в других уездах, в т. ч. и в молдавских селах, что, учитывая билингвизм русинов, затрудняло определение их реального количества. Численность русинов Бессарабии определялась во второй половине XIX в. в пределах от 100 до 130 тыс., в начале XX в. – от 250 до более 270 тыс. чел.

В свою очередь исследования румынских авторов грешат многочисленными неточностями, что скорее всего можно объяснить

политической ангажированностью. З.К. Арборе-Ралли, бывший российский революционер, бессарабец, эмигрировавший в 1872 г. в Румынию, в своей монографии «Бессарабия в XIX в.» писал, что второй после румын этнос – русины (руснаки), которые говорят по-украински. Русины, рутены проживают в части России и Галиции. Это население, по его словам, пришло в верхнюю часть Бессарабии с Украины и Волыни в конце XVI – начале XVIII в., так как не приняло унии. Их численность в 1861 г. насчитывала 120 тыс. чел. (1/12 от общего числа жителей (?)) (Arbure 1898: 100). В верхней части Бессарабии, которая имеет свои границы с Подолией и Галицией, проживает немного русинов (*rutenii*) (Arbure 1898: 100).

Малороссов автор почему-то называл *Ruteni* и утверждал, что российская статистика отрицает (?) родство рутенов (*Rutenii*) Южной России и Галиции, что рутены живут в Аккерманском уезде и Буджаке, что их, по данным 1856 г., 6 тыс. чел. и пришли они с левого берега Днестра, спасаясь от рабства. Много сел их также вдоль берега Прута, в Бельцком и Кишиневском округах (Arbure 1898: 101-102). По его сведениям, в 1890-1891 гг. молдаван (румын) было 66,4 % (1 089 995 чел.), русинов – 13,1 % (215 044), рутенов – 0,5 % (8 207), русских (москалей, *muscalii*) – 2,1 % (34 473). Всего населения было 1 641 559 чел. (Arbure 1898: 146-147).

В вышедшей под редакцией бессарабского историка Ш. Чобану монографии «Бессарабия» отмечается, что рутены появились в качестве компактной группы на севере Бессарабии со времени образования турецкой райи в Хотине, во время русско-турецких войн и пришли из Буковины и востока Днестра (Ciobanu 1926: 53) В 1816 г. в Хотинском уезде румынский элемент был подавляющим, тогда как иностранных элементов не было (Ciobanu 1926: 62).

Другой румынский историк, бессарабец А. Болдур, утверждал, что, когда на севере Бессарабии турки создали райю, туда стали приходить русины из Галиции и Подолии (Boldur 1943: 114). Живут русины в Хотинском уезде вместе с румынами (Boldur 1943: 115) в северной части Бессарбии (Boldur 1943: 118). В 1897 г. русинов в Хотинском уезде было 53 % населения (Boldur 1943: 121). В дальнейшем автор малоросское и русинское население называет украинцами.

Ранее мы уже затрагивали вопрос о некомпактном проживании русинов во многих населенных пунктах Молдавского княжества, в т. ч. на территории между Прутом и Днестром, ссылаясь на различные топонимические и антропологические данные, сведения посемейной переписи населения 1772-1774 гг., охватившей все 24 цинута Молдавии и проведенной русской военной администрацией по приказу главнокомандующего русской армии П.А. Румянцева (Суляк 2013: 95-105).

Эта ситуация сохранялась в Бессарабии в XIX-XX вв. Просмотрев «Ревизские сказки 1835 г.», мы найдем среди жителей населенных пунктов, не указанных в списке как русинские или смешанные, сделанном этнографическо-статистической экспедицией в Западно-русский край (Труды 1872: 362-364), т. е. считавшихся во второй половине XIX в. молдавскими, носителей русинских фамилий, в т. ч. и этнического происхождения.

1835 г.: среди 718 царан обоего пола с. Липник Хотинского уезда наряду с молдавскими встречаются фамилии Гуцулак (НАРМ 2: 8 об.), Кручок, Богач (НАРМ 2: 9 об.), Козак, Рус (НАРМ 2: 11 об.), Бурсук, Руснак (НАРМ 2: 12 об.), Стекалюк (НАРМ 2: 20 об.), Тульчинский (НАРМ 2: 22 об.) и т. д.

По данным переписи населения 2004 г., в с. Липник Окницкого района Республики Молдова проживало 2 651 чел., среди них 2 559 молдаван и 60 украинцев (Перепись 2004).

1835 г.: с. Немировка Ясского уезда (234 царан) - Грицко (НАРМ 2: 324 об.), Бурка (НАРМ 2: 355 об.), Грицко (НАРМ 2: 354 об.), Иванко (НАРМ 2: 356 об.) и т. д.

2004 г.: в с. Нимереука Сорокского района Молдавии проживало 2 440 чел., из них 2 422 молдаванина, 8 украинцев, 6 русских (Перепись 2004).

1835 г.: с. Малкауцы Ясского уезда (140 царан) - Гуцул (НАРМ 3: 334), Гарбуз (НАРМ 3: 335), Шевчук, Лесник (НАРМ 3: 337) и т. д.

2004 г.: в с. Мэлкэуць Сорокского района Молдавии проживало 231 чел., из них 224 молдаванина, 4 русских, 1 украинец (Перепись 2004).

1835 г.: с. Мегура Ясского уезда (498 царан) - Русу (НАРМ 3: 217), Грабовский, Шаринчук (НАРМ 3: 224), Гуцулак Михайло, сын Якова, сыновья Петр, Иван (НАРМ 3: 225), Решетник (НАРМ 3: 226), Зелинский (НАРМ 3: 227) и т. д.

2004 г.: в с. Мэгура Фалештского района Молдавии проживало 38 человек, из них 37 молдаван (Перепись 2004).

1835 г.: с. Гертоп Ясского уезда (166 царан) - Рябый, Бабий, Русу (НАРМ 4: 22 об.), Лесник, Чумак (НАРМ 4: 24 об.) и т. д.

2004 г.: в с. Хыртоп Флорештского района Молдавии проживало 805 чел., среди них 784 молдаванина, 12 украинцев, 8 русских, 1 румын (Перепись 2004).

1835 г.: с. Гура-Каинар Ясского уезда (439 царан) - Козак, Бурлак (НАРМ 4: 54 об.), Руссу (НАРМ 4: 57 об.), Гуцу (НАРМ 4: 59 об.) и т. д.

2004 г.: в с. Гура Кэинарулуй Флорештского района Молдавии проживало 1 700 чел., из них 1 666 молдаван, 13 украинцев, 12 румын, 9 русских (Перепись 2004).

1835 г.: с. Деркауцы Ясского уезда (163 свободных поселян) - Чу-мак, Райлян, Гуцул (НАРМ 5: 189), Голубь, Лесник (НАРМ 5: 190), Рус, Борщ (НАРМ 5: 193) и т. д.

2004 г.: в с. Дэркэуць Сорокского района Молдавии проживало 1 302 чел., из них 1 296 молдаван, 5 украинцев (Перепись 2004).

1835 г.: с. Мындра Оргеевского уезда (226 чел.) - Репейчук (НАРМ 6: 57), Ботнарь, Грицко, Гаврилюк (НАРМ 6: 59), Белик, Квачук (НАРМ 6: 60), Осанчук, Козачук (НАРМ 6: 62), Лисник (НАРМ 6: 64), Беженарь Данило, Петро (НАРМ 6: 65), Раилян Иван (НАРМ 6: 66) и т. д.

2004 г.: в с. Мындра Каларашского района Молдавии проживало 803 чел., из них 683 украинца, 100 молдаван, 15 русских (Перепись 2004).

В южных районах Бессарабии русинские фамилии встречаются в разных населенных пунктах (см., например, Гуцул в с. Жебрияны (ныне с. Приморское Килийского района Одесской области Украины)) (НАРМ 7: 10 об.).

В списках австрийскоподданных, составлявшихся в начале Первой мировой войны, а также в прошениях на получение российского подданства видно, что австрийские граждане, проживавшие в различных уездах Бессарабской губернии, носили в большинстве своем русинские фамилии. Наблюдается это и в прошениях и списках иностранноподданных, проживавших в Кишиневском уезде (НАРМ 8: 1, 2, 35-35 об., 50, 57; НАРМ 9: 1, 2, 4).

Кроме того, русины компактно проживали в ряде населенных пунктов. Хотинские русины заселили бывшее татарское селение Чимишлию Бендерского уезда (Юсипенко 1874: 191), основали в Аккерманском уезде Степановку и Райлянку (основана примерно в 1830 г. жителями с. Карлыкова Хотинского уезда (119 семейств)) (Юсипенко 1879: 498).

Немало русинов проживало в городах и местечках Бессарабии. В начале XX в. в Кишиневе было предместье Гуцулевка, населенное гуцулами, выходцами из Галиции (Зеленчук 1979: 265).

Помимо жителей австрийской Буковины и Галичины, в Бессарабию переселялись и русины из Молдавского княжества. Так, в феврале 1857 г. «в числе 30 душ мужского пола, 31 души женского и 75 детей с принадлежащими им 149 штуками рогатого скота, 21 лошадью, 20 овцами, 20 возами, 20 санями» (НАРМ 10: 75) перешли в Бессарабию крестьяне из с. Левен Дорохойского цунута (округа) Молдавского княжества, «и по жестокому обращению тамошнего процессора некого Угриновского они перешли реку Прут со всем своим имуществом с тем намерением, дабы остаться в... подданстве России и поселиться, где начальству будет угодно, и что при пере-

ходе реки Прут они не учинили противозаконного поступка» (НАРМ 10: 2). Среди фамилий перешедших есть и русинского происхождения: Вознюк, Дудкевич, Мельник, Панчук, Лукиянчук (НАРМ 10: 3, 9). Им было разрешено остаться в России. Некоторые из этих семей избрали местом проживания с. Лунга Сорокского уезда, где занялись хлебопашеством, возвели дома и другие хозяйственные постройки, а часть переехала в с. Обрежа Ясского уезда (НАРМ 10: 26, 66). Получив сначала «шестимесячные билеты на свободное проживание» в Бессарабии (НАРМ 10: 19-20), в мае-апреле 1858 г. они подали прошение о принятии в российское подданство (НАРМ 10: 26-51, 55-65), которое было удовлетворено.

Однако не все иностранцы прибывали в Бессарабии легально. В январе 1913 г. проживавшие в с. Слободзея-Реча Бельцкого уезда 25 австрийских подданных, в основном семейных, «в прошении на Высочайшее имя возбуждают ходатайство о принятии в российское подданство» (НАРМ 9: 1-2). Среди них много носителей русинских фамилий: Стачук, Грушка, Малеш, Стасюк, Ласиевич (*Ласович – скорее всего, фамилии записывались с австрийских документов. – С.С.*), Игнатюк (НАРМ 11: 13-13 об.) и т. д. При расследовании выяснилось, что из 23 чел., находившихся к этому времени в с. Слободзия-Речани разу за это время не выезжали за границу, «не сохранили связь с родиной», не имеют национальных паспортов, не отбывали воинскую повинность, по национальности «малороссы» (т. е. русины), обиходный язык – молдавский у 6 чел. (Дмитрий, Петр и Кирика Молдован, Александр Бота, Федор Стачук, Федор Игнатюк), но владеют и русским. Русский обиходный – у 17 чел. (фамилии Грушко, Стасюк, Стефан и Георгий Бота, Малеш, Кулюсский (Кулевский), Стефан и Василий Игнатюк, Ласович). Все неграмотны. Все, кроме 4 чел. (один имеет национальный паспорт и русский билет, один записан в русском билете отца, один имеет национальный паспорт отца своего, один значится записанным в русском билете отца), не имели национального паспорта и русского вида на жительство. Двое из 25 чел., написавших прошение, как выяснилось при расследовании, в селе не проживали. Выяснилось, что только четверо родились в австрийской Буковине (Адам, Александр, Григорий Грушко в Шипинцах и Илья Малеш), остальные – в Бессарабии с 1874 по 1900 г. (НАРМ 11: 19-86). Т. е. некоторым родившимся в Бессарабии уже исполнилось 39 лет.

Из 23 чел. двое были холостыми, у остальных члены семей в общем количестве составили 44 чел. Из 67 австрийскоподданных (*вернее, на тот момент они, скорее всего, являлись лицами без гражданства - С.С.*), 63 чел. либо не имело никаких документов, либо срок их действия давно истек (НАРМ 11: 21-85).

Прошения большинства Бессарабское губернское правление «за несоблюдением условий предварительного водворения в пределах империи» вначале признало «неподлежащим удовлетворению». Однако позже в «Списке лиц, на вступление коих в подданство России последовало по распоряжению Совета министров Высочайше соизволено в 29 день июля 1914 г.» перечислены 12 фамилий, большинство – с членами семей (НАРМ 11: 122-124 об.) (если проситель вписывал их в прошении). В августе (хотя уже началась Первая мировая война) была принята присяга «на верность подданства России по установленной форме». Было оговорено, что если новый подданный «принадлежит к числу военнообязанных и как таковой зачислен в состав военнопленных, то настоящее предписание передать по принадлежности – по месту его высылки» (НАРМ 11: 127-195 об.).

В 2004 г. в с. Слобозия-Реча Рышканского района Молдавии проживало 160 чел., среди них 126 молдаван, 24 украинца, 8 русских (Перепись 2004).

Как видим, в Бессарабии встречались случаи, когда помещики, управляющие или арендаторы, заинтересованные в дешевой рабочей силе, скрывали многолетнее проживание в своих поместьях русинов - австровенгерских поданных. В связи с этим численность австрийскоподанных, находившихся в Бессарабии, обозначенная по данным «Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г.» в 15 991 чел. (Перепись 1905: XVIII), представляется нам не соответствующей действительности.

Можно согласиться с мнением В.Н. Бутовича (Бутович 1916: 10), что русины проживали не только на севере Бессарабии, но и на всей ее территории (компактно на юге губернии, в одном районе Кишинева и некомпактно – во многих молдавских селах, городах и местечках края. Подтверждением этого служит наличие у жителей современной Молдавии большого количества фамилий русинского происхождения (в т. ч. этнических). По данным 2012 г., в республике проживало 4 681 чел., носящих фамилию Rusnac (Руснак), 6 017 – Railean (Райлян), 1 604 – Raileanu (Райляну), 265 – Răilean (Рэйлян), 2 127 – Răileanu (Рэйляну), 11 489 – Guțu (Гуцу), 403 – Guțul (Гуцул), 7 259 – Russu (Руссу), 23 162 – Rusu (Русу) (подробнее см.: Суляк 2013: 102-103).

В Пруто-Днестровском регионе распространены фамилии с суффиксами -ук/-юк/-чук, -ак/-як, -ей, -ский/-цкий, относящиеся к юго-западной ветви восточнославянских фамилий (*т. е. в большинстве своем русинского происхождения.* - С.С.) (Суляк 2013: 99). В Молдавии 7 фамилий на ук/-юк/-чук входят, по данным на начало 2011 г., в число 300 самых распространенных (общее количество фамилий

в республике - 141 570): Vacarcius (Вакарчук) - 2 392 чел., Gavriilius (Гаврилюк) - 1 983, Romanciус (Романчук) - 1 844, Covalcius (Ковальчук) - 1 839, Savcius (Савчук) - 1 828, Şevcius (Шевчук) - 1 787, Tсacius (Ткачук) - 1 762 (Фамилии).

Таким образом, реальная численность русинов Бессарабии в XIX и в начале XX в., по нашему мнению, значительно превышала указанные дореволюционными исследователями цифры.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев-Чужбинский 1863 - *Афанасьев-Чужбинский А.С.* Поездка в Южную Россию. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. Ч. 2. 445 с.

Берг 1918 - *Берг Л.С.* Бессарабия. Страна - люди - хозяйство. Пг.: Изд-во «Огни», 1918. 252 с.

Берг 1923 - *Берг Л.С.* Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. (С 10-верстной этнографической картой). Пг., 1923. 60 с.

Бессарабия 1903 - *Бессарабия.* Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. С 224 иллюстрациями, портретами и картой. Издание газеты «Бессарабец» под редакцией П.А. Крушевана. М.: Тип. А.В. Васильева, 1903. 528 с.

Бессарабская область 1861 - *Бессарабская область.* Список населенных мест по сведениям 1859 г. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1861. 122 с.

Бутович 1916 - *Бутович В.Н.* Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев: Скоропечатня Х.Ю. Бурштейна, 1916. 58 с.

Драган 1849 - *Драган М.* Военно-статистическое обозрение Российской Империи, том 11, часть 3. Бессарабская область. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составляя Генерального штаба подполковник Драган. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1849. 308 с.

Зашук 1862 - *Зашук А.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. Составил генерального штаба капитан А. Зашук. СПб.: Тип. Э. Веймара 1862. Ч. 1. 580 с.

Зашук 1863 - *Зашук А.И.* Этнография Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: Город. тип. Алексомати, 1863. Т. V. С. 491-586.

Зеленчук 1979 - *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. 286 с.

Кельсиев 1868 - *Кельсиев В.И.* Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 360 с.

Кочубинский 1903 - *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. СССХХХХVII. 1903. Июнь. СПб., 1903. С. 389-418.

Куницкий 1813 - *Куницкий П.* Краткое статистическое описание Заднепровской области. СПб.: Типография И. Глазунова, 1813. 30 с.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 1262. Оп. 1. Д. 3. Народонаселение Бессарабии (записки Драганова). Начало: 25 декабря 1910 г. 10 л.

НАРМ 2 - НАРМ. Ф. 134. Бессарабская казенная палата. Оп. 2. Ревизские сказки. Д. 124. Ревизская сказка о мазылах, рупташах, иностранных гражданах, свободных царанах, боярнышах и дворянах селений Ясского и Хотинского уездов в 1835 г. Т. I.

НАРМ 3 - НАРМ. Ф. 134. Бессарабская казенная палата. Оп. 2. Ревизские сказки. Д. 124. Ревизская сказка о мазылах, рупташах, иностранных гражданах, свободных царанах, боярнышах и дворянах селений Ясского и Хотинского уездов в 1835 г. Т. II.

НАРМ 4 - НАРМ. Ф. 134. Бессарабская казенная палата. Оп. 2. Ревизские сказки. Д. 107. Ревизская сказка о дворянах, боярнышах, рупташах, мазылах, шляхтичах австрийских, царанах свободных земледельцах и колонистах селений Ясского и Хотинского уездов в 1835 г. Т. I.

НАРМ 5 - НАРМ. Ф. 134. Бессарабская казенная палата. Оп. 2. Ревизские сказки. Д. 107. Ревизская сказка о дворянах, боярнышах, рупташах, мазылах, шляхтичах австрийских, царанах свободных земледельцах и колонистах селений Ясского и Хотинского уездов в 1835 г. Т. II.

НАРМ 6 - НАРМ. Ф. 134. Бессарабская казенная палата. Оп. 2. Ревизские сказки. Д. 90. Ревизская сказка о свободных царанах, рупташах и мазылах селений Оргеевского и Ясского уездов в 1835 г. Т. I.

НАРМ 7 - НАРМ. Ф. 134. Бессарабская казенная палата. Оп. 2. Ревизские сказки. Д. 3. Ревизская сказка колонистов селений Аккерманского уезда в 1835-1836 гг.

НАРМ 8 - НАРМ. Ф. 289. Органы полиции Бессарабии. Оп. 5. Д. 52. Циркуляры бессарабского губернатора, переписка со станowymi приставами о выселении из пограничных районов подданных воюющих с Россией стран, списки иностранноподданных, подлежащих выселению. Октябрь 1915 - 30 ноября 1916.

НАРМ 9 - НАРМ. Ф. 289. Органы полиции Бессарабии. Оп. 5. Д. 93. Сведения по надзору за австрийско-, немецкоподданными, проживающими на территории Кишиневского уезда. 12 августа 1914 - 19 июля 1919.

НАРМ 10 - НАРМ. Ф. 6. Бессарабское областное правление. Оп. 3. Д. 965. О принятии русского подданства 30 семействами молдавскоподданных, перешедших из Молдавии в Бессарабию и поселенных на вотчине Бедряну Хотинского уезда. 13 марта 1857 - 2 ноября 1857.

НАРМ 11 - НАРМ. Ф. 2. Канцелярия бессарабского губернатора. Оп. 1. Д. 9427. Сведения об австрийскоподданных, принявших российское подданство, проживающих в Бессарабии. 18.1.1913 - 23.9.1914.

Несторовский 1905а - *Несторовский П.А.* Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. 180 с.

Несторовский 1905b - *Несторовский П.А.* Материалы по этнографии бессарабских русинов // Киевская старина. № 10. 1905. С. 73-125.

Перепись 1905 - *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* / под ред. Н.А. Тройницкого. III. Бессарабская губерния. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 254 с.

Перепись 2004 - *Результаты переписи населения Молдавии 2004 года.* Официальный сайт Национального бюро статистики Республики Молдова. URL: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234> (дата обращения: 25.02.2015).

Петров 1862 - *Петров Н.И.* Бессарабия. Историческое описание. По-смертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1892. 321 с.

Риттих 1875 - *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. Составил генерального штаба полковник А.Ф. Риттих. СПб. Издание картографического заведения А.А. Ильина, 1875. 364 с.

РГИА - *Российский государственный исторический архив* (РГИА). Ф. 1281. Совет министров внутренних дел. Оп. 7. Д. 1869. По отчету губернатора о состоянии Бессарабской области за 1868 г. 6 марта - 22 ноября 1869. 162 л.

Россия 1910 - *Россия.* Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под редакцией В.П. Семёнова-Тян-Шанского, помощника председательствующего отделения физической географии Императорского русского географического общества, и под общим руководством П.П. Семёнова-Тян-Шанского, вице-председателя Императорского русского географического общества, и академика В.И. Ламанского, бывшего председательствующего отделения этнографии Императорского русского географического общества. Т. XIV. Новороссия и Крым. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1910. 1016 с.

Семенов 1863 - *Семёнов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи: в 4 т. / сост. по поручению Русского географического общества действительный член общества П. Семёнов. Иждивением члена-соревнователя А.Н. Турубаева. При содействии действительных членов В. Зверинского, Н. Филиппова и Р. Маака. СПб., 1863. Т. 1. 727 с.

Свиньин 1911 - *Свиньин П.* Описание Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. VI. С. 175-320.

Справочные сведения 1911 - *Справочные сведения / Адрес-календарь Бессарабской губернии на 1911 г.* Издание Бессарабского губернского правления. Год 29-й. Кишинев: Губернская типография, 1911. 1-112 с.

Суляк 2013 - Суляк С.Г. Полиэтничная Молдавия (по данным топонимики и антропонимики) // Русин. 2013. № 1 (31). С. 95-105.

Труды 1872 - *Труды* этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные действительным членом П.П. Чубинским: в 7 т. Евреи – поляки – племена малорусского происхождения. Малоруссы (статистика, сельский быт, язык). СПб.: типография К.В. Трубникова, 1872. Т. VII. 617 с.

Фамилии - Сайт «Moldovenii». Фамилии Республики Молдова. URL: <http://www.moldovenii.md/ru/library/documents/page/14> (дата обращения: 25.02.2015).

Юсипенко 1874 - *Юсипенко Иаков, священник*. Чимишлия, местечко Бендерского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. № 5. 1-15 марта 1874.

Юсипенко 1879 - *Юсипенко Яков, священник*. Райлянка, село Аккерманского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. № 13. 1-15 июля 1879.

Arbure 1898 - *Arbure Zamfir C.* Basarabia în secolul al XIX. București: Institutul de Arte Grafice Carol Göbl, 1898. 789 p.

Boldur 1943 - *Boldur Alexandru V.* Basarabia românească. București: Tipografia «Carpați», 1943. 188 p.

Ciobanu 1926 - *Ciobanu Ștefan* (ed.). Basarabia. Chișinău: Imprimeria Statului, 1926. 482 p.

REFERENCES

Afanas'ev-Chuzhbinskiy 1863 - *Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S.* Poezdka v Yuzhnyu Rossiyu [Trip to South Russia], St. Petersburg, Navy Department Publ., 1863, part 2, 445 p. [in Russian].

Berg 1918 - *Berg L.S.* Bessarabiya. Strana – lyudi – khozyaystvo [Bessarabia. Country – People – Economy]. Petrograd, Ogni Publ., 1918, 252 p. [in Russian].

Berg 1923 - *Berg L.S.* Naselenie Bessarabii. Etnograficheskiy sostav i chislennost' (S 10-verstnoy etnograficheskoy kartoy) [The population of Bessarabia. The ethnographic composition and number], Petrograd, 1923, 60 p. [in Russian].

Bessarbiya 1903 - *Bessarabiya.* Geograficheskiy, istoricheskiy, statisticheskii, ekonomicheskii, etnograficheskiy, literaturnyy i spravochnyy sbornik [Bessarabia. A geographical, historical, statistical, economic, ethnographic, literary and reference collection], Moscow, Typography of A.V. Vasil'ev, 1903, 528 p. [in Russian].

Bessarabskaya oblast' 1861 - *Bessarabskaya oblast'.* Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859 g. [Bessarabia region. The list of localities according as of 1859], St. Petersburg, Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1861, 122 p. [in Russian].

Butovich 1916 – *Butovich V.N.* Materialy dlya etnograficheskoy karty Bessarabskoy gubernii [Materials for the ethnographic map of the province of Bessarabia], Kiev, Kh.Yu. Burstein Publ., 1916, 58 p. [in Russian].

Dragan 1849 - *Dragan M.* Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy Imperii [Military Statistical Review of the Russian Empire], vol. 11, part 3, Bessarabskaya oblast [Bessarbiya Area], Po rekognostsirovkam i materialam, sobrannym na meste, sostavlyal General'nogo shtaba podpolkovnik Dragan, St. Petersburg, Typography Department of the General Staff, 1849, 308 p.

Zashchuk 1862 – *Zashchuk A.I.* Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Bessarabskaya oblast' [Materials for the geography and statistics of Russia collected by the officers of the General Staff. Bessarabia region], St. Petersburg, E. Veimar Publ., 1862, part 1, 580 p. [in Russian].

Zashchuk 1863 – *Zashchuk A.I.* Etnografiya Bessarabskoy oblasti [Ethnography of Bessarabia region], in: Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Notes of the Odessa History and Antiquities Society], Odessa, Aleksomati Publ., 1863, vol. V, pp. 491-586 [in Russian].

Zelenchuk 1979 – *Zelenchuk V.S.* Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ya v XIX v. (etnicheskie i sotsial'no-demograficheskie protsessy) [Population of Bessarabia and Dniester in the 19th century. Ethnic and socio-demographic processes], Kishinev, Shtiintsa Publ., 1979, 286 p. [in Russian].

Kel'siev 1868 – *Kel'siev V.I.* Galichina i Moldaviya. Putevye pis'ma Vasiliya Kel'sieva [Galicia and Moldova. Travel letters by Vasilii Kelsiev], St. Petersburg, V. Golovin Publ., 1868, 360 p. [in Russian].

Kochubinskiy 1903 - *Kochubinskiy A.A.* Chastnye moldavskie izdaniya dlya russkoy shkoly (bibliograficheskie zametki) [Private Moldovan publications for Russian school (bibliographic notes)], Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP) [Journal of the Ministry of Public Education], part CCCXXXVII, 1903, June, St. Petersburg, 1903, pp. 389-418.

Kunitskiy 1813 – *Kunitskiy P.* Kratkoe statisticheskoe opisanie Zadnestrovs-koy oblasti [A brief statistical description of Transnistria area], St. Petersburg, I. Glazunov Publ., 1813, 30 p. [in Russian].

NARM 1 – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Moldova [The National Archives of the Republic of Moldova (hereinafter referred to as NARM)], Fund 1262, Inv. 1, File 3, Narodonaselenie Bessarabii (zapiski Draganova) [Population of Bessarabia (the notes by Draganov)] [in Russian].

NARM 2 – NARM, Fund 134, Bessarabskaya kazennaya palata [The Treasury Chamber of Bessarabia], Inv. 2, Revizskie skazki [Revision lists], File 124, Revizskaya skazka o mazyлах, ruptashakh, inostrannykh grazhdanakh, svobodnykh tsaranakh boyarnyshakh i dvoryanakh seleniy Yasskogo i Khotinskogo uezdov v 1835 g. [The revision lists of Mazil, Ruptashah, foreign citizens, free Tsarans, Boyarnysh and Nobles villages Jassy and Khotyn district in 1835], vol. I [in Russian].

NARM 3 – Fund 134, Bessarabskaya kazennaya palata [The Treasury Chamber of Bessarabia], Inv. 2, Revizskie skazki [Revision lists], File 124, Revizskaya skazka o mazyлах, ruptashakh, inostrannykh grazhdanakh, svobodnykh tsar-

ranakh, boyarnyshakh i dvoryanakh seleniy Yasskogo i Khotinskogo uездov v 1835 g. [The revision lists of Mazil, Ruptashah, foreign citizens, free Tsarans, Boyarnysh and nobles villages Jassy and Khotyn district in 1835], vol. II [in Russian].

NARM 4 – NARM, Fund 134, Bessarabskaya kazennaya palata [The Treasury Chamber of Bessarabia], Inv. 2, Revizskie skazki [Revision lists], File 107, Revizskaya skazka o dvoryanakh, boyarnyshakh, ruptashakh, mazyлах, shlyakhtichakh avstriyskikh, tsaranakh svobodnykh zemledel'tsakh i kolonistakh seleniy Yasskogo i Khotinskogo uездov v 1835 g. [The revision lists of the Nobles, Boyarnysh, Ruptash, Mazil, Austrian nobleman, Tsarans, free Farmers and Colonists of Jassy and Khotyn districts in 1835], vol. I [in Russian].

NARM 5 – NARM, Fund 134, Bessarabskaya kazennaya palata [The Treasury Chamber of Bessarabia], Inv. 2, Revizskie skazki [Revision lists], File 107, Revizskaya skazka o dvoryanakh, boyarnyshakh, ruptashakh, mazyлах, shlyakhtichakh avstriyskikh, tsaranakh svobodnykh zemledel'tsakh i kolonistakh seleniy Yasskogo i Khotinskogo uездov v 1835 g. [The revision lists of the Nobles, Boyarnysh, Ruptash, Mazil, Austrian nobleman, Tsarans, free Farmers and Colonists of Jassy and Khotyn districts in 1835], vol. II [in Russian].

NARM 6 – NARM, Fund 134, Bessarabskaya kazennaya palata [The Treasury Chamber of Bessarabia], Inv. 2, Revizskie skazki [Revision lists], File 90, Revizskaya skazka o svobodnykh tsaranakh, ruptashakh i mazyлах seleniy Orgeevskogo i Yasskogo uездov v 1835 g. [The revision lists of free Tsarans, Ruptash and Mazil of Orhei and Yassy counties in 1835], vol. I [in Russian].

NARM 7 – NARM, Fund 134, Bessarabskaya kazennaya palata [The Treasury Chamber of Bessarabia], Inv. 2, Revizskie skazki [Revision lists], File 3, Revizskaya skazka kolonistov seleniy Akkermanskogo uезда v 1835–1836 gg. [The revision lists of the Colonists in Akerman county in 1835–1836] [in Russian].

NARM 8 – NARM, Fund 289, Organy politzii Bessarabii [The police of Bessarabia], Inv. 5, File 52, Tsirkulyary Bessarabskogo gubernatora, perepiska so stanovymi pristavami o vyselenii iz pogranichnykh rayonov poddannyykh voyuyushchikh s Rossiey stran, spiski inostrannopoddannykh, podlezhashchikh vyseleniyu. Oktyabr' 1915 - 30 noyabrya 1916 [The circulars of Bessarabian Governor, the correspondence with bailiffs to evict the citizens of the countries warring with Russia from the border areas, the lists of foreign citizens subject to eviction. October 1915 – November 30, 1916] [in Russian].

NARM 9 – NARM, Fund 289, Organy politzii Bessarabii [The police of Bessarabia], Inv. 5, File 93. Svedeniya po nadzoru za avstriysko, nemetsko-poddannymi prozhivayushchimi na territorii Kishinevskogo uезда. 12 avgusta 1914 – 19 iyulya 1919 [Information about the supervision over the Austrian and German citizens residing in Kishinev county. August 12, 1914 – July 19, 1919] [in Russian].

NARM 10 – NARM, Fund 6, Bessarabskoe oblastnoe pravlenie [Bessarabian regional government], Inv. 3, Case 965, O prinyatii russkogo poddanstva 30 semeystvami moldavskopoddannykh pereshedshikh iz Moldavii v Bessarabiyu i poselennykh na votchine Bedryanu Khotinskogo uезда. 13 marta 1857 – 2 noyabrya 1857 [On the adoption of Russian citizenship by 30 Moldavian

families who came from Moldavia to Bessarabia and settled in Bedryanu of Khotyn district. March 13, 1857 – November 2, 1857] [in Russian].

NARM 11 – NARM, Fund 2, Kantselyariya Bessarabskogo gubernatora [The Office of the Governor of Bessarabia], Inv. 1, File 9427, Svedeniya ob avstriyskopoddannykh, prinyavshikh rossiyskoe poddanstvo, prozhivayushchikh v Bessarabii. 18.1.1913 – 23.9.1914 [Information about Austrian citizens who took Russian citizenship and live in Bessarabia. January 18, 1913 – September 23, 1914] [in Russian].

Nestorovskiy 1905a – *Nestorovskiy P.A.* Bessarabskie rusiny: istoriko-etnograficheskiy ocherk [Bessarabian Rusyns: a historical and ethnographic essay], Warsaw, Saturn Publ., 1905, 180 p. [in Russian].

Nestorovskiy 1905b – *Nestorovskiy P.A.* Materialy po etnografii bessarabskikh rusinov [Materials on the ethnography of Bessarabian Rusyn], Kievskaya starina, [Kiev], 1905, Nr 10, pp. 73-125 [in Russian].

Perepis' 1905 – *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897], Bessarabia, St. Petersburg: The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1905, 254 p. [in Russian].

Perepis' 2004 – *Rezultaty perepisi naseleniya Moldavii 2004 goda.* Ofitsial'nyy sayt Natsional'nogo byuro statistiki Respubliki Moldova [The results of the census of Moldova in 2004. The official website of the National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova]. Available from: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234> (Accessed: 25th February 2015) [in Russian, Romanian].

Petrov 1862 – *Petrov N.I.* Bessarabiya. Istoricheskoe opisanie. Posmertnyy vypusk istoricheskikh izdaniy P.N. Batyushkova [Bessarabia. A historical description. The posthumous release of historical publications by P.N. Batyushkov], St. Petrburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1892, 321 p. [in Russian].

Rittikh 1875 – *Rittikh A.F.* Plemennoy sostav kontingentov russkoy armii i muzhskogo naseleniya Evropeyskoy Rossii [The ethnographic composition of the Russian army and the male population of the European Russia], St. Petersburg, Cartographic Institutions of A.A. Il'in Publ., 1875, 364 p. [in Russian].

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [The Russian State Historical Archive] (hereinafter referred to as RGIA), Fund 1281, Sovet ministrov vnutrennikh del [The Council of Ministers of the Interior], Inv. 7, File 1869, Po otchetu gubernatora o sostoyanii Bessarabskoy oblasti za 1868 g. 6 marta – 22 noyabrya 1869 [On the Governor's report on the state of Bessarabia region for March 6, 1868 – November 22, 1869], 162 p. [in Russian].

Rossiya 1910 – *Semenov-Tyan-Shansky V.P.* (ed.) Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva [Russia. The Full geographic description of our Fatherland], vol. XIV. Novorossiya i Krym [Novorossiya and the Crimea], St. Petersburg, A.F. Devrien Publ., 1910, 1016 p. [in Russian].

Semenov 1863 – *Semenov P.P.* Geograficheskostatisticheskiy slovar' Rossiyskoy imperii. In 5 vol. [The Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire. In 5 vols.], St. Petersburg, 1863, vol. 1, 727 p. [in Russian].

Svin'in 1911 – *Svin'in P.* Opisanie Bessarabskoy oblasti [Description of Bessarabia region], In: Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities], Odessa, 1867, vol. VI, pp. 175-320 [in Russian].

Spravochnye svedeniya 1911 – Spravochnye svedeniya, Adres-kalendar' Bessarabskoy gubernii na 1911 g. [Reference information, Address calendar of Bessarabia for 1911], Kishinev, Gubernskaya tipografiya Publ., 1911, pp. 1-112 [in Russian].

Sulyak 2013 – *Sulyak S.G.* Polietnichnaya Moldaviya (po dannym toponimiki i antroponimiki) [Multiethnic Moldavia (based on the toponymic and anthroponymic information)], Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2013, Nr 1 (31), pp. 95-105 [in Russian].

Trudy-1872 – *Trudy* etnograficheskoy-statisticheskoy ekspeditsii v Zapadnorusskiy kray, snaryazhennoy Imperatorskim russkim geograficheskim obshchestvom. V 7 t. T. VII. Evrei – polyaki – plemena nemalorusskogo proiskhozhdeniya. Malorussy (statistika, sel'skiy byt, yazyk) [Proc. of the ethnographic-statistical expedition to the western Russian region. In 7 vol., vol. VII. Jews – Poles – tribes of other than Little Russian origin. Maloruss (statistics, rural life, language)], St. Petersburg, K.V. Trubnikov Publ., 1872, 617 p. [in Russian].

Familii - The website "Moldovenii". The names of the Republic of Moldova. Available from: <http://www.moldovenii.md/ru/library/documents/page/14> (Accessed: 25th February 2015) [in Russian, Romanian].

Yusipenko 1879 – *Yusipenko Ya.* Raylyanka, selo Akkermanskogo uyezda [Raylyanka, a village in Akkerman district], Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti [Kishinev], 1879, Nr 13, 1-15 July [in Russian].

Yusipenko 1874 – *Yusipenko Ya.* Chimishliya, mestechko Benderskogo uyezda [Cimistia, a town in Bender district], Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti [Kishinev], 1874, Nr 5, 1-15 March [in Russian].

Arbure 1898 – *Arbure Zamfir C.* Basarabia în secolul al XIX. București, Institutul de Arte Grafice Carol Göbl, 1898, 789 p. [in Romanian].

Boldur 1943 – *Boldur A.V.* Basarabia românească. București, "Carpați", 1943, 188 p. [in Romanian].

Ciobanu 1926 – *Ciobanu Șt.* (ed.). Basarabia. Chișinău, Imprimeria Statului, 1926, 482 p. [in Romanian].

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

Sulyak Sergey - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory for Interdisciplinary Research of Tomsk State University, Editor-in-Chief of the International Historical Journal Rusin, President of the Association «Rus'» (Republic of Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/8

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ В XIX В.

Д.А. Ахременко

Юридическое агентство «Виктория» (ИП Ахременко Д.А.)
Россия, 241524, Брянская обл., п. Мичуринский, ул. Депутатская, 6
E-mail: ahda1984@mail.ru

Авторское резюме

Зарождение на территории Западного края Российской империи такого феномена, как украинство, привело к разложению общерусской нации на три составляющих: русских, украинцев и белорусов. Малороссы как народ, внесший неоценимый вклад в развитие общерусской культуры, стали локомотивом движения за собственную государственность, за отделение от русских, за самоидентификацию. Но если изначально они стремились лишь к культурной самоидентификации, то постепенно, радикализируясь в конце XIX – начале XX в., украинофильское движение зашло в тупик и попало в лоно национализма. Каковы причины его появления на территории современной Украины? Было ли это лишь следствием политики Романовых или наличествовали и внешние причины разложения Российской империи с помощью идеологии украинства? Поиск ответов на поставленные вопросы и является главной целью, которую ставит перед собой автор.

Ключевые слова: украинство, украинофильское движение, украинский национализм, русины, малороссы, Западный край, москали, Н.И. Костомаров, М.П. Драгоманов, «кулешовка».

INTERNAL AND EXTERNAL CAUSES UKRAINIAN NATIONALISM IN RUSSIA IN XIX Century

D.A. Akhremenko

Legal agency "Victoria" (SP Akhremenko D.A.)
6 Deputatskaya Street, P. Michurinsky, Bryansk, 241524, Russia

E-mail: ahda1984@mail.ru

Abstract

The origin in the Western region of the Russian Empire such thing as Ukrainians led to the expansion pan-Russian nation into three components: the Russian, Ukrainians and Belarusians. Little Russians, the people who made an invaluable contribution to the development of an all-Russian culture, became the engine of the movement for statehood, to secede from the Russian, for self-identification. But if the original Little Russians sought only to cultural identity, then gradually radicalizing in the late XIX – early XX centuries. Ukrainophile traffic comes to a standstill and into the bosom of nationalism. What are the causes of nationalism in the territory of modern Ukraine? Were these reasons only consequence of the policy or the Romanovs was available for expansion and external causes of the Russian Empire with the help of the ideology of the Ukrainians? On this and other questions the author tries to answer in this article.

Keywords: Ukrainians, Ukrainophile movement, Ukrainian nationalism, Ruthenians, Little Russians, Western Region, Muscovites, N.I. Kostomarov, M.P. Drahomanov.

В последнее время украинство (украинофильство) стало одной из самых обсуждаемых тем в мировом сообществе. Одни называют его «украинским национальным освободительным движением» от захватчиков – «москалей», другие говорят о том, что его основатели и последователи были сепаратистами и марионетками в руках третьих держав. Популярна и теория «малого национализма». Согласно этой теории, украинство воспринимается как местное, краевое движение, которое, отрицая идею «большой русской нации», ставит в один ряд с национальными, по сути, краевые особенности Юго-Западной Руси, чтобы на их основе создать отдельную нацию (Муретов 2004: 187).

Цель, которую ставит перед собой автор данной работы, заключается в выявлении сути украинского национального движения. Для ее достижения необходимо решить ряд задач, среди которых определение причин возникновения украинского национализма, внутренних и внешних предпосылок появления и развития его первой формы – движения украинофилов, трагически повлиявшего на решение русинского вопроса в Австро-Венгерской империи.

По мнению автора, на развитие украинофильства оказали воздействие различные факторы. В частности, политика российского самодержавия в отношении украинофилов, которая включала в себя разные тенденции, что будет показано далее.

Ещё одним фактором являлась позиция русской общественности. Великороссы именовали своих соотечественников, проживавших на территории современной Украины, руссинами (непрерменно с двумя «с», чтобы подчеркнуть единство с русским народом), малороссами

или малороссиянами. Таким образом, понятие «русский» в XIX в. включало в себя жителей центральных губерний России, а также Западного края, то есть украинцев и белорусов. Эта концепция отрицала различия между восточными славянами, включая их в единую этническую общность. По этой концепции русский народ (куда, как отмечалось ранее, помимо собственно великороссов, входили и жители Западного края) противопоставлялся другим народностям империи. Такое отношение к малороссам и белорусам сохранялось вплоть до конца империи Романовых. Даже в начале XX в. на фоне роста шовинистических настроений в российском обществе малороссов и белорусов не именовали инородцами (Slocum 1998: 173-190).

Заметим, что принадлежность к теории «единого русского народа» не означала, что ее сторонники не видели отличий между великороссами и жителями Южной Руси. Так, русский писатель И.А. Бунин в конце XIX в. в рассказе «Казацким ходом» писал, что он сразу же заметил разницу между ухоженными малоросскими крестьянами и невзрачными, одетыми в лохмотья великорусскими «мужиками» (Бунин 1898: 126). Однако эти различия виделись не как различия между двумя народами, а как различия среди одного народа, проживающего в разных губерниях. Об этом свидетельствуют и более поздние произведения Бунина.

В этой связи патриотизм малороссов, их культурная и историческая специфика воспринимались русской общественностью достаточно терпимо, и в первой половине XIX в. украинофильские течения стали проникать в Москву и Петербург. Однако это был более мягкий вариант украинства, нежели тот, который зарождался в Малороссии. Московские и петербургские последователи украинства рассматривали его как более романтический вариант русскости, не выделяя малороссов в качестве отдельного народа.

К внешним факторам относится и отношение к украинофилам польской общественности. Расскажем об этом подробнее. В первой половине XIX в. земли современной Украины стали предметом спора между Российской империей и Польшей. Поляки считали, что земли, занятые русскими в результате разделов Речи Посполитой, являются так называемыми ее восточными окраинами (*Kresy Wschodnie*) и по праву принадлежат им. Русские власти (да и общественность) воспринимали эти земли как Западный край Российской империи. В свою очередь Западный край империи делился на Юго-Западный (куда входили Подольская, Волынская и Киевская губернии) и Северо-Западный (Виленская, Ковенская, Могилевская, Минская и Витебская губернии). Левый берег Днепра именовался Малороссией, а побережье Черного моря – Новороссией. В целом же территория

современной Украины именовалась в то время Южной Русью, а Восточная Галиция – Червонной Русью (Миллер 2013: 12).

Следует также отметить, что поляки называли православных и униатов, проживавших на землях нынешней Украины, *rusini* (особо подчеркивалось написание с одной «с»), противопоставляя их великороссам (которых поляки называли *maskali*). До середины XIX в. поляки считали русинов такой же частью польского народа, как и, например, мазуров. Однако, поняв, что власть в Российской империи на тот момент достаточно сильна (да и сами жители Западного края не хотели возвращаться в состав Речи Посполитой), поляки стали поддерживать идею украинства, чтобы разложить Россию изнутри и восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г.

Рассмотрим внутренние факторы и периоды развития украинофильства. Малороссийское национальное движение зародилось еще в 40-х гг. XIX в. на территории Российской империи. Появление такого явления, как украинофильство, именно в этот исторический период объясняется, по мнению современного российского историка О.Б. Неменского, тем, что в первой половине XIX в. уже сформировалась единая русская культура, созданная выходцами из Малороссии. Эти люди боролись за право иметь свою, местную культуру, но, тем не менее, считали себя и свой народ русскими, называя Московскую Русь государствообразующей (Неменский 2011: 79). Это желание южной культуры Российской империи занять достойное место в общерусской культуре и породило такое явление, как украинофильство.

Первая половина XIX в. стала эпохой создания ряда произведений, описывавших историю Малороссии. Они были призваны познакомить широкую общественность с доселе неизвестными фактами из истории южных соотечественников и напомнить верхушке государственной власти Российской империи о правах на автономию малороссийского дворянства, «имеющего казацкие корни» (Неменский 2011: 79). Своеобразной библией южнороссийского национального движения стала книга «История русов, или Малой России» (1846 г.).

Содержание этого произведения можно назвать в большей степени идеологическим, нежели научным. Книга оказала огромное влияние на национальное самосознание жителей Южной России и на зарождавшееся движение украинофилов. Однако при изучении текста этого произведения читатель приходит к выводу, что автор хотел показать не то, что украинцы – это особая нация, отличная от русских, а лишь то, что Украина занимает значимое место в истории и культуре Русской земли, говоря о том, что «история Малой России... соединена с историей всея России» (История русов, или Малой России 1846: 1).

У истоков украинофильского движения стояли члены тайного Кирилло-Мефодиевского общества, созданного в Киеве. Его основате-

лями стали Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш, В.М. Белозерский, Н.И. Гулак, позже к ним примкнул Т.Г. Шевченко. С именем одного из создателей общества – П.А. Кулиша связывают создание одной из ранних версий украинского алфавита, который получил название «кулешовка».

Основной задачей, которую ставило перед собой общество, было национальное и социальное освобождение Украины и создание Всеславянской федерации, в которую вошли бы, помимо Украины, Россия, Чехия, Сербия, Болгария и Польша. Определяющую роль в этой федерации украинофилы отводили, безусловно, Украине (Симонова 1988: 42-54). Отметим, что в современной историографии Кирилло-Мефодиевского общества наметилась тенденция отождествлять украинофильство со славянофильством. Безусловно, украинство можно считать одним из течений славянофильства. Но стоит отметить и отличительные черты между двумя этими направлениями национальной идеи славян. Если украинофилы считали, что Украина должна играть определяющую роль в будущей Всеславянской федерации, то славянофилы, безусловно, в этой роли видели Россию (Трубецкой 1894: 510).

Идеологическую основу общества составляли два документа – «Закон Божий (Книги бытия украинского народа)» Н.И. Костомарова и «Устав славянского общества святых Кирилла и Мефодия» В.М. Белозерского. Основной идеей «Закона Божьего (Книг бытия украинского народа)» являлась мессианская роль Украины, которая должна спасти славянство, исполнив тем самым волю Божью. Историк указывает на то, что первыми Господь создал евреев, но они нарушили Божий закон, избрав себе царя, поэтому Творец отвернулся от этого народа. После благодать Божья снизошла на греков, но «так как те были язычниками и не пришли к правильной вере», то и от них Господь отвернулся. После чего богоизбранным народом стали славяне, которые вскоре образовали себе три царства: Московию, Польшу и Литву. И лишь свободолюбивая Украина, по мнению Н.И. Костомарова, «не любила ни царя, ни господина, а сотворила себе казачество» и любила только Бога. Именно поэтому она и должна стать во главе Всеславянской федерации (Костомарів 1921: 17). Основные положения «Закона Божьего» нашли свое отражение и в уставе общества.

Как известно, в 1847 г. Кирилло-Мефодиевское общество было разогнано правительством. В начале правления Александра II основатели общества были освобождены и восстановлены в правах.

Кирилло-Мефодиевское общество (братство) стало первой мало-росской организацией украинофильского толка. Очевидно, что зарождение и дальнейшее развитие украинофильского движения стали возможны благодаря непоследовательной политике императорской

власти, которая невольно возвела украинофилов в ранг мучеников и борцов за свободу и, освободив их, дала им возможность беспрепятственно распространять свои идеи.

С разгромом Кирилло-Мефодиевского братства деятельность украинофильского движения не прекратилась. В 1860-е гг. популярность в Малороссии приобрели идеи так называемого народнического национализма, ярким представителем которого был М.П. Драгоманов. Вплоть до 1861 г. будущий украинофил был более космополитом, нежели борцом за автономию Малороссии (Драгоманов 1973: 44). Изменили его взгляды два события, произошедшие в 1860-х гг.: смерть Тараса Шевченко и восстание в Польше 1863 г. По признанию самого Михаила Драгоманова, «польское движение имело большое влияние» на его политические взгляды. «Рожденный на левом берегу Днепра, я не имел наглядного понятия о поляках и сочувствовал им как жертвам русского деспотизма... Приехав на правый берег Днепра, в Киев, я увидел, что поляки здесь – аристократия, а не народ, и был поражен тем, что даже студенты-поляки бьют своих слуг и ходят в костелы, где усердно стоят на коленях... Вместе с тем мне бросилась в глаза нетерпимость поляков относительно русских и в особенности малороссов, или украинцев... Между тем польское восстание приближалось к Киеву. Поляки, даже демократы, серьезно доказывали, что имеют право на З[ападную] Украину, потому что в ней дворянство, или, как тогда стали говорить, “интеллигенция”, – польское. Реакция этим польским стремлениям давала силу среди киевской православной молодежи украинцам. Кредит “космополитов” падал по мере того, как становилось известным, что составленные столичные кружки безусловно становились на сторону поляков. Видя ошибки “космополитов” и не разделяя многого в стремлениях украинцев, я стал охладевать к политике студенческих “кружков”» (Драгоманов 1973: 43-44).

Свою роль в становлении Драгоманова-украинофила сыграл и так называемый Валуевский циркуляр 1863 г. Этот документ повлиял не только на его мировоззрение, но и стал для украинских националистов одним из «доказательств угнетения» их народа и языка. На волне либеральных реформ развивалось и укреплялось украинское национальное движение. С 1859 г. открылись воскресные школы, в которых преподавание велось на местном малороссийском диалекте, на котором говорили дворяне. В этой связи появились и учебные пособия на простонародном наречии, среди которых «Грамматка» П.А. Кулиша, «Букварь» Т.Г. Шевченко, «Арифметика або щотниця» Д.К. Мороза. Широкое распространение так называемые метелики (дешевые издания отдельных сочинений украинских авторов, в

основном Т. Шевченко) получили даже в Санкт-Петербурге. В январе 1861 г. в Петербурге издается южнорусский литературный вестник «Основа», который стал главным печатным органом движения украинофилов. Редактором и постоянными авторами журнала стали все те же члены Кирилло-Мефодиевского братства – В.М. Белозерский, Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш. В сентябре 1862 г. журнал «Основа» прекратил существование. Причиной стало отсутствие подписчиков, а не запрет властей, как утверждали украинофилы.

Советская и современная украинская историография в качестве доказательства угнетения малороссов российскими властями приводили цитаты из Валуевского циркуляра. Говоря о нем, российский историк А.И. Миллер подчеркивает, что его изданию способствовали общественные круги самой Малороссии, которые потребовали от Петербурга предпринять административные методы для сдерживания украинофилов (Миллер 2013: 98).

Следует отметить, что еще до 1863 г. в правоохранительные органы Российской империи поступали сведения о неких организациях, которые имели цель установить независимость Малороссии. Так, 29 июня 1862 г. военный министр России Д.А. Милютин писал князю В.А. Долгорукову, бывшему в то время шефом жандармов, что в Киеве «действует общество хлопоманов», которое ставило перед собой задачи «возмущения крестьян против помещиков и распоряжений правительства с целью восстановления независимости Малороссии» (Миллер 2013: 98). В записке Милютина говорилось о так называемых Громадах (в переводе с украинского – *общество, мир, община*), которые возникли еще в 1850-х гг. как культурно-просветительские центры Малороссии. У истоков появления «Громады» стояли все те же бывшие члены Кирилло-Мефодиевского братства: Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и Т.Г. Шевченко. Изначально деятельность организации носила чисто культурно-просветительский характер и имела цель показать место малороссийской культуры в общерусской. Но к 1863 г., в основном под влиянием польского восстания, среди членов «Громады» начинают преобладать националистические настроения.

Жандармы и ранее знали о появлении украинофильских движений на территории Малороссии, но не видели в них опасности. Начали предпринимать активные действия после получения вышеназванного письма лишь потому, что, как указал Милютин, о ситуации с украинофилами знал уже сам император. Было проведено расследование, по результатам которого шеф жандармов предписывал генерал-губернатору Юго-Западного края Н.Н. Анненкову предпринять все возможные меры для того, чтобы прекратить деятельность «Громады». Причем в предписании В.А. Долгорукова четко прослеживается политический

мотив запрещения «Громады», а не национальный (жандармы боялись распространения потенциально революционных взглядов).

В марте 1863 г. в адрес шефа жандармов от анонимных авторов было направлено еще одно письмо, в котором содержалось требование ликвидировать украинофильские организации и запретить перевод Евангелия на малороссийское наречие. Долгоруков переслал письмо в Киев генерал-губернатору, чтобы узнать его мнение по этому поводу. Анненков посчитал необходимым запретить перевод Евангелия на украинский, так как это позволяло украинофилам говорить об автономии Малороссии, опираясь на самостоятельность языка. Именно это письмо генерал-губернатора Киева и послужило основным толчком для появления Валуевского циркуляра.

По распоряжению императора 2 апреля 1863 г. Долгоруков послал письмо министру внутренних дел России П.А. Валуеву, в котором ввел его в курс дела. Министр послал запрос с приложением письма киевского генерал-губернатора обер-прокурору Синода А. Ахматову. Тот указал, что, как только проект перевода Евангелия на малороссийский язык поступит к ним, представители Синода учтут мнение Н.Н. Анненкова. В мае 1863 г. Валуев вновь послал записку Ахматову с вопросом о запрещении перевода на украинский язык Евангелия. И только после этого Ахматов дал указание проект перевода не издавать.

Одновременно с этими мерами в июне 1863 г. в газете «Московские ведомости» Валуев инициировал спор между украинофилами и российским публицистом М.Н. Катковым с целью узнать истинные намерения сторонников автономии. Только после всех этих мер 18 июля 1863 г. министр внутренних дел направил циркуляр в Московский, Петербургский и Киевский цензурные комитеты. В нем говорилось: «Принимая во внимание, с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны, имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил еще окончательного разрешения в законодательном порядке, министр внутренних дел признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором Св. Синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться» (Лемке 1904: 304). Таким образом, малороссийское наречие как таковое не было

запрещено в Российской империи Валуевским циркуляром. Запрету подверглись лишь книги на религиозную тему и учебная литература. Мера эта была направлена исключительно на то, чтобы украинофилы не смогли распространять республиканские идеи среди неграмотного населения Малороссии.

Волной негодования встретили украинофилы циркуляр министра внутренних дел. Костомаров обратился к Валуеву с письмом (РГИА 1: 1-2), в котором просил отменить запрет на издание научной литературы на малороссийском наречии. Однако здесь историк лукавит: в тексте циркуляра не было ни слова о запрете издавать научную литературу на украинском языке. Лукавство Костомарова передалось следующим поколениям украинофилов, которые стали говорить о том, что Валуев запретил малороссийский язык, сказав, что такого не существовало и не будет существовать. Действительно, в тексте циркуляра содержится подобная формулировка, но слова эти принадлежали вовсе не министру, а общественности Юго-Западного края. Валуев эти слова лишь процитировал.

Резкой критике Валуевский циркуляр подвергся не только со стороны украинофилов, но и со стороны российских либералов, особенно петербургской прессы. Так, в 1863-1864 гг. в журнале «День», редактором которого был славянофил И.С. Аксаков, опубликовали ряд статей украинофилов, в которых резко критиковался циркуляр министра. Сам Аксаков указывал, что такие действия со стороны министерства могут привести лишь к тому, что украинофилы встанут на позицию врагов России (Аксаков 1900: 201-202). В поддержку Валуева выступила общественность Киева и Москвы. Самым ярким противником украинофилов оставался редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков.

Самое поразительное, что и среди петербургских чиновников нашлись лица, которые с возмущением встретили циркуляр министра внутренних дел. Речь идет о министре народного просвещения А.В. Головнине, который считал, что своими действиями П.А. Валуев не дает развиваться Малороссии в культурно-просветительском плане (РГИА 2: 15-15 об.).

Не остался равнодушным к циркуляру министра и Драгоманов. Его взгляды радикализировались и национализировались. С того времени можно говорить о Драгоманове как об украинофиле. Однако его интересы во второй половине 1860-х гг. были более научными, нежели политическими, поэтому следует говорить, что в данный период Драгоманов был националистом-теоретиком. В 1864 г. он стал приват-доцентом, а в 1873 г. – штатным доцентом Университета св. Владимира. В то время Драгоманов попадает под огромное вли-

ание одного из основателей украинской «Громады» В.Б. Антоновича – основателя украинской историографии, этнографа и историка.

С начала 1870-х гг. активизировалась и деятельность украинофилов. Это было связано с либеральной политикой, проводившейся Петербургом. Так, в 1873 г. по решению русского правительства открылся Юго-Западный отдел Русского географического общества. Инициаторами его создания выступили видные борцы с сепаратизмом - М.В. Юзефович и В.Я. Шульгин. Эти сановники и ученые считали, что украинофильское движение возникло и развивается под патронатом поляков. Если малороссам дать некую культурно-просветительскую автономию в рамках общерусской культуры, то это позволит, по мнению М.В. Юзефовича и В.Я. Шульгина, покончить с украинофильством. Такие же надежды питали и власти, которые в лице киевского генерал-губернатора А.М. Дондукова-Корсакова поддерживали инициативу Шульгина и Юзефовича. Однако их надеждам не суждено было сбыться. Работа Юго-Западного отдела вскоре оказалась всецело в руках украинофилов, в частности Драгоманова, Антоновича и Чубинского.

С 1874 г. Драгоманов стал фактическим редактором «Киевского телеграфа» – небольшой местной газеты, дела которой до того времени шли довольно плохо. Отметим, что владелица газеты Е.И. Гогоцкая была абсолютно равнодушна к политическим взглядам украинофилов, а Драгоманова пригласила редактором лишь для того, чтобы поднять авторитет издания. Тем не менее в обновленный редакционный отдел вошли украинофильски настроенные члены Юго-Западного отдела Русского географического общества. «Киевский телеграф» стал основной платформой для борьбы с самодержавным курсом «Киевлянина» В.Я. Шульгина (Кістяківський 1994: 53). Влияние Юго-Западного отдела в регионе было настолько велико, что украинофилы планировали открытие музеев украинского народа, создали широкую сеть корреспондентов «Киевского телеграфа» по всему Юго-Западному краю. Это вызвало озабоченность в Петербурге, но лишь в 1876 г. последовала реакция властей на рост украинофильских настроений среди малороссов. В 1876 г. император Александр II подписал Эмский указ.

Как и в случае с Валуевским циркуляром, Эмскому указу предшествовала серьезная предварительная работа. 27 августа 1875 г. А.Л. Потапов, бывший в то время начальником III отделения, направил министру внутренних дел А.Е. Тимашеву, министру народного просвещения Д.А. Толстому, обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву и помощнику попечителя Киевского учебного округа М.В. Юзефовичу письмо. В нем говорилось: «Государь император, ввиду проявлений украинофильской деятельности и в

особенности переводов и печатания *учебников и молитвенников* (курсив мой. – Д.А.) на малорусском языке, высочайше повелеть соизволил учредить под председательством министра внутренних дел совещание из министра народного просвещения, обер-прокурора Святейшего Синода, главного начальника III отделения собственной его императорского величества канцелярии и председателя Киевской археологической комиссии тайного советника Юзефовича для всестороннего обсуждения этого вопроса» (РГИА 3: 1). Главным пунктом обвинения украинофилов фигурировало издание книг на малороссийском диалекте для народа, что было запрещено циркуляром министра внутренних дел Валуева, который был одобрен императором в 1863 г.

В сентябре – начале октября 1875 г. по поручению Тимашева экспертами Главного управления по делам печати была составлена записка, в которой указывалось, что «допустить обособление, путем возведения украинского наречия в степень литературного языка, 13 миллионов малороссов было бы величайшею политической неосторожностью, особенно ввиду того объединительного движения, какое совершается по соседству с нами у германского племени» (РГИА 3: 25 об.–26 об.). Отход Малороссии от Российской империи трактовался в записке как подрывная деятельность поляков по возвращению себе инкорпорированных малороссийских земель.

Вторую записку составил Юзефович. Основной ее идеей была мысль о триединной русской нации. Воззрения украинофилов Юзефович характеризовал как «измышление австро-польской интриги». В качестве доказательства своей мысли он приводит историю посвящения в украинофильство Кулиша М. Грабовским, который впоследствии стал министром просвещения в Царстве Польском (Савченко 1930: 375). Труды Костомарова Юзефович считал направленными на подрыв малороссийского сознания с целью уничтожить сочувствие к Русскому государству «унижением и опозорением его истории» (Савченко 1930: 376).

Главное управление по делам печати подготовило дополнительные сведения для совещания. В журнал совещания вошла часть выводов экспертов этого учреждения, в частности о том, что «стремление украинофилов породить литературную рознь... представляется опасным и потому еще, что совпадает с однородными стремлениями и деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-миллионном южнорусском народе, как о чем-то совершенно отдельном от великорусского племени. Такой взгляд рано или поздно бросит галицийских украинофилов, а затем и наших, в объятия поляков, не без основания усматривающих в стремлениях украинофилов движение

в высшей степени полезное для их личных политических целей. Несомненным доказательством этому служит поддержка, оказываемая галицкому украинофильскому обществу “Просвита” сеймом, в котором преобладает и господствует польское влияние» (ГАРФ: 25-27об.).

Именно боязнь польского вмешательства и распространения революционных идей подтолкнула совещание и императора к изданию Эмского указа. Документ состоял из 11 пунктов, первые три из которых посвящались запрету на распространение литературы на малороссийском языке, ввоз ее из-за рубежа и использование «кулешовки». Печатать разрешалось только произведения «изящной литературы». Запрещались также спектакли на малороссийском языке. Запрету подлежало и использование вместо буквы «и» букв «і» и «ї» (РГИА 3: 66-67).

Окончательный вариант выводов совещания был представлен императору 18 мая 1876 г. в городе Эмс (Германия), куда Александр II отбыл по государственным делам. От названия города этот документ и был именован Эмским указом. После подписания его императором был закрыт Малороссийский отдел Русского географического общества, распущен «Киевский телеграф», а Драгоманов и Чубинский отправлены в ссылку. Однако это не снизило активности украинофилов. Так, Драгоманов стал представителем украинофильской «Громады» за границей, а Чубинский занял *государственную должность* (курсив мой. – Д.А.) в Архангельской губернии, куда он был сослан за политические взгляды.

Своеобразным каналом для проникновения националистических взглядов в Юго-Западный край Российской империи стала территория современной Западной Украины, которая в то время входила в состав Австро-Венгерской империи (Буковина, Галиция, Закарпатье). Движение русинов играло немаловажную роль в политической и общественной жизни в этих регионах Австро-Венгрии. Однако репрессии австро-венгерских властей против русского населения в Галиции в начале 80-х гг. XIX в. и последовавшая за этим активизация украинофильского движения привели к тому, что значительная часть жителей восточных окраин Австро-Венгрии (русины) постепенно стала переезжать в Россию. Наблюдался и обратный процесс: российские украинофилы переезжали в империю Габсбургов.

Однако Австро-Венгрия не ограничилась одним лишь вынуждением русинов покидать свои дома. С началом Первой мировой войны они фактически были подвергнуты геноциду в концентрационном лагере Талергоф. Там содержалось от 15 до 30 тыс. чел., 3 тыс. из которых, не выдержав лагерной жизни, скончались (Ваврик 2007: 45). Особую роль в этноциде русинов Австро-Венгрии играли украинофилы, на

доносах которых и строились обвинения узников Талергофа. Причём обвинялись русины в том, что не хотели отказываться от своих корней и считали себя частью общерусской нации. Особенно активно представители украинофилов писали доносы на первом этапе военных преступлений империи Габсбургов. Доказательством этому служит тот факт, что репрессии против русинов австро-венгры начали по заранее подготовленным спискам (Талергофский альманах 1924: 9). Только в первые дни войны во Львове было арестовано несколько тысяч человек, по большей части представителей интеллигенции. Среди арестованных были и крестьяне, но в большинстве случаев в деревнях расправы осуществлялись на месте. В связи с тем что арестованных было довольно много, а площадей в тюрьмах не хватало, австро-венгерское правительство приняло решение о создании концентрационного лагеря Талергоф. Первая партия узников поступила в этот зловещий застенек 4 сентября 1914 г. До зимы 1915 г. на территории лагеря не было даже барачков, люди спали на земле. Узники постоянно подвергались пыткам и избиениям, питание практически отсутствовало, свирепствовали тиф, другие инфекции и вши.

Говоря о генезисе украинофильского движения в России, следует отметить, что в своем формировании и развитии украинское национальное движение прошло несколько этапов. На первом этапе (1840-1860-е гг.) оно только зарождалось в России. Этот этап характеризуется умеренными требованиями украинофилов, которые говорили в основном о культурной автономии Малороссии, о Славянском союзе, где Малороссия играла бы главенствующую роль. Второй этап (1860-1870-е гг.) отмечен спадом украинофильского движения. Третий этап (1870-е гг. – начало XX в.) – радикализация украинофильского движения, увеличение иностранного влияния на украинофилов России через Галицию. В итоге украинофильское движение, зародившееся как одна из ветвей славянофильства с народническим уклоном, трансформировалось, с одной стороны, в откровенно националистическую идеологию (у большинства украинофилов), а с другой – в социализм (у таких представителей, как, например, Драгоманов).

Говоря о причинах возникновения украинского национализма, отметим, что существовали как внутренние причины (борьба малороссийской и петербургской интеллигенции за расширение культурной автономии Западного края), так и внешние (поддержка националистов со стороны Польши, Австро-Венгрии, а позже – Германии).

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков 1900 - *Аксаков И.С.* Сочинения. Т. 3: Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860-1886. СПб., 1900. 570 с.

Бунин 1898 - *Бунин И.А.* Казацким ходом // *Всходы*. СПб., 1898. № 21. Ноябрь. С. 126.

Ваврик 2007 - *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. М., 2007. 70 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.).

Драгоманов 1973 - *Драгоманов М.П.* Литературно-публицистичні праці: У 2 т. Київ, 1973. Т. 1. 531 с.

История русов 1846 - *История русов, или Малой России*. М., 1846. 320 с.

Кістяківський 1994 - *Кістяківський О.Ф.* Щоденник: 1874-1885: у 2 т. Т. 1: 1874-1879 / Упоряд. В.С. Шандра. Київ: Наукова думка, 1994. 645 с.

Костомарів 1921 - *Костомарів М.* Книги битія українського народу. Львів; Київ, 1921. 24 с.

Лемке 1904 - *Лемке М.К.* Эпоха цензурных реформ 1859-1865 гг. СПб., 1904. 300 с.

Миллер 2013 - *Миллер А.И.* Украинский вопрос в Российской империи. Киев, 2013. 416 с.

Муретов 2004 – *Муретов Д.Д.* Этюды о национализме. М., 2004. 352 с.

Неменский 2011 - *Неменский О.Б.* Чтобы на Руси не было Руси: исторические особенности идеологии украинства // *Вопросы национализма*. 2011. №1. С. 79.

Савченко 1930 - *Савченко Ф.Я.* Заборона українства 1876 р. Харків; Київ, 1930. 463 с.

Симонова 1988 - *Симонова И.А.* К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф.В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // *Советское славяноведение*. 1988. № 1. С. 42-54.

Талергофській альманахъ 1924 - *Талергофській альманахъ*. Пропамятная книга. Выпускъ первый. Львовъ, 1924. 254 с.

Трубецкой 1894 - *Трубецкой С.Н.* Противоречия нашей культуры // *Вестник Европы*. 1894. № 38. С. 510.

РГИА 1 - Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 205.

РГИА 2 - РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Ед. хр. 188.

РГИА 3 - РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352.

Slocum 1998 – *Slocum J.W.* Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia, *The Russian Review*. Academic Journal of Russian Studies [USA], 1998. Vol. 57, Nr 2. P. 173-190.

REFERENCES

Aksakov 1900 – *Aksakov I.S.* Sochineniya. T. 3. Pol'skiy vopros i zapadno-russkoe delo. Evreyskiy vopros. 1860–1886 [Works. Vol.3. The Polish question

and West Russian affairs. The Jewish question. 1860–1886], St. Petersburg, 1900, 570 p. [in Russian].

Bunin 1898 – *Bunin I.A.* Kazatskim khodom [The Cossack march], Vskhody. The Illustrated Magazine [St. Petersburg], 1898, Nr 21, p. 126 [in Russian].

Vavrik 2007 – *Vavrik V.R.* Terezin i Talergof [Teresin and Talergof], Moscow, Soft Publ., 2007, 70 p. [in Russian].

GARF 1 – The State Archive of the Russian Federation (GARF), Fund 109, Inv. 50, File 85 (1875 g.) [in Russian].

Dragomanov 1973 – *Dragomanov M.P.* Literaturno-publitsistichni pratsi u 2 t. T. 1. [Publicistic and literary works in 2 vols. Vol. 1], Kiev, 1973, 531 p. [in Ukrainian].

Istoriya rusov 1846 – *Istoriya rusov, ili Maloy Rossii* [The History of Rus, or Little Russia], Moscow, University Publ., 1846, 320 p. [in Russian].

Kistyakivskiy 1994 – *Kistyakivskiy O.F.* Shchodennik: 1874 – 1885: u 2 t. T. 1: 1874–1879 [The Diary: 1874–1885: In 2 vols. Vol. 1: 1874–1879], Kiev, Naukova dumka Publ., 1994, 645 p. [in Russian].

Kostomarov 1921 – *Kostomarov M.* Knigi bitiya Ukraïns'kogo Narodu [The Books of Genesis of the Ukrainian people], Lviv, Kiev, 1921, 24 p. [in Ukrainian].

Lemke 1904 – *Lemke M.K.* Epokha tsenzurnykh reform 1859–1865 gg. [The era of censorship reforms in 1859–1865], St. Petersburg, 1904, 300 p. [in Russian].

Miller 2013 – *Miller A.I.* Ukraïnskiy vopros v Rossiyskoy imperii [The Ukrainian question in the Russian Empire], Kiev, Laurus Publ., 2013, 416 p. [in Russian].

Muretov 2004 – *Muretov D.D.* Etyudy o natsionalizme [Sketches on nationalism], Moscow, 2004, 352 p.

Nemenskiy 2011 – *Nemenskiy O.B.* Chtoby na Rusi ne bylo Rusi: istoricheskie osobennosti ideologii ukraïnstva [For there be no Rus' in Rus': historical features of the Ukrainian ideology], Voprosy natsionalizma. The Scientific Journal [Moscow], 2011, Nr 1, p. 79 [in Russian].

Savchenko 1930 – *Savchenko F.Ya.* Zaborona Ukraïnstva 1876 r. [The Prohibition of Ukrainian ideology 1876], Kharkov; Kiev, 1930, 463 p. [in Ukrainian].

Simonova 1988 – *Simonova I.A.* K voprosu o vzaimosvyazi slavyanofil'stva s ideologiyey Kirillo-Mefodievs'kogo obshchestva. F.V. Chizhov i kirillo-mefodievtsey [On the relationship of Slavophiles with the ideology of the The Brotherhood of Saints Cyril and Methodius. F.V. Chizhov and the members of The Brotherhood of Saints Cyril and Methodius], Sovetskoe slavyanovedenie. The historical Journal [Moscow], 1988, Nr 1, pp. 42-54 [in Russian].

Slocum 1998 – *Slocum J.W.* Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of "Aliens" in Imperial Russia, The Russian Review. Academic Journal of Russian Studies [USA], 1998, vol. 57, Nr 2, pp. 173-190.

Talergofskiy al'manakh" 1924 – *Talergofskiy al'manakh"*. Propamyatnaya kniga. Vypusk pervyy [The Talergof Almanac. Preparata book. Book One], Lvov, 1924, 254 p. [in Russian].

Trubetskoy 1894 – *Trubetskoy S.N.* Protivorechiya nashey kul'tury [Contradictions of our culture], Vestnik Evropy [St. Petersburg], 1894, Nr 38, p. 510. [in Russian].

RGIA 1 – The Russian State Historical Archive (RGIA), Fund 775, Inv. 1, File 205 [in Russian].

RGIA 2 – RGIA, Fund 775, Inv.1, File 188 [in Russian].

RGIA 3 – RGIA, Fund 1282, Inv. 1, File 352 [in Russian].

Ахременко Денис Анатольевич – историк, юрист, директор юридического агентства «Виктория».

Akhremenko Denis – Historian, Lawyer, Legal Director of the Agency “Victoria”.

E-mail: ahda1984@mail.ru

УДК 94(477.87)"1860/1918"

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/9

НАРОДОВСЬКИЙ РУХ НА ЗАКАРПАТТІ В 1860-х – 1918 рр.: ГЕНЕЗА, РОЗВИТОК ТА ІДЕОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ

Р.І. Майор

Кам'янець-Подільський національний університет ім. Івана Огієнка
Україна, 32300, м. Кам'янець-Подільський, вул. Огієнка, 61

E-mail: major.r@mail.ru

Scopus Author ID: 55848634200

Авторское резюме

В статье рассмотрены основные причины возникновения, развитие, идеология и институциональное развитие народовского течения на Закарпатье во второй половине XIX – начале XX в. По мнению автора, именно народники определили новые идеологические ориентиры национального движения закарпатцев. Их идеологическая концепция опиралась на постулат существования самостоятельного украинского народа и украинского языка. Проанализирована культурно-просветительская деятельность народников. Автор приходит к выводу, что они сыграли решающую роль в переносе элементов всеукраинской национальной идентичности, сформировавшейся ранее в Поднепровье, Галичине и Буковине, на территорию Закарпатья.

Ключевые слова: народники, Закарпатье, украинцы (русинь), идентичность, літературний язык.

The Populist Movement in Transcarpathia in 1860-1918: Genesis, Development and Ideological Background

R.I. Mayor

Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University
61 Ohiyenka Str., m. Kamenetz-Podolsk, 32300, Ukraine

E-mail: major.r@mail.ru

Abstract

This article examines the main causes of the emergence, development, ideology and institutional development in the Carpathian region of the populist movement in the late nineteenth – early twentieth century. According to the author, it was the populists, who determined new ideological orientations of the national movement in Transcarpathia, giving it its own Ukrainian content. Their ideological concept was based on the postulate of existence of the independent Ukrainian people and Ukrainian language. Cultural and educational activities of populists were analysed. The author concludes that they played a crucial role in the transfer of the elements of national identity, formed earlier in the Dnieper Ukraine, Galicia and Bukovyna, on the territory of Transcarpathia.

Keywords: populists, Transcarpathia, Ukrainian (Ruthenians), identity, literary language.

Проблеми розвитку українського національного руху у XIX – на початку XX ст. є однією з найбільш актуальних тем дослідження у сучасній українській історіографії. Вирішальний вплив на розвиток національного руху українців на Закарпатті в другій половині XIX – на початку XX ст. мала діяльність представників народовської течії. Попри важливість дослідження порушеної проблеми упродовж багатьох десятиліть, особливо в радянський період, вона залишалася практично поза увагою вчених. Її ґрунтовне вивчення не здійснювалося і в сучасній історіографії. Лише окремі аспекти даної проблеми порушувалися у працях українських і зарубіжних вчених: І. Жегуца (Жегуц 1965), М. Маєр (Маєр 1968), С. Папа (Пап 2003), В. Шандора (Шандор 1992) та ін.

Мета дослідження – визначити основні фактори, що сприяли виникненню народовського руху, проаналізувати його розвиток, ідеологію та інституційну базу, місце і роль народовців в українському національному русі у другій половині XIX – на початку XX ст.

Сьогодні в історіографії існують різні погляди щодо часу виникнення та основоположників народовського руху на теренах Закарпаття. На думку історика В. Піпаша, основоположниками даної течії були А.Ф. Кралицький, І. Дулішкович та Л. Чопей (Піпаш 2009: 8). Український історик В.І. Верига зазначав, що на літературно-мовній ниві зачинателем народовського руху в Закарпатті у третій чверті XIX ст. був упорядник шкільних підручників Л. Чопей (Верига 1996: 235). Автори праці «Закарпаття в етнополітичному вимірі» зазначали, що народницький напрямок поволі формувався наприкінці XIX ст., а інтенсивно розвивався від початку XX ст. (Закарпаття 2008: 158). Видатний український історик-емігрант І.П. Лисяк-Рудницький

та угорська дослідниця М. Маєр притримувалися думки про зародження даного феномену на зламі XIX-XX ст., а до його представників відносили Ю.К. Жатковича, А.І. Волошина та Г. Стрипського (Лисяк-Рудницький 1994: 458, 463-464; Маєр 1968: 55-56). Ю.В. Шевельов датував формування народницького руху початком XX ст. (Шевельов 1998: 19).

На нашу думку, для того аби відповісти на питання, коли саме в Закарпатті сформувалася народовська течія, потрібно насамперед розглянути процес становлення в історичній та громадсько-політичній думці краю української національної концепції, адже саме закарпатські вчені, наукові погляди яких опирались на постулат про національну окремішність українців, їх мови, держави та приналежність русинів Закарпаття до єдиної української нації, відіграли важливе значення у становленні даної течії. Одним із перших, хто із закарпатських вчених доводив приналежність русинів Закарпаття до українського народу, був відомий церковний історик, протоігумен І. Базилович. У латиномовній роботі «Короткий нарис фундації Федора Корятовича» (1799, 1804 рр.) стверджував, що Закарпаття є невід'ємною частиною України (термін «Україна» відносив до XIII ст.), яку чітко розрізняв від Московії (Росії) і Білорусії (Данилюк 1997: 68). Дещо пізніше (у 1830 р.) мовознавець та історик М.М. Лучкай у праці «Grammatica slavo-ruthena» з'ясував, що «карпаторуські» діалекти споріднені з іншими «малоруськими діалектами» і цілком відмінні від польських, російських і чеських (Кашка 2008: 109). 1850 р. етнограф та історик А.П. Дешко на основі аналізу лінгвістичних даних стверджував, що «мова карпаторуського народу чітко показує, що він є гілкою народу південно-руського (*читай українського*. – Р.М.). Проте в його наріччі є деякі особливості від наріччів малоросійського і галицького» (Дешко 1850: 26).

У другій половині XIX ст. відомий будитель, історик та письменник А. Кралицький зазначав: «І наша Угорська Русь разом з Галичиною належить до малоруської гілки слов'янського племені» (Данилюк 1997: 180). А в львівській газеті «Слово» 1862 р. підкреслював, що закарпатці родом з Наддніпрянщини, «...кров наша є руською; ми сім'я преславної України і незабутнього Запоріжжя...» (К. 1862; Піпаш 2009: 8). Наукове обґрунтування етнічної приналежності закарпатців до української нації дав історик І. Дулішкович. У трьохтомній роботі «Исторические черты угро-русских», опублікованій у 1870-х рр., поділив східних слов'ян на «великороссов», «малорусов» і «белорусов», зазначивши, що «угорські русси» належать до «малорусской ветви» (Дулишкович 1874: 37). Філолог Л. Чопей у 1883 р. уклав і видав «Русько-мадярський словарь» («Rutén-magyar szótár»), у передмові якого висунув тезу, що руська (*українська*. – Р.М.) мова є самостійною,

а не діалектом російської (Русько-мадярський 1883: X). Закарпатське («гірське», «карпатське») піднаріччя відносив до «червоно-руського наріччя» руської (малоруської, української) мови (Русько-мадярський 1883: XXIII). Відомий закарпатський громадський діяч і вчений Ю. Жаткович у праці «Етнографіческій очерк угро-русских» підкреслював: «Ми тут під словом “русини” тих жителів Угорщини розуміємо, котрі належать до малоруського народу, що живе в Галичині, Буковині й південній Росії...» (Жаткович 2007: 62).

Як бачимо, в наукових працях закарпатських вчених і культурно-громадських діячів чітко проводилася ідея, що русини Закарпаття є складовою окремішнього українського народу, а їх мова – діалект української мови. Незважаючи на те, що в XIX – на початку XX ст. у краї лише незначна частина інтелігенції усвідомлювала приналежність місцевих русинів до української нації, їх історичні, етнографічні та лінгвістичні дослідження, де вони науково обґрунтовували свої погляди, безперечно сприяли поступовому утвердженню тут української національної ідеї, загальноукраїнської національної свідомості й ідентичності, а також важливе значення для розвитку українського національного руху. Обстоювання ідеї окремішності українського народу та української мови, а також відмова від російської літературної мови, прихильниками якої були русофіли, й обрання народної розмовної мови основою літературної (про що говорити иметься нижче), свідчили про становлення ідейних засад нової концепції моделі національної ідентичності українців та формування у національному житті Закарпаття нової течії (руху) – народовської, першими представниками якої стали А. Кралицький, І. Дулішкович, Л. Чопей, Ю. Жаткович та представники молодшого покоління (народжені у 1870-х та пізніших роках): А. Волошин, Г. Стрипський, Ю. Бращайко, М. Бращайко та інші.

Включати до їх числа представників старшого покоління (І. Базилевича, М. Лучкая, А. Дешка та ін.) вважаємо недоречним, оскільки народовський рух на теренах Західної України вперше сформувався як окрема ідейна і суспільно-політична течія у Галичині в 1860-х рр. (Добржанський 1999: 153; Янишин 2010: 197-199). Хоча у Закарпатті, як і в Галичині, у першій половині – середині XIX ст. були культурно-громадські та політичні діячі, корі визнавали самостійність українського народу та його мови, однак термін «народовці» історично закріпився за представниками 1860-х рр. та пізнішого періоду, а тому некоректно вживати його щодо діячів національного руху більш раннього часу. Зважаючи на це, а також на той факт, що в Закарпатті у 1860–1880-х рр. проукраїнської орієнтації публічно дотримувалися лише поодинокі особи (А. Кралицький, І. Дулішкович, Л. Чопей – група так званих ранніх народовців), датувати зародження народовського руху виключно даним (1860-1880-ті рр.) хронологічним проміжком не можна. У зв'язку

з тим, що збільшення представників даної течії та початок їх активної громадсько-культурної діяльності припадає на 1890-ті рр., вважаємо, що формування народовської течії у Закарпатті припадає на 1860-1890-ті рр. Це був тривалий процес, який затягнувся на три десятиріччя, а не подія, яку можна окреслити рамками одного року.

Окрім проведення закарпатськими вченими наукових досліджень, у ході яких в історичній думці краю відбулося становлення української національної концепції, зародженню у Закарпатті народницького руху сприяли ще такі фактори: по-перше, приклад розвитку народовського руху та українського національного руху на інших українських землях, передусім в Галичині, з якою Закарпаття мало найінтенсивніший зв'язок. По-друге, посилення культурних і наукових зв'язків між Закарпаттям і Галичиною (значно меншою мірою з Наддніпрянщиною) у другій половині XIX – на початку XX ст. По-третє, поява інтелігенції, яка не сприймала як культурно-політичну орієнтацію русофілів (москвофілів) на Російську імперію, так і мадярофільство переважної частини закарпатського духовенства та інтелігенції. По-четверте, проведення угорською владою політики мадяризації українського населення, що стимулювало закарпатців здійснювати протидію даному процесові.

Основу соціальної бази народницького, як і русофільського, руху становило греко-католицьке духівництво та невелика частина світської інтелігенції (И.Ч. 1886; Мазурок 2001: 29). У той же час у Галичині народовський рух був представлений головно світською інтелігенцією (студенти, вчителі, письменники, юристи, дрібні чиновники) (Сухий 2003: 121). І якщо в Галичині вже на початку 1880-х рр. керівництво українським рухом переходить у руки світської інтелігенції (Янишин 2003: 17), то на Закарпатті ще й на початку XX ст. воно знаходилося у руках духівництва. Ситуація змінилася лише після розпаду Австро-Угорщини 1918 р., коли у керівництві національно-визвольним рухом закарпатців у 1918-1919 рр. вагоме місце посіли представники світської інтелігенції. У цьому (в соціальній базі) й полягала одна з основних відмінностей між народницьким рухом у Закарпатті, з одного боку, та Галичиною з іншого.

Що ж торкається ідеології народовського руху, то її стрижень, як у Закарпатті, так і в Галичині та Буковині (Янишин 2003: 13; Добржанський 1999: 184), становили два постулати: самостійність української нації (а не визнання його частиною «русского» чи, власне, російського народу, як це тлумачила русофільська (москвофільська) національна концепція) та української мови (при чому формування літературної української мови мало відбуватися на основі народної розмовної мови). У той же час різниця у мовному питанні між закарпатськими та галицькими і буковинськими народовцями полягала у тім, що перші (зокрема А. Волошин, Ю. Жаткович), на відміну від інших, категорично

відмовлялися використовувати в письмі фонетику й виступали за етимологічний правопис (Гнатюк 1897а; О нашемъ языкѣ 1907; А.В. 1908; Волошин 1959: 40-41; Мазурок 2001: 18, 31, 57), яким користувалися русофіли Галичини, Буковини і Закарпаття. А. Волошин, зокрема, вбачав у фонетичному правописі «такий самий крайній блуд», якою була і «строга московщина», вважав його «найбільшим гріхом» проти руської мови і народу й підкреслював, що мова, якою писали галицькі народовці, не малоруська, а лише її ополячене піднаріччя (А.В. 1908). Як і у випадку з русофілами, у правописному питанні у народовців простежувався традиціоналізм і консервативність, прагнення писати за «правилами церковно-етимологічного правопису» (А.В. 1908), що, очевидно, також було наслідком того, що більшість народовців належала до числа духовенства і тим самим була прив'язана до церковнослов'янської писемної традиції.

З одного боку, досить парадоксальним виглядає той факт, що провідні представники закарпатської інтелігенції, відстоюючи ідею загальноукраїнської мови й визнаючи її за свою, практично не знали її на рівні тодішніх уже повною мірою викрystalізованих загальнонародних норм (Жаткович 2007: 28; Мазурок 1993: 219). Як правило, вони писали на тому чи іншому закарпатському діалекті, й іноді з домішками російських чи церковнослов'янських слів. Та говорячи про діалектну основу мови закарпатських діячів, слід погодитися із твердженням В. Статєєвої, котра зазначала, що в цьому й полягала мовна особливість не лише Закарпаття, але і всієї Західної України: спочатку представники демократичного мовного напрямку, відстоюючи рідну мову в літературі, користувалися не мовою Т. Шевченка – у них яскраво відбивалася місцева діалектна основа (Статєєва 1993: 291). Як слушно підкреслював відомий славіст-мовознавець Ю. Шевельов, розмовляти українською мовою в півдавстрійській Україні означало говорити своєю власною говіркою (Шевельов 1998: 21), а тому у діалектній основі літературної мови закарпатських діячів немає нічого дивного. Наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. лише невелика частина інтелігенції розуміла і виступала за необхідність використання в українській літературній мові фонетики. У 1880-х рр. до їх числа входив Л. Чопей (Христоматія 1893: 209), а в 1890-х рр. – незначна група молодого покоління інтелектуалів, які підтримували зв'язки з представниками галицької інтелігенції, зокрема В. Гнатюком (Гнатюк 1897b: 55; Гнатюк 1899: 175). Утвердження у Закарпатті фонетичного правопису та перехід на нього майже всіх українських видань відбувся пізно – лише у 1930-х рр. (Мишанич 2012: 55).

Початок активної громадської та культурно-освітньої діяльності народовців припадає на кінець ХІХ ст. На початку 1890-х рр. В.М. Гаджега, П.М. Гебей та А. Волошин, які представляли молоде по-

коління громадських діячів, виступили з ідеєю відновлення діяльності «Товариства св. Василя Великого» на «народній основі», що стало можливим з призначенням 1892 р. єпископом Мукачівської єпархії Ю.В. Фірцака (Гнатюк 1897с: 330; Штефан 1981: 160, 176; Волошин 1959: 11, 39). 29 серпня 1895 р. в Ужгороді за участі 40-42 осіб відбулося відновлення діяльності «Товариства св. Василя Великого», тимчасовим головою якого обирається Г. Чопей (Гнатюк 1897с: 330; Совьщаніє 1895; Пап 2003: 397; Mayer 1977: 68-69), а директором – професор теології Д. Гебей. Для того щоб хоч якось зменшити увагу і тиск до товариства з боку влади, приймається рішення про відмову від політичної діяльності (Пап 2003: 398). 23 грудня наступного року на загальних зборах спілки сформували її нову президію. Головою товариства обрали І. Яковича, його заступниками – архидіакона Г. Чопея, кононика І. Туряя, директором – В. Камінського (Волошин 1959: 11). Суттєвим недоліком в його організації було те, що окрім народовців до нього входили прихильники угорської орієнтації, котрі хотіли перетворити спілку на носій мадярської культури, та москвофільської течії, яких, одначе, було значно менше ніж у 1860-х рр. (Пап 2003: 398; Маєр 1968: 56).

Ужгородська спілка видавала «Буквар» М.А. Врабеля і газету «Наука» (Волошин 1959: 11), яка з 1897 р. виходила під редакцією о. Ю. Чучки, В. Гаджеги, А. Волошина й друкувалася етимологічним правописом (Верига 1996: 239; Волошин 1959: 39-40; ДАЗО: 4). Виробленої граматичної форми у газети не існувало і кожний дописувач «писав, як умів» (Волошин 1959: 40; Пекар 1997: 218). Незважаючи на заяви редактора 1907 р. про те, що мова «Науки» наближається до народної, до «малоруського етимологічного правопису», у ній було ще чимало російських слів чи росіянізмів (Волошин 1959: 41) і населення розуміло її погано (Бращайко 1908: 179). Натомість «Додаток», який русофіл Є.А. Фенцик видавав розмовною мовою, користувався серед селян великою популярністю (Бращайко 1908: 179). Окрім повільного впровадження чистої розмовної мови, у друкованих виданнях негативним моментом у культурно-просвітницькій діяльності закарпатської інтелігенції стало й те, що «Товариство св. Василя Великого» мало на меті заснувати науковий угорськомовний часопис та видавати «Місяцеслов» не лише на руській мові, але й угорській (Рудловчак 1976: 360; Гнатюк 1897с: 330). Це викликало різку критику з боку В.М. Гнатюка: «Гей, люде, схаменіться! Що вам сталося, що подібними ухвалами самі собі на шию петлю закладаєте?» (Гнатюк 1897с: 330) – звертався галицький діяч до закарпатців. Дане зауваження було цілком слушним, адже видання угорськомовної друкованої продукції пришвидшило б процес мадяризації українців

та стало б суттєвою перепоною у поширенні освіти серед селян.

З відновленням активної діяльності спілки в угоргородських і будапештських газетах, які видавали угорці, з'явилися статті, що закликали уряд звернути увагу на національний рух українців (Волошин 1959: 12). Зважаючи на те, що в Угорщині не було закону про культурні організації, і «Товариство св. Василя Великого» зазнавало постійного тиску з боку влади, 1902 р. його закрили самі ж члени спіли. Натомість, беручи до уваги наявність торгівельного закону, який забезпечував свободу діяльності акціонерних товариств, засновується акціонерне видавничче товариство «Унію» (Волошин 1959: 14-16; Основаніє 1902: 66-67; Мауер 1977: 82; Žeguc 1965: 99; Нариси 1993: 354). Його головою обрали В. Камінського, заступником голови – М. Поповича (Основаніє 1902: 67), секретарем – А. Волошина (Пап 2003: 402). Окрім них, в управлінні спілкою брали участь В. Гаджега, І. Якович, К. Невицький, що у свою чергу означало відсутність у її складі як представників москвофільського напрямку, так і ренегатів-мадяронів (Пап 2003: 402). Новостворене товариство стало виключно народовською організацією, що було великим успіхом у розвитку українського національного руху. Воно відіграло важливе значення у видавництві та розповсюдженні друкованої української продукції та поширенні української національної свідомості (Штефан 1981: 12).

Утвердження національної ідеї та поширення української національної свідомості здійснювалося народовцями за допомогою періодичних та неперіодичних видань. Ю. Жаткович на сторінках угорськомовної газети «Kelet» принципово поставив питання про те, що мова русинів – українська, а самі русини – це автохтонне населення Закарпаття, яке належить до малоруського (українського) народу (Пап 2003: 534). На підставі вагомих наукових аргументів він доводив, що існує досить аргументів щодо думки про існування окремої української нації й української літературної мови, абсолютно відмінних від російської нації й російської літературної мови (Лисяк-Рудницький 1994: 464). А. Волошин на шпальтах «Науки», відповідаючи мукачівському дописувачу газети на закид, за яким українську мову нібито вигадали аби зробити з руського народу польський, стверджував, що назва «українці» не видумана, це давній етнонімом руського народу, який нараховує більше 25 млн осіб. А йменується цей народ так, бо земля, на якій живе його найбільша частина, називається «Україна». Українці – це «малорусини», а не росіяни («великороси»), між ними існує велика різниця, і це вже давно довела історія, підкреслювалося у статті (Оугрорусинь 1904). Приналежність русинів Закарпаття до українського народу визнавав і І. Брацкайко, котрий 1908 р. писав в альманасі «Січ»: Угорська Русь – це «мала частиця українсько-русь-

кого народу» (Брашайко 1908: 186).

Газети і журнали, як україномовні, так і угорськомовні, почали активніше пропагувати твори української класики. З українських письменників у періодиці найпопулярнішими були М. Вовчок, Л.І. Глібов, М.М. Коцюбинський, І.С. Нечуй-Левицький, С.В. Руданський, В.С. Стефаник, Ю.А. Федькович, І.Я. Франко, Т.Г. Шевченко та інші, твори яких позитивно сприяли зростанню національної свідомості українців (Нариси 1993: 353; Сілецький 2008: 457). Публікація цих творів сприяла не лише відкриттю інтелігенції та селянам кращих здобутків тогочасної української літератури, але й утвердженню серед читачів думки про існування самостійного українського народу з розвинутою культурою (Сілецький 2008: 457).

З 1911 р. стараннями редакції «Науки» розмовною мовою почав видаватися щомісячний ілюстрований додаток «Село», який де факто був часописом і виходив десять разів на рік (Нариси 1993: 355). Для народних шкіл видавалися навчальні книги («Азбука», «Читанка», «Граматика» тощо), велика кількість молитовників, богослужбових книг, календарів, словників й ін. (Нашь народолюбивый 1907; Наше Общество 1907; Акціонерное общество 1911). На початку ХХ ст. на сторінках «Науки» богослов М. Мейгеш виступив з ініціативою створення читальні, де б була можливість почитати різноманітну літературу, а народний вчитель або хтось з освічених селян займався поширенням освіти серед місцевих жителів (Мейгеш 1908). Порушення даної проблеми мало дуже важливе значення, адже на той час українці Угорщини мали лише дві читальні: в Куцурі (селище в сучасній Сербії), засновану селянами 1878 р. (Павлик 1985: 245; Гнатюк 1901: 4), та в с. Скотарському, організовану в 1890-х рр. греко-католицьким священником, освітнім і громадським діячем О. Штефаном (Волошин).

Великий вплив на зміну суспільно-політичної ситуації в Закарпатті та розвиток національного руху здійснила Перша світова війна, яка суттєво загострила національні проблеми в країнах Європи. Вона поставила національно-політичні питання у ряд пріоритетних в міжнародній політиці, а для національних меншин стала історичною нагодою не лише заявити про свої національні права, але й можливість боротися за незалежність власної державності (Закарпаття 2008: 173). Отримання державно-політичної самостійності представниками різних націй, зокрема чехами, стало для українців важливим прикладом у боротьбі за незалежність своєї держави (Клочурак 1978: 97). У той же час участь закарпатців у воєнних діях для більшості з них була першою можливістю виїхати за межі рідного краю, де вони змогли ознайомитися з творами таких українських письменників, як Т. Шевченко, Л. Українка, І. Франко, І. Котляревський та багатьох інших, й тим самим значно збагатили свої знання з української історії та

літератури, а це, в свою чергу, впливало на розвиток їх національної самосвідомості (Клочурак 1978: 84; Гренджа-Донський 1990: 344). Позитивний вплив на формування останньої та становлення загальноукраїнської національної ідентичності серед великої частини русинів здійснили підрозділи українських січових стрільців з Галичини, які, перебуваючи на території Закарпаття, активно проводили серед місцевого населення українську національну пропаганду (Штефан 1973: 296; Бабюк 1915; І.С. 1915; Химинець 1996: 45; Назарук 1916: 6-7).

Аналізуючи розвиток та ідеологію народовського руху в Закарпатті, зазначимо, що він мав свої особливості (окрім тих, які вже були вказані вище) порівняно з аналогічним рухом на інших західноукраїнських землях, що входили до складу монархії Габсбургів. По-перше, закарпатські народовці, на відміну від галицьких та буковинських, до 1918 р. були цілком аполітичні і обмежували свою діяльність виключно мовно-літературними та культурно-освітніми питаннями. Вони не виступали за створення незалежної Української держави і навіть не порушували питання про надання Закарпаттю статусу автономії у складі Угорщини. Як слушно зауважив І.Лисяк-Рудницький, брак самостійної політичної платформи у народовців був очевидним кроком назад навіть порівняно із закарпатськими русофілами (Лисяк-Рудницький 1994: 465). Окрім цього, якщо в Закарпатті народовці до 1918 р. не створили власної політичної газети, організації чи партії, то галицькі представники даного напрямку ще 1880 р. заснували політичний часопис «Діло» (Янишин 2003: 18), 1885 р. – політичну організацію «Народна Рада» (Янишин 2003: 16), а 1890 р. – першу в Україні політичну партію – «Русько-українську радикальну партію» (Історія політичної 1926: 234). Вагомим досягненням галицьких народовців стало проведення з 1880 р. всенародних, повітових та громадських віч, що стало невід'ємним елементом політичної культури галичан кінця ХІХ – початку ХХ ст. та зумовили значну активізацію населення, їх участі у політичному та громадсько-культурному житті краю (Янишин 2001: 94-95). На Буковині ж перша українська політична партія, очолювана народовцями, – «Національна Рада русинів на Буковині» постала 1905 р. (Добржанський 1999: 294-295).

По-друге, у культурно-освітній галузі закарпатські народовці також не досягли тих успіхів, що народовці Галичини та Буковини. Наприклад, у Галичині лише 1908 р. налічувалося 47 філій освітнього товариства «Просвіта» та 2048 читалень (Лозинський 1908: 43, 47), а на Буковині 1902 р. функціонували 64 читальні (Добржанський 1999: 199). У той же час у Закарпатті до 1918 р. були створені лише 2 читальні, а перша «Просвіта» виникла лише у 1920 р. (Карпатська Україна 1939: 133). Не було в Закарпатті і наукової інституції на зразок тієї, яка існувала у Львові, – «Наукове товариство ім. Шевченка» (у 1873-1892 рр. літе-

ратурне, а з 1892 р. – наукове товариство) (Москвофільство 2001: 42). Значно слабше, порівняно з Галичиною і Буковиною, була розвинена й преса та періодика (Шевельов 1998: 16-17; Добржанський 1999: 54; Москвофільство 2001: 42; Стрипський 2008: 267).

По-третє, народовський рух у Закарпатті, порівняно з Галичиною та Буковиною, був малочисельним, охоплював «жменьку людей», оскільки основна частина духовної та світської інтелігенції була в більшій чи меншій мірі змадяризована (Лисяк-Рудницький 1994: 465). Як зазначав у 1915 р. В. Гнатюк, у Закарпатті були лише поодинокі особи, які йшли за національним напрямом більш «інстинктивно, ніж свідомо» (Гнатюк 1915). Однак, саме ця «жменька людей» – нечисленна група національно свідомих патріотів – започаткувала новий суспільно-політичний напрямок в українському національному русі.

У 1860-1890-х рр. на Закарпатті сформувалася нова концепція українського руху – народовська, яка опиралася на постулат існування самостійного українського народу та української мови. Зважаючи на те, що спочатку прихильниками народовства була лише незначна частина інтелігенції, яка не здійснювала широкої громадської діяльності, ідейно-світоглядне та інституційне становлення даної течії відбувалося упродовж трьох десятиліть. Народовці визначили нові ідеологічні орієнтири національного руху, надавши йому власне українського змісту. Саме вони відіграли вирішальну роль у перенесенні елементів загальноукраїнської ідентичності, сформованої раніше в Наддніпрянщині, Галичині та Буковині, на терени Закарпаття. За їх ініціативою відновила діяльність колишня русофільська спілка, було утворене нове товариство «Унію», яке стало інституційною основою власне народовського руху, видавалася друкована продукція (шкільні книги, газета, популярні видання), здійснювалося поширення серед населення української національної свідомості та національної ідеї. Незважаючи на те, що закарпатські народовці, на відміну від галицьких та буковинських, до 1918 р. не змогли сформувати власної політичної партії та достатньо розвинутої комунікаційної структури (зокрема розгалуженої мережі різноманітних спілок та читалень), яка б дозволила розгорнути широку культурно-освітню діяльність, їм усе-таки вдалося перехопити ініціативу у русофілів та мадярофілів у культурно-громадській сфері діяльності, а підвалини їх ідеології визначили майбутній напрямок політичний розвитку національного руху в Закарпатті.

ЛІТЕРАТУРА

- А.В. 1908 - А.В. Правда очи коле // Наука. Унгарь. 1908. № 38.
- Акціонерное общество 1910 - Акціонерное общество «Уніо» // Наука. Унгарь. 1910. № 7.
- Акціонерное общество 1911 - Акціонерное общество «Уніо» въ Унгарьъ продае // Наука. Унгарь. 1911. № 4.
- Бабюк 1915 - *Бабюк А.* У.С.С. На чужині. Угорський Руснак // Діло. Львів. 1915. Ч. 139.
- Брацайко 1908 - *Брацайко І.* Декілько слів за угорсько-руське просто-народне жите і поезію // Січ: Альманах в пам'ять 40-х роковини основаня товариства «Січ» в відні. Львів. 1908. С. 175-186.
- Верига 1996 - *Верига В.* Нариси з історії України (кінець XVIII – початок ХХ). Львів: Світ, 1996. 446 с.
- Волошин - *Волошин А.* Початки національного пробудження на Підкарпатській Русі. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://litopys.org.ua/tvolosh/volosh28.htm> (дата обращения 17.02.2015)
- Волошин 1959 - *Волошин А.* Спомини. Релігійно-національна боротьба карпатських русинів-українців проти мадярського шовінізму. Філадельфія: Карпатський голос, 1959. 56 с.
- Гнатюк 1897а - *Гнатюк В.* Сьвітлі духи на Угорській Русі. II // Буковина. Чернівці. 1897. Ч. 87.
- Гнатюк 1897б - *Гнатюк В.* Угроруська мізерія // Жите і слово. Львів. 1897. Т. 6. Кн. 1. С. 46-62.
- Гнатюк 1897в - *Гнатюк В.* Угроруські календарі // Жите і слово. Львів. 1897. Т. 6. Кн. 4. С. 329-335.
- Гнатюк 1897г - *Гнатюк Волод.* Безцільні заходи. Кирилиця і русофільство // Діло. Львів. 1915. Ч. 93.
- Гнатюк 1899 - *Гнатюк В.* Причинок до історії зносин галицьких і угорських русинів // Літературно-науковий вістник. Річник II. Том VII. Львів: Наукове товариство імени Шевченка у Львові, 1899. С. 162-178.
- Гнатюк 1901 - *Гнатюк В.* Словаки чи русини? (Причинок до вияснення спору про національність західних русинів) // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1901. Т. XLII, кн. 4. С. 1-81.
- Гренджа-Донський 1990 - *Гренджа-Донський В.* Мої спогади // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1990. № 15 (Т. 2). С. 333-422.
- ДАЗО - ДАЗО. Ф. 151. Оп. 2. Спр. 912. Оголошення єпископа голові міністрів Угорщини з приводу видачі дозволу на видання газети «Наука» на русинській мові в м. Ужгород. 11. XII. – 12. XII. 1903 р.
- Данилюк 1997 - *Данилюк Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку ХХ ст.). Ужгород, 1997. 289 с.
- Дешко 1850 - *Дешко А.* О Карпатской Руси // Кіевлянинь. М., 1850. Кн. 3. С. 19-31.
- Добржанський 1999 - *Добржанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Чернівці: Золоті литаври,

1999. 574 с.

Дулишковичь 1874 - *Дулишковичь І.* Историческія черты угро-русскихъ. Тетрадь І. Унгарь: Печатня Карла Іегера и Альберта Ю. Рейпайя, 1874. 135 с.

Жаткович 2007 - *Жаткович Ю.* Етнографическій очерк угро-русских: комплексне видання. Упоряд. і передмова О.С. Мазурка. Ужгород: Мистецька лінія, 2007. 392 с.

Закарпаття 2008 - Закарпаття в етнополітичному вимірі. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2008. 682 с.

І.С. 1886 - *І.С.* Наше равнодушіе одна изъ причинъ бѣдностей нашей // Листокъ. Унгарь. 1886. № 4.

І.С. 1915 - *І.С.* З угорської України // Вістник Союза визволення України. Відень. 1915. Ч. 59-60.

Історія політичної 1926 - Історія політичної думки галицьких українців 1848-1914. На підставі споминів. Написав Д-р Кость Левицький. Львів, 1926. 724 с.

К. 1862 - *К.* Изъ Угорской Руси // Слово. Львовъ, 1862. Ч. 3.

Карпатська Україна 1939 - Карпатська Україна. Географія, історія, культура. Львів: Український видавничий інститут, 1939. 160 с.

Кашка 2008 - *Кашка М.Ю.* Етнополітичний розвиток русинів-українців Закарпаття (середина XVIII ст. – 1867 р.): дис. ... кан. іст. наук: 07.00.01. Ужгород, 2008. 227 с.

Клочурак 1978 - *Клочурак С.* До волі. Спомини. Нью-Йорк: Карпатський Союз, 1978. 189 с.

Лисяк-Рудницький 1994 - *Лисяк-Рудницький І.* Карпатська Україна: народ у пошуках своєї ідентичності // Історичні есе. В 2 т. Київ: Основи, 1994. Т. І. С. 451-470.

Лозинський 1908 - *Лозинський М.* Сорок літ діяльності «Просьвіти». Львів: Друк. НТШ, 1908. 76 с.

Маєр 1968 - *Маєр М.* Закарпатські українці на переломі століть // Жовтень і українська культура. Пряшів, 1968. С. 49-73.

Мазурок 1993 - *Мазурок О.* Проблеми української мови у листуванні Ю.К. Жатковича з В. Гнатюком // Українська мова на Закарпатті у минулому і сьогодні. Ужгород, 1993. С. 216-221.

Мазурок 2001 - *Мазурок О.* Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород: УжНУ, 2001. 292 с.

Мейгешь 1908 - *Мейгешь М.* Якъ читальнѣ зводити! // Наука. Унгарь. 1908. № 10.

Мишанич 2012 - *Мишанич О.* Русини: політика, історія, культура. Ужгород: Гражда, 2012. 352 с.

Москвофільство 2001 - Москвофільство: документи і матеріали. За заг. ред. С.А. Макарчука. Львів, 2001. 236 с.

Назарук 1916 - *Назарук О.* Слідами українських січових стрільців. Львів: СВУ, Друк. НТШ, 1916. 156 с.

Нариси 1993 - Нариси з історії Закарпаття. Т. І (з найдавніших часів до 1918 року). Відп. ред. Гранюк І.М. Ужгород, 1993. 436 с.

Наше Общество 1907 - Наше Общество «Уніо» // Наука. Унгарь. 1907. № 39.

- Нашь народолюбивый 1907 - Нашь народолюбивый епископъ Юлій въ интересь нашей печатни // Наука. Унгварь. 1907. № 5.
- О нашемъ языкѣ 1907 - О нашемъ языкѣ // Наука. Унгварь. 1907. № 9.
- Основаніе 1902 - Основаніе акціонернаго Общества «Унія» // Мѣсяцословь на 1903 годъ. А.И. Волошинъ. Унгварь: Унія, 1902. С. 66-67.
- Оугрорусинь 1904 - Оугрорусинь. «Галицкіи оукраинцы» // Наука. Унгварь. 1904. № 20.
- Павлик 1985 - *Павлик М.* Про русько-українські народні читальні // Твори. Київ: Дніпро, 1985. С. 159-283.
- Пап 2003 - *Пап С.* Історія Закарпаття. Т. III. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2003. 648 с.
- Пекар 1997 - *Пекар А.* Нариси історії церкви Закарпаття. Т. II. Внутрішня історія. Рим, Львів: Місіонер, 1997. 492 с.
- Піпаш 2009 - *Піпаш В.* Феномен регіонального сепаратизму в Закарпатті. Ідейні джерела, передумови та діяльність. Мукачево: Карпатська вежа, 2009. 36 с.
- Рудловчак 1976 - *Рудловчак О.* До історії вивчення закарпатоукраїнського фольклору і етнографії в XIX та на початку XX ст. // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1976. № 7. С. 337-386.
- Русько-мадярський 1883 - Русько-мадярський словарь. Написавъ Ласловъ Чопей. Будапешт, 1883. 446 с.
- Сілецький 2008 - *Сілецький Р.* Юрій Жаткович. Етнографическій очерк угро-русских: комплексне видання / Упоряд. і передмова О.С. Мазурка. Ужгород: Мистецька лінія, 2007. 392 с. // Вісник Львів. ун-ту. Серія істор. Львів, 2008. Вип. 43. С. 455-458.
- Совѣщаніе 1895 - Совѣщаніе членовъ общества св. Василя Великаго // Листокъ. Унгварь. 1895. № 13.
- Статєєва 1993 - *Статєєва В.* Мовні питання на сторінках закарпатської періодики другої половини XIX – початку XX ст. (до 1919 р.) // Українська мова на Закарпатті у минулому і сьогодні. Ужгород, 1993. С. 287-292.
- Стрипський 2008 - *Стрипський Г.* Москвофілізм, українізм і вітчизняні руснаки // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія / Ужгород. націон. ун-т. Ужгород: Говерла, 2008. Вип. 20. С. 264-273.
- Сухий 2003 - *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів: Львів. нац. ун-т ім. І. Франка, 2003. 498 с.
- Химинець 1996 - *Химинець Ю.* Тернистий шлях до України. Ужгород: Гражда, 1996. 396 с.
- Христоматія 1893 - Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниконъ съ прибавленіемъ угро-русскихъ народныхъ сказокъ на подлинныхъ нарѣчіяхъ. Составиль Евменій Сабовъ. Унгварь: Келеть, 1893. 235 с.
- Шандор 1992 - *Шандор В.* Закарпаття. Історично-правовий нарис від IX ст. до 1920. Нью-Йорк: Карпатський Союз, 1992. 292 с.
- Шевельов 1998 - *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятото століття (1900-1941). Стан і статус. Чернівці: Рута, 1998. 208 с.

Штефан 1973 - *Штефан А.* За правду і волю: Спомини і дещо з історії Карпатської України / Августин Штефан. Торонто: Пробоєм, 1973. Кн. 1. 351 с.

Штефан 1981 - *Штефан А.* За правду і волю: Спомини і дещо з історії Карпатської України від давніх давен до 1927. Торонто: Пробоєм, 1981. Кн. 2. 384 с.

Янишин 2001 - *Янишин Б.* Народовці на рубежі 70–80-х рр. XIX ст. у контексті політичної культури галицьких українців // Український історичний журнал. 2001. №6. С. 86-100.

Янишин 2003 - *Янишин Б.* Народовський рух у Галичині як суспільно-політична течія (70 – 80-і роки XIX ст.): автореф. дис.... канд. іст. наук. Київ, 2003. 24 с.

Янишин 2010 - *Янишин Б.* Народовці // Енциклопедія історії України. У 10 т. Т. 7: Мл-О. Київ: Наукова думка, 2010. С. 197-199.

Mayer 1977 - *Mayer M.* Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések: 1860-1910. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. 255 p.

Žeguc 1965 - *Žeguc I.* Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1848-1914. Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. 145 s.

REFERENCES

A.V. 1908 – A.V. Pravda ochi kole [Nothing hurts like the truth], Nauka [Ungvar], 1908, Nr 38 [in Ukrainian].

Aktsionernoe obshchestvo 1910 – Aktsionernoe obshchestvo “Unio” [The Joint Stock Company *Unio*], Nauka [Ungvar], 1910, Nr 7 [in Russian].

Aktsionernoe obshchestvo 1911 – Aktsionernoe obshchestvo “Unio” v Ungvari prodae [The Joint Stock Company *Unio*], Nauka [Ungvar], 1911, Nr 4 [in Russian].

Babyuk 1915 – *Babyuk A.* U.S.S. Na chuzhinі. Ugors'kiy Rusnak [In the foreign land. Hungarian Rusnak], Dіlo, Lviv, 1915, pt. 139 [in Ukrainian].

Brashchayko 1908 – *Brashchayko I.* Dekil'ko sliv za ugors'ko-rus'ke prostonarodne zhite i poeziyu [A few words on the Hungarian-Ruthenian plebeian life and poetry], in: Sich [Sich], Lviv, 1908, pp. 175-186 [in Ukrainian].

Veriga 1996 – *Veriga V.* Narisi z istoriі Ukraїni (kinets' XVIII – pochatok XX) [Essays on the History of Ukraine (the end of the 18th – early 20th centuries), Lviv, Svit Publ., 1996, 446 p. [in Ukrainian].

Voloshin – *Voloshin A.* Pochatki natsional'nogo probudzhennya na Pidkarpats'kiy Rusi [Beginnings of national awakening in Subcarpathian Rus] [Online], Available at: <http://litopys.org.ua/volosh/volosh28.htm> (accessed: 15th February 2015) [in Ukrainian].

Voloshin 1959 – *Voloshin A.* Spomini. Religiyno-natsional'na borot'ba karpats'kikh rusiniv-ukraїntsiv proti madyars'kogo shovinizmu [Memoirs. Religious and national struggle Carpatho-Rusyn-Ukrainian against Magyar chauvinism], Philadelphia, Karpats'kiy golos Publ., 1959, 56 p. [in Ukrainian].

Gnatyuk 1897a – *Gnatyuk V.* S'vitli dukhi na Ugors'kiy Rusi. II [Bright spirits at the Hungarian Rus], in: Bukovina. Chernivtsі, 1897, Part 87 [in Ukrainian].

Gnatyuk 1897b – *Gnatyuk V.* Ugororus'ka mizeriya [Hungarian-Russian junk], in: Zhite i slovo [Life and Word], Lviv, 1897, vol. 6, book 1, pp. 46-62 [in Ukrainian].

Gnatyuk 1897c – *Gnatyuk V.* Ugororus'ki kalendari [Hungarian-Russian calendar], in: Zhite i slovo [Life and Word], Lviv, 1897, vol. 6, book 4, pp. 329-335 [in Ukrainian].

Gnatyuk 1899 – *Gnatyuk V.* Prichinok do istoriï znosin galits'kikh i ugor's'kikh rusiniv [Reasons for the history of relations between Galician and Hungarian Ruthenians], Literaturno-naukoviy vistnik [Lviv], 1899, vol. VII, pp. 162-178 [in Ukrainian].

Gnatyuk 1901 – *Gnatyuk V.* Slovaki chi rusini? (Prichinok do viyasnennya sporu pro natsional'nist' zakhidnikh rusiniv) [Slovaks or Rusyns? (The reason to settle the dispute concerning the nationality of western Rusyns)], Zapiski naukovogo tovaristva im. Shevchenka [Kiev], 1901, vol. XLII, book 4, pp. 1-81 [in Ukrainian].

Grendzha-Donskiy 1990 – *Grendzha-Donskiy V.* Moï spogadi [My memories], Naukoviy zbirnik Muzeju ukraïns'koï kul'turi u Svidniku [Kiev], 1990, Nr 15, pp. 333-422 [in Ukrainian].

DAZO – DAZO, Fund 151, Inv. 2, File 912. Ogoloshennya episkopa golovi ministriv Ugorshchini z privodu vidachi dozvolu na vidannya gazetı “Nauka” na rusins'kiy movi v m. Uzhgorod. 11. XII. – 12. XII. 1903 r. [The announcements of Bishop to the Head Minister of Hungary on granting permission to publish the newspaper “Science” in the Rusinian language in Uzhgorod. 11 XII. - 12 XII. 1903] [in Ukrainian].

Danilyuk 1997 – *Danilyuk D.* Istorıya Zakarpattya v biografiyakh i portretakh (z davnikh chasiv do pochatku XX st.) [The history of Transcarpathia in the biographies and portraits (from ancient times to the early 20th century)], Uzhgorod, 1997, 289 p. [in Ukrainian].

Deshko 1850 – *Deshko A.* O Karpatskoy Rusi [On Carpathian Rus'], Kievlyanin, Moscow, 1850, book 3, pp. 19-31 [in Ukrainian].

Dobrzhanskiy 1999 – *Dobrzhanskiy O.* Natsional'niy rukh ukraïntsiv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX st. [The national movement of Bukovinian Ukrainians in the late 19th – early 20th centuries], Chernivtsi, Zoloti litavri Publ., 1999, 574 p. [in Ukrainian].

Dulishkovich 1874 – *Dulishkovich I.* Istoricheskiya cherty ugro-russkikh [Historic features of the Finno-Russian], Uzhgorod, Karl legera i Al'bert Yu. Reypay Publ., 1874, 135 p. [in Ukrainian].

Zhatkovich 2007 – *Zhatkovich Yu.* Etnograficheskiy ocherk ugro-russkikh [An ethnographic essay on Finno-Russian], Uzhgorod, Mistets'ka liniya Publ., 2007, 392 p. [in Ukrainian].

Zakarpattya 2008 – Zakarpattya v etnopolitichnomu vimiri [Transcarpathia in the ethno-political dimension], Kiev, IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni, 2008, 682 p. [in Ukrainian].

I.Ch. 1886 – *I.Ch.* Nashe ravnodushie odna iz prichin» bidnostey nashey [Our indifference as one of the causes of our poverty], Listok [Uzhgorod], 1886, Nr 4 [in Russian].

I.S. 1915 – *I.S.* Z ugor's'koï Ukraïni [From Hungarian Ukraine], Vistnik Soyuzı vizvolennya Ukraïni [Bulletin of the Union of Ukrainian Liberation], 1915, pp. 59-60 [in Ukrainian].

Levits'kiy 1926 – *Levitskiy K.* Istorıya politichnoi dumki galits'kikh ukraïntsiv

1848-1914 [The history of political thought of Galician Ukrainians in 1848-1914], L'viv, 1926, 724 p. [in Ukrainian].

K. 1862 – K. Iz Ugorskoj Rusi [From Hungarian Ukraine], in: Slovo, Lviv, 1862, Part 3 [in Ukrainian].

Karpats'ka Ukraïna 1939 – Karpats'ka Ukraïna. Geografiya, istoriya, kul'tura [Carpathian Ukraine. Geography, history and culture], Lviv, Ukraïns'kiy vidavnichiy institut Publ., 1939, 160 p. [in Ukrainian].

Kashka 2008 – *Kashka M.Yu.* Etnopolitichniy rozvitok rusiniv-ukraïntsiv Zakarpattya (seredina XVIII st. – 1867 r.). Dis. kan. ist. nauk [Ethnopolitical development of Rusyn-Ukrainians in Transcarpathia (the mid of the 18th – 1867). History Cand. Diss.], Uzhgorod, 2008, 227 p. [in Ukrainian].

Klochurak 1978 – *Klochurak S.* Do voli. Spomini [By the will. Memoirs], New York, Karpats'kiy Soyuz Publ., 1978, 189 p. [in Ukrainian].

Lisyak-Rudnitskiy 1994 – *Lisyak-Rudnitskiy I.* Karpats'ka Ukraïna: narod u poshukakh svoei identichnosti [Carpathian Ukraine: people in search of their identity], in: Istorichni ese. V 2 t, vol. I. Kiev: Osnovi [Historical Essays, in 2 vols. Vol. 1. Kiev], 1994, pp. 451-470 [in Ukrainian].

Lozinskiy 1908 – *Lozinskiy M.* Sorok lit' dīyal'nosti "Pros'viti" [Forty years of activity of the "Enlightenment"], Lviv, Druk, NTSh Publ., 1908, 76 p. [in Ukrainian].

Maer 1968 – *Maer M.* Zakarpats'ki ukraïntsi na perelomi stolit' [Transcarpathian Ukrainians at the turn of the century], in: Zhovten' i ukraïns'ka kul'tura [October and Ukrainian Culture], Pryashiv, 1968, pp. 49-73 [in Ukrainian].

Mazurok 1993 – *Mazurok O.* Problemi ukraïns'koї movi u listuvanni Yu.K. Zhatkovicha z V. Gnatyukom [Problems of the Ukrainian language in correspondence between Y.K. Zhatkovycha with V. Hnatiuk], in: Ukraïns'ka mova na Zakarpatti u minulomu i s'ogodni [The Ukrainian language in Transcarpathia in the past and future], Uzhgorod, 1993, pp. 216-221 [in Ukrainian].

Mazurok 2001 – *Mazurok O.S.* Yuriy Zhatkovich yak istorik ta etnograf [Yuri Zhatkovych as a historian and ethnographer], Uzhgorod, Uzhgorod National University Publ., 2001, 292 p. [in Ukrainian].

Meygesh 1908 – *Meygesh M.* Yak chital'ne zvoditi! [How to teach reading], Nauka [Ungvar], 1908, Nr 10 [in Ukrainian].

Mishanich 2012 – *Mishanich O.* Rusini: politika, istoriya, kul'tura [Rusyns: politics, history, culture], Uzhgorod, Grazhda, 2012, 352 p. [in Ukrainian].

Moskvofilstvo 2001 – *Moskvofilstvo: dokumenti i materiali* [Russophilism: documents and materials], ed. by S.A. Makarchuk, Lviv, 2001, 236 p. [in Ukrainian].

Nazaruk 1916 – *Nazaruk O.* Slidami ukraïns'kikh sichovikh stril'tsiv [In the footsteps of Ukrainian Sich Riflemen], Lviv, SVU, Druk Publ., 1916, 156 p. [in Ukrainian].

Narisi 1993 – *Narisi z istorii Zakarpattya* [Essays on the history of Transcarpathia], Uzhgorod, 1993, vol. I, 436 p. [in Ukrainian].

Nashe Obshchestvo 1907 – *Nashe Obshchestvo "Unio"* [Our society "Unio"], Nauka [Ungvar], 1907, Nr 39 [in Ukrainian].

Nash narodolyubivyy 1907 – *Nash narodolyubivyy episkop Yuliy v interesi nashey pechatni* [Our people-loving Bishop Julius for our printing], Nauka [Ungvar], 1907, Nr 5 [in Ukrainian].

O nashem yazyke 1907 – O nashem yazyke [About our language], Nauka [Ungvar], 1907, Nr 9 [in Russian].

Osnovanie aktsionernago 1902 – Osnovanie aktsionernago Obshchestva “Uniya” [On the establishing of the corporation “Unio”], in: Misyatsoslov na 1903 gode, Ungvar, Uniya Publ., 1902, pp. 66-67 [in Ukrainian].

Ougrorusin 1904 – *Ougrorusin*. “Galitskii Oukraintsy” [Galician Ukrainians], Nauka [Ungvar], 1904, Nr 20 [in Ukrainian].

Pavlik 1985 – *Pavlik M.* Pro rus’ko-ukraïns’ki narodni chital’ni [On Russo-Ukrainian people’s reading houses], in: Tвори [Works], Kiev, Dnipro Publ., 1985, pp. 159-283 [in Ukrainian].

Pap 2003 – *Pap S.* Istoriya Zakarpattya [The history of Transcarpathia], Ivano-Frankivsk, Nova Zorya Publ., 2003, vol. III, 648 p. [in Ukrainian].

Pekar 1997 – *Pekar A.* Narisi istorii tserkvi Zakarpattya. T. II. Vnutrishnya istoriya [Essays on the History of the Transcarpathian Church. Vol. II. The domestic history], Rome, Lviv, Misioner Publ., 1997, 492 p. [in Ukrainian].

Pipash 2009 – *Pipash V.* Fenomen regional’nogo separatizmu v Zakarpatti. Ideyni dzhherela, peredumovi ta diyal’nist’ [The phenomenon of regional separatism in Transcarpathia. The ideological source, background and activities], Mukachevo, Karpats’ka vezha Publ., 2009, 36 p. [in Ukrainian].

Rudlovchak 1976 – *Rudlovchak O.* Do istorii vivchennya zakarpatoUkraïns’kogo fol’kloru i etnografii v XIX ta na pochatku XX st. [The folklore and ethnography studies of Transcarpathian in the 19th and early 20th centuries], in: Naukoviy zbirnik Muzeyu Ukraïns’koï kul’turi u Svidniku [Scientific collection of the Museum of Ukrainian culture in Svidnik], 1976, Nr 7, pp. 337-386 [in Ukrainian].

Rus’ko-madyarskiy 1883 – Rus’ko-madyarskiy slovar’ [The Russian-Hungarian Dictionary], Budapesht, 1883, 446 p. [in Ukrainian].

Siletskiy 2008 – *Siletskiy R.* Yuriy Zhatkovich. Etnograficheskiy ocherk ugro-russkikh: kompleksne vidannya [Yuri Zhatkovych. An Ethnographic Essay on the Finno-Russian], Visnik L’vivskogo Un-tu. Seriya Istoriya [Lviv], 2008, iss. 43, pp. 455-458 [in Ukrainian].

Sovishchanie chlenov 1895 – Sovishchanie chlenov obshchestva sv. Vasiliya Velikago [Meeting of the members of the society of the society of St. Basil the Great], Listok [Ungvar], 1895, Nr 13 [in Russian].

Stateeva 1993 – *Stateeva V.* Movni pitannya na storinkakh zakarpats’koï periodiki drugoi polovini XIX – pochatku XX st. (do 1919 r.) [The language questions on the pages of Transcarpathian periodicals in the late 19th – early 20th centuries (up to 1919)], in: Ukraïns’ka mova na Zakarpatti u minulomu i s’ogodni [The Ukrainian language in Transcarpathia in the past and present], Uzhgorod, 1993, pp. 287-292 [in Ukrainian].

Stripskiy 2008 – *Stripskiy G.* Moskvofilizm, Ukraïnizm i vitchiznyani rusnaki [Moscowphilism, Ukrainisms and domestic Rusniaks], Naukoviy visnik Uzhgorods’kogo universitetu. Seriya: Istoriya [Uzhgorod], Uzhgorod National University Publ., iss. 20, Uzhgorod, Goverla Publ., 2008, pp. 264-273 [in Ukrainian].

Sukhiy 2003 – *Sukhiy O.* Vid rusofil’stva do moskvofil’stva (rosiys’kiy chinnik u gromads’kiy dumtsi ta suspil’no-politichnomu zhitti galits’kikh Ukraïntsiiv u XIX stolitti) [From Russophilism to Moscowphilism (the Russian factor in public

opinion and socio-political life of the Galician Ukrainians in the 19th century)), Lviv, Lviv National University Publ., 2003, 498 p. [in Ukrainian].

Khiminets 1996 – *Khiminets Yu.* Ternistiy shlyakh do Ukraïni [A thorny path to Ukraine], Uzhgorod, Grazhda Publ., 1996, 396 p. [in Ukrainian].

Khristomatiya tserkovno 1893 – Khristomatiya tserkovno-slavyanskikh i ugro-russkikh literaturnykh pamyatnikov s pribavleniem ugro-russkikh narodnykh skazok na podlinnykh narechiyakh [A Reader of Church Slavonic and Finno-Russian literary monuments with Finno-Russian folk tales in authentic dialects], comp. by E. Sabov, Ungvar, Kelet Publ., 1893, 235 p. [in Russian].

Shandor 1992 – *Shandor V.* Zakarpattya. Istorichno-pravoviy naris vid IX st. do 1920 [Transcarpathia. A historical and legal sketch from the 9th century to 1920], New York, Karpats'kiy Soyuz Publ., 1992, 292 p. [in Ukrainian].

Shevel'ov 1998 – *Shevel'ov Yu.* Ukraïns'ka mova v pershiy polovini dvadtsyatoho stolittya (1900–1941). Stan i status [The Ukrainian language in the first half of the 20th century (1900–1941). On the status], Chernivtsi, Ruta Publ., 1998, 208 p. [in Ukrainian].

Shtefan 1973 – *Shtefan A.* Za pravdu i volyu: Spomini i deshcho z istorii Karpats'koï Ukraïni [For Truth and Freedom: Memoirs and history of Carpatho-Ukraine], Toronto, Proboem Publ., 1973, book 1, 351 p. [in Ukrainian].

Shtefan 1981 – *Shtefan A.* Za pravdu i volyu: Spomini i deshcho z istorii Karpats'koï Ukraïni [For Truth and Freedom: Memoirs and history of Carpatho-Ukraine], Toronto, Proboem Publ., 1973, Book 2, 351 p. [in Ukrainian].

Yanishin 2001 – *Yanishin B.* Narodovtsi na rubezhi 70–80-kh rr. XIX st. u konteksti politichnoi kul'turi galits'kikh ukraïntsin [Narodovtsi at the turn of 70-80 of the 19th century in the context of the political culture of Galician Ukrainians], Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal [Kiev], 2001, Nr 6, pp. 86-100 [in Ukrainian].

Yanishin 2003 – *Yanishin B.* Narodovs'kiy rukh u Galichini yak suspil'no-politichna techiya (70-80-i roki XIX st.) [The populist movement in Galicia as a socio-political movement (70-80 years of the 19th century)], Abstract of History Cand. Diss. Kiev, 2003, 24 p. [in Ukrainian].

Yanishin 2010 – *Yanishin B.* Narodovtsi [The Populists], in: Entsiklopediya istorii Ukraïni. U 10 t. T. 7: Ml-O [t], Kiev, Naukova dumka Publ., 2010, pp. 197-199 [in Ukrainian].

Mayer 1977 – *Mayer M.* Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések: 1860-1910 [Carpatho-Ukrainian (Ruthenian) political and social aspirations: 1860-1910], Budapest, Akadémiai Kiadó, 1977, 255 p. [in Hungarian].

Žeguc 1965 – *Žeguc I.* Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1848-1914 [The national political aspirations of the Carpatho-Rusyns in 1848-1914], Wiesbaden, Harrassowitz, 1965. 145 p. [in German].

Майор Ростислав – аспирант исторического факультета Каменец-Подольского национального университета им. Ивана Огиенко.

Mayor Rostyslav – Graduate Student of Historical Department of Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University.

E-mail: major.r@mail.ru

УДК 39-055.2(477.85)(=161.2)"18/19"

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/10

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В РУСИНСКОЙ СЕМЬЕ НА БУКОВИНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В.Г. Душчак

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича

Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

E-mail: valentgd@bk.ru

Авторское резюме

В статье анализируются основные социальные роли и функции (жена, мать, хозяйка), которые выполняла женщина на разных этапах жизни в традиционной культуре русинов Буковины. Основное внимание уделено влиянию гендерной асимметрии на положение женщины в период девичества и замужества, состоянию женского образования и препятствиям к нему.

Ключевые слова: женщина, Буковина, брак, развод, жена, мать, жизненные этапы.

The position of Women within Rusinian family in the XIX – in the early XX century

V.G. Dushchak

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

2 Kotsjubynskiy Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

E-mail: valentgd@bk.ru

Abstract

The paper analyzes basic social roles and functions (wife, mother, housewife) performed by a woman at different stages of her life cycle in the traditional culture of Rusinian Bukovyna. The main attention is driven to the influence of gender asymmetry at the position of a woman during her maidenhood and marriage. Conditions and barriers to education for women are also in the scope of investigation.

Keywords: woman, Bukovina, wedlock, divorce, wife, mother, stages of the life span.

На фоне интереса к женскому вопросу как в украинском обществе, так и в отечественной этнографической науке Буковина остается

практически вне поля зрения исследователей. Ведь основное внимание обращено на образ женщины во всеукраинских масштабах, на ее место в культуре и общественно-политической жизни в рамках традиционной культуры и современной жизни. Буковина, в частности ее северная часть, которую населяют в основном русины-украинцы, длительное время входила в состав различных государств и во многих аспектах исследована мало. Это касается и научно обоснованных знаний о гендерной составляющей традиционной культуры ее коренных жителей, что приводит к распространению выводов, сделанных на основе изучения других регионов Украины, и на буковинских русинов. Поэтому мы считаем, что следует более подробно остановиться именно на положении русинской женщины-буковинки в семье, проанализировать типичные сценарии ее жизни, что реализовались через соответствующие социальные роли и функции, которые она выполняла на разных этапах жизненного цикла.

На протяжении жизни русинка проходила определенные возрастные этапы, которые, в отличие от жизненных вех мужчины, имели менее четкое определение в своих пределах и особенностях. И хотя они скорее совпадали с физиологическими изменениями в женском организме, переход от одного этапа к другому мог сопровождаться ритуалом, а каждый последующий был связан с постепенным выполнением женщиной ее гендерной программы.

Уже само рождение девочки неоднозначно воспринималось в семье буковинского крестьянина-руснака. Бытовало мнение, что рождение детей превращает супругов в семью, а без детей нет семьи в полном смысле. Поэтому считалось, что каждая семья должна иметь детей. Однако отношение к появлению детей разных полов воспринималось по-разному. Так, появление на свет мальчика сопровождалось большими радостями: это будущий помощник родителей, который своим трудом будет способствовать приумножению семейного достатка. Рождение девочки, напротив, вызывало в русинской крестьянской семье грусть. Дочь рассматривалась как временная гостя в семье, которая принесет только расходы, ведь для нее в будущем следовало готовить приданое. У буковинских русинов даже существовало поверье, что, родив первенца-мальчика, девушка не теряла девственность (Населення Буковини 2000: 97).

Желанность рождения мальчика порой даже подчеркивалась в ходе брачной церемонии, когда во время свадебного обряда в доме жениха matka просила молодых подарить ей сына (Етнографічний музей Чернівецького національного університету: 16). Такое положение формировалось православной церковью, которая поддерживает патриархальные традиции, предусматривающие мужское доминиро-

вание. Это находит свое отражение уже в самом обряде приобщения новорожденных девочек к религиозной общине – во время таинства крещения их не заносят в алтарную часть храма, как это делают с новокрещенными мальчиками (Кісь 2012: 93).

Гендерная социализация девочки, то есть процесс конструирования ее половой идентичности, начинался от рождения и продолжался до совершеннолетия посредством выполнения всех ритуально-бытовых обрядов и с соответствующим содержанием вербальных форм-заговоров, которые применяли исполнители обряда. Программирование успешности будущей женщины у буковинских русинов происходило в двух основных сферах – хозяйственно-производственной и репродуктивной. Сферу материнства девочка познавала с детства посредством ее привлечения с 4-8 лет к уходу за младшими детьми в семье («три роки – лишали на руки малого»), а также через игру (Маковії 1993: 19). У буковинских девочек-русинок уже в трехлетнем возрасте появлялись первые куклы, сделанные для них старшими в семье женщинами. В играх с куклами девочки прежде всего имитировали главные будущие функции женщины – хозяйки и матери, воспроизводя выполнение характерных хозяйственных обязанностей и имитируя трудовые процессы в ходе игры. Важным фактором в ходе гендерной социализации было и трудовое воспитание, в основе которого лежало разделение труда в хозяйстве («дівчинка мала свої обов'язки, хлопець – свої»). Русинские крестьяне на Буковине привлекали девочек в возрасте от 6 до 12 лет к выполнению работ, которые в значительной степени соответствовали функциям женщины-хозяйки и в основном были связаны с домашним бытом. Их рано учили шить и вышивать, привлекали к земледельческим работам. Впоследствии информационная и физическая нагрузка росла, однако круг работ, очерченный еще в раннем детстве, сохранялся. При этом воспитательный акцент делался на предсказание будущего публичного осуждения, если девушка недоделает определенную работу (оставят в танце, будут сплетничать и т. п.) (Маковії 1993: 19-20; Кісь 2012: 107-1).

Переход от девочки к девушке, то есть к новой социально-возрастной категории буковинских русинов, происходил по-разному и мог носить как религиозно-обрядовую, так и ритуально-бытовую формы. Получение статуса девушки, как правило, было лишено соответствующего оформления, которое можно трактовать как обряд инициации. У католиков - поляков и немцев Буковины - это первое причастие. У буковинских евреев-иудеев – бат-мицва. Эти обряды содержат ряд элементов, которые можно рассматривать как связанные с началом совершеннолетия, по крайней мере, в религиозном смысле. У православных буковинских руснаков таких обрядов не существовало,

поэтому совершеннолетие девушек традиционно совпадало с их вступлением в девичьи общины. В большинстве русинских и румынских общин на Буковине это выглядело как первый танец девушки в группе молодежи и называлось «вывод на танец». С этого времени начинался период девичества. В зависимости от различных обстоятельств возраст вступления в девичью общину колебался в диапазоне 14-18 лет (Маковії 1993: 22).

Главное место в этот период отводилось усвоению молодежью традиций и норм поведения, приобретению новых и усовершенствованию уже существовавших хозяйственных умений и навыков. На этапе девичества доминантной в жизни русинской девушки становилась установка на брак, которая направляла и ориентировала на это все ее поведение. Вечорницы и улица были главными очагами гендерной социализации буковинской крестьянской молодежи, где она постигала стиль и формы поведения, свойственные взрослым, получала определенные знания и опыт в личных отношениях (Кісь 2012: 117, 129).

В этот период окончательно формировались модели поведения, которые отражали гендерную асимметрию традиционного общества. В частности, это прослеживается уже в практике проведения вечорниц, когда девушки-русинки оставались в доме на своем куте (часть села), демонстрируя тем самым пассивность, тогда как юноши могли ходить на вечорницы на других кутах. Выбор будущей половины, как и в целом возможность познакомиться, у девушек были значительно меньшими. Они не всегда могли знать, откуда будет их будущий муж: «Я вздріла їх аж на слові (помолвке)» (Маковії 1993: 42). Это заставляло их искать пути, чтобы хоть что-нибудь узнать о своей будущей судьбе, которой они вынуждены были повиноваться. Поэтому буковинские девушки прибегали к различным гаданиям, преимущественно на праздник Андрея. Другим способом если не определить, то хотя бы улучшить свою судьбу были различные средства для пробуждения любви или привязанности как отдельных юношей, так и в целом представителей всего сильного пола. В этом стремлении прибегали даже к помощи гадалок и ведьм (Кайндль, Монастирський 2007: 50-54). Зато парень-русин достаточно неоднозначно проявлял свою симпатию к девушке – ударами: «Ой тату, так мене хлопці люблять, аж від кулаків плечей не чую» и «він мене більше не штовхає», то есть не любит (Кайндль, Монастирський 2007: 69; Француз 2010: 37).

Как уже отмечалось выше, местом знакомства молодежи были танцы. На них посвящали в девушки. Однако на танцах также осуществлялся контроль за поведением девушки, которая, как и на ве-

чорницях, не могла пренебречь парнем: «А тій дівці дуже мудрій буде в нас погано». В частности, если она отказывалась танцевать с кем-то из парней, то больше не могла танцевать, и ее с позором выгоняли с танцев, на которые она уже не могла вернуться, не испросив прощения (Вăіеџу 2008: 244). Потому парень фактически не спрашивал согласия девушки, а просто свистом или кивком приглашал на танец. Сами же девушки все время сидели или стояли в стороне (Населення Буковини 2000: 91).

Гендерное неравенство проявлялось и в двойной морали по отношению к добрачным половым отношениям у буковинских русинов. Хотя и считалось, что соблазнитель должен жениться на девушке, если он это обещал, или заплатить за веночек деньги, однако временами он даже не возмещал потерю девственности своей бывшей невесте. В дальнейшем же, женившись, он становился уважаемым членом общества. Зато жизненная программа девушки менялась кардинально, ведь при отношениях без последствий она навлекала позор на себя и свою семью, а при беременности становилась *покрыткою* и оказывалась в маргинальном положении (Dan 1913: 31; Кайндль, Монастирський 2007: 67). При этом стоит отметить, что изнасилование не считалось преступлением, и даже существовала поговорка: «Девушка и корчма для каждого свободна» (Dan 1913: 36).

В общем, несмотря на порой аморальное поведение, общепринятым для девушек и юношей было держаться своих групп, по крайней мере, в людных местах, и избегать любых проявлений привязанности друг к другу: «Разом не сиділи за лавою в школі, на данец чи з данцу не йшли і не поверталися разом» (Маковії 1993: 22). И если среди крестьян это было лишь на людях, то среди украинской интеллигенции очень строго соблюдалось. Девушка не могла появляться на улице без сопровождения, а из мужчин сопровождать ее мог только жених. Даже разговаривать с мужчиной считалось неприличным. Строго придерживались требований приличия и в одежде: девушки закрывали все тело одеждой и носили перчатки (Грицак 2006: 314).

Во второй половине XIX в. на Буковине остро встал вопрос о женском образовании, против которого выступала часть общества, в том числе духовенство и некоторые представители интеллигенции. Они считали, что самое большое счастье для женщины – семья, для которой образование не нужно. Препятствием на пути к образованию девушек-русинок были и их матери. Занятые целый день домашней работой, они видели в дочерях помощниц, которых зря отрывают от насущных хозяйственных проблем для ненужного обучения. Однако социальные и экономические изменения второй половины XIX в. смягчили общественное мнение, а лозунги о женской эмансипации,

усилившиеся в 80-х гг. XIX в., указывали на необходимость образования для женщин. В это время на Буковине появились русинско-украинские женские общества «Мироносицы», «Общество русских женщин в Черновцах», «Женская громада», которые объединяли как православных, так и греко-католиков, преимущественно жительниц городов.

Одной из задач этих обществ было распространение просвещения среди русинских женщин, поддержка девушек в получении образования. Для этого они создавали приюты для детей-сирот и детские сады. Их участницы организовывали курсы для неграмотных, содержали школу для вышивальщиц, швейную мастерскую.

Разветвленная система образования женщин-русинок на Буковине включала в себя начальное и среднее звенья, а также частные женские учебные заведения. Низшие народные школы в селах были общими для мальчиков и девочек, а организованные в городах высшие – раздельными. Однако низкий образовательный уровень буковинских женщин заставил австрийские власти издать в 1872 г. указ об обязательном посещении ими начальных школ (Пенішкевич 1996: 15-16). Это способствовало росту образованности среди женщин, что показывают данные общеавстрийских переписей. Так, если в 1890 г. неграмотные женщины составляли в крае 83,13 %, то в 1900 г. – уже 69 %. Однако уровень грамотности русинок-украинок (14,26 %) и румынок (23,16 %) по-прежнему оставался на Буковине низким по сравнению с немками (62,96 %) (Die Ergebnisse der Volks- und Viehzählung 1907: CCXXX). Доступ к высшему образованию женщины получили достаточно поздно: право поступать на философские факультеты университетов в Австро-Венгрии было предоставлено в 1897 г., а на медицинские отделения университетов – в 1900 г. (Пенішкевич 1996: 16).

Следующий этап в жизни русинской женщины на Буковине был связан с замужеством как основным проявлением женской активности. Стоит отметить, что брак как наиболее предпочтительный статус человека принимался и народной традицией, и православной церковью, которая обладала исключительным правом регистрации актов гражданского состояния. С церковной точки зрения брак был воплощением добродетельной жизни и средством избежать соблазнов и девиантного поведения. Народная традиция рассматривала безбрачие как социальную аномалию и предвзято относилась к старым девам. Поэтому для буковинской женщины-русинки брак был основополагающим условием успешности в обществе. Только замужняя женщина могла реализовать свою гендерную программу, выполняя ключевые социальные роли хозяйки и матери, чтобы до-

биться признания как социально полноценной личности (Пушкарева 1995: 59-62).

Для русинских крестьян была характерна традиция рано заключать браки. Если юноши женились после службы в армии – в 23-26 лет, то девушки-буковинки рано выходили замуж – после 14 лет (Dan 1913: 26). Молодые люди, как правило, находились под опекой родителей и не имели хозяйственной самостоятельности. Кроме того, по Гражданскому кодексу Австрии совершеннолетие наступало в 24 года. Поэтому соглашения о заключении брака и сами брачные соглашения заключались родителями или ближайшими родственниками. У руснаков Буковины подобные договоренности происходили во время сватовства (*змовин, оглядин* и т. д.), когда стороны жениха и невесты договаривались о различных имущественных аспектах (размер приданого – зестры и условия, на которых девушка вступает в брак) и организационных моментах свадьбы. Эти договоренности, как правило, носили устный характер, если не касались земли, которую давали в приданое (Гримич 2004: 365-366). Расторжение договоренностей, достигнутых во время сватовства, несло за собой штрафные санкции для виновной стороны.

Поскольку браки были прежде всего соглашением между семьями, то чувства молодых не принимались во внимание, а так как от родителей зависело приданое – основа будущего самостоятельного хозяйствования молодой пары, то жених и невеста не часто решались им перечить. Особенно сложным было положение девушки, с желаниями которой не считались, хотя предсвадебная обрядность еще сохраняла такой элемент – у нее спрашивали согласие на брак. Стоит отметить, что в семьях существовала традиция очередности бракосочетания отдельно для юношей и девушек, из которой исключали сумасшедших, калек и девушек, которые опозорили себя (Кайндль, Монастирський 2007: 54-55).

Приданое было единственным стабильным правом женщины-русинки, ведь дочери могли наследовать за отцом только при отсутствии наследников мужского пола. Крестьяне по-разному относились к приданому, но у сельских жителей Буковины в большинстве случаев обычай воспринимал его как собственность жены, тем самым утверждая раздельную собственность в крестьянской семье. После рождения ребенка уже регламентировалось правонаследие отцовской и материнской собственности. Собственность женщины, кроме приданого (преимущественно движимого имущества, скота, денег, недвижимости), составляли личные вещи, подаренные мужем за годы брака, и имущество, заработанное в браке ею лично (Бегей 2001: 317-318; Гримич 2004: 227). Но такая ситуация была характерна больше для состоятельных

семей, где супруги отдельно распоряжались и вырученными деньгами: женщина – от продажи птицы, яиц, овощей, а муж – от плетения корзин или рыболовства. В то же время, за исключением земли, данной в приданое и записанной на женщину, имуществом руководили совместно, хотя только муж имел право распоряжаться им. Стоит отметить, что приданое бездетной женщины возвращалось родителям только в случае непродолжительного брака, в то время как после длительного оно служило компенсацией за бездетность (Кайндль 2003: 28; Кайндль, Монастирський 2007: 68; Француз 2010: 41).

Важную роль играли и личные взаимоотношения между супругами, которые предусматривали взаимопомощь, что согласно Библии является одной из целей брака. Именно взаимопомощью, взаимопониманием и взаимной поддержкой заменялось в повседневной супружеской жизни понятие любви (Кись 2012: 161). Они предусматривали достойное отношение друг к другу. Важное место во взаимоотношениях между супругами отводилось выполнению супружеского долга и сохранению верности как в физическом, так и в моральном плане. Церковь и общество осуждали неверность и измену кого-либо из супругов, но большему порицанию подвергалась измена жены, которая становилась поводом для развода (Пушкарева 1995: 60).

Закономерным для традиционной культуры было признание мужа главой семьи, возложение на него ответственности за ее благополучие, за эффективность производственной деятельности. Он также отвечал за межсемейные отношения и семью перед обществом. Однако в традиционной культуре руснаков-украинцев наблюдались также случаи, когда женщине, благодаря уму, исключительным хозяйственным способностям или другим преимуществам над мужем, удавалось стать фактическим лидером семьи (Кись 2012: 152). Иногда обстоятельства заставляли женщину брать на себя мужские функции, чтобы прокормить семью. Она могла стать распорядительницей по хозяйству еще при жизни мужа, если он не выполнял своих обязанностей хозяина (пьянство, расточительность и др.) или община лишала его этого статуса (Кись 2012: 159-160).

Идея иерархичности построения семейного очага и мужского главенства, занимавшая важное место в христианской концепции брака, в быту нашла отражение во взглядах, что женщина должна непременно слушаться мужа и отдавать ему должное. Даже на улице: «...никогда не идут бок о бок себя, только он идет все впереди, а она несколько шагов за ним сзади; если нужно нести какой-то груз, то обычно его взваливают на женщину; верхового коня обычно использует муж, в то время как жена идет рядом пешком» (Dan 1913: 31; Кайндль 2003: 27). Жена обращалась к мужу на «вы» и часто не

по имени, применяя другие формы обращения, в частности в Заставновском районе – «бица» (Маковії 1993: 41). Муж же обращался к жене на «ты» и «сеся», «цися», иногда (у буковинских гуцулов) – «челядина» (Кайндль, Монастирський 2007: 66). Некоторые обычаи уже во время свадьбы были призваны закрепить гендерную иерархию в семье: перед выходом из дома молодой ей на плечи клали подушку, по которой палкой бил жених; молодая перед первой брачной ночью ложилась под порогом, чтобы молодой перешагнул через нее (Дан 1913: 29; Маковії 1993: 39).

Другим проявлением гендерной асимметрии у русинов Буковины было право мужа на применение силы в отношении жены, что порой имело даже форму обычая, по которому супруг раз в неделю бил женщину (Француз 2010: 32). Вот распространенные поговорки по этому поводу: «Если хочешь иметь хорошую жену, то должен бить в нее как деревяшку», «Жена не битая как коса не отбитая (клепаная)» (Кайндль 2003: 27). Однако обычное право руснаков-украинцев позволяло женщине покинуть такого мужа или обратиться в суд. Иногда муж давал жене деньги, чтобы она молчала (Кайндль, Монастирський 2007: 67).

Несмотря на идею пожизненного заключения брака, православная церковь, в отличие от католической, оставляла возможность для разводов. Обычное же право буковинских украинцев рассматривало брак как гражданское соглашение, которое при необходимости можно разорвать. Это было учтено при составлении Гражданского кодекса Австрии, по которому поводами для развода могли стать измена, тюремное заключение за преступление на срок более пяти лет, умышленное оставление одного супруга другим, неспособность выполнения супружеских обязанностей, постоянные семейные разногласия, опасность для жизни и здоровья одного из супругов, бездетность (ст. 115) (Общее гражданское уложение 1884: 35). Женщины редко решались на развод по морально-этическим и экономическим соображениям, а вот мужчины-руснаки порой прогоняли жен, хотя потом их наказывали арестом, если их супруги были невиновны. Чаще при конфликтах в семьях прибегали к временной сегрегации (раздельному проживанию), которая давала возможность решить проблемы супругов (Кісь 2012: 159). Дети при этом были с той из сторон, которая осталась в доме, как правило, с мужем (Кайндль 2003: 29).

Поскольку муж выполнял преимущественно работу вне дома, то обязанностями жены были ведение домашнего хозяйства, уход за скотом, работа на огороде, изготовление тканей и пошив одежды, обязанность мазать и белить хату с двух сторон, погрузка и разгрузка воза и т. д. «Работает очень тяжело, когда муж садится в корчме, пьет

и еще приходит поздно домой, она должна терпеть его жестокое обращение и, чтобы спастись из его рук, бежать ночью к соседям или священнику» (Дан 1913: 31). Поговорка «Женский палец должен стоять больше пары волов» показывает значение и тяжесть женского труда в хозяйстве (Маковій 1993: 21).

Материнство было основой стереотипа феминности в традиционной среде Буковины. Рождение детей воспринималось как главное предназначение женщины, оправдание ее существования, поэтому ей было необходимо реализовать репродуктивную функцию и социальную роль матери. Успешное материнство считалось в обществе престижным и помогало женщине приобрести статус социально полноценной личности. Отсутствие детей было трагедией семьи, а не только женщины, на которую возлагали вину за бездетность. Она подвергалась ограничениям при участии в календарной и семейной обрядности и пренебрежению со стороны общества.

Женщина несла персональную ответственность за формирование телесных и личностных черт будущего ребенка (Кісь 2012: 181-183). Это побуждало мужа во время беременности жены проявлять к ней нежность и ласку, пытаться удовлетворить ее желания (Населення Буковини 2000: 97). Однако она выполняла свою работу до начала схваток, а потом с помощью повитухи или же сама рожала ребенка и уже на второй или третий день вставала, подвязывалась и выполняла легкую работу. При этом роженица не могла выходить за пределы двора, чтобы свою «нечистоту» не передать окружающему миру. Но через некоторое время она шла к священнику за очистительной молитвой, потом повторяла это на 40-й день (Кайндль 2003: 10-12).

Русинские крестьянки на Буковине кормили ребенка грудью год (иногда и два-три года), так как считали это мерой против новой беременности. Буковинские гуцулки, напротив, предпочитали использовать коровье или овечье молоко (Кайндль 2003: 13; Ігнатенко 2013: 139). Кроме кормления женщина не могла посвящать ребенку много времени, потому что хозяйственные и бытовые обязанности требовали ее внимания. Как следствие, летом она брала его с собой в поле или огород, а зимой ребенок практически оставался один в доме. Иногда его привязывали (если некому было за ним приглядеть) или оставляли на старших братьев и сестер, бабушек (Кайндль, Монастирський 2007: 44-45; Кісь 2012: 184-185). При таких обстоятельствах в некоторых колыбельных отражались проблемы женщины. Они давали матери возможность отвести душу. Негативные эмоции вербализировывались и сублимировались их в песне: «...Си вродило ти на муку, твої очки ще не знають, де ті жалі си втворюють...», «...А тепер я колишу тя, бо ти мушиш спати. А тепер я колишу тя, бо миска не мита. А як зайде ньеньо в хату – буде мамка бита...» (Маковій 1993: 9).

Практически не имея возможности контролировать рождаемость рациональным способом, женщины на Буковине беременели чуть ли не ежегодно. Постоянная занятость матерей, плохой уход за младенцами, частые эпидемии обусловили высокий уровень смертности. Иногда процент умерших детей в возрасте до 5 лет (53,3 %) превышал количество умерших среди других возрастных групп. При этом в первый год жизни умирало 20,7 % младенцев – из 3 212 родившихся умерло 665 (данные по уезду Сторожинец за 1890 г.) (Mitteilungen des statistischen 1894: 32, 42). Такой высокий уровень рождаемости и смертности обесценивал жизни детей, что обуславливало относительно спокойное отношение матерей к их смертям. Ребенок начинал приобретать ценность с возрастом, когда постепенно привлекался к ведению хозяйства. Будучи в полном подчинении у родителей, дети учились не только посредством нерепрессивных методов воздействия, но и физических наказаний: «спочатку дитина вчилася лагідністю, розказом, та як до неї та лагідність ніяк не ліпилася, вбертався кожух навиворіт...» (Маковій 1993: 21). Одним из видов воздействия было ограничение свободы, а порой наказывали даже голодом. Переутомленные бесконечной работой матери временами прибегали к вербальной агрессии – проклятиям, в огромную силу которых верили (Кісь 2012: 192-193).

Переход в статус бабы на Буковине был связан с преодолением возрастной границы (70-80 лет), наличием внуков. Но основным считалось наступление менопаузы, что давало женщине право участвовать в ряде ритуалов (погребальных) и выполнять акушерские функции при родах. Обычно баба оставалась жить с младшим сыном, который должен был ухаживать за ней до смерти. С постепенным снижением работоспособности круг обязанностей сужался до ухода за детьми и домашних хлопот – выпекания хлеба и приготовления пищи. Бабушки были активными агентами социализации детей, передававшими традиционную этнокультурную информацию и формировавшими мировоззрение. Им же принадлежало право осуществлять нравственную цензуру и коррекцию поведения членов своих семей и односельчан. Поэтому они часто выступали активными хранителями неприкосновенности господствующей гендерной идеологии, следили за надлежащим выполнением социальных ролей и поведенческих предписаний (Кісь 2012: 199-202).

Таким образом, в условиях патриархального общества и малоземелья в русинской крестьянской семье на Буковине рождение девочки было менее желательным, чем мальчика. Однако разделение труда требовало женских рук в хозяйстве, что обуславливало программирование гендерной идентичности девочки для двух ключевых ролей –

матери и хозяйки. Их успешность была определяющей для ее будущей судьбы. В период девичества четко прослеживались различия в допустимом поведении русинских юношей и девушек. Поведение последних подвергалось активной общественной коррекции с целью формирования желаемых женских черт. В вопросах выбора будущей пары прослеживается почти равенство молодых, так как обе стороны имели минимальное влияние на принятие решения о браке. В дальнейшем мужское главенство в супружеских отношениях, право мужа на применение силы и некоторые дискриминационные моменты этикета свидетельствуют о подчиненном положении женщины, несмотря на отдельные случаи инверсии власти. Однако в крестьянских хозяйствах на Буковине женская сфера была важным звеном обеспечения жизнедеятельности семьи, поэтому женщина имела в ней значительную автономию. Большое влияние на положение русинской женщины имело и выполнение ею материнской роли, которая была довольно тяжелой и отчасти неоднозначной в условиях сильной занятости и невозможности контролировать рождаемость. Однако если женщине-русинке на протяжении всей жизни удалось реализовать в традиционной среде ключевые для нее роли жены, матери и хозяйки, то на склоне лет она получала особый статус и права в обществе и семье.

ЛИТЕРАТУРА

Етнографічний музей Чернівецького національного університету – Етнографічний музей Чернівецького національного університету. Матеріали етнографічних експедицій. Т. 16. 23 арк.

Бегей 2001 – *Бегей С.* Шлюбні угоди в селянському побуті Галичини в другій пол. XIX – на поч. XX ст. // Народознавчі зошити. 2001. № 2. С. 314-321.

Гримич 2004 – *Гримич М.В.* Інститут власності у звичаєво-правовій культурі українців XIX - початку XX ст. Київ, 2004.

Грицак 2006 – *Грицак Я.* Пророк у своїй вітчизні: Франко та його спільнота (1856-1886). Київ, Критика, 2006.

Ігнатенко 2013 – *Ігнатенко І.* Жіноче тіло у традиційній культурі українців. Київ, Дуліби, 2013.

Кайндль 2003 – *Кайндль Р.Ф.* Гуцули. Пер. з нім. Зіновії Пенюк. Наук. ред. і післямова О. Масан. 2-е вид., випр. і доп. Чернівці: Молод. буковинець, 2003.

Кайндль, Монастирський 2007 – *Кайндль Р.Ф., Монастирський О.* Русини на Буковині. Пер. з нім. В.Ю. Іванюка. Чернівці: Зелена Буковина, 2007.

Кісь 2012 – *Кісь О.* Жінка в традиційній українській культурі (друга половина XIX – початок XX ст.). Львів: Ін-т народознавства НАН України, 2012.

Маковій 1993 - *Маковій Г.* Затоптаний цвіт: народознавчі оповідки. Київ: Укр. письменник, 1993.

Населення Буковини 2000 - Населення Буковини. Пер. з нім. Ф.С. Андрійця, А.Т. Квасецького. Чернівці: Зелена Буковина, 2000.

Общее гражданское уложение 1884 - Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. Пер. Г. Вербловский. СПб.: Типография правительствующего сената, 1884.

Пенішкевич 1996 - *Пенішкевич Д.І.* Освіта як важливий фактор емансипації жінок Буковини к. XIX – поч. XX ст. // Система неперервної освіти: здобутки, пошуки, проблеми: матеріали: Міжнар. наук.-практ. конф.: у 6 кн. 28-31 жовт. 1996 р. Кн. 2: Історико-педагогічні аспекти неперервної освіти / упоряд. В.С. Филипчук. Чернівці, 1996. С. 14-17.

Пушкарєва 1995 - *Пушкарєва Н.Л.* Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55-70.

Француз 2010 - *Француз К.Е.* Усраїна: культурологічні нариси. Упор., пер. з нім., передм. й коментар Петра Рихла. Чернівці, Книги-XXI, 2010.

Băieșu 2008 - *Băieșu N.* Tradiții etno-folclorice ale sărbătorilor de iarnă. Chișinău, 2008.

Dan 1913 - *Dan D.* Rutenii din Bucovina schiță etnografică // Analele Academiei Române: Memoriile Secțiunii Literare / Academia Română București. Seria II. T. XXXV. București, 1913. P. 37-81.

Die Ergebnisse der Volks- und Viehzählung 1907 – Die Ergebnisse der Volks- und Viehzählung vom 31. Dezember 1900 im Vergleiche mit denen der Volks- und Viehzählung vom 31. Dezember 1880 und 1890 im Herzogtume Bukowina: nach den Angaben der k.k. statistischen Zentral-Kommission in Wien / veröffentlicht vom Anton Zchar. Czernowitz: Aus der Rudolf Eckhardt'schen k.k. Universitäts-Buchdruckerei, 1907. CCL, 78, L, 26 s.

Mitteilungen des statistischen 1894 - Mitteilungen des statistischen Landesamte des Herzogtums Bukowina. II. Heft. / veröffentlicht vom Julius v. Roschmann-Hörburg. Czernowitz: In Kommission bei F. Pardini, k.k. Universitäts-Buchhandlung. Aus der Rudolf Eckhardt'schen k.k. Universitäts-Buchdruckerei, 1894IV, 195 s.

REFERENCES

Etnografichniy muzey – Etnografichniy muzey Chernivets'kogo natsional'nogo universitetu [The Ethnographic Museum of Chernivtsi National University], in: Materiali etnografichnikh ekspeditsiy [Materials of ethnohtaphic expeditions], vol. 16, 23 p.[in Ukrainian].

Begey 2001 – *Begey S.* Shlyubni ugodi v selyans'komu pobuti Galichini v drugiy pol. XIX – na poch. XX st. [The marriage contract in the peasant life in Galicia in the second half of the 19th – early 20th centuries], Narodoznavchi zoshiti. The Ethnology Journal [Lviv], 2001, Nr 2, pp. 314-321 [in Ukrainian].

Grimich 2004 – *Grimich M.V.* Institut vlasnosti u zvichaevo-pravoviy kul'turi ukraïntsi XIX – pochatku XX st. [The Institute of Property in the legal traditions and culture of the Ukrainians in the 19th – early 20th centuries], Kiev, 2004 [in Ukrainian].

Gritsak 2006 – *Gritsak Ya.* Prorok u svoïy vitchizni: Franko ta yogo spil'nota (1856-1886) [The prophet in his own country, Franco and his community (1856-1886)], Kiev, Kritika Publ., 2006 [in Ukrainian].

Ignatenko 2013 – *Ignatenko I.* Zhinoche tilo u traditsiyniy kul'turi ukraïntsi [The female body in traditional Ukrainian culture], Kiev, Dulibi Publ., 2013 [in Ukrainian].

Kaindl 2003 – *Kaindl R.F.* Gutsuli [Hutsuls], trans. from German by Z. Penyuk. Chernivtsi, Molodoi bukovinets' Publ., 2003 [in Ukrainian].

Kaindl, Monastirskiy 2007 – *Kaindl R.F., Monastirskiy O.* Rusini na Bukovini [Ruthenians in Bukovina], trans. from German by V.Yu. Ivanyuk. Chernivtsi, Zelena Bukovina Publ., 2007 [in Ukrainian].

Kis' 2012 – *Kis' O.* Zhinka v traditsiyniy ukraïns'kiy kul'turi (druga polovina XIX – pochatok XX st.) [The woman in traditional Ukrainian culture in the second half of the 19th – early 20th centuries], L'viv, Institute of Human Studies NAS of Ukraine Publ., 2012 [in Ukrainian].

Makoviy 1993 – *Makoviy G.* Zatoptaniy tsvit: narodoznavchi opovidki [The trampled flower: ethnology stories], Kiev, Ukrainsky pis'mennik Publ., 1993 [in Ukrainian].

Naselennya Bukovini 2000 – *Naselennya Bukovini* [The population of Bukovina], trans. from German by F.S. Andriytsya, A.T. Kvasets'kiy. Chernivtsi, Zelena Bukovina Publ., 2000 [in Ukrainian].

Obshchee grazhdanskoe 1884 – *Obshchee grazhdanskoe ulozhenie Avstriyskoy imperii 1811 g.* [The General Civil Code of the Austrian Empire in 1811], trans. from German by G. Verblovskiy, St. Petersburg, The Senate Typography Publ., 1884 [in Russian].

Penishkevich 1996 – *Penishkevich D.I.* Osvita yak vazhliivy faktor emansipatsii zhinok Bukovini k. XIX – poch. XX st. [Education as an important factor for the emancipation of women in Bukovina in the late 19th – early 20th centuries], in: Sistema neperervnoï osviti: zdobutki, poshuki, problemi: materiali Mizhnar. nauk.-prakt. konf. u 6 kn., 28-31 zhovt. 1996 r. [The system of continuous education: achievements, questions and problem: Proc. of the International Scientific Practical Conference in 6 vol., October 28-31, 1996. Book 2. Historical and pedagogical aspects of lifelong learning], Chernivtsi, 1996, pp. 14-17 [in Ukrainian].

Pushkareva 1995 – *Pushkareva N.L.* Sem'ya, zhenshchina, seksual'naya etika v pravoslavii i katolitsizme: perspektivy sravnitel'nogo podkhoda [Family, female, sexual ethics in Orthodoxy and Catholicism: the prospects of the comparative approach], *Etnograficheskoe obozrenie, Academic Journal* [Moscow], 1995, Nr 3, pp. 55-70 [in Russian].

Frantsoz 2010 – *Frantsoz K.E.* Ucrainica: kul'turologichni narisi [Ucrainica: cultural essays], trans. from German by P. Rikhla. Chernivtsi, Knigi-XXI Publ., 2010 [in Ukrainian].

Băieșu 2008 – *Băieșu N.* Tradiții etno-folclorice ale sărbătorilor de iarnă [Traditions of the holiday season], Chișinău, 2008 [in Romanian].

Dan 1913 – *Dan D.* Rutenii din Bucovina schiță etnografică [Ruthenians in Bukovinian ethnographic sketches], in: *Analele Academiei Române: Memoriile Secțiunii Literare, București, 1913, series II, vol. XXXV, pp. 37-81* [in Romanian].

Die Ergebnisse 1907 – Die Ergebnisse der Volks- und Viehzählung vom 31. Dezember 1900 im Vergleiche mit denen der Volks- und Viehzählung vom 31. Dezember 1880 und 1890 im Herzogtume Bukowina: nach den Angaben der k. k. statistischen Zentral-Kommission in Wien [The results of the population and livestock census on the 31st of December, 1900, compared with those of population and livestock census on the 31st of December, 1880 and 1890 Herzogtume Bukowina: according to the data of the Central Statistical Commission in Vienna], Chernivtsi, Universitäts-Buchdruckerei, 1907, 26 p. [in German].

Mitteilungen 1894 – Mitteilungen des statistischen Landesamte des Herzogtums Bukowina [Transactions of the national statistical office of the Duchy of Bukovina], Chernivtsi, Universitäts-Buchdruckerei, 1894, IV, 195 p. [in German].

Дущак Валентина Георгиевна – аспирантка кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Dushchak Valentyna – Graduate Student of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

E-mail: valentgd@bk.ru

УДК 94(478)"18"

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/11

БЕССАРАБИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С.И. Дегтярев

Сумский государственный университет

Украина, 40007, Сумская обл., г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2

E-mail: starsergo@bigmir.net

Scopus Author ID: 55975410500

Авторское резюме

На основе анализа нормативных актов, вошедших в Полное собрание законов Российской империи, изучена ассимиляторская политика правительства Российской империи, которая проводилась в 1812-1855 гг. на территории Бессарабии. В Бессарабской области вводились бюрократический аппарат и система управления по образцу внутренних губерний империи. Местная элита получила возможность приобрести права российского дворянства. Постепенно ликвидировались национальные особенности региона в управлении, ограничивалось использование молдавского языка и т. д. Большое внимание было уделено социально-экономическим преобразованиям в крае. Они должны были сделать Бессарабию одним из источников финансирования имперской казны. С этой целью область активно заселялась выходцами из соседних государств или внутренних губерний империи, здесь развивались торговля и промышленность. Все это обеспечивало государству серьезные материальные поступления, в первую очередь, за счет разнообразных налогов, и делало регион «рентабельным», что было важно, так как содержание, например, бюрократического аппарата здесь (как и в других частях империи) обходилось очень дорого.

Ключевые слова: Бессарабия, Бессарабская область, Российская империя, Полное собрание законов Российской империи.

**Bessarabia within the Russian Empire
in the first half of XIX century: on materials of**

complete collection of laws of the Russian Empire

S.I. Degtyarev

Sumy State University

Ukraine, 40007, Sumy region, Sumy, 2, Rimskogo-Korsakova str.

E-mail: starsergo@bigmir.net

Scopus Author ID: 55975410500

Abstract

By analyzing the normative acts, included in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, was studied assimilation policies of the government of the Russian Empire, which was conducted in 1812-1855 years on the territory of Bessarabia. In the Bessarabian region (oblast') were introduced the bureaucratic apparatus and control system modeled on the interior provinces (hubernies) of the empire. The local elites got a chance to acquire the rights of the Russian nobility. Progressively was eliminated the national specifics of the region in the administrative sphere, restricted the use of the Moldovan language, etc. Lot of attention has been paid to the socio-economic transformation in the region. They should have made Bessarabia one of the sources of financing of the imperial treasury. For this purpose Bessarabia actively populated by immigrants from the neighboring countries and the interior provinces of the Russian Empire, government has promoted the development of trade and industry are here. All this provides to the state greater profits, primarily due to a variety of taxes. This makes the region a "cost-effective", which was important. For example, because contain the bureaucratic apparatus are here (as in other parts of the empire) is very expensive.

Keywords: Bessarabia, Bessarabia region (oblast), the Russian Empire, Complete Collection of Laws of the Russian Empire.

Российская империя была многонациональным, но при этом исключительно унитарным государством. Включая в свой состав различные национальные территории (Прибалтику, Украину, Бессарабию, Кавказ, Сибирь и др.), правительство ликвидировало там любые национальные проявления: в управлении, языковой сфере, социальной структуре общества и т. д. Эти преобразования происходили не всегда быстро и проводились везде по приблизительно одинаковой схеме. Вводилась общеимперская система администрирования с допущением делопроизводства не только на русском, но и на местном (национальном) языке. В учреждениях даже создавались должности переводчиков. Местные элиты получали права российского дворянства, что позволяло правительству завоевать лояльность

привилегированного и влиятельного сословия. Первое время могли сохраняться некоторые старые и еще привычные для местного населения титулы (названия должностей, чинов и т. п.), что позволяло ему свыкнуться с новой системой управления. Некоторое время могли даже функционировать управленческие органы, которые были якобы национально ориентированными (хотя бы частично) и имели определенную автономию от центрального правительства. На самом же деле они являлись образованиями, переходными от старой системы управления к общеимперской (Верховный совет в Бессарабии, Малороссийская коллегия на украинских землях и т. п.). Со временем указанные отличия ликвидировались, и все сферы жизнедеятельности Российской империи и ее «национальных окраин» приводились к единообразию.

Ассимиляторская политика Российской империи по отношению к присоединенным территориям не часто становилась предметом специальных научных исследований, хотя ученые уделяли внимание различным аспектам данной проблемы. В частности, этой проблематики касаются труды А. Миллера, З. Когута, Н. Щербак, Д. Бовуа и др. (Когут 1996; Щербак 2005; Миллер 2006; Западные окраины 2007; Бовуа 2011).

Целью нашей работы является изучение изменений в социально-экономической и управленческой сферах Бессарабии, которые имели место с момента присоединения этой территории к Российской империи до 1855 г., когда, по нашему мнению, они были окончательно унифицированы по общеимперскому образцу. Основным источником для данного исследования послужили нормативные акты указанного периода, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ).

В результате русско-турецкой войны земли между Прутом и Днестром (Бессарабия) перешли из-под владычества Османской империи к Российской империи. Это было закреплено 16 мая 1812 г. Бухарестским мирным договором.

Сразу же после присоединения этих земель к России правительство стало заниматься обустройством вновь приобретенных территорий по образцу внутренних губерний. В связи с этим создавалась необходимая нормативная база. В течение 1812-1855 гг. было создано 273 нормативных акта, которые регулировали различные сферы жизни в Бессарабии. Все они отображены в Полном собрании законов Российской империи. Указанные акты, принятые в 1812-1825 гг., вошли в 1-е собрание ПСЗ (тома XXXII-XL), акты за 1825-1855 гг. – во 2-е собрание (тома I-XXX). К числу первых из таких документов, бесспорно, относится манифест от 5 августа 1812 г. «О

заключении мира между Россией и Оттоманскою Портою». В нем четко определялись границы бессарабских земель, которые были включены в состав Российской империи: «...окружность от Акермана до устья реки Прута, протекающей в девяти верстах от Ясс, и от сего устья до Цесарской границы, и оттоле вниз по Днестру, простирается почти на тысячу верст, вмещающая в себе знаменитые крепости Хотин, Бендеры, Килию, Измаил, Акерман и многие другие торговые города» (ПСЗ 1).

Российское правительство сразу же стало делать первые шаги к переобустройству территориальной и административно-управленческой структур Бессарабии. Создавались новые для региона учреждения со своим деловодством и служебной иерархией, вводились новые правила в управлении различными сферами жизнедеятельности. При этом управленческий аппарат не сразу создавался исключительно по так называемому великороссийскому образцу.

В 1818 г. Бессарабия официально получила статус области в составе Российской империи. 29 апреля был принят «Устав образования Бессарабской области» (ПСЗ 5). Фактически этот документ стал основной юридической базой для формирования и деятельности административных учреждений в 1818-1828 гг. Царь Александр I писал: «Бессарабская область сохраняет свой народный состав и вследствие сего получает и особый образ управления» (Молдавское княжество). Было решено передать этот регион в ведение подольского военного генерал-губернатора, который по своему выбору мог пребывать или в областном городе Бессарабии – Кишиневе, или в Каменце-Подольском. Сама область разделялась на шесть уездов (цинутов). Здесь также был учрежден Верховный совет, президентом которого назначался подольский военный генерал-губернатор. Кроме последнего, сюда вошли четыре назначенных от короны члена и шесть выборных депутатов. Совет заведовал всеми делами области, т. е. был высшим исполнительным, административным и судебным органом.

Переход к новой здесь модели администрирования должен был происходить плавно. К тому же он не должен был раздражать местные элиты. Даже бессарабский гражданский губернатор получил распоряжение от правительства, «чтобы в образе теперешнего управления Бессарабию не было делано никаких перемен впредь до указа» (ПСЗ 2). Наместник Бессарабии в 1816 г. также был предупрежден, что внедрять различные нововведения здесь стоит «с нужною осторожностью» (ПСЗ 4). Поэтому в течение исследуемого периода правительство меняло управленческий аппарат в Бессарабии постепенно. В первое десятилетие здесь были

учреждены коммерческий суд (ПСЗ 6), таможенное управление (ПСЗ 8), полицейские органы (ПСЗ 10). При этом на ключевые должности в области назначались в основном российские чиновники. На полицейских должностях в первые годы не было ни одного местного выходца. Очевидно, правительство так пыталось взять новоприсоединенный регион с его национальными традициями под более полный контроль. В 1815 г. из 23 чиновников областного уровня служили лишь 8 человек «из числа молдавских бояр и помещиков» (Дегтярев 2014: 95).

Точное количество представителей местного населения в тот период на государственной службе установить крайне тяжело (известно, что их было не очень много). Даже в статистических источниках с 1820 г. чиновников Бессарабской области уже не идентифицируют как представителей молдавского боярства и помещиков (Месяцеслов 1820: 560-564). С высокой долей вероятности можно предположить, что их число стало несколько большим, чем в предыдущие годы. По этому поводу появились даже специальные нормативные акты. Так, в конце 1819 г. товарищем старшего члена бессарабской конторы был назначен некий ротмистр Ватикиоти, который до этого занимал должность попечителя бессарабских болгар (ПСЗ 7). Одновременно отменялись некоторые старые местные управленческие практики. Так, в апреле 1824 г. был ликвидирован институт семирашей, или областных курьеров. Раньше эта должность существовала для выполнения курьерских функций по служебным делам. Причем расходы на содержание таких чиновников возлагались на специально назначенные зажиточные селения, жители которых при этом освобождались от любых других повинностей. В реалиях Российской империи функции семирашей эффективно выполнялись почтовым ведомством (ПСЗ 11).

Несмотря на то что «Уставом образования Бессарабской области» местному дворянству было даровано право избирать из своей среды некоторых чиновников (в том числе и земских полицейских), имперское правительство долгое время предпочитало на некоторые выборные должности назначать служащих самостоятельно («от короны»). Такое решение было принято, в частности, в отношении чиновников земской полиции – исправников и заседателей. Такие действия объяснялись целым рядом причин: очень малое количество дворян, из которых следовало выбирать чиновников; большое количество нарушений и злоупотреблений по службе среди них; невладение многими местными служащими русским языком. В нормативных документах даже приводятся конкретные примеры по этому поводу. Так, на одних выборах по Бессарабии дворян-избирателей было 100

человек, а выборных должностей, которые следовало заместить, – 81. Таким образом, нельзя было выбрать из нескольких кандидатов более надежного или профессионального. К тому же многие из них пеклись лишь о собственном благополучии, что приводило к частым злоупотреблениям. Измаильский исправник был одновременно содержанием почтовых лошадей в своем цинуте. Бендерский исправник выполнял обязанности поверенного у камергера Бальша – местного крупного помещика, поэтому больше внимания уделял именно последней, более прибыльной должности. В Аккерманском цинуте, где «жители без исключения все русские», исправником был молдаванин, который даже не владел русским языком. К тому же он собирал с населения лишние подати. Имели место и другие негативные явления в среде бессарабского чиновничества. За первые полгода правления Бессарабской областью графа Воронцова Верховным советом от должности были отстранены только по полицейскому ведомству два исправника и несколько заседателей (ПСЗ 12).

В 1834 г. бессарабские дворяне получили разрешение избирать председателя в областной гражданский суд. Но данным документом практически исключалась возможность избрания на эту должность местного кандидата. Разрешение содержало соответствующие оговорки: 1) на эту должность нужно было выбрать трех кандидатов, причем не только из числа бессарабских дворян, но и из дворян других губерний (находившихся при этом в Бессарабии) или из чиновников, здесь служащих; 2) избираемый должен был до этого служить уездным судьей, или советником судебной палаты, или губернским прокурором и иметь общий стаж службы не менее 15 лет (а на указанных должностях – не менее 6 лет) (ПСЗ 20). Но вплоть до 1836 г. включительно должность председателя гражданского суда была вакантна. Лишь в 1837 г. ее занял титулярный советник И.П. Хотьяев (русский по происхождению), который председательствовал до 1847 или 1848 г. С 1849 г. председателем стал статский советник И. Каруза (Месяцеслов 1835: 419; Месяцеслов 1836: 439; Месяцеслов 1837: 491; Адрес-календарь 1849: 8).

В том же году бессарабские дворяне, не имевшие чинов по Табели о рангах, получили разрешение участвовать в выборах. До этого такое право было лишь у дворян, имевших хотя бы чин XIV класса (коллежский регистратор). Такое решение было принято по ходатайству новороссийского генерал-губернатора, который отмечал острую нехватку «чиновных дворян» в Бессарабской области. Правда, здесь не обошлось без оговорок. Так, избираться на должность уездных предводителей могли те дворяне из числа не имевших чинов, которые были награждены российскими орденами (а таких было крайне мало)

и которые уже служили «в подобной должности» не менее трех лет. Те, кто не служил на выборных должностях, допускались лишь к тем из них, которые предполагали в последующем получение чина не выше X класса (коллежский секретарь) (ПСЗ 21).

К управлению привлекалось и сельское население. Летом 1826 г. было утверждено положение, которым в казенных селениях Бессарабской области учреждались волостные правления. На должности голов и заседателей этих правлений должны были избираться местные жители, которые не были под судом и следствием и имели собственное хозяйство (ПСЗ 13).

Права (в первую очередь экономические и социальные) коренных этносов Бессарабской области правительство Российской империи в первые десятилетия после присоединения края старалось если не сохранить, то, во всяком случае, не ограничивать существенно. Одним из таких коренных этносов были русины (руснаки), которые составляли значительную часть населения Бессарабии. В регионе они составляли 1/8 часть всего населения, а в отдельных уездах их количество достигало 60 % (Суляк 2012: 14-16). В исследуемый период большинство из них относилось к числу так называемых свободных земледельцев – царан. Жизнь этой категории населения, помимо общего законодательства Российской империи, регулировалась также специально созданными для них нормативными актами. Первый такой документ – «Положение о царанах или свободных земледельцах Бессарабской области» – появился лишь в начале 1834 г. (ПСЗ 19). За последующие два десятилетия (до 1854 г.) появилось еще семь актов о царанах, опубликованных в ПСЗ. Эти законы более подробно обозначали права царан, в том числе условия, при которых они могли проживать на землях государственных или других владельцев и обрабатывать их. Отдельными актами царанам разрешалось избирать из своей среды волостных голов и старшин – заседателей волостных правлений (ПСЗ 26; ПСЗ 32-36; ПСЗ 42).

Упомянутая нами вскользь проблема русского языка в государственных учреждениях Бессарабской области стояла остро достаточно долгое время. Поэтому во многие из этих учреждений назначались переводчики. Только в 1835-1836 гг. они были назначены в Бессарабское областное правление (ПСЗ 22), к измаильскому градоначальнику (ПСЗ 25), в уездные суды (ПСЗ 28). На этих чиновников возлагались большие обязанности. В частности, в указе от 13 июня 1836 г. отмечалось, что при судебных разбирательствах допрашиваемый мог отвечать на молдавском языке, а «за точность перевода отобранных показаний на русский язык отвечает определенный правительством переводчик». Но этот же указ

ограничивал использование молдавского языка в государственных учреждениях семью годами (т.е. сроком, необходимым для получения необходимого образования в гимназиях, в том числе и по русскому языку) (ПСЗ 29).

В первой половине XIX в. было принято значительное количество указов, распоряжений и других нормативных актов, направленных на преобразование административно-управленческого аппарата в Бессарабии на российский манер. Этими актами вводились правила делопроизводства, новые должности в тех или иных учреждениях, назначалось жалование чиновникам, отменялись старые местные управленческие практики, устанавливался порядок сношений между различными учреждениями или учреждениями и представителями разных слоев населения, определялась компетенция различных государственных органов и должностных лиц и т.п. В общей сложности в ПСЗ нами было выявлено около 100 таких юридических норм.

В то же время правительство начало активное обустройство приобретенных территорий. Поскольку Бессарабия относилась к числу малоразвитых в экономическом отношении и слабонаселенных регионов, то целым рядом правительственных распоряжений здесь стали устанавливаться соответствующие правила касательно торговли, платы налогов. Жители края на неопределенный срок были освобождены от рекрутской повинности (ПСЗ 3). В Бессарабию стали активно привлекать представителей других регионов империи (хотя некоторые сами изъявляли такое желание) и даже соседних государств. За относительно короткое время область превратилась в одну из наиболее многонациональных территорий империи. Здесь проживали молдаване, гагаузы, цыгане, сербы, русские, украинцы, евреи, немцы, поляки, швейцарцы, армяне, болгары и др. В связи с этим правительство Российской империи создавало законодательную базу, которая регулировала внутреннюю жизнь региона, отношения внутри национальных общин или между представителями разных национальностей; определяла порядок уплаты налогов (или освобождения от них); устанавливала правила торговли в Бессарабии и т.п. Всего законодательных актов, направленных на регулирование указанных вопросов, в течение 1812-1855 гг. было принято около 150. Из них более 30 так или иначе касались представителей некоторых национальных общин (в основном цыган, евреев, сербов, болгар, немцев).

Таким образом, имперское правительство уделяло наибольшее внимание социальной и экономической составляющей. Во всяком случае именно эти вопросы были наиболее важными в условиях инкорпорации в состав Российской империи бессарабских территорий, элиты, населения в целом, хозяйства. Тем более что

инкорпорация эта была следствием войны, происходившей в большой степени на территории самой Бессарабии, которая в результате оказалась разорена. Край нуждался в экономическом и демографическом возрождении.

Приобретая бессарабские территории и проводя там политику социальной ассимиляции и административной унификации, российская монархия не забывала также о своих материальных выгодах. Для контроля всех поступлений в государственную казну от уплаты различных податей (в частности подушной) правительство периодически инициировало своими указами проведение переписей и ревизий населения. В Бессарабии проведение таких переписей было особенно важно, так как за достаточно короткий промежуток времени сюда переселилось большое количество выходцев из соседних государств, а также крестьян и представителей других сословий из так называемых внутренних губерний самой Российской империи. В ПСЗ можно найти восемь законодательных актов, посвященных переписям и ревизиям, проводившимся в Бессарабской области в исследуемый период.

В первую очередь в 1823 г. был издан указ «О внесении в ревизию всех русских крепостных людей, в Бессарабии находящихся». В нем конкретно высказывались опасения правительства (озвученные министром финансов), что «некоторые крепостные люди, въехав с господами своими в Бессарабию прежде 1815 года, не могли быть записаны в 7 ревизию, потому что в области Бессарабской нет установления ревизских сказок; отчего происходит, что казна лишается части следующих ей податей». Поэтому и приказано было произвести ревизию указанной категории людей (ПСЗ 9). Отдельно могли переписываться и представители других сословий или национальностей. Так, в 1846 г. была произведена перепись бессарабских евреев (ПСЗ 37), в 1848 г. – крепостных цыган (ПСЗ 38), в 1853 г. – бессарабских евреев (ПСЗ 41).

16 июня 1833 г. был издан манифест «О производстве по всей империи новой народной переписи» (ПСЗ 18). Для Бессарабской области этот документ определял особый порядок ее проведения. Эта перепись не была здесь первой. Известно, что в 1817 г. одна уже проводилась по предписанию наместника Бессарабской области А.Н. Бахметева (Халиппа 1907). К этому процессу были привлечены местные дворяне и приходские священники, а происходил он одновременно с приведением населения Бессарабии к присяге на верность российскому императорскому престолу. В 1850 г. было принято решение провести еще одну общую перепись населения. С этой целью был утвержден соответствующий устав (ПСЗ 39).

Часто те, кому поручалось проведение переписей / ревизий, не успевали сделать это вовремя. Обычно в таких случаях правительство

устанавливало дополнительное время для доведения этого процесса до конца, о чем издавались специальные указы. Известно, что подобная ситуация складывалась в 1835 и 1851 гг. (ПСЗ 24; ПСЗ 40).

Поскольку Российская империя изучаемого периода была государством сословным, то чрезвычайно важна проблема унификации социальной структуры Бессарабии по российскому образцу. В связи с этим встал вопрос об уравнивании в правах представителей элиты этого края с дворянством империи. Формально это было сделано почти сразу же после присоединения бессарабских земель к России. Но процесс нобилизации местных элит длился довольно долго. В 1835 г. при Бессарабском областном совете даже была создана временная канцелярия для рассмотрения документов привилегированных сословий в области в составе 10 человек (ПСЗ 23). Немного позже, в 1836 г., был определен срок существования этой канцелярии – до 1 января 1839 г. Именно столько времени давалось ее чиновникам для окончательного разбора указанных документов (ПСЗ 30). Но 3 января 1839 г. было принято решение продлить срок работы этой структуры (ПСЗ 31). При этом указывалось, что за время существования канцелярии были рассмотрены документы о 5 460 семьях. На начало 1839 г. оставалось еще «рассмотреть документы 1 227 фамилий». Среди представивших доказательства своего привилегированного положения были и лица, которых в свое время отнесли к числу царан – свободных земледельцев (Подобная практика не была новой. Так, в конце XVIII в. некоторые представители мелкой украинской казацкой старшины также были отнесены к разряду государственных крестьян, мещан.) При этом различными указами бессарабским дворянам разрешалось приобретать крепостных, заниматься винокурением, регулировались их отношения с представителями других сословий и т. д. В течение 1812-1855 гг. в ПСЗ было опубликовано около 20 нормативных актов, так или иначе касавшихся представителей бессарабского дворянства.

Судя по времени издания первых нормативных актов, посвященных образовательным учреждениям и медицине, эти сферы не относились к числу приоритетных направлений внутренней политики российского правительства на бессарабских землях. Так, лишь в конце 1827 г. император утвердил положение Комитета министров об учреждении в Бессарабской области уездных училищ (ПСЗ 14). До того времени здесь функционировали только четыре школы, работавшие по методике Ланкастера. Было решено открыть уездные училища в Кишиневе, Бельцах, Хотине, Аккермане, Бендерах, Измаиле. Учебными заведениями Бессарабской области руководил попечитель Харьковского учебного округа. Но в 1830 г. они были переподчинены

Ришельевскому лицу и особо – попечителю одесских учебных заведений (ПСЗ 15). Всего за 1812-1855 гг. образовательной сферы коснулись 9 нормативных актов по Бессарабии (да и те датируются еще более коротким периодом – с 1827 по 1842 г.). Как на всей территории империи, образование здесь имело целью воспитание на православных ценностях послушных слуг монархии. Лишь гораздо позже правительству стала понятна «слабость христианско-православного идеала» гражданского воспитания и образования, основанных только «на любви к Богу и императору, смирении, послушании, любви к Отечеству» (Belentsov 2014: 24).

Медицине в Бессарабской области внимания в исследуемый период уделялось еще меньше. Этой сферы касались лишь 4 законодательных акта (1831, 1834 и 1836 гг.). Это были распоряжения об определении врачей и повивальных бабок в города Рени, Измаил, Килия (ПСЗ 16; ПСЗ 17), о назначении лекарских помощников (ПСЗ 27) и т. п.

Незначительное количество нормативных актов было направлено на урегулирование вопросов, связанных с религиозной сферой; выездом некоторых категорий населения за границу; объявлением или отменой военного положения; мерами, направленными на пресечение бродяжничества и побегов крепостных людей.

Таким образом, опираясь в первую очередь, на нормативную базу изучаемого периода, можно достаточно точно охарактеризовать политику российского имперского правительства, проводившуюся в Бессарабской области. Следует выделить основное направление этой политики – это унификация всех сфер жизнедеятельности региона по российскому образцу. С этой целью в Бессарабии вводилась соответствующая система управления, местные элиты получали возможность приобрести права российского дворянства и т. д. Со временем здесь ликвидировались любые национальные особенности, что отвечало потребностям унитарного государства с централизованной властью, которым и являлась Российская империя. Большое внимание было уделено социально-экономическим преобразованиям в крае. Они должны были сделать Бессарабию одним из источников финансирования имперской казны. С этой целью область активно заселялась выходцами из соседних государств или внутренних губерний империи, здесь развивались торговля, промышленность. Все это обеспечивало государству серьезные материальные поступления, в первую очередь за счет разнообразных налогов, и делало регион «рентабельным», что было важно, так как содержание, например, бюрократического аппарата здесь (как и в других частях империи) обходилось очень дорого.

ЛИТЕРАТУРА

Адрес-календарь 1849 - Адрес-календарь и общий штат Российской империи на 1849 год. Часть вторая. СПб., 1849. 224 с.

Бовуа 2011 - *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914). М., 2011. 1008 с.

Дегтярев 2014 - *Дегтярев С.И.* Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX в. // Русин. Международный исторический журнал. 2014. № 1 (35). С. 91-104.

Западные окраины 2007 - Западные окраины Российской империи. М., 2007. 608 с.

Когут 1996 - *Когут З.* Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830. Київ, 1996. 317 с.

Месяцеслов 1820 - Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1820. Часть вторая. СПб., 1820. VIII + 568 + 8 с.

Месяцеслов 1835 - Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1835 год. Часть вторая. СПб., 1835. 428 + XII + VIII с.

Месяцеслов 1836 - Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1836 год. Часть вторая. СПб., 1836. 448 + II + VIII с.

Месяцеслов 1837 - Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1837 год. Часть вторая. СПб., 1837. 513 + VIII + VII с.

Миллер 2006 - *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: эМолдавское княжество - Молдавское княжество и Бессарабия в 1812-1828 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moldovenii.md/ru/section/700/content/7155> (дата обращения: 15.09.2014).

ПСЗ 1 - ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25199.

ПСЗ 2 - ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25393.

ПСЗ 3 - ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 25942.

ПСЗ 4 - ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 26271.

ПСЗ 5 - ПСЗ-1. Т. XXXV. № 27357.

ПСЗ 6 - ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27750.

ПСЗ 7 - ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 28055.

ПСЗ 8 - ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29485.

ПСЗ 9 - ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29663.

ПСЗ 10 - ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29741.

ПСЗ 11 - ПСЗ-1. Т. XXXIX. № 29878.

ПСЗ 12 - ПСЗ-1. Т. XXXIX. № 30048.

ПСЗ 13 - ПСЗ-2. Т. I. № 444.

ПСЗ 14 - ПСЗ-2. Т. II. № 1520.

ПСЗ 15 - ПСЗ-2. Т. V. № 4184.

ПСЗ 16 - ПСЗ-2. Т. VI. № 4852.

ПСЗ 17 - ПСЗ-2. Т. VI. № 4932.

ПСЗ 18 - ПСЗ-2. Т. VIII. № 6265.

ПСЗ 19 - ПСЗ-2. Т. IX. № 6739.

ПСЗ 20 - ПСЗ-2. Т. IX. № 6740.

- ПСЗ 21 - ПСЗ-2. Т. IX. № 6889.
 ПСЗ 22 - ПСЗ-2. Т. X. № 7975.
 ПСЗ 23 - ПСЗ-2. Т. X. № 8023.
 ПСЗ 24 - ПСЗ-2. Т. X. № 8105.
 ПСЗ 25 - ПСЗ-2. Т. X. № 8405.
 ПСЗ 26 - ПСЗ-2. Т. X. № 8566.
 ПСЗ 27 - ПСЗ-2. Т. XI. № 8843.
 ПСЗ 28 - ПСЗ-2. Т. XI. № 8987.
 ПСЗ 29 - ПСЗ-2. Т. XI. № 9298.
 ПСЗ 30 - ПСЗ-2. Т. XI. № 9678.
 ПСЗ 31 - ПСЗ-2. Т. XIV. № 11912.
 ПСЗ 32 - ПСЗ-2. Т. XIV. № 12293.
 ПСЗ 33 - ПСЗ-2. Т. XV. № 13411.
 ПСЗ 34 - ПСЗ-2. Т. XV. № 13871.
 ПСЗ 35 - ПСЗ-2. Т. XVII. № 15383.
 ПСЗ 36 - ПСЗ-2. Т. XXI. № 19881.
 ПСЗ 37 - ПСЗ-2. Т. XXI. № 20709.
 ПСЗ 38 - ПСЗ-2. Т. XXIII. № 22394.
 ПСЗ 39 - ПСЗ-2. Т. XXV. № 23818.
 ПСЗ 40 - ПСЗ-2. Т. XXVI. № 24981.
 ПСЗ 41 - ПСЗ-2. Т. XXVIII. № 27414.
 ПСЗ 42 - ПСЗ-2. Т. XXIX. № 28069.

Суляк 2012 - Суляк С. Етнодемографические процессы в Бессарабии XIX – начале XX в. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2012. № 1 (27). С. 6-26.

Халиппа 1907 - *Халиппа И.* Роспись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 года // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1907. С. 3-230.

Щербак 2005 - *Щербак Н.О.* Національне питання в політиці царизму у Правобережній Україні (кінець XVIII – початок XX століття): Київ, 2005. 616 с.

Belentsov 2014 - *Belentsov S.I.* The Main Lines in Social and Civil Education in the Russian Pedagogics and School of the Late XIX – Early XX Centuries // *Bylye Gody*. 2014. № 31 (1). pp. 19-25.

REFERENCES

Adres-kalendar' 1849 – Adres-kalendar' i obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na 1849 god [The Address-calendar list and the general staff of the Russian Empire in 1849], St. Peterburg, 1849, 224 p. [in Russian].

Bovua 2011 – *Beauvois D.* Gordiev uzel Rossiyskoy imperii: vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914) [The Gordian knot of the Russian Empire: power, nobility and the people on the Right-Bank Ukraine (1793–1914)], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 1008 p. [in Russian].

Degtyarev 2014 – *Degtyarev S.I.* Unifikatsiya byurokraticheskikh sistem Bessarabii i Malorossii v period ikh integratsii v sostav Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy treti XIX v. [The unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Little Russia during their integration into the Russian Empire in the late 18th – early 19th centuries], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2014, Nr 1 (35), pp. 91-104 [in Russian].

Zapadnye okrainy 2007 – Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii [Western outskirts of the Russian Empire], ed. by M.D. Dolbilov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, 608 p. [in Russian].

Kohut 1996 – *Kohut Z.* Rosiys'kyy tsentralizm i ukrayins'ka avtonomiya. Likvidatsiya Het'manshchyny, 1760–1830 [Russian centralism and Ukrainian autonomy. The liquidation of Hetmanate, 1760–1830], Kiev, Osnovi Publ., 1996, 317 p. [in Ukrainian].

Mesyatseslov 1820 – Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1820 [The Menologion with a list of officials in the year 1820 AD], part 2. St. Petersburg, 1820, 568 p. [in Russian].

Mesyatseslov 1835 – Mesyatseslov i obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na 1835 god [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1835], part 2. St. Petersburg, 1835, 428 p. [in Russian].

Mesyatseslov 1836 – Mesyatseslov i obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na 1836 god [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1836], part 2. St. Petersburg, 1836, 448 p. [in Russian].

Mesyatseslov 1837 – Mesyatseslov i obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na 1837 god [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1837], part 2. St. Petersburg, 1837, 513 p. [in Russian].

Miller 2006 – *Miller A.* Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov empire and nationalism: An essay on the methodology of historical research], Moscow, 2006, 248 p. [in Russian].

Moldavskoe knyazhestvo – Moldavskoe knyazhestvo i Bessarabiya v 1812–1828 gg. [The Moldavian principedom and Bessarabia in 1812–1828] [Online]. Available at: <http://www.moldovenii.md/ru/section/700/content/7155> (Accessed: 15th September 2014) [in Russian].

PSZ 1 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [PSZ] [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], vol. XXXII, Nr 25199 [in Russian].

PSZ 2 – PSZ-1, vol. XXXII, Nr 25393 [in Russian].

PSZ 3 – PSZ-1, vol. XXXIII, Nr 25942 [in Russian].

PSZ 4 – PSZ-1, vol. XXXIII, Nr 26271 [in Russian].

PSZ 5 – PSZ-1, vol. XXXV, Nr 27357 [in Russian].

PSZ 6 – PSZ-1, vol. XXXVI, Nr 27750 [in Russian].

PSZ 7 – PSZ-1, vol. XXXVI, Nr 28055 [in Russian].

PSZ 8 – PSZ-1, vol. XXXVIII, Nr 29485 [in Russian].

PSZ 9 – PSZ-1, vol. XXXVIII, Nr 29663 [in Russian].

PSZ 10 – PSZ-1, vol. XXXVIII, Nr 29741 [in Russian].

- PSZ 11 – PSZ-1, vol. XXXIX, Nr 29878 [in Russian].
PSZ 12 – PSZ-1, vol. XXXIX, Nr 30048 [in Russian].
PSZ 13 – PSZ-2, vol. I, Nr 444 [in Russian].
PSZ 14 – PSZ-2, vol. II, Nr 1520 [in Russian].
PSZ 15 – PSZ-2, vol. V, Nr 4184 [in Russian].
PSZ 16 – PSZ-2, vol. VI, Nr 4852 [in Russian].
PSZ 17 – PSZ-2, vol. VI, Nr 4932 [in Russian].
PSZ 18 – PSZ-2, vol. VIII, Nr 6265 [in Russian].
PSZ 19 – PSZ-2, vol. IX, Nr 6739 [in Russian].
PSZ 20 – PSZ-2, vol. IX, Nr 6740 [in Russian].
PSZ 21 – PSZ-2, vol. IX, Nr 6889 [in Russian].
PSZ 22 – PSZ-2, vol. X, Nr 7975 [in Russian].
PSZ 23 – PSZ-2, vol. X, Nr 8023 [in Russian].
PSZ 24 – PSZ-2, vol. X, Nr 8105 [in Russian].
PSZ 25 – PSZ-2, vol. X, Nr 8405 [in Russian].
PSZ 26 – PSZ-2, vol. X, Nr 8566 [in Russian].
PSZ 27 – PSZ-2, vol. XI, Nr 8843 [in Russian].
PSZ 28 – PSZ-2, vol. XI, Nr 8987 [in Russian].
PSZ 29 – PSZ-2, vol. XI, Nr 9298 [in Russian].
PSZ 30 – PSZ-2, vol. XI, Nr 9678 [in Russian].
PSZ 31 – PSZ-2, vol. XIV, Nr 11912 [in Russian].
PSZ 32 – PSZ-2, vol. XIV, Nr 12293 [in Russian].
PSZ 33 – PSZ-2, vol. XV, Nr 13411 [in Russian].
PSZ 34 – PSZ-2, vol. XV, Nr 13871 [in Russian].
PSZ 35 – PSZ-2, vol. XVII, Nr 15383 [in Russian].
PSZ 36 – PSZ-2, vol. XXI, Nr 19881 [in Russian].
PSZ 37 – PSZ-2, vol. XXI, Nr 20709 [in Russian].
PSZ 38 – PSZ-2, vol. XXIII, Nr 22394 [in Russian].
PSZ 39 – PSZ-2, vol. XXV, Nr 23818 [in Russian].
PSZ 40 – PSZ-2, vol. XXVI, Nr 24981 [in Russian].
PSZ 41 – PSZ-2, vol. XXVIII, Nr 27414 [in Russian].
PSZ 42 – PSZ-2, vol. XXIX, Nr 28069 [in Russian].

Sulyak 2012 – *Sulyak S. Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii XIX – nachale XX v.* [The ethnic and demographic processes in Bessarabia in the 19th – early 20th centuries], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2012, Nr 1 (27), pp. 6-26 [in Russian].

Khalippa 1907 – *Khalippa I. Rospis' zemlevladieniya i soslovnogo stroya naseleniya Bessarabii po dannym perepisi 1817 goda* [Description of land tenure and class system of Bessarabia population according to Census in 1817], *Trudy Bessarabskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proc. of the Bessarabian provincial scientific archive committee], Kishinev, 1907, pp. 3-230 [in Russian].

Shcherbak 2005 – *Shcherbak N.O. Natsional'ne pytannya v politytsi tsaryzmu u Pravoberezhniy Ukrayini (kinets' XVIII – pochatok XX stolittya)* [The national question in the policy of tsarism in the Right-Bank Ukraine (the late 18th - early 20th centuries)], Kiev, 2005, 616 p. [in Ukrainian].

Belentsov 2014 – *Belentsov S.I.* The Main Lines in Social and Civil Education in the Russian Pedagogics and School of the late 19th – early 20th Centuries, Bylye Gody. The Russian Historical Journal [Sochi], 2014, Nr 31 (1), pp. 19-25.

Дегтярев Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сумского государственного университета, главный редактор научного исторического журнала «Сумський історико-архівний журнал» (Украина).

Degtyarev Sergey – Candidate of Historical Sciences, PhD (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Sumy State University, Chief Editor of the Scientific Journal “Sumy Historical and Archival Journal” (Ukraine).

E-mail: starsergo@bigmir.net

УДК [94(498):353]"1938/1939"
UDC
DOI 10.17223/18572685/39/12

РЕФОРМУВАННЯ ОРГАНІВ ВЛАДИ ТА ЗДІЙНЕННЯ ЗАХОДІВ З УНІФІКАЦІЇ В УМОВАХ АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМУ В РУМУНІЇ У 1938-1939 рр. (на прикладі цинуту Сучава)

И.А. Пиддубный

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2
E-mail: zymnyu@ukr.net

Авторское резюме

Автор статьи рассматривает процесс перестройки системы административного управления в королевской Румынии в период установления авторитарного режима короля Кароля II. Дано описание составляющих новой Конституции Румынии, а также раскрыты действия, предпринятые властью в финансовой, социальной и инфраструктурной сферах на примере цинута Сучава. Автор ограничивается периодом с февраля 1938 до марта 1939 г., т. е. временем принятия основных решений по реформированию Румынии в условиях авторитарного режима.

Ключевые слова: Румыния, авторитарный режим, королевский резидент, Г.Алексиану, административная унификация, цинут.

Reform of the administrative authorities and the implementation of measures to unify under the authoritarian regime in Romania in 1938-1939 (on the basis of Suceava Region)

I.A. Piddubnii

Chernivtsy National University named after Yurii Fedcovich
2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

E-mail: zymnyy@ukr.net

Abstract

The author considers the process of restructuring of public administration in the royal Romania during the establishment of an authoritarian regime of King Carol II. The author gives a description of the component of the new constitution of Romania, and also disclosed the actions taken by the authorities in the financial, social and infrastructure sectors on the basis of Suceava Region. Author limited to the period from February 1938 to March 1939, the time of major decisions for the reformation of Romania under the authoritarian regime.

Keywords: Romania, the authoritarian regime, the royal resident, G. Aleksianu, administrative unification, tsinut.

У 1938 р. в королівстві Румунія відбулася зміна влади, яка привела до встановлення в країні авторитарного режиму. Останній потребував цілого ряду змін у системі управління країною на різних рівнях, що в решті привело до створення системи, в якій нововведення поєднали з добре випробуваною адміністративною системою. В цілому дії уряду були спрямовані на виконання завдання повноцінного підпорядкування органі влади єдиному керівництву, що пояснювало також і послідовність дій в даному напрямку. Метою даної статті є висвітлення заходів уряду Румунії зі зміни системи адміністрування у період авторитарного королівського режиму.

Запровадження в Румунії авторитарного режиму, також відомого під назвою режиму королівської диктатури, відбулося після нетривалого правління уряду О. Гоґи, дії якого призвели до виникнення кризової ситуації в економіці країни та її політичному житті. У ніч на 11 лютого 1938 р. Кароль II прийняв на себе всі повноваження у сфері управління та відповідальність за країну. Одночасно з цим в країні запроваджено стан облоги, який на півночі країни поширювався на повіти Чернівці, Сторожинець, Редеуць, Кимполунг, Сучава, Хотин. Одразу було запроваджено заборони на носіння і використання зброї, цензуру, дано дозволи на переміщення осіб, які загрожували громадському спокою, розширювалися повноваження військових судів (Час 2).

Узаконення дій короля та уряду відбулося на підставі здійсненої Конституційної реформи, проведеної у короткі терміни, чому посприяло використання положень Конституції 1923 р. прилаштованих під потреби нового режиму. Практично в силі зберігалися, проголошені Конституцією 1923 р. права та обов'язки громадян Румунії, положення стосовно збереження територіальної цілісності країни, проте вводилися обмеження на ведення політичної агітації, особливо якщо вона стосувалася закликів до зміни влади (Час 3).

Згідно до статті 27 визнавалося виключне право румунських громадян на перебування на посадах. Крім того, власне лише румуни та натуралізовані румуни мали право купувати землю. Влада у державі визначалася главою III і виконувалася від імені румунської нації представницькими органами. Главою держави виступав король, який поділяв законодавчу владу з двопалатним Національним представництвом. Ініціатором законопроекту виступав король, однак обидві палати також мали право на виступ з законодавчою ініціативою в інтересах Румунії. За ст. 32 виконавча влада належала королю, який здійснював її через уряд. Судова ж влада виконувалася відповідними судейськими органами (Час 4).

Відповідні розділи та статті Конституції встановлювали сферу королівських, парламентських та урядових повноважень, що в загальних рисах збігалося з положеннями Конституції 1923 р. Деякі зміни відбулися у виборчій системі та терміні повноважень депутатів і сенаторів (Час 5).

Уряд мав складатися з міністрів та державних підсекретарів. Перші були представниками виконавчої влади та політично були відповідальними перед королем. Рада міністрів очолювалася призначеним королем президентом Ради міністрів. Міністром могла бути особа, румун у трьох поколіннях або ж був міністром до часу виходу Конституції. Король та представники Національного представництва мали право вимагати судового переслідування міністрів (Час 6). Певні обмеження, що стосувалися міністрів були наступними (ст. 70): передача міністра під суд робилася за погодженням з двома третинами членів національного зібрання. Слідство по міністру проводили члени скликаної комісії касаційного суду. Покарання виносилися відповідно до положень закону про відповідальність міністрів. Також міністр юстиції не мав права займатися адвокатською діяльністю впродовж року після закінчення перебування на посаді. Міністрам, що залишили свої посади впродовж трьох років, забороняли входити до керівництва підприємств, з якими вони укладали договори. У випадку порушення декретом прав однієї з сторін та доказу цього виплачувалися грошові відшкодування (Час 6). Законодавча рада виступала головним органом при розгляді законопроектів (ст. 72).

Визначено було Конституцією порядок діяльності судів, при цьому суди присяжних залишали для розгляду карних справ. У главі VI «Про повітові й громадські установи» було зазначено однією статтею 79, що такі створюються згідно закону. Окремими розділами визначалася ситуація з фінансами, військом та переглядом Конституції. В останньому випадку ініціатором ревізії Конституції міг бути лише король при попередній згоді з законодавчою радою. Погодження нових текстів

мало здійснюватися двома третинами членів Національного зібрання. В прикінцевих положеннях було визнано чинними всі закони, що стосувалися проведення аграрної реформи в Румунії (ст. 98). В силі залишалися також рішення, що приймалися на основі статей 131, 133 Конституції 1923 р. (Час 7; Час 8).

Реакція на нову Конституцію була проведена в рамках традиційної однастайності режиму королівської диктатури. На початок березня в більшості інституцій м. Чернівці було складено присягу на вірність королю та Конституції. Від імені жіночих організацій Румунії в Жіночому домі Бухареста 6 березня 1938 р. виступила Александрина Кантакузіно з подякою за права надані жінкам по Конституції (Час 10).

Разом з цим в країні встановили контроль за пересуванням громадян, яких зобов'язували візувати паспорти при виїзді з країни. Якщо ж паспорт був виданий посольством чи консульством Румунії за кордоном, то такі паспорти візувалися у префектурі чи поліції (Час 11). Відбувалася й перевірка громадянства, під яку потрапляли в першу чергу євреї, а також і християни, що не отримали відповідного рішення до 12 квітня 1938 р. У зв'язку з цим всі не-євреї мали подати прохання у повітові суди, щоб їх викреслили зі списку тих, хто потрапив під контроль громадянства (Час 9).

На початку квітня 1938 р. приступила до діяльності і Коронна рада. До її складу увійшли патріарх Мірон, маршал А. Авереску, маршал К. Презан, генерал А. Вейтояну, А. Вайда-Воєвод, Г. Міронеску, Н. Іорга, К. Анджелеску, Г. Тетереску, К. Арджетояну, генерал Е. Балідо (Час 1).

У лютому 1938 р. в Буковині префектами повітів стали командири військових підрозділів. Зокрема, префектом Чернівецького повіту було призначено командира 8-го єгерського полку полковника Г. Теодореску (Час 12). Міністр внутрішніх справ А. Келінеску видав наказ із приводу змін у призначенні місцевої адміністрації. Відтепер примара сільської громади призначав особисто префект повіту. Про військовий стан в країні нагадувало й те, що примарами мали право бути особи з числа демобілізованих або ж офіцери запасу, які не належали раніше до політичних партій і не були ніколи примарами. На посаду примара повітового центру пропонували ставити суддів повітових трибуналів при збереженні за ними своїх посад. Тоді ж з'явилися і перші пропозиції з приводу адміністративної реформи, в ході якої всю територію країни мали розділити на 7 округів та призначити командирів армійських корпусів главами окружних адміністрацій (Час 13; Час 14).

Після затвердження нової румунської Конституції у березні 1938 р. розпочали розробку нових виборчого та адміністративного законів.

Проект останнього був готовий у квітні 1938 р. і передбачав поділ території на 7 округів з центром округи у місті розташуванні штабу армійського корпусу. За проектом, префектами повітів могли бути цивільні чиновники. Префектів, як і голів громадських рад, збиралися призначати у центрі. Провінцію повинен був очолювати губернатор, якому мала допомагати обласна рада, що складалася частково з набраних, частково призначених членів (Час 15; Час 16). Префекти отримували право призначати примарів та їх заступників у сільських громадах, а губернатор – примарів міст. Примарі муніципальних та резиденційних міст мали бути старші 30 років та мати вищу освіту, тоді як по решті міст – середню, а в селах – початкову. Префектами повітів можна було призначати лише осіб, що раніше займали посади субпрефектів чи преторів. Губернатором могла бути особа віком від 45 років з вищою освітою і яка була на становищі державного підсекретаря. Від громадських повітових рад мали обиратися по два делегати до провінційної ради, які мешкали в громаді не менше одного року і досягли 30 років (Час 17).

Подальша робота над реформою привела до певних змін і країну врешті поділили на 10 областей. Відбулися зміни й у вимогах до посадовців різних рівнів. У жовтні 1938 р. закон було остаточно затверджено. Відтепер буковинські повіти були об'єднані з Хотинським та Дорогоїським повітами у складі Сучавської області (Ținutul Suceava). Центром області стали Чернівці. Очолював область королівський резидент, якому в управлінні допомагала рада. До її складу входили члени, обрані громадськими радами та обласними палатами. Префектами повітів мали право бути особи з вищою освітою (ліценціат) (Час 18; Час 19; Піддубний 1999: 301-302).

13 серпня 1938 р. в королівському палаці у присутності членів уряду та представників дипломатичного корпусу урочисто оголосили про проведення реформи та призначення королівських резидентів терміном на 6 років. Після цього королівські резиденти склали присягу на вірність Каролю II. Резидентом Сучавської області став професор Чернівецького університету Г. Алексіяну, генеральним секретарем – радник адміністративного суду Е. Черкавскі (Час 21; Час 22; Decrete 1). Після столиці інавгурації відбулися у резиденційних центрах. Зокрема, у Чернівцях вона пройшла 29 серпня в присутності міністра внутрішніх справ А. Келінеску, міністра сполучень та громадських робіт М. Гелмеджану, міністра охорони здоров'я Н. Марінеску, генерального директора преси Е. Чючану, генерал-ад'ютанта Ф. Ценеску, представників церковної, військової та цивільної влади цинуту (Час 23; Час 24; Instalarea 1).

Урочистою ходою учасники представлення вирушили до кафедрального собору, де 12 священників в присутності митрополита

Віссаріона відслужили молебень. В соборі присутніми були почесна варта 8-го єгерського полку, делегації аркашів, студентів, стражерів, директори шкіл цинуту, численна публіка. Після служби вирушили до митрополичої резиденції, де у Синодальній залі відбулося посвячення королівського резидента. Спершу секретар Е. Черкавскі виголосив королівський декрет про призначення резидента, після чого з промовою виступив міністр А. Келінеску. В промові говорилося про політичну ситуацію в країні в цілому, про світові економічні проблеми та потреби розвитку сільського господарства. Відзначено соціальні проблеми, медичні, потребу реформування освіти, реконструкції шляхів. Високо оцінено і самого Г.Алексіану як викладача та працівника. Наступним промовцем був митрополит Віссаріон, який дав позитивну оцінку діям Кароля II в справі реформування країни та керівництва народом. Оцінка ним Г.Алексіану стосувалася знання останнім проблем регіону. Більше загальних побажань містилося в промові командира IV корпусу Ф. Ценєску. Завершальну промову на урочистій частині виголосив королівський резидент, вказавши на значення певних положень Конституції 1938 р. та адміністративного закону. Відзначено було і необхідність дотримання належного життєвого рівня для населення та дано обіцянку співпрацювати з усіма органами та компетентними особами для реалізації політичної і соціальної програми короля і уряду.

Після урочистої частини відбувся банкет, під час якого з короткими промовами виступили М. Гелмеджану, Н. Марінеску, С. Стоїлов, К. Бруме, Н. Севяну, генеральний вікарій А. Грабовскі, генеральний вікарій М. Симович, о. А. Лукасевич, о. Рюккеман, перший рабин др. Марк, Р. Космовіч. Всім виступаючим відповів королівський резидент Г.Алексіану.

Після банкету о 16 члени уряду спільно з королівським резидентом вирушили на інспекцію та відвідали Мамаївці, Лашківку, Кліводин, Кіцмань, Суховерхів, Кадубівці, Звиняче, міст в районі Хрещатика. Після 20-ї години відбулася закрита вечерея, і о 22:30 члени уряду відбули до Кишинева для участі в інавгурації королівського резидента (Instalarea 1).

Серед перших розпоряджень королівського резидента цинуту Сучава були кадрові призначення і рішенням від 15 серпня 1938 р. Д. Соколяну призначили адміністративним директором цинуту, 27 серпня П. Стойка і 7 вересня З. Поповіч отримали призначення на посади адміністративних інспекторів цинуту. Дане супроводжувалося поясненнями про необхідність призначення цих осіб з досвідом адміністративної роботи.

Віддано було і розпорядження стосовно складу адміністрації. Останній відповідав положенням адміністративного закону. Для

прикладу адміністрація Чернівецького повіту складалася з префекта, шефа кабінету, шефа служби, адміністративної, фінансової, контрольної секцій та бюро цивільної оборони і бюро статистики і офісу повітового туризму. Адміністративну секцію складали шеф бюро, заступник, 4 чиновника, машиністка. У фінансовій секції були шеф, 2 службовці, машиністка. Секцію контролю складав субшеф бюро, а в бюро працювали шефи бюро. Службовий персонал складався з водія та 4 прибиральників. У такому складі персонал затверджувався з 1 вересня 1938 р. Подібна структура була в адміністрації Кимполунгського повіту, свої особливості у структурі мали також адміністрації Хотинського, Радівецького, Дорогоїського, Сторожинецького і Сучавського повітів. Окремі посади займалися службовцями після відбору з великого числа претендентів (Deciziuni 6; Deciziuni 7).

З 15 вересня 1938 р. у цинуті Сучава почали видання «Monitorul Ținutului Suceava». У передмові до першого випуску відзначалося призначення видання для публікації законів, засідань кабінету міністрів, королівських декретів, міністерських рішень, рішень королівського резидента. Власне дане видання продовжувало вже усталену традицію публікації урядових рішень чи розпоряджень місцевої влади. Вихід видання передбачався двічі на місяць 1 і 15 дня (Cuvânt).

Впродовж 1-22 вересня 1938 р. королівський резидент спільно з генеральним секретарем цинуту провели інспекцію Кестури поліції Чернівців, відвідали банкет у Релігійному фонді, взяли участь у ряді інших заходів: серед яких адміністративне засідання префектів повітів цинуту (2 вересня), зустріч з інженерами у справі забезпечення водою Чернівців, т. п. 24 вересня 1938 р. освячено та відкрито міст між м. Заліщиками та с. Звнячин за участі посадовців Румунії та Польщі (Activitatea; Inaugurarea).

На вересень 1938 р. припало і прийняття закону про поширення на Буковину дії законів Старого королівства: Цивільного кодексу (1864 р.), Кодексу цивільної процедури (1900 р.), Комерційного кодексу (1887 р.) та дій згідно з положеннями даних кодексів. На Раді міністрів 29 вересня 1938 р. міністр юстиції В. Яманді відзначив відсутність загальної і тотальної уніфікації законів в усій Румунії, що вело до застосування старих законів. В Бессарабії королівським декретом від 29 березня 1928 р. приведено такий закон в дію, тоді як на Буковині залишалася до 1938 р. в силі австрійська система за винятком законів та розпоряджень з уніфікації. Проте це суперечило Конституції, яка вимагала законодавчої уніфікації. Законодавче об'єднання країни має відбутися на основі уніфікаційних кодексів завдяки діяльності Законодавчої ради. Така заява робилася тому, що в новій своїй якості цинут Сучава поєднав Буковину, Бессарабію та Старе королівство, після адміністративної реформи. Крім того, існувала і практична

сторона, адже Апеляційний суд мав у підпорядкуванні суди трьох частин Румунії, що робило неможливим застосовувати ним тільки закони, видані для Буковини. Проте запроваджуватися вони мали у відповідності з існуючою на Буковині процедурою. На додачу 1 листопада 1938 р. вийшов королівський декрет, яким запроваджували на Буковині дію закону про ведення комерційних реєстрів (Lege 2; Referat; Legi 1). Одночасно на початку жовтня Рада міністрів обговорила проблеми діяльності Міністерства внутрішніх справ, вказавши, що королівські резиденти мають діяти в рамках адміністративного закону. В цьому сенсі вони зобов'язувалися підтримувати дії згідно всіх законів та виконувати закони щодо мобілізації та реквізицій, призначати та звільняти службовців цинуту, виконувати судові постанови, погоджувати питання розважальних заходів, т. п. (Jurnale 1).

5 вересня 1938 р. датовано рішення про передачу на місця ряду повноважень у сільському господарстві, тим більше що передбачало перерозподіл інших структур, тож таким чином в цинуті Сучава з'являвся Лісовий інспекторат, яким керував Л. Голка на зміну М. Болдуру, тоді як кадастральний інспекторат у Чернівцях очолював Ш. Кірілов. Крім того, Міністерство громадських робіт та шляхів сполучень ініціювало прийняття Радою міністрів рішення щодо створення регіональних шляхових інспекторатів в керівництві, якими провідну роль мав відігравати королівський резидент, і як керівник працівників, і як наглядач за виконуваними роботами. Наступне міністерське рішення (25 жовтня 1938 р.) стосувалося регуляції сплаву лісу і поклало організацію контролю над сплавом лісу Бистрицею і її притоками в повітах Муреш, Несеуд, Марамуреш на Службу вод у Чернівцях. Рішенням міністерства внутрішніх справ від 4 листопада 1938 р. були призначені чиновники на посади генеральних адміністративних інспекторів цинутів, і в цинуті Сучава ним став Д. Єшан. У повноваження посадовця входило виконання доручень резидента з інспекцій, періодична інспекція діяльності місцевих адміністрацій.

3 15 листопада 1938 р. у резидентних центрах цинутів створювали центри контрольних областей, і у Чернівцях діяла 7 область контролю. Підпорядковувалися вони Міністерству фінансів, а на місцях – генеральному інспектору фінансів. У складі 7-ї області контролю перебувала XVIII округа Чернівці з повноваженнями у повітах Чернівці, Хотин, Дорогої та XIX округа для повітів Сучава, Кимполунг, Редеуць, Сторожинець. Центрами округ були Чернівці та Сучава відповідно. Сама фінансова служба на місцях мала у своєму складі секцію прямих податків, секцію марок, спадщини, податку на розкіш і секції споживчих такс. Міністерство фінансів визначило для генеральних інспекторів та регіональних інспекторів фінансів термін звіту з 15 листопада 1938 р. та призначило делегованим ге-

неральним інспектором фінансів В. Нікулеску. Главою XVIII округи став П. Пасере, а XIX округи – Г.А. Штефенеску (Deciziuni 1; Jurnalul 3; Deciziuni 3; Deciziuni 4).

Наприкінці вересня 1938 р. міністром було затверджено бюджет цинуту Сучава на 1938-1939 рр., який складався з прибутків і витрат звичайних (60 288 464 лея), прибутків і витрат надзвичайних (13 866 988 леев) та прибутків зі спеціальним призначенням, до яких належали допоміжні та надзвичайні кредити (23 834 641 лея) (Deciziuni 1). При цьому вся заробітна плата службовців адміністрації цинуту складала 2 867 595 леев.

В адміністративному відношенні з'явилася обов'язкова традиція вивішувати державний прапору всіх закладах та приватних установах з нагоди національних свят та відзначень, визначався матеріал, з якого мав виготовлятися прапор, та місце, де його слід було вивішувати. Те ж стосувалося і правил виставлення портрету короля чи королівської родини (Deciziuni 8). Ритуалом для державних службовців залишалося складання присяги, і 3 жовтня 1938 р. в адміністративній палаті відбулося складання присяги новими чиновниками. Промовляв тут і королівський резидент, який висловив подяку міністру внутрішніх справ А. Келінеску за можливість зробити призначення, декану юридичного факультету, іншим представникам влади. Від імені службовців відповів В. Негру. 5 жовтня 1938 р. відбулася конференція з преторами, яка мала намір настановити їх на виконання нового адміністративного закону, здійснення адміністративних заходів, запровадження сільських бібліотек, створення національних будинків на селі (Derunerea; Conferința 1). Організуючи діяльність адміністрації, королівський резидент визначив умови співпраці з населенням, давши дозвіл на спілкування громадян з адміністрацією у робочі дні з 12 до 13 години. Вхід дозволявся за перепустками. Вільний вхід до адміністрації цинуту дозволявся для службовців чи осіб, викликаних для аудієнції (Deciziune 1).

13 жовтня 1938 р. вийшов закон про запровадження на Буковині закону з уніфікації розпоряджень по земельним книгам, починаючи від 15 жовтня (Legi 1). 17 жовтня 1938 р. вийшов королівський декрет про призначення М.Т. Еліаде шефом юридичної служби цинуту Сучава у чині субдиректора I класу (Monitorul 1). Вирішувалося також питання про встановлення платні командиру та заступнику командира легіону жандармів в повіті Сучава. Оскільки це питання викликало певні фінансові проблеми, королівський резидент змушений був відкривати кредит у розмірі 42 тис. леев (Deciziune 2). На додачу до дій цивільної влади питаннями державної безпеки цікавилися й військові.

Так, командир VIII дивізії генерал Д. Гараламб, діючи на підставі раніших розпоряджень, видав наказ про остаточну заборону діяль-

ності в цинуті ряду політичних, громадських та релігійних об'єднань. Так, заборонялася діяльність РКП, СКМ, Румунської робітничої допомоги, румунської секції МОДР, Культурної єврейської ліги та інших, всього 32 організації, які мали комуністичний чи прокомуністичний характер. Заборонялася діяльність незалежних профспілок та їм ідентичних організацій, єврейська спілка «Hahalutz», ряд релігійних асоціацій, які носили протестантський характер. З інших заборон виділялося розпорядження користуватися у вивісках та покажчиках, в офіційних та навчальних закладах виключно румунською мовою. Забороняли поширювати чутки, рекламувати товари іншою мовою, зобов'язуючи власників будинків вивішувати національні прапори під час офіційних свят. Порушення розпорядження давало право віддавати порушників під суд військового трибуналу, який приймав рішення щодо ступеню покарання. Дане розпорядження вводилося в дію протягом 48 годин з часу публікації (Ordonanța 1).

Трохи пізніше генерал Д. Гараламб видав наказ № 4, яким в інтересах збереження громадського спокою наказував заборонити друк та зберігання брошур і листівок легіонерів, як і їх розповсюдження. Усі мешканці, яким відомі такі листівки та брошури, зобов'язувалися у 10-денний термін після появи наказу сповістити владу. Порушення даного наказу каралося ув'язненням від місяця до 2 років (Deciziune 3).

Урочисто відзначили день народження Кароля II з урочистим молебнем в присутності високопосадовців цинуту Сучава, викладацького складу середніх навчальних закладів, студентських товариств, солдатів гарнізону. З промовою виступав командир дивізії генерал Д. Гараламб (Comunicate 1). У жовтні 1938 р. королівський резидент віддав розпорядження про реорганізацію студентських гуртожитків. У вересні 1938 р. відбулися зміни нотарів в окремих селах Хотинського повіту, проведені експропріація земель у Чернівцях на користь цинуту Сучава (Deciziuni 7). Наприкінці вересня повітовою владою встановлювалися максимальні ціни на продукти харчування, і в м. Дорогой 1 кг свинини коштував 28 лей, відповідними були і ціни на свинину інших сортів (Deciziune 5).

Згідно з поданням Міністерства сільського господарства у жовтні запроваджували дію контрольних марок на хліб у резидентних містах Редець, Сторожинець, Сучава, Кимпулунг на Буковині, як і в ряді інших міст Румунії (Jurnale 2). З жовтня по середам почав функціонувати щотижневий базар харчів та домашніх виробів у Нижніх Станівцях Сторожинецького повіту, що дозволялося відповідним міністерським рішенням. Тоді ж Міністерство праці призначило генеральним інспектором у Чернівцях І. Стройю, а інспектором – Г. Джурю. На середину жовтня 1938 р. було прийняте рішення щодо залишення у попередніх функціях громадських нотарів, які зберігали з 15 жовтня

1938 р. у повітах Кимполунг, Редеуць, Чернівці, Сторожинець і Сучава свої повноваження у роботі з документами (Deciziuni 2).

Розпорядженням резидента створювалася для нагляду за ходом та якістю робіт комісія з прийому робіт та постачання при кожній префектурі у кількості двох осіб та повітового адміністративного інспектора в якості її голови. Також було дано розпорядження фарбувати будинки, вивіски, двері і вікна в єдиний колір, уникаючи використання національних кольорів, щоб не зачіпати національних почуттів (Deciziuni 10).

Серед рішень господарського спрямування можна назвати збори, які пройшли 18 жовтня у резиденці цинуту Сучава з приводу завершення робіт з проведення водогону та каналізації у м. Ватра-Дорней, що було необхідним, оскільки почали роботи у цій сфері без відповідної підготовки. Тоді ж прийняли рішення про джерело постачання водою, віддавши перевагу р. Секу, як і узгодили дотримання інтересів Релігійного фонду (Lucrările).

Робилися адміністрацією спроби проводити відповідну культурну діяльність, що вилилося у підтримку діяльності Культурної ліги. Так, це була підтримка театру Культурної ліги, який гарантував 1-2 вистави на місяць шляхом часткової оплати проїзду та витрат керівництва. Також це була підтримка турне театру іншими містами краю, створення артистично-культурного каравану для відвідування сіл (Ținutul).

Разом з тим більш практичним виглядало розпорядження Міністерства громадських робіт та сполучень стосовно відповідальності королівського резидента щодо стану доріг у підпорядкованому цинуті, щодо робіт на водних артеріях (мова йшла про річки, канали навігаційні та дренажно-іригаційні), а також про ініціативу резидента у справі електрифікації села (Ministerul 1).

19 жовтня 1938 р. резидент взяв участь в урочистому представленні примарів Сучави та Редеуць і помічника примаря м. Редеуць. В урочистостях брали участь посадовці з Чернівців та префектур відповідних повітів, а також представники державних установ. Супроводжувалося дійство і зустрічами в селах на шляху проїзду резидента. Таким чином, на 6 років примарями Сучави та Редеуць призначали Л. Моцока та О. Русшінделара (Instalarea 2). Кількома днями пізніше, 21 жовтня, резидент урочисто представляв примара м. Хотин. Супроводжували його від межі повіту префект повіту полковник Шербенеску та командир жандармів майор Дрегулеску. Примарем став інженер Н. Настасі, колишній директор чоловічого ліцею. 2 листопада 1938 р. В урочистій обстановці резидент представив примаря м. Дорогої підполковника А. Бантоша, тоді як 14 листопада урочисто представили помічників примаря Чернівців полковника І. Кантеміра (тепер колишнього примаря) та др-а Ф. Конецкі (Instalarea 3; Instalarea 4; Instalarea 5).

5 грудня 1938 р. резидент урочисто представив примара м. Сторожинець Д. Русу, провівши також інспекцію сіл Сторожинецького повіту по дорозі зі Сторожинця до Вижниці. Врешті 7 грудня 1938 р. було представлено і примаря м. Чернівці Н. Флондора у присутності всіх високопосадовців цинуту. У своїй промові новий примар пообіцяв долучити свій досвід для управління містом, захисту і підтримки румунського елементу (Instalarea 6; Actul 1).

Вже у даний період від місцевої влади вимагали дотримання певних санітарних норм, що зобов'язувало владу стежити за пересуваннями кочових ромів та умовами функціонування громадських споруд. Зокрема, у листопаді 1938 р. було призупинено використання Єврейського народного дому з причини поганого опалення та освітлення, які загрожували виникненням пожежі до часу усунення негараздів (Deciziuni 11; Circulara). Проте ми схильні розглядати останні дії резидента як один з проявів обмежень діяльності єврейських громадських організацій. Доказом цього може бути і одне з наступних розпоряджень, яке стосувалося заборони використання євреями в громадських місцях з 1 грудня 1938 р. іншої мови окрім румунської. Крім того, в установах та закладах наказували вивісити таблички з наказом говорити румунською. За порушення встановлювалися штрафні санкції у вигляді закриття закладів на 3 і 10 днів, як попереджувальні та повне їх закриття у випадку продовження порушень. Для самих євреїв відмова від використання румунської мови означала перегляд їхнього громадянства, а скасування його вело до усунення особи від всіх видів діяльності на території Румунії. Мотивація дій королівського резидента вказувалася на початку згаданого розпорядження і стосувалася збереження громадянського спокою та захисту майна, оскільки мали місце підпали фабрик, синагог та жител євреїв у цинуті Сучава у ніч на 30 листопада організовані братами Писарчуками. На додачу у січні 1939 р. були позбавлені права на продажу спиртного єврей-власники крамничок у повіті Редеуць (Deciziune 5; Comunicate 2; Ministerul 2).

У листопаді 1938 р. королівський резидент наділив префектів повітів правом давати дозвіл на проведення заходів культурного, економічного, спортивного чи соціального змісту, якщо вони не виходять за рамки громадського порядку та доброї моралі (Deciziune 7). На додачу до цього влада почала вживати заходів для контролю за іноземцями, що стосувалося збереження статусу осіб-власників паспортів Нансена, яким мали видати посвідчення особистості терміном на рік. Обмежувалися і пересування цих осіб, яким дозволяли отримувати разове посвідчення на поїздку. Плата за підтвердження посвідчення здійснювалася внесенням коштів за марки фіксальні.

Розмір внесків був різним для певних категорій і складав від 10 тис. леев до 500 леев щорічно. Хоча майновий стан міг давати можливість не сплачувати ці внески, а недотримання його передбачало санкції проти винуватців (Lege 1).

У грудні 1938 р. прийнято королівський декрет стосовно організації Палати торгівлі та ремесел, який передбачав створення у її складі п'яти округ у відповідності до кількості повітів Буковини. Окремим рішенням з центру було впорядковано основні проблеми в діяльності і взаємодії поліції, Міністерства внутрішніх справ та королівського резидента. В плані подолання бюрократії важливим виглядає дозвіл даний чиновникам фінансової служби напряму отримувати необхідну їм кореспонденцію (Decrete 2; Deciziune 7; Direcțiunea).

4 січня 1939 р. прийнято рішення і про фіксацію максимальних цін на ряд продуктів та зобов'язано власників крамниць виставляти ціни на вітринах під загрозою штрафів у 1-5 тис. леев та поліцейського ув'язнення 1-15 днів (Ordonanța 2). На 4 січня 1939 р. було скликано префектів повітів на адміністративну конференцію, де одним з питань виявилось внесення планів повітового розвитку у план розвитку цинуту. Для більш раціонального розвитку планували бюджет цинуту, наприклад, на 5 років, а також передбачали інтервенцію держави та адміністрації у розвиток сільського господарства та промисловості. Серед інших завдань королівський резидент бачив розвиток міст в урбаністичному плані. Це стосувалося як збору кватрплати, так і створення площ у містах зі спорудами румунського стилю. Взагалі плани резидента в розвитку області пояснювалися ним самим інтересом короля до розвитку цинуту, і розвиток мав бути відповідним можливостям краю та заняттям населення. Тож не дивним, що ставилося питання про створення інспекторату кооперації та розвитку промислових підприємств. Пропозиції префектів з розвитку повітів резидент просив надати до 25 січня (Conferința 2).

Здійснивши ряд заходів у цинуті Сучава королівський резидент Г. Алексіану змушений був виконувати й інші королівські постанови, зокрема, про його переміщення з посади резидента у цинуті Сучава до цинуту Бучег. На посаді резидента у цинуті Сучава його змінив Г. Флондор. Взагалі декретом від 1 лютого 1939 р. посади залишили 5 королівських резидентів та отримали такі посади також п'ять чиновників. Відбуття чиновника з цинуту пройшло з певними урочистостями. Новий королівський резидент асоціювався з урядом нещодавно заснованого Фронту національного відродження і приймався як особа, здатна ініціювати розвиток краю в даному напрямку, та й новий резидент також висловився щодо бажання працювати в рамках програми, вибраної урядом режиму національного відродження. Окрім реалізації програми уряду, увага мала надаватися румунському

елементу, піднесенню селянства (Decrete 3; E.P. 1939: 77-82; Popovici E. 1939: 82-84). Слідом за зміною королівських резидентів пішов з посади генерального секретаря цинуту Сучава і Е. Черкавські, який з 31 березня 1939 р. став пенсіонером за віком (Decrete 4). На посаді генерального секретаря опинився Н. Лупу, колишній префект і референт місцевого адміністративного суду. Промови високопосадовців, принесення присяги генеральним секретарем та урочиста служба стали невід'ємним елементом дійства (Actul 2).

Власне період з лютого 1938 р. по березень 1939 р. став часом доволі радикальних реформ по зміні системи влади у країні. Зусилля спрямовувалися на уніфікацію адміністративної влади та законодавчої основи її функціонування. Вживалися заходи до зживання колишнього регіоналізму, притаманного для 20-30-х рр. і переходу до уніфікованої адміністративної системи. При цьому на місцях мали діяти прямі представники центральної влади, що виконували безпосередні накази короля та уряду. Створена таким чином система профункціонувала з деякими змінами до вересня 1940 р., ставши засобом чергової уніфікації Румунії, метою якої було подолання колишньої провінційності, за якої історичні провінції продовжували зберігатися як елемент неофіційної адміністративної системи.

ЛІТЕРАТУРА

Час 1 - Засновання коронної ради // Час, 1938, 3 квітня; Склад Коронної ради такий... // Час, 1938, 3 квітня.

Час 2 - Зарядження 8-ї дивізії // Час, 1938, 2 березня.

Час 3 - Нова Конституція // Час, 1938, 2 березня.

Час 4 - Нова Конституція (продовження) // Час, 1938, 4 березня.

Час 5 - Нова Конституція // Час, 1938, 5 березня.

Час 6 - Нова Конституція (продовження) // Час, 1938, 6 березня.

Час 7 - Нова Конституція (продовження) // Час, 1938, 8 березня.

Час 8 - Нова Конституція (кінець) // Час, 1938, 9 березня.

Час 9 - Перегляньте лісти тих, що підпадають під контроль горожанства // Час, 1938, 16 березня.

Час 10 - Святочне зложення присяги на Конституцію Чернауць // Час, 1938, 10 березня; Румунські жінки вдоволені правами, наданими їм Конституцією // Час, 1938, 10 березня.

Час 11 - Треба візувати пашпорти // Час, 1938, 16 березня.

Час 12 - Час, 1938, 15 лютого.

Час 13 - Час, 1938, 13 лютого

Час 14 - Час, 1938, 19 лютого.

Час 15 - Час, 1938, 8 квітня.

Час 16 - Час, 1938, 24 квітня.

Час 17 - Час, 1938, 17 травня.

Час 18 - Час, 1938, 9 червня.

Час 19 - Час, 1938, 22 червня.

Час 20 - Час, 1938, 20 серпня.

Час 21 - Час, 1938, 15 серпня

Час 22 - Час, 1938, 18 серпня.

Час 23 - Час, 1938, 1 вересня.

Час 24 - Час, 1938, 2 вересня.

Піддубний, 1999 - *Піддубний І.А.* Адміністративне управління Буковини у міжвоєнний період (1918-1940 рр.) // Питання історії України: 36. наук. ст. Чернівці: Золоті литаври, 1999. Т. 3. С. 294-304.

Activitatea - Activitatea d-lui Rezydent Regal al Ținutului Suceava de la 1-22 Septembrie 1938 // Monitorul Ținutului Suceava. 1 oct. Nr. 2. Pp. 39-41.

Actul 1 - Actul solemn al instalării noului primar din Capitala Ținutului Suceava // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 ian. Nr. 1. Pp. 16-17.

Actul 2 - Actul instalării noului secretar general al Ținutului Suceava // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 apr. Nr. 7. Pp. 218-220.

Circulara - Circulara // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 dec. Nr. 8. P. 194.

Comunicate 1 - Comunicate și circulări // Monitorul Ținutului Suceava. 1938, 1 noem. Nr. 5. Pp. 127-128.

Comunicate 2 - Comunicate și circulări // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 dec. Nr. 10. P. 225.

Conferința 1 - Conferința cu pretorii // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20 oct. Nr. 4. Pp. 104-106.

Conferința 2 - Conferința administrativă la Reședința Ținutului Suceava // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 1 febr. Nr. 2. Pp. 40-41.

Cuvânt - Cuvânt înainte // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 sept. Nr. 1. Pp. 3-6.

Decrete 1 - Decrete Regale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 sept. Nr. 1. Pp. 8-9.

Decrete 2 - Decrete Regale // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 ian. Nr. 1. P. 3.

Decrete 3 - Decrete Regale // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 febr. Nr. 3. Pp. 54-55.

Decrete 4 - Decrete Regale // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 1 mart. Nr. 4. P. 95.

Deciziune 1 - Deciziune // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 noem. Nr. 6. Pp. 143-144.

Deciziune 2 - Deciziune // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 noem. Nr. 6. P. 144.

Deciziune 3 - Deciziuni și ordonanțe autorităților locale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 Dec. Nr. 8. P. 187.

Deciziune 4 - Deciziuni ale autorităților locale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 oct. Nr. 3. Pp. 84-85.

Deciziune 5 - Deciziune // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 dec. Nr. 10. P. 224.

Deciziune 6 - Deceziune // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 dec. Nr. 10. P. 223.

- Deciziune 7 - Deciziune // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 ian. Nr. 1. Pp. 9-10.
- Deciziuni 1 - Deciziuni ministeriale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 oct. Nr. 3. Pp. 47-48.
- Deciziuni 2 - Deciziuni ministeriale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20 oct. Nr. 4. P. 94.
- Deciziuni 3 - Deciziuni ministeriale // Monitorul Ținutului Suceava, 1938. 1 noem. Nr. 5. Pp. 122-123.
- Deciziuni 4 - Deciziuni ministeriale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20 noem. Nr. 7. Pp. 172-174.
- Deciziuni 5 - Deciziuni ministeriale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 dec. Nr. 8. P. 185.
- Deciziuni 6 - Deciziuni Reziidențiale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 sept. Nr. 1. Pp. 9-15.
- Deciziuni 7 - Deceziuni Reziidențiale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 oct. Nr. 2. P. 31.
- Deciziuni 8 - Deciziuni Reziidențiale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 oct. Nr. 3. Pp. 83-84.
- Deciziuni 9 - Deciziuni Reziidențiale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20 oct. Nr. 4. Pp. 95-96.
- Deciziuni 10 - Deciziuni rezidențiale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 noem. Nr. 5. Pp. 123-125.
- Deciziuni 11 - Deciziuni Reziidențiale // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 7 dec. Nr. 9. P. 212.
- Direcțiunea - Direcțiunea Generală a polițiilor // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 ian. Nr. 1. Pp. 6-7.
- E.P. 1939 - E. P. D-l Rezident prof. G.Alexianu, și-a luat rămas bun de la capii administrațiilor și colaboratoriilor // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 febr. Nr. 3.
- Inaugurarea - Inaugurarea podului de peste Nistru // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 oct. Nr. 2. Pp. 42-44.
- Instalarea 1 - Instalarea întâiului Rezident Regal al Ținutului Suceava // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 sept. Nr. 1. Pp. 19-27.
- Instalarea 2 - Instalarea primarilor din Suceava și Rădăuți // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 dec. Nr. 8. Pp. 187-191.
- Instalarea 3 - Instalarea noului primar al orașului Hotin // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 dec. Nr. 8. Pp. 191-192.
- Instalarea 4 - Instalarea noului primar din orașul Dorohoi // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 dec. Nr. 8. Pp. 192-193.
- Instalarea 5 - Instalarea d-lor I.Cantemir și dr. Fr. Copecki, ca ajutori de primar ai Municipiului Cernăuți // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 dec. Nr. 8. Pp. 193-194.
- Instalarea 6 - Instalarea primarului orașului Storojineț și inspecția administrativă a județului Storojineț // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 1 ian. Nr. 11. pp. 251-253.
- Jurnale 1 - Jurnale ale Consiliului de Miniștri. Ministerul de Intrerne // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20 oct. Nr. 4. Pp. 92-93.

Jurnale 2 -Jurnale ale Consiliului de Miniștri // Monitorul Ținutului Suceava, 1938. 1 noem. Nr. 5. P. 122.

Jurnale 3 -Jurnale ale Consiliului de miniștri // Monitorul Ținutului Suceava, 1938. 20 noem. Nr. 7. Pp. 169-171.

Lege 1 – Lege pentru completarea legii pentru controlul străinilor și înființarea timbrului fix // Monitorul Ținutului Suceava 1939. 1st January. Nr 11. Pp. 237-238.

Lege 2 – Lege pentru extindere în Bucovina a legislației din Vechiul Regat // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20th October. Nr 4. Pp. 89-90.

Legi 1 - Legi // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 noem. Nr. 5. Pp. 117-121.

Legi 2 - Legi // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20 noem. Nr. 7. Pp. 160-161.

Lucrările - Lucrările de apeduct și canalizare dela Vatra-Dornei // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 noem. Nr. 5. Pp. 128-129.

Ministerul 1 - Ministerul lucrărilor publice și al comunicațiilor // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20 noem. Nr. 7. Pp. 169-171.

Ministerul 2 - Ministerul de finanțe // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 febr. Nr. 3. P. 57.

Monitorul 1 - Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 noem. Nr. 5. P. 121.

Referat - Referat către Consiliul de Miniștri // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 20 oct. Nr. 4. Pp. 90-91.

Ordonanța 1 – Ordonanță Nr. 3 // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 15 noem. Nr. 6. Pp. 145-146.

Ordonanța 2 - Ordonanță // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 ian. Nr. 1. Pp. 7-8.

Popovici E. 1939 - *Popovici E.* Omagiul Ținutului Suceava, față de noul Rezi-dent Regal // Monitorul Ținutului Suceava. 1939. 15 febr. Nr. 3.

Ținutul - Ținutul Suceava va patrona opera culturală și teatrală a Ligii Culturale. Cernăuți // Monitorul Ținutului Suceava. 1938. 1 noem. Nr. 5. P. 129.

REFERENCES

Chas 1 – Zasnovannya koronnoi rady [Foundation of the Royal Council], Chas, 1938, 3th April [in Ukrainian].

Chas 2 – Zaryadzhennya 8-i divizii [Order of the 8th Division], Chas, 1938, 2th March [In Ukrainian].

Chas 3 – Nova Konstytutsia [New Constitution], Chas, 1938, 2 March [In Ukrainian].

Chas 4 – Nova Konstytutsia (Prodovjennya) [New constitution (continued)], Chas, 1938, 4th March [in Ukrainian].

Chas 5 – Nova Konstytutsia [New Costitution], Chas, 1938, 5th March 5. [in Ukrainian].

Chas 6 – Nova Konstytutsia (Prodovjennya) [New Constitution (continued)], Chas, 1938, 6th March [in Ukrainian].

Chas 7 – Nova Konstytutsia (Prodovjennya) [New Constitution (continued)], Chas, 1938, 8th March [in Ukrainian].

Chas 8 – Nova Konstytutsia (Kinets) [New Constitution (end)], Chas, 1938, 9th March [In Ukrainian].

Chas 9 – Pereglyante listy tyx, schcho pidpadayut' pid kontrol' gorozhanstva [Review the lists of those who fall under the control of citizenship], Chas, 1938, 16th March [in Ukrainian].

Chas 10 – Svyatochne zlozhennya prisvyagi na Konstytutsiyu Chernauti' [The Festiv oath to the Constitution in Cernauti], Chas, 1938, 10th March [in Ukrainian].

Chas 11 – Treba vizuvaty pashporty [It is necessary to endorse passports], Chas, 1938, 16th March [in Ukrainian].

Chas 12 – Chas, 1938, 15th February [in Ukrainian].

Chas 13 – Chas, 1938, 13th February [in Ukrainian].

Chas 14 – Chas, 1938, 19th February [in Ukrainian].

Chas 15 – Chas, 1938, 8th April [in Ukrainian].

Chas 16 – Chas, 1938, 24th April 24 [in Ukrainian].

Chas 17 – Chas, 1938, 17th May [in Ukrainian].

Chas 18 – Chas, 1938, 9th June [in Ukrainian].

Chas 19 – Chas, 1938, 22nd June [in Ukrainian].

Chas 20 – Chas, 1938, 20th August [in Ukrainian].

Chas 21 – Chas, 1938, 15th August [in Ukrainian].

Chas 22 – Chas, 1938, 18th August [in Ukrainian].

Chas 23 – Chas, 1938, 1st September [in Ukrainian].

Chas 24 – Chas, 1938, 2nd September [in Ukrainian].

Piddubnii 1999 – *Piddubnii I.A.* Administrativne upravlinnya Bukovini u mizhvoenniy period (1918–1940 rr.) [The Administrative Office of Bukovina during the interwar period (1918–1940)], in: Pytannya istorii Ukraine [The history of Ukraine]. Chernivtsi, Zoloti lytavry Publ., 1999, vol. 3, pp. 294-304 [in Ukrainian].

Activitatea – Activitatea d-lui Rezydent Regal al Ținutului Suceava dela 1-22 Septemvrie 1938 [Mr. Royal Resident's of Suceava Region activity from 1-22 September 1938], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st October, Nr 2, pp. 39-41 [in Romanian].

Actul 1 – Actul solemn al instalării noului primar din Capitala Ținutului Suceava [Solemn act of installing the new mayor of the Suceava Region capital], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 15th January, Nr 1, pp. 16-17 [in Romanian].

Actul 2 – Actul instalării noului secretar general al Ținutului Suceava [Act of installation of the new General Secretary of Suceava Region], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 15th April, Nr 7, pp. 218-220 [in Romanian].

Circulara – Circulara [Circular], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st December, Nr 8, p.194 [in Romanian].

Comunicate 1 – Comunicate și circulări [Announcements and Circulars], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st November, Nr 5, pp. 127-128 [in Romanian].

Comunicate 2 – Comunicate și circulări [Announcements and Circulars], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th December, Nr 10, p. 225 [in Romanian].

- Conferința 1 – Conferința cu pretorii [Conference of praetors], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 20th October, Nr 4, pp. 104-106 [in Romanian].
- Conferința 2 – Conferința administrativă la Reședința Ținutului Suceava [Administrative Conference at the residence of Suceava Region], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 1st February, Nr 2, pp. 40-41 [in Romanian].
- Cuvânt – Cuvânt înainte [Foreword], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th September, Nr 1, pp. 3-6 [in Romanian].
- Decrete 1 – Decrete Regale [Royal Decrees], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th September, Nr 1, pp. 8-9 [in Romanian].
- Decrete 2 – Decrete Regale [Royal Decrees], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 15th January, Nr 1, p. 3 [in Romanian].
- Decrete 3 – Decrete Regale [Royal Decrees], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 15 February, Nr 3, pp. 54-55 [in Romanian].
- Decrete 4 – Decrete Regale [Royal Decrees], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 1st March, Nr 4, p. 95 [in Romanian].
- Deciziune 1 – Deciziune [Decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th November, Nr 6, pp. 143-144 [in Romanian].
- Deciziune 2 – Deciziune [Decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th November, Nr 6, p. 144 [in Romanian].
- Deciziune 3 – Deciziuni și ordonanțe autorităților locale [Decision and Order of local authorities], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st December, Nr 8, p. 187 [in Romanian].
- Deciziune 4 – Deciziuni ale autorităților locale [Decision of local authorities], Monitorul Ținutului, 1938, 15th October, Nr 3, pp. 84-85 [in Romanian].
- Deciziune 5 – Deciziune [Decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th December, Nr 10, p. 224 [in Romanian].
- Deciziune 6 – Deciziune [Decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th December, Nr 10, p. 223 [in Romanian].
- Deciziune 7 – Deciziune [Decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 15th January, Nr 1, pp. 9-10 [in Romanian].
- Deciziuni 1 – Deciziuni ministeriale [Decisions of Ministers], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th October, Nr 3, pp. 47-48 [in Romanian].
- Deciziuni 2 – Deciziuni ministeriale [Decisions of Ministers], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 20th October, Nr 4, p. 94 [in Romanian].
- Deciziuni 3 – Deciziuni ministeriale [Decisions of Ministers], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st November, Nr 5, pp. 122-123 [in Romanian].
- Deciziuni 4 – Deciziuni ministeriale [Decisions of Ministers], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 20th November, Nr 7, pp. 172-174 [in Romanian].
- Deciziuni 5 – Deciziuni ministeriale [Decisions of Ministers], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st December, Nr 8, p. 185 [in Romanian].
- Deciziuni 6 – Deciziuni Rezidențiale [Residential decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th September, Nr 1, pp. 9-15 [in Romanian].
- Deciziuni 7 – Deciziuni Rezidențiale [Residential decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st October, Nr 2, p. 31 [in Romanian].
- Deciziuni 8 – Deciziuni Rezidențiale [Residential decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th October, Nr 3, pp. 83-84 [in Romanian].

Deciziuni 9 – Deciziuni Reziidențiale [Residential decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 20th October, Nr 4, pp. 95-96 [in Romanian].

Deciziuni 10 – Deciziuni Reziidențiale [Residential decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st November, Nr 5, pp. 123-125 [in Romanian].

Deciziuni 11 – Deciziuni Reziidențiale [Residential decision], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 7th December, Nr 9, p. 212 [in Romanian].

Direcțiunea – Direcțiunea Generală a polițiilor [General Direction of the police], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 15th January, Nr 1, pp. 6-7 [in Romanian].

E.P. 1939 – E.P. D-l Rezident prof. G. Alexianu, și-a luat rămas bun dela capii administrațiilor și colaboratoriilor [Mr. Resident prof. G. Alexianu, and farewell from Heads of Government and collaborators], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 15th February, Nr 3. [in Romanian].

Inaugurarea – Inaugurarea podului de peste Nistru [The inauguration of the bridge over the Dnister river], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st October, Nr 2, pp. 42-44 [in Romanian].

Instalarea 1 – Instalarea întâiului Rezident Regal al Ținutului Suceava [Installing first Royal Resident of Suceava Region], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 15th September, Nr 1, pp. 19-27 [in Romanian].

Instalarea 2 – Instalarea primarilor din Suceava și Rădăuți [Installing of mayors from Suceava and Radauti], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st December, Nr 8, pp. 187-191 [in Romanian].

Instalarea 3 – Instalarea noului primar al orașului Hotin [Installing of the new mayor of Hotin], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st December, Nr 8, pp. 191-192 [in Romanian].

Instalarea 4 – Instalarea noului primar din orașul Dorohoi [Installing of new mayor of Dorohoi], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st December, Nr 8, pp. 192-193 [in Romanian].

Instalarea 5 – Instalarea d-lor I.Cantemir și dr. Fr. Copecki, ca ajutori de primar ai Municipiului Cernăuți [Installing Mr. I.Cantemir and dr. Fr. Copecki as assistant mayors of the City Chernivtsi], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st December, Nr 8, pp. 193-194 [in Romanian].

Instalarea 6 – Instalarea primarului orașului Storojineț și inspecția administrativă a județului Storojineț [Installing Storojineț mayor and county administrative inspection Storojineț], Monitorul Ținutului Suceava, 1939, 1st January, Nr 11, pp. 251-253 [in Romanian].

Jurnale 1 – Jurnale ale Consiliului de Miniștri. Ministerul de Intrerne [Journals of the Council of Ministers. Ministry of Intrerne], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 20th October, Nr 4, pp. 92-93 [in Romanian].

Jurnale 2 – Jurnale ale Consiliului de Miniștri [Journals of the Council of Ministers], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 1st November, Nr 5, p. 122 [in Romanian].

Jurnale 3 – Jurnale ale Consiliului de miniștri [Journals of the Council of Ministers], Monitorul Ținutului Suceava, 1938, 20th November, Nr 7, pp. 169-171 [in Romanian].

Lege 1 – Lege pentru completarea legii pentru controlul străinilor și înființarea timbrului fix [The Law to amend the law on aliens control and

setting up fixed stamp], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1939, 1st January, Nr 11, pp. 237-238 [in Romanian].

Lege 2 – Lege pentru extindere în Bucovina a legislației din Vechiul Regat [The Bucovina Law of the enlargement of the Old Kingdom], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1938, 20th October, Nr 4, pp. 89-90 [in Romanian].

Legi 1 – Legi [Laws], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1938, 1st November, Nr 5, pp. 117-121 [in Romanian].

Legi 2 – Legi [Laws], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1938, 20th November, Nr 7, pp. 160-161 [in Romanian].

Lucrările – Lucrările de apeduct și canalizare dela Vatra-Dornei [Water and sewerage works from Vatra-Dorna], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1938, 1st November, Nr 5, pp. 128-129 [in Romanian].

Ministerul 1 – Ministerul lucrărilor publice și al comunicațiilor [Ministry of Public Works and Communications], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1938, 20th November, Nr 7, pp. 169-171 [in Romanian].

Ministerul 2 – Ministerul de finanțe [Treasury], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1939, 15th February, Nr 3, p. 57 [in Romanian].

Monitorul 1 – Monitorul Ținutului Suceava [Bulletin of Suceava Region], 1938, 1st November, Nr 5, p.121 [in Romanian].

Referat – Referat către Consiliul de Miniștri [Report by the Council of Ministers], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1938, 20th October, Nr 4, pp. 90-91 [in Romanian].

Ordonanța 1 – Ordonanță Nr. 3 [Order N 3], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1938, 15th November, Nr 6, pp. 145-146 [in Romanian].

Ordonanța 2 – Ordonanță [Order], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1939, 15th January, Nr 1, pp. 7-8 [in Romanian].

Popovici 1939 – *Popovici E.* Omagiul Ținutului Suceava, față de noul Rezident Regal [Homage Suceava, to the new Royal Residence], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1939, 15th February, Nr 3 [in Romanian].

Ținutul – Ținutul Suceava va patrona opera culturală și teatrală a Ligii Culturale. Cernăuți [Region Suceava will patronize cultural and theatrical activities of League of Culture], *Monitorul Ținutului Suceava*, 1938, 1st November, Nr 5, p. 129 [in Romanian].

Пиддубный Игорь Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича.

Piddubnii Ihor – Candidate of Historical Sciences, Associate professor of the Department of Modern and Contemporary History of Y. Fedcovych Chernivtsi National University.

E-mail: zymnyy@ukr.net

УДК 94(477.87) – 054.74"1944/1946"

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/13

ТРУДОВІ ДЕПОРТАЦІЇ ЯК ВАЖЛИВИЙ ЗАСІБ РАДЯНІЗАЦІЇ ЗАКАРПАТСЬКОЇ УКРАЇНИ (1944-1946)

С.О. Гордійчук

Ужгородский национальный университет (Украина)

Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3

E-mail: gaga1301@mail

Авторское резюме

В статье рассматриваются политические репрессии советского тоталитарного режима на Закарпатской Украине в 1944-1946 гг. Работа базируется на материалах областного ведомственного архива Службы безопасности Украины, в которых содержатся данные о трудовых депортациях представителей национальных меньшинств. Автор концентрирует внимание на проблеме массовых чисток по этническому признаку. В работе показан механизм незаконных действий, направленных на увеличение контингента дешевой рабочей силы из Закарпатья в отдаленные регионы СССР.

Ключевые слова: Закарпатье, репрессии, реабилитация, советские следственные органы, евреи, венгры, немцы, трудовые депортации.

Labor expulsion an important means of Sovietization Transcarpathian Ukraine (1944-1946)

S.O. Gordiychuk

Uzhgorod National University (Ukraine)

3 People's Square, Uzhgorod, 88000, Ukraine

E-mail: gaga1301@mail

Abstract

The article deals with the repression of the Soviet totalitarian regime directed against ethnic minorities in the Carpathian Ukraine 1944-1946. The work is based on the basis of archival materials Archive Security Service of Ukraine, which contain conflicting data about condemnation, labor deportations of ethnic minorities. The author focuses on the

problem of rehabilitation of convicted ethnically Soviet investigative authorities. In this paper, opened the illegal actions of the investigating authorities, such as provocation, retraining their crimes heavier to increase sentences.

Keywords: Transcarpathia, repression, rehabilitation, Soviet investigative authorities, jews, hungarians, germans, labor deportation.

Усупереч радянсько-чехословацьких угодах, укладених у рамках антигітлерівської коаліції, СРСР наприкінці 1944 – першій половині 1945 р. провів радянізацію Закарпаття, що де-юре належало Чехословаччині. Політичні репресії були важливим інструментом цієї радянізації. Серед репресованих на Закарпатті значну частину склали трудові депортації, спрямовані на деморалізацію та нищення національних меншин Закарпаття.

Важливо відзначити, що радянські політичні репресії щодо національних меншин Закарпаття, особливо угорців та німців, вивчалися дуже інтенсивно. Серед помітних назвемо праці Юрія Дупки (Дупка 2006), Олексія Корсуна (Дупка 1996), Шандора Горвата (Дупка 2 1996). У них, зокрема, містяться сюжети про осіб, які перебували в трудових таборах. Проте основна увага зосереджена на Свалявському таборі. У збірнику «Закарпатські угорці і німці: інтернування та депортаційні процеси. 1944-1955 рр.» зібрано чимало документів про масштаби, долю репресованих громадян, їх реабілітацію (Закарпатські угорці 2012).

Джерельною основою пропонованого дослідження служать справи засуджених угорців і німців, що зберігаються в архіві управління Служби безпеки України в Закарпатській області (м. Ужгород). Часто в справах відсутні відомості про звільнення засуджених з таборів та їхню подальшу долю.

Метою дослідження є з'ясування особливостей політичних репресій 1944-1946 рр., спрямовані проти національних меншин Закарпаття, розкриття причин репресивної політики радянського керівництва щодо угорців і німців Закарпаття в післявоєнний період.

Новизною проробленої нами праці є введення в науковий обіг значної кількості кримінальних справ, з допомогою яких можна відобразити загальне та особливе під час трудових депортацій на Закарпатті.

Актуальність проблематики ґрунтується на тому, що в історіографії залишаються маловідомими регіональні аспекти утвердження тоталітарного режиму після приходу радянських військ на Закарпаття в жовтні 1944 р. Передусім радянська влада почала масову зачистку угорського і німецького населення краю. Угорці та німці Закарпаття зазнали репресій за етнічною ознакою, що тривали протягом цілого післявоєнного десятиліття.

Особливе місце в історії політичних репресій на післявоєнному Закарпатті належить Свалявському табору військовополонених та інтернованих, що функціонував до липня 1945 р. Ізоляція німців – «військовозобов'язаних» розпочалася 18 листопада 1944 р., практично через місяць після вступу радянських військ у край. Після перевірки населених пунктів Закарпатської України станом на 5 грудня 1944 р. виявили 4 355 німців. Тоді ж до табору в Сваляві відправили 292 німців у віці від 18 до 50 років (Закарпатські угорці 2012: 58-59). Ніхто з них не переховувався, вони добровільно з'явилися на проміжні збірні пункти, не виявили спроб утечі при конвоюванні до Сваляви (Дупка 1 1996: 47).

За даними документів, що збереглися в спеціальних архівах, багато інтернованих у таборах помирали від епідемій і хвороб. З розповідей Юрія Лакатоша дізнаємося про Свалявський табір багато жахливих речей. Він розповідав, що щоденно з табору вивозилися вози трупів і ув'язненим здавалося, що можливо не всі померли, а є ще там живі (Андрійчук 1990: 2).

Численні донесення і накази з цього питання розкривають жалюгідне становище затриманих та ізольованих. Зокрема, начальник НКВС у справах військовополонених та інтернованих при начальникові тилу 4-го Українського фронту, який безпосередньо відповідав за організацію таборів НКВС в смузі 4-го Українського фронту та його тилу, мав опікуватися їхнім матеріально-технічним та медичним забезпеченням і взагалі функціонуванням всієї табірної системи (Довганич 2008: 187). У його доповідях і донесеннях керівникам НКВС зустрічається велика кількість фактів та подробиць жахливого утримання в'язнів у таборах. В той же час його підлеглі привласнювали продукти, які належало видавати ув'язненим і жорстоким ставленням до нещасних сприяли їхній масовій загибелі.

У Свалявському таборі зафіксовано надвисока смертність внаслідок холоду і голодувань. Так, протягом 19 грудня 1944 р. при перевезенні поїздом від Сваляви до м. Самбір померло 4 % інтернованих, а саме 24 із 610 осіб (Годьмаш 2008: 426). Табір у Сваляві функціонував до липня 1945 р. Після закінчення війни полонених перевели в інші табори.

За своє недовге існування Свалявський табір увійшов в життя інтернованих угорців і німців як одне з найжахливіших місць свого перебування. Сотні тисяч угорців і німців було зібрано в цьому таборі для відправлення на каторжні роботи по відновленню після війни країни. На місці трагічної загибелі у 1944 р. тисяч безневинних людей Свалявського збірного пункту відкрито Меморіальний парк.

22 грудня 1944 р. на основі розпорядження військової ради фронту Народна Рада Закарпатської України видала свій циркуляр «Про мо-

білізацію населення німецької національності і робітників як тяглової сили на вивозку дерева». Циркуляр пропонував мобілізованим взяти з собою засоби харчування на 15 днів дороги і з'являтися на збірні пункти (Малець 1999: 101). Найбільше їх направили у робітничий батальйон на коксохімічний комбінат міста Нова Горлівка (Донбас).

Крім цього, обов'язково треба сказати про внесення часткових змін до наказу НКВС №0016 від 11 січня 1945 р., в якому прямо наказувалося проводити у визволених районах чекістські операції – арештовувати терористичну і шпигунську агентуру, німців, учасників організацій і груп, які залишалися в тилу, активних членів фашистських партій, керівників і працівників газет, журналів й інших видань (Довганич 2008: 188).

Особливий інтерес у карних органів СРСР викликали активні учасники політичного і національно-культурного життя Закарпаття. Зокрема, в селі Паланок Мукачівського району радянські слідчі виявили чималу групу членів німецької громадської організації «Фольксбунд». Ряд підсудних стверджували, що вступили у «Фольксбунд» через необхідність дорогого лікування, яке ця спілка надавала безкоштовно в Німеччині (АУСБУ 15: 26). Так було засуджено Івана Геннела. Він входив в організації «Фольксбунд» та «Собот чопот» з 1939 р. і за свою діяльність отримував грошову допомогу (АУСБУ 15: 21). Підсудний стверджував, що вступ у партію був необхідністю для дорогого лікування, яке партія надавала безкоштовно в Німеччині. Звичайно прості селяни, в яких не було зайвих коштів, вступали в партії для того, щоб вилікуватися. Та радянський суд на це не зважав і Івана Геннела було засуджено 30 червня 1945 р. на 3 роки ВТТ (АУСБУ 15: 28-28 зв.).

Так, за вступ ще в лютому 1941 р. в партію «Фольксбунд» в с. Паланок Мукачівського району був засуджений німець Йосиф Гензел (АУСБУ 7: 8). За злочини, які в часи угорської окупації були патріотичністю, тобто відвідування зборів партії та розмови на них спрямовані проти Радянського Союзу та комуністів, його і було затримано (АУСБУ 7: 17, 19). Вирок суду 26 липня 1945 р. засудив Йосифа Гензела на 1 рік таборів (АУСБУ 7: 39).

Не зрозумілим є засудження жителя с. Підгород Мукачівського району Лорінца Штрауса. Радянські слідчі звинуватили його в шпигунстві. Але в роки окупації він сидів в таборі угорського режиму, а комуністам взагалі радив втікати від угорських жандармів та інколи навіть попереджав про рейди (АУСБУ 20: 52). Також з приходом радянських військ він дав згоду начальнику поліції м. Мукачево співробітництва, в якості секретного агента видавати німців, які переховувалися (АУСБУ 20: 17, 21-22, 34). 27 грудня 1945 р. Спеціальний суд Закарпатської України засудив Лорінца Штрауса до 20 років таборів (АУСБУ 20: 70-

70 зв.). Чому радянське керівництво так вчинило зі своїм донощиком не зрозуміло: чи недовіряло, чи просто під засудження потрапляли всі, хто був німецької національності без винятку.

Семеро жителів села Пузняківці Мукачівського району (Анна Кнавс, Марія Потерлик, Людвіг Шнайпер, Іван Сташко, Йосиф Потерлик, Федор Пенцештадлер, Пейда Сташко) стверджували, що вступили в «Фольксбунд» лише з тої причини, що там видавали гуманітарну допомогу – одяг і продукти харчування (АУСБУ 8: 11, 21, 27-30, 44-45, 248-249). 16 жовтня 1945 р. Спеціальний суд Закарпатської України оголосив їм суворий вирок - від 5 до 8 років таборів.

Радянська влада розгорнула на Закарпатті широку репресивну діяльність проти видавців і редакторів угорської періодики. Так, 15 листопада 1944 р. було затримано видавця крайової газети «Карпаті гірадо» Стефана Шишка, якого звинуватили в друкуванні статей проти Радянського Союзу та 1 січня 1945 р. відправили у табір (АУСБУ 3: 54). В архівно-кримінальній справі не міститься жодних відомостей про його подальшу долю.

За схожими звинуваченнями було затримано і редактора профашистської газети «Неділя» Андрія Кутлана, що виходила в м. Ужгород (АУСБУ 2: 34). Постановою начальника 4-го відділу Українського фронту СМЕРШ від 2 січня 1945 р. кримінальна справа Андрія Кутлана була припинена, і його без заслання направили в спеціальний табір НКВД. Щодо його протиправної діяльності, треба зауважити, ніяких доказів не було знайдено, а щодо його подальшої долі – то вона невідома, як і видавця мукачівської газети «Карпаті гірадо» Стефана Шишка.

Радянськими слідчими також було затримано чимало осіб з с. Барбово Мукачівського району, які входили до організації «Фольксбунд» та німецької партії «Генлайн». Один із затриманих, Михайло Ідер, стверджував, що, не маючи засобів для існування на Закарпатті, він змушений був виїхати в Будапешт в пошуках роботи в 1941 р., але їх було направлено на службу в армії (АУСБУ 1: 21-22). Ще одного з затриманих, Мартіна Тадлера, звинувачували в тому, що вів агітацію проти збору хліба для держави в 1945 р., тобто для Радянського Союзу (АУСБУ 1: 102-103, 105, 110).

Засуджено Михайла Ідера та Івана Ростера на 20 років, Івана Кушніра – на 15 років, Йосифа Тадлера – на 10 років, а Йосифа Шина та Мартіна Тадлера – на 5 років таборів (АУСБУ 1: 270-271). Злочини, які приписували ув'язненим, ніяк не можна пояснити такими термінами ув'язнення. На які тоді в 1945 р. радянські судді спиралися закони і Кримінальні кодекси, якщо жоден не передбачав засудження в 20 років, хоча слідчі, які вели справи добряче приписували антирадянські дії для своїх підсудних.

Низку представників німецької меншини Закарпаття було звинувачено в тому, що в 1944 р. вони боролися проти Червоної армії та готували кадри для підрозділів СС протягом 1940-1942 рр. (АУСБУ 12: 11-12, 18, 21-22, 46, 68, 71, 73, 76, 100-100 зв.). Засуджені твердили, що в 1944 р. на Закарпатті всіх призовників німецької національності через примусову мобілізацію забирали в німецькі війська. Так, слідчими було затримано групу молодиків з с. Нижня Грабовиця Матвія Вайгера, Матея Гридя та Івана Марко, яких засудили 10 жовтня 1945 р. до 20 років таборів.

З м. Сваляви було засуджено також русина за національністю Василя Кампія. Хоча в архівно-кримінальній справі слідчими наголошується, що мама арештованого була німкою. Тобто ми ще раз бачимо, що ішла війна не проти тих, хто виступав проти радянського режиму, а йшло планомірне винищення і вивезення з Закарпаття всіх національних меншин – зокрема угорців і німців. Звинуватили Василя Кампія до приналежності профашистської партії, в яку він вступив, щоб відвідувати урочисті заходи, які вони влаштовували (АУСБУ 16: 11-12).

Невідомою після відправлення в спеціальний табір НКВД СРСР залишається і доля жителя с. Порошково Перечинського району Миколи Штефицького. Підсудний працював писарем нотарського уряду за часи угорської окупації (АУСБУ 4: 11). Незважаючи на його свідчення, що не мав жодних зв'язків з угорськими жандармами, слідство не припинялося. 25 січня 1945 р. було вирішено справу відправити на дорозслідування, у зв'язку з тим, що всіх свідків, які нібито знали про його антирадянську діяльність було забрано в армію. Справу проти Миколи Штефицького було вирішено призупинити, а його відправити в табір НКВД (АУСБУ 4: 54-54 зв.). А ось свідчень і даних про те, що чи відбулося дорозслідування і що трапилося з Миколою Штефицьким в подальшому невідомо.

За схожим сценарієм зник і Федір Нодь з м. Перечин. Так, 16 січня 1945 р. його заарештовують СМЕРШ 4-го Українського фронту за причетність до угорської контррозвідки (АУСБУ 5: 33). А вже через 4 дні, 20 січня, виходить постанова про припинення проти нього справи, але Федора Нодь відправляють до табору НКВД (АУСБУ 5: 38). Після чого його сліди зникають, і навіть при перегляді справи в 1991 р. під час його реабілітації не було знайдено жодних слідів чи записів про Федора Нодь.

До причетності діяльності німецьких партій «Нілош-Керестеш» та «Тейлен партія» на Закарпатті радянські слідчі затримали жителів с. Ставне Великоберезнянського району Івана Фрейліха, Олексія Фрейліха, Михайла Фрейліха, Федора Нейгибауера та Юрія Степу.

У Федора Нейгибауера при обшуді в нього вдома була знайдена також книга Гітлера «Mein Kampf» (АУСБУ 19: 124-125, 129-130). 15 січня 1946 р. суд засудив Федора Нейгибауера на 8 років, Олексія та Івана Фрейліха – по 4 роки кожному, Михайла Фрейліха – на 2 роки таборів (АУСБУ 19: 282-283). Виправдано було лише Юрія Степу і звільнено в залі суду за недостатністю свідчень проти нього.

Чималу кількість німців засудили до найвищої міри покарання – розстрілу. Так, 10 травня 1945 р. розстріляли Матяша Ергата, що проживав у м. Свалява та за національністю був поляком. Йому інкримінували те, що за вмовляннями жінки-німки вступив у «Фольксбунд», де перебував сім місяців (АУСБУ 17: 6-8, 23-23). Так само розстріляли ще сімох закарпатських німців: Йосифа Шнелцера (АУСБУ 11: 36), Августина Товбиша (АУСБУ 10: 33), Івана Полончака (АУСБУ 13: 44), Андрія Прибоя (АУСБУ 18: 45) з м. Сваляви, Олександра Штефанського (АУСБУ 9: 48) та Йосифа Піллера (АУСБУ 6: 48) з с. Павшино, Йосифа Франца (АУСБУ 14: 63) з с. Велике Яблуново Мукачівського району.

15 січня 1946 р. видано розпорядження НКВС Радянського Союзу № 1034, на основі якого в Сибір, переважно в Тюменську область, було виселено 1969 закарпатських німців, які начебто найбільше скомпрометували себе в період німецько-угорської окупації (Малець 2006: 57-58). У доповідній записці Закарпатського обласного управління внутрішніх справ від 26 липня 1947 р. повідомляється, що в межах Закарпатської області проживало тоді 1 079 німецьких сімей. Загалом це 3 51 осіб, з них чоловіків – 1 089, жінок – 1 272, дітей до 16 років – 1 170 (ДАЗО 1: 29, 32).

Потрібно відзначити також долю заробітчан, яких було направлено сюди для побудови жител, ще за часів угорського режиму. Так, Народна Рада Закарпатської України 15 січня 1945 р. прийняла рішення про виселення з краю так званих «сейшельських дорожніх робітників», яких завезли угорські окупаційні власті для побудови житла для угорських переселенців (Малець 2001: 117-135). А 4 серпня 1945 р. НРЗУ видало постанови про виселення німців (ДАЗО 2: 1) та угорців (ДАЗО 2: 2). Їхнє виселення мало проходити протягом серпня 1945 р. З собою депортовані мали право брати лише дрібні побутові речі та харчі на два тижні.

Закарпатські німці та угорці повсюдно в радянську пору почувалися ізгоями, незалежними до ворожої нації. Тому певна частина у паспортах записувалися українцями, словаками, угорцями. Проаналізувавши архівні справи засуджених, можна побачити певну тенденцію фабрикування справ радянськими слідчими проти національних меншин Закарпаття. Так, їх всіх звинувачували до приналежності тої

чи іншої політичної партії; в участі у боях проти Червоної армії, а під час допитів неодноразово зустрічаються питання, що стосуються їхньої етнічної приналежності та родичів за кордоном. Тобто слідчі йшли за певним сценарієм, за яким засуджували і депортували населення Закарпаття.

Загальне число репресованих у 1944-1946 рр. на Закарпатті угорців і німців становить майже 30 тисяч, з яких у таборах загинуло близько третини. Радянська влада діяла за чітким планом, який передбачав приборкання національно-політичних і національно-культурних прагнень національних меншин.

ЛІТЕРАТУРА

Андрійчук 1990 - *Андрійчук І.* Свалявський «Гулаг»: Гортаючи сторінки історії // *Ленінський шлях.* 1990. 18 жовтня. С. 2.

АУСБУ 1 - Архів УСБУ в Закарпатській області (далеє - АУСБУ). Спр. С-286 (Кушнір І., Ідер М., Ростер І. та ін., всього 6 чол.). 318 арк.

АУСБУ 2 - АУСБУ. Спр. С-1831 (Кутлан А.). 47 арк.

АУСБУ 3 - АУСБУ. Спр. С-1836 (Шишко С.). 56 арк.

АУСБУ 4 - АУСБУ. Спр. С-1838 (Штефицький М.). 65 арк.

АУСБУ 5 - АУСБУ. Спр. С-1845 (Нодь Ф.). 40 арк.

АУСБУ 6 - АУСБУ. Спр. С-5008 (Піллер Й.). 48 арк.

АУСБУ 7 - АУСБУ. Спр. С-5009 (Гензел Й.). 43 арк.

АУСБУ 8 - АУСБУ. Спр. С-5084 (Кнавс А., Потерлик М. та ін., всього 7 чол.). 259 арк.

АУСБУ 9 - АУСБУ. Спр. С-5273 (Штефанський О.). 48 арк.

АУСБУ 10 - АУСБУ. Спр. С-5334 (Товбиш А.). 33 арк.

АУСБУ 11 - АУСБУ. Спр. С-5343 (Шнелцер Й.). 36 арк.

АУСБУ 12 - АУСБУ. Спр. С-5413 (Вайгер М., Гридя М., Марко І.). 111 арк.

АУСБУ 13 - АУСБУ. Спр. С-5416 (Полончак І.). 44 арк.

АУСБУ 14 - АУСБУ. Спр. С-5449 (Франц Й.). 63 арк.

АУСБУ 15 - АУСБУ. Спр. С-5498 (Геннел І.). 34 арк.

АУСБУ 16 - АУСБУ. Спр. С-5524 (Кампій В.). 46 арк.

АУСБУ 17 - АУСБУ. Спр. С-5633 (Ергат М.). 36 арк.

АУСБУ 18 - АУСБУ. Спр. С-5726 (Прибой А.). 45 арк.

АУСБУ 19 - АУСБУ. Спр. С-5891 (Фрейліх І., Фрейліх М. та ін., всього 5 чол.). 293 арк.

АУСБУ 20 - АУСБУ. Спр. С-5896 (Штраус Л.). 81 арк.

Годьмаш 2008 - *Годьмаш П., Годьмаш С.* История республики Подкарпатская Русь. Ужгород: Патент, 2008. 560 с.

ДАЗО 1 - Державний архів Закарпатської області (далеє - ДАЗО). Ф. П. 3223. Партійний архів Закарпатського обкому Компартії України 1949-1991 рр. Оп. 1. Спр. 478. Інформації партархива обкома партії

України о знаменательных датах в жизни областной парторганизации в 1950 г. о составе документов по вопросу перевода членов КПЗУ в ВКП (б), депортации граждан немецкой национальности, переселения в Закарпатскую область из восточных областей СССР и др. Январь-декабрь 1950 г. 79 арк.

ДАЗО 2 - ДАЗО. Ф. Р-14. Президія Народної Ради Закарпатської України 18 жовтня 1944 - 28 січня 1946 рр. Оп. 1. Од. зб. 168. Постанова НРЗУ про виселення з території Закарпатської України німців і угорців, прибулих з німецько-угорськими військами під час окупації. 4 серпня 1945 р. 2 арк.

Довганич 2008 - *Довганич О.* Так ламалися долі репресованих закарпатців: Сторінками обласного тому «Реабілітовані історією» / Післямова Миколи Олашина. Ужгород: Гражда, 2008. 292 с.

Дупка 1996 - *Дупка Ю., Корсун О.* Закарпатський острів архіпелагу ГУЛАГ, або молитва складена за дротом // Кризь пекло ГУЛАГів: Документи, спогади, нариси / Упор. О. Довганича, Ю. Чорі. Ужгород, 1996. С. 47-48.

Дупка 2006 - *Дупка Ю.* Сталінські депортації угорців // Україна – Угорщина: спільне, минуле та сьогодні. Матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 14-16 квітня 2005 р. Київ, 2006. С. 228-230.

Закарпатські угорці 2012 - Закарпатські угорці і німці: інтернування та депортаційні процеси. 1944-1955 рр. Збірник архівних документів і матеріалів. Ужгород: Карпати, 2012. 780 с.

Малець 1999 - *Малець О.* Етнічний склад населення та етнічні процеси на Закарпатті (1945-1990 рр.) // *Carpatika – Карпатика.* Ужгород, 1999. Вип. 6. С. 94-119.

Малець 2001 - *Малець О.* Етнополітичні і етнокультурні процеси в українців Закарпаття в період совєтської «українізації» і утворення комуністичного тоталітаризму (липень 1945 – 1950 рр.) // *Carpatika – Карпатика.* Ужгород, 2001. Вип. 9. С. 117-135.

Малець 2006 - *Малець О.* Етнокультурні та етнополітичні процеси у німців Закарпаття в 40-х – 80-х рр. XX ст. // Збірник наукових статей викладачів кафедри суспільних дисциплін. Ужгород, 2006. Вип. 1. С. 57-58.

Дупка 2 1996 - *Дупка Г., Horvát S.* A Magyar forradalom és szabadságharc hatása kárpátalján (Україна́бан) // *Magyar '56: hatások a Kárpát-medencében.* Kötet 1. Budapest, 1996. С. 255-263.

REFERENCES

Andriychuk 1990 – *Andriychuk I.* Svalyavs'kiy "Gulag": Gortayuchi storinki istorii [Svalyavsky "Gulag": Turning the pages of history], Lenins'kiy shlyakh, 1990, 18th October, p. 2 [in Ukrainian].

AUSBUS 1 – The Archive of Management Security Service in the Transcarpathian region (further referred to as AUSBUS), d. S-286, 318 sh. [in Russian].

AUSBUS 2 – AUSBUS, File S-1831 (Kutlan A.), 47 sh. [in Russian].

AUSBUS 3 – AUSBUS, File S-1836 (Shyshko S.), 56 sh. [in Russian].

AUSBU 4 – AUSBU, File S-1838 (Stefytskyy M.), 65 sh. [in Russian].
 AUSBU 5 – AUSBU, File S-1845 (Nagy F.), 40 sh. [in Russian].
 AUSBU 6 – AUSBU, File S-5008 (Piller J.), 48 sh. [in Russian].
 AUSBU 7 – AUSBU, File S-5009 (Hansel J.), 43 sh. [in Russian].
 AUSBU 8 – AUSBU, File S-5084 (Knavs A. Poterlyk M. et al.), 259 sh. [in Russian].

AUSBU 9 – AUSBU, File S-5273 (Shtefanskyy O.), 48 sh. [in Russian].
 AUSBU 10 – AUSBU, File S-5334 (Tovbysh A.), 33 sh. [in Russian].
 AUSBU 11 – AUSBU, File S-5343 (Shneltser J.), 36 sh. [in Russian].
 AUSBU 12 – AUSBU, File S-5413 (Vayher M., Gridya M., Marko I.), 111 sh. [in Russian].

AUSBU 13 – AUSBU, File S-5416 (Polonchak I.), 44 sh. [in Russian].
 AUSBU 14 – AUSBU, File S-5449 (Franz I.), 63 sh. [in Russian].
 AUSBU 15 – AUSBU, File 5498 (Hennel I.), 34 sh. [in Russian].
 AUSBU 16 – AUSBU, File S-5524 (Campij V.), 46 sh. [in Russian].
 AUSBU 17 – AUSBU, File S-5633 (Erhat M.), 36 sh. [in Russian].
 AUSBU 18 – AUSBU, File S-5726 (Pryboj A.), 45 sh. [in Russian].
 AUSBU 19 – AUSBU, File S-5891 (Freilix I., Freilix M. et al.), 293 sh. [in Russian].

AUSBU 20 – AUSBU, File S-5896 (Straus L.), 81 sh. [in Russian].
 God'mash 2008 – *God'mash P., God'mash S.* Istorija respubliki Podkarpatskaya Rus' [History of the Republic Transcarpathian Rus], Uzhhorod, Patent Publ., 2008, 560 p. [in Rusin].

DAZO 1 – The Archive of the Zakarpattia Region (DAZO), Fund P. 3223, Partiyniy arkhiv Zakarpats'kogo obkomu Kompartii Ukraïni 1949-1991 rr. Inv. 1. File 478. Informatsii partarkhiva obkoma partii Ukrainy o znamenatel'nykh datakh v zhizni oblastnoy partorganizatsii v 1950 godu, o sostave dokumentov po voprosu perevoda chlenov KPZU v VKP(b), deportatsii grazhdan nemetskoj natsional'nosti, pereseleniya v Zakarpatskuyu oblast' iz vostochnykh oblastey SSSR i dr. [The Party Archives of the Regional Communist Party of Ukraine on significant dates in the life of the regional party organization in 1950, the composition of the documents concerning the transfer of members CPZU in the CPSU (b), the deportation of citizens of German nationality, resettlement in the Carpathian region of the eastern regions of the USSR, and others], January-December 1950, 79 sh. [in Russian].

DAZO 2 – DAZO, Fund . R-14. Prezidiya Narodnoi Radi Zakarpats'koï Ukraïni 18 zhovtnya 1944 - 28 sichnya 1946 rr. [The Presidium of the People's Council of Transcarpathian Ukraine October 18, 1944 – January 28, 1946], Inv. 1. Od. zb. 168. Postanova NRZU pro viselennya z teritorii Zakarpats'koï Ukraïni nimtsiv i ugortsiv, pribulikh z nimets'ko-ugors'kimi viys'kami pid chas okupatsii [Resolution of NRZU for transfer of Germans and Hungarians from the territory of Transcarpathian Ukraine, who came from the German-Hungarian troops during the occupation], August 4, 1945, 2 sh. [in Ukrainian].

Dovganych 2008 – *Dovganych O.* Tak lamalysja doli represovanykh zakarpatsiv: Storinkamy oblasnogo tomu "Reabilitovani istorijeju" [So broken was the destiny

of repressed Transcarpathians: Local regional group “Rehabilitated by History”], Uzhgorod, Grazda Publ., 2008, 292 p. [in Ukrainian].

Dupka, Korsun 1996 – *Dupka Yu., Korsun O.* Zakarpats'kyj ostriv arhipelagu GULAG, abo molytva skladena za drotom [Carpathian Island of Archipelago Gulag, or a prayer composed behind the wire], in: Dovganich O., Chori Yu. (ed.) *Kriz' peklo GULAGiv: Dokumenty, spogady* [Through the Hell of Gulag: The documents, memoirs, essays], Uzhgorod, 1996, pp. 47-48 [in Ukrainian].

Dupka, Horvát 1996 – *Dupka G., Horvát S.* A Magyar forradalom és szabadságharc hatása kárpátalján (Ukrajnában) [Croatian Hungarian Revolution and the impact of Transcarpathia (Ukraine)], in: *Magyar'56: hatások a Kárpát-medencében*, vol. 1, Budapest, 1996, pp. 255-263 [in Hungarian].

Dupka 2006 – *Dupka Yu.* Stalins'ki deportacii' ugorciv [Stalin's deportation of Hungarians], *Ukraine – Hungary: common, past and present. Proc. of the International Conference (Kyiv, 14-16 April 2005)*, Kyiv, 2006, pp. 228-230 [in Ukrainian].

Transcarpathian Hungarians 2012 – *Zakarpats'ki ugorci i nimci: internuvannja ta deportacijni procesy. 1944-1955 rr.* Zbirnyk arhivnyh dokumentiv i materialiv [Transcarpathian Hungarians and Germans, internment and deportation processes. 1944-1955's. The collection of archival documents and materials], Uzhhorod, Carpathians Publ., 2012, 780 p. [in Ukrainian].

Malets 1999 – *Malet' O.* Etnichnyj sklad naseleennja ta etnichni procesy na Zakarpatti (1945-1990 rr.) [The ethnic composition of the population and ethnic processes in Transcarpathia (1945-1990 gg.)], in: *Carpatika-Karpatyka*, vol. 6, Uzhgorod, 1999, pp. 94-119 [in Ukrainian].

Malets 2001 – *Malet' O.* Etnopolitychni i etnokul'turni procesy v ukrai'nciv Zakarpattja v period sovjets'koi “ukrai'nizacii” i tvorennya komunistychnogo totalitaryzmu (lypen' 1945 – 1950 rr.) [Ethnopolitical and ethnocultural processes in Ukrainian Transcarpathia during Soviet “Ukrainianization” and the formation of communist totalitarianism (July 1945 – 1950)], in: *Carpatika – Karpatyka*, vol. 9, Uzhgorod, 2001, pp. 117-135 [in Ukrainian].

Malets 2006 – *Malet' O.* Etnokul'turni ta etnopolitychni procesy u nimciv Zakarpattja v 40-h – 80-h rr. XX st. [Ethno-cultural and ethno-political processes in Transcarpathian Germans in the 40's - 80's of the 20th century], in: *Collection of scientific articles by lecturers of the Department of Social Sciences*, Uzhgorod, 2006, vol. 1, pp. 57-58 [in Ukrainian].

Гордийчук Сергей Олегович – соискатель кафедры истории Украины Государственного высшего учебного заведения «Ужгородский национальный университет».

Gordiychuk Sergiy – Postgraduate Department of History of Ukraine State Higher Educational Institution “Uzhgorod National University”.

E-mail: gaga1301@mail

УДК 81'373.45

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/14

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XIII-XV вв.

Ю.В. Лушчай

Харьковский национальный педагогический университет

им. Г.С. Сковороды

Украина, 61002, г. Харьков, ул. Артема, 29

E-mail: luszczaj@ukr.net

SPIN-код: 9362-7216

Авторское резюме

В средневековых источниках имеется славянская лексика, нуждающаяся в изучении и систематизации. В статье исследуется часть такой лексики, встречающаяся в западноевропейских источниках XIII-XV вв. Анализируются слова, относящиеся к бытовым и социально-политическим понятиям, из путевых записок путешественников и дипломатов Марко Поло, Жильбера де Ланноа, Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини. Рассмотрены слова «здравлица», «следес», «сани», «возы», «дровни», «бояре». Некоторые термины в иностранном нарративе указываются как принадлежащие к конкретному языковому ареалу – это «здравлица» у Марко Поло, «бояре» у Жильбера де Ланноа, «дровни» и «возы» у Иосафата Барбаро. Другие слова имеют четкий заимствованный характер – «сани» у Амброджо Контарини и Иосафата Барбаро, а также «здравлица» у Контарини. Также дано объяснение по поводу термина «следес» у Ланноа, сделано дополнение к версии П.С. Савельева и опровергнута версия И. Лелевеля.

Ключевые слова: лексика, славянские языки, этимология, исторические источники, заимствование.

Lexical borrowing from Slavic languages in West Europe sources XIII-XV centuries

Y.V. Lushchay

Kharkiv National Pedagogical University named G.S. Scovoroda
29 Artem street, Kharkov region, Kharkov, 61002, Ukraine
E-mail: luszczaj@ukr.net

Abstract

In medieval sources meets Slavic lexicon, need to study and systematization. As part of this article examines the lexicon available in Western sources XIII-XV centuries. Analyzed words related to household and socio-political terms of travel notes from travelers and diplomats Marco Polo, Gilbert de Lannoy, Giosafat Barbaro and Ambrogio Contarini. Consider the words “zdravitsa”, “sledes”, “sani”, “vozy”, “drovni”, “boyare”. Some of the terms in a foreign narrative indicated as belonging to a particular linguistic divides – it “zdravitsa” in Marco Polo, “boyare” in Gilbert de Lannoy, “drovni” and “vozy” in Giosafat Barbaro. Other words are borrowed clear character as “sani” in Ambrogio Contarini and Giosafat Barbaro, as well as “zdravitsa” in Contarini. Was given as an explanation of the term “sledes” Lannoy in making addition to the version P.S. Savelyev and refuting version J. Lelewel.

Keywords: lexicon, Slavic languages, etymology, historical sources, borrowing.

Фиксируемая в иностранных источниках славянская лексика представляет немалый интерес. Некоторые славянские слова гармонично проникли в иноязычную среду. Уже с V в. наблюдаются единичные случаи распространения славянской лексики в иностранном нарративе – μέβος (мед) у Приска и *stravam* (страва) у Иордана (Dexippi 1829: 183; Iordanes 1882: 124). Определенная часть терминов была исследователями изучена (Опельбаум 1958; Мельникова 1984; Мартынов 2004), над другой частью еще предстоит поработать. Необходима систематизация подобных слов, как это делается в отношении диалектной лексики в славянских языках.

В статье рассматриваются лексические заимствования славянских слов в западноевропейских источниках XIII-XV вв. – путевые записки Марко Поло, Жильбера де Ланноа, Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини. Обратим внимание на те термины из приведенных источников, что напрямую заимствованы со славянских языков: 1) *здравица*, *сани*, *дровни*, *возы* (славянского происхождения); 2) *бойаре* (неясного происхождения); 3) *следы* (ошибочно приписывается восточнославянскому происхождению, требует пояснений). Все слова являются существительными, из которых *бойаре* имеют категорию одушевленности, а все прочие – категорию неодушевленности. Помимо этого, нужно заметить, что лишь часть терминов вошла в лексикон иностранных языков. Другая часть обозначается как фиксация использования слов на славянской почве.

1. Здравица. В иностранных источниках слово *здравица* упоминается с конца XIII в. В виде *straviza* встречается в книге Марка Поло в отдельной главе о Руси. Судя по его рассказу, *straviza* – это название возлияний и пиров, совершаемых в таверне населением: «Они делают прекрасное вино с медом и просом, которое называется пивом, или элем; у них бывают большие запои от этого, как вы услышите. Они часто собираются в компании мужчин и женщин, особенно дворяне и магнаты, 30, 40 или даже 50 человек сразу, мужчины с женами и дети с ними. Каждая компания выбирает короля или руководителя и фиксирует правила, как, например, если кто-то произносит неподобающее слово или как-нибудь нарушает правила, он должен быть наказан избранным компанией королем. Сейчас есть определенные люди, как наши хозяева, которые держат пиво для продажи. Компании идут в эти таверны, и весь день может пройти за питьем. Эти запои они называют *straviza*» (Marco Polo 1931: 391). Марко Поло, наверное, не понял приведенное выше слово, так как им или его информатором была принята за весь процесс пира отдельная его деталь. Этот термин можно сравнить со словом, встречаемым в источнике XVI в. на греческом языке. В «Истории константинопольских патриархов» Мануила Малакса (автор – компилятор и переводчик) описывается трапеза, где провозглашали *отра̀βιτζα* (Moravcsik 1983: 292). В источнике было отмечено, что это слово – болгарское. Многие исследователи связывают слова *straviza* и *отра̀βιτζα* со славянским словом *zdravica* (здравица) (Дуйчев 1951: 92; Maenchen-Helfen 1973: 426; Moravcsik 1983: 292; Mund 2004: 567; Kristophson 2012: 142).

Здравица встречается также у Амброджо Контарини (вторая половина XV в.) в виде *sdraviza*. Это слово упоминается при рассказе о пире у грузинского царя Баграта, на котором был Контарини (Контарини 1836: 159). По предположению А.С. Щекина, оно было услышано Контарини от российского посла Марка, который также присутствовал на пиру (Щекин 2009: 92). В отличие от Марка Поло, Контарини использует это слово без объяснений, откуда он его взял. В таком же виде оно фигурирует в рассказе (на итальянском языке) о правителе Герцеговинского края Влатко Косаче (1487 г.), где говорится о пожеланиях ему здоровья (Тошић 2008: 169).

Термин *здравица* имеет корень *здрав-*, суффикс *-иц-* и окончание *-а*. Корень *zdrav-*, согласно П. Скоку, является общеславянским, балто-славянским (Skok 1973: 646). Происходит от слова *здравие / сдравие*, которое демонстрирует неполногласие, распространенное в церковнославянском языке – *съдравъ* в Изборнике 1076 г., Успенском сборнике XII-XII в. и др., *здравъ* в древнерусских пергаментных кодексах, в Киево-Печерском патерике XIII в. и др. (Патерик 1911: 3, 9,

11, 39, 63; Изборник 1965: 313, 629; Успенский сборник 1971: 32, 61, 105; Столярова 2000: 38, 119, 189, 229, 258). Полногласное *здоровье/сдоровье* существовало в древнерусском языке (-ра- > -оро-). Можно эту лексическую группу сравнить с подобными неполногласными и полногласными вариантами: глава – голова, гладь – голодь (-ла- > -оло-), млѣко – молоко (-ле- > -оло-), градь – городь, мразь – морозь (-ра- > -оро-), брѣгъ – берегъ (-ре- > -ере-).

В эпилоге «Теогонии» Иоанна Цеца (XII в.) зафиксирована форма слова *сбра*. У Цеца сообщается, что фраза «*здрав, брате, сестрица... добрый день*» применялась на Руси для обращения к кому-либо при встрече (Hunger 1953: 305). Г. Гунгер к этому слову добавил -сте, полагая возможным существование формы *сдрасте* (Hunger 1953: 306). Однако такая форма не имела места в тот период, проще предположить существование *сбраш* (сдрав) (Успенский 1994: 40). Первоначальным в древнерусском языке является *сдравь*, которое в результате падения редуцированного гласного -ь- и при озвончении приняло форму *здравь* (Шанский 1975: 83). Но в иностранных источниках распространена форма с *с-* в начале. Слово *здрав/сдрав* происходит в свою очередь из праславянского **sdorvъ* от **dorvъ* (дерево) (Niederle 1911: 220; Шанский 1975: 82-83). Исходя из этого, праславянское **dorvъ*, возможно, восходит к индоевропейскому **sdorwos* (крепкий как дерево) (Шапошников 2010а: 318).

В церковнославянском языке существовало слово *здравица* – устаревшее обозначение заздравного кубка (выпивать наполненный кубок за здоровье кого-то), тост за здоровье. Пить здравицу – пить за здоровье, а также приветствовать, произносить здравицу (слова пожелания здоровья) в честь кого-нибудь (СОЕ 1899: 244; Даль 1903: 1684-1686; СРЯ 1978: 367; Дьяченко 1993: 199). Заздравные пожелания не только произносились на пиру, но и наносились надписями на чарах, ковшах, братинах и других предметах, которые использовались при пирушках. Известна ранняя находка чары (30-50 гг. XII в., принадлежала черниговскому князю Владимиру Давыдовичу) с фразой: «*Кто из нее пьет, тому на здоровье*» (Рыбаков 1964: 28; Медынцева 2000: 104-114). Похожая надпись имеется на ковше (первая половина XIV в., принадлежал знатному человеку Дмитрию Круждовичу), но слово *здоровье* не доведено до конца и имеет форму *здоро* (Николаева 1976: 208; Медынцева 2000: 113-114). О заздравных чашах также упоминается в «Домострое» (XVI в.) (Домострой 2007: 85).

Слово *здравица* в средневековых источниках встречается довольно редко. Однако оно проникло в итальянскую лексику, став родным для жителей Италии. Славянское слово было адаптировано в итальянский

язык в виде *stravizio, stravizzo*, что означает «невоздержанность в пите, излишество, веселье, разврат» (Pasquali 1869: 552; Словарь 2002: 271). Исследователи считают, что оно получило распространение в итальянском благодаря влиянию сербо-хорватского языка (Vaillant 1947: 253; Petkanov 1976: 438; Blank 2000: 70; Ljubičić 2009: 100-101).

2. Санные повозки. Славянские названия санных повозок в иностранных источниках стали фиксироваться с XV в. В путевых записках Жильбера де Ланноа (начало XV в.) мы можем обнаружить слово *sledes*, которое часто упоминается. Этим словом обозначаются санные повозки, на которых путешественник перемещался в зимний период. Известны три случая, когда оно использовалось при упоминании поездок по Северной Руси: 1) поездка до Новгорода: «С оттуда прибыли по реке Нарве и вступили в край Руси: а там сели на сани, для больших снегов и морозов какие были» (Lelewel 1844: 29); 2) переезд из Новгорода в Псков: «Отъезжая из указанного Великого Новгорода, чтобы посмотреть мир, я поехал на санях, как купец, до большого укрепленного города королевства и сеньории Руси, называемого Псковом» (Lelewel 1844: 35-37); 3) переезд из Пскова в Лифляндские земли (Lelewel 1844: 37). В остальных случаях слово употреблялось (четыре раза), когда Ланноа ездил на санных повозках по Лифляндской и другим землям (Lelewel 1844: 39, 47, 49).

Й. Лелевель уверенно называл *sledes* русским (древнерусским) словом *следы* и переводил его как *сани* (Lelewel 1844: 29). П.С. Савельев предполагал нижненемецкое происхождение слова *sledes* (Савельев 1850: 27). В древневерхненемецком присутствует слово *slito*, в средневерхненемецком – *slite*, а в нововверхненемецком (то есть в современном немецком языке) – *Schlitten*, что означает *сани* (Falk 1979: 539). В путевых записках вполне могло иметь место заимствование из средневерхненемецкого языка *slite* > *slede* (ср. в датском *slæde*, шведском *släde*, норвежском *slede*, английском *sledge*, итальянском *slitta* и др.). Однако нельзя исключать и ошибку самого Ланноа. В этом случае возможно и непонимание русской фразы наподобие «*следы от саней*» (ср. *средица* – «*следы, отпечатки от санных полозьев*» в некоторых русских говорах (СРНГ 2004: 249)). Но первое предположение является более обоснованным, если принимать во внимание, что этот термин использовался Ланноа много раз – и не только тогда, когда он находился на землях Северной Руси.

Итальянские путешественники Иосафат Барбаро и Амброджо Контарини (вторая половина XV в.) используют в тексте слово *sani* без отметки, что оно есть в речи древнерусского населения. Контарини,

когда уезжал из Москвы, обратил внимание на конструкцию саней: *«Эти сани представляют собой нечто вроде домика, который везет одна лошадь. Они употребляются только в зимнее время, и каждому следует иметь отдельную [кибитку]. Усаживаются в сани, укрывшись любым количеством одеял, и правят лошадью – и таким образом покрывают огромнейшие расстояния. Внутрь с собой кладут съестные припасы и все необходимое»* (Контарини 1836: 116-117; Барбаро и Контарини 1971: 231).

Кроме этого, Барбаро приводит другие названия саней – *travoli* (дровни) и *vasi* (возы): *«Когда там намереваются ехать из одного места в другое – особенно же если предстоит длинный путь, то едут зимним временем, потому что все кругом замерзает и ехать хорошо, если бы только не стужа. И тогда с величайшей легкостью перевозят все, что требуется, на санях. Сани служат там подобно тому, как нам служат повозки, и на местном говоре называются *travoli* или *vasi*»* (Барбаро 1836: 96; Барбаро и Контарини 1971: 158). В отличие от слова *сани*, названия *дровни* и *возы* конкретно увязываются с древнерусским языком.

Сани – самое раннее среди названий повозок, которые упоминаются в древнерусских источниках. Это слово (корень *сан-*, окончание *-и*) имеет общеславянское происхождение. Древнерусское множественное *сани* (также встречается во множественном числе – *санки*) происходит от праславянского **сань* (полоз, змея) (Шанский 1971: 400; Шапошников 2010b: 300). Они служили для перевозки людей. Под 947 г. в летописной статье речь идет про сани, на которых ездила княгиня Ольга для установления погостов и даней: *«Сани ее стоят в Плескове и до сего дня»* (Лаврентьевская летопись 1926: 60). В начале XII в. летописец предпринял поездку в Северную Русь, точнее, в Ладогу (Ипатьевская летопись 1908: 277-278). Тогда-то, видимо, он и узнал про сани от местных жителей. Поэтому реальной датой, когда впервые фиксируется термин *сани* как погребальная повозка для перевозки тела князя Владимира Святославовича, можно считать 1015 г. (Лаврентьевская летопись 1926: 130). В церковнославянских памятниках сани также упоминаются – в Остромировом Евангелии XI в., Успенском сборнике и др. (СОЕ 1899: 745; Успенский сборник 1971: 44, 62, 70).

Древнерусское *возь* в единственном числе (множественное *возы*, уменьшительное *возокъ*) происходит от праславянского слова **vezti* (везти) (Цыганенко 1989: 51). Возы служили для перевозки различных предметов. В Лаврентьевской летописи они впервые упоминаются под 945 г., где речь идет про мщение княгини Ольги древлянам за убитого мужа: *«Они же говорят – не едем на конях, ни на возах»* (Лав-

рентьевская летопись 1926: 56). Среди древнерусских памятников церковнославянского языка, где фигурируют возы, ранними являются Супрасльская рукопись XI в., а также указанные выше Остромирово Евангелие, Успенский сборник и др. (СОЕ 1899: 76; Северьянов 1904: 80; Успенский сборник 1971: 79, 98-99).

Дровни известны во множественном числе и обозначают *крестьянские сани без кузова для перевозки дров* (ССРЛЯ 1954: 1118-1119) (в единственном числе *дровня* в основном имеет значение «*склад дров*» (СРЯ 1977: 357), но в некоторых диалектах под *дровнями* понимаются сани (ПОС 1994: 212)). Слово имеет корень *дров-*, суффикс *-н-* и окончание *-и*. Восходит к праславянскому **drǫvnyь* в значении *деревянный* (корень *drǫv-* с суффиксом *-ьнь*) (ЭССЯ 1978: 143-144; Шапошников 2010а: 246). Помимо *дровни*, в некоторых говорах встречается также *дровники* с тем же значением (СРНГ 1972: 191). Дровни – одни из самых поздних среди всех имеющихся в источниках санных повозок. В западноевропейских источниках, как выше обозначено, слово встречается с XV в., а в древнерусских – только с XVI в. (смотри, например, в «Домострое» (Домострой 2007: 58, 122)).

3. Бояре. Жильбер де Ланноа один раз приводит древнерусский соционимический термин *bayares* (бояре): «*Есть внутри указанного города (т. е. Новгорода) много больших сеньоров, которых называют боярами*» (Lelewel 1844: 31). Исползованное Ланноа слово во множественном числе взято из древнерусского языка – *бояринь* (корень *bojar-* и суффикс *-инь*). В средневековых иностранных источниках соционимы славянского происхождения редки, лишь несколько таких упоминаются (как, например, *βοεβωδος* (воевода) и *ζουπάνος* (жупан) у Константина Багрянородного, византийского императора X в. (Constantinus 1967: 124, 144, 170, 172)). Только с XVI в. в западноевропейских источниках можно наблюдать частое приведение в транслитерированном виде слов из древнерусского языка (*бояре*, *воевода*, *князь*, *царь* и т. п.) у Сигизмунда Герберштейна, Джерома Горсея и др. (Горсей 1990: 277; Герберштейн 2008: 512-513).

Этимология слова *бояринь* является дискуссионной. Основными являются две версии его происхождения – славянская и тюркская. Каждая из них имеет право на существование. Согласно славянской версии, *бояринь* выводится из славянского *бои* (битва) и имеет общеславянское происхождение (Шанский 1965: 181-182; Цыганенко 1989: 39). Точного соответствия в тюркских языках не имеется, появлялись многочисленные версии. Однако из представленных можно озвучить два варианта, заслуживающих внимание: 1) *bojla + är* (знатный + муж); 2) *baj + är* (богатый + муж) (Малов 1946: 137-138; Баскаков 1985: 156; Черных 1999: 106).

В церковнославянской литературе были распространены варианты *боляринь*, *боляре*, например в «Похвале князю Святославу» под 1073 г., «Изборнике» 1076 г., Остромировом Евангелии, Супрасльской рукописи и т. п. (СОЕ 1899: 47; Северьянов 1904: 58, 61, 66, 195, 198, 216, 562; Изборник 1965: 393, 418; Столярова 2000: 21, 26). В древнерусском языке имелись два варианта термина – *боляринь* и *бояринь*, но чаще в памятниках древнерусской письменности встречается написание с основой на *бояр-* (Львов 1975: 213).

Итак, рассмотрен ряд слов, фиксируемых в западноевропейских источниках XIII-XV вв. Некоторые слова в иностранном нарративе указываются как принадлежащие к конкретному языковому ареалу – это *здравица* у Марко Поло, *боляре* у Жильбера де Ланноа, *дровни* и *возы* у Иосафата Барбаро. Другие слова имеют четкий заимствованный характер – *сани* у Амброджо Контарини и Иосафата Барбаро, а также *здравица* у Контарини. Также дано объяснение по поводу слова *sledes* у Ланноа, сделано дополнение к версии П.С. Савельева и опровергнута версия И. Лелевеля.

Проведен анализ лишь определенной части существующих славянских слов в иностранных источниках. В дальнейшем возможно продолжение исследовательских работ, так как нужен комплексный анализ всей славянской лексики, встречаемой в средневековых иностранных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Барбаро и Контарини 1971 - Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Пер. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 276 с.
- Барбаро 1836 - *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Библиотека иностранных писателей о России. СПб.: III Отделение, 1836. Т. 1. 156 с.
- Баскаков 1985 - *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. 208 с.
- Герберштейн 2008 - *Герберштейн С.* Записки о Московии / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. II. 656 с.
- Горсей 1990 - *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. / Под ред. В.Л. Янина; Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М.: Моск. ун-т, 1990. 288 с.
- Даль 1903 - *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: Товарищество М.В. Вольфа, 1903. Т. 1. 1 724 стб.
- Домострой 2007 - *Домострой* / Отв. ред. Л.А. Дмитриев. СПб.: Наука, 2007. 400 с.
- Дуйчев 1951 - *Дуйчев И.* Еще о славяно-болгарских древностях IX века // *Byzantinoslavica*. 1951. Т. XII. С. 75-93.

- Дьяченко 1993 - *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь: Ре-принт 1900 г. М.: Московский патриархат, 1993. 1159 с.
- Изборник 1965 - Изборник 1076 года / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1965. 1091 с.
- Ипатьевская летопись 1908 - Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: М.А. Александров, 1908. Т. II. 573 с.
- Контарини 1836 - *Контарини А.* Путешествие // Библиотека иностранных писателей о России. СПб.: III Отделение, 1836. Т. 1. 192 с.
- Лаврентьевская летопись 1926 - Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Академия наук СССР, 1926. Т. I, Вып. 1. По-весть временных лет. 286 стб.
- Львов 1975 - *Львов А.С.* Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975. 368 с.
- Малов 1946 - *Малов С.Е.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия Отделения литературы и языка АН СССР. 1946. Т. V. Вып. 2. С. 129-139.
- Мартынов 2004 - *Мартынов В.В.* Язык в пространстве и времени. К про-блеме глоттогенеза славян. М.: Едиториал УРСС, 2004. 112 с.
- Медынцева 2000 - *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси (По па-мятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М.: Наука, 2000. 291 с.
- Мельникова 1984 - *Мельникова Е.А.* Древнерусские лексические заимст-вования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 62-75.
- Николаева 1976 - *Николаева Т.В.* Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 288 с.
- Опельбаум 1958 - *Опельбаум Є.В.* Західнослов'янські слова в німецькій мові // Слов'янське мовознавство. Київ: Академія наук УРСР, 1958. Т. I. С. 234-257.
- Патерик 1911 - Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб.: М.А. Александров, 1911. 275 с.
- ПОС 1994 - Псковский областной словарь с историческими данными / Под ред. С.М. Глускиной, М.А. Тарасовой. СПб.: СПб. ун-т, 1994. Вып. 9. 216 с.
- Рыбаков 1964 - *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI-XIV веков. М.: Наука, 1964. 48 с.
- Савельев 1850 - *Савельев П.С.* Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де Ланноа, в 1412-1414 годах // Географические известия. 1850, январь, февраль, март. С. 17-35.
- Северьянов 1904 - *Северьянов С.* Супрасльская рукопись. СПб.: Импера-торская Академия наук, 1904. Т. I. 570 с.
- Словарь 2002 - Словарь: Итальянско-русский, русско-итальянский / Сост. О.В. Дмитриев, Г.В. Степенко. Київ; Ирпень: Перун, 2002. 576 с.
- СОЕ 1899 - Словарь древнего славянского языка составленный по Остро-мирову Евангелию / Сост. А.В. Старчевский. СПб.: А.С. Суворин, 1899. 948 с.
- СРНГ 1972 - Словарь русских народных говоров / Глав. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1972. Вып. 8. 369 с.
- СРНГ 2004 - Словарь русских народных говоров / Глав. ред. Ф.П. Сороко-летов. СПб.: Наука, 2004. Вып. 38. 372 с.

- СРЯ 1977 - Словарь русского языка XI-XVII вв. / Глав. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1977. Вып. 4. 404 с.
- СРЯ 1978 - Словарь русского языка XI-XVII вв. / Глав. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 392 с.
- ССРЛЯ 1954 - Словарь современного русского литературного языка / Под председательством С.Г. Бархударова. М.; Л.: Академия наук СССР, 1954. Т. 3. 1340 с.
- Столярова 2000 - *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV веков. М.: Наука, 2000. 772 с.
- Тошић 2008 - *Тошић Ђ.* Фрагменти из живота херцега Влатка Косаче // Историјски часопис. 2008. Књ. LVI (56). С. 153-172.
- Успенский 1994 - *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
- Успенский сборник 1971 - Успенский сборник XII-XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. 772 с.
- Цыганенко 1989 - *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. Київ: Радянська школа, 1989. 511 с.
- Черных 1999 - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1999. Т. I. 624 с.
- Шанский 1965 - *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Моск. ун-т, 1965. Т. I. Вып. 2. 271 с.
- Шанский 1971 - *Шанский Н.М.* и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
- Шанский 1975 - *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Московский университет, 1975. Т. II. Вып. 6. 125 с.
- Шапошников 2010а - *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. 1. 584 с.
- Шапошников 2010б - *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. 2. 576 с.
- Щекин 2009 - *Щекин А.С.* Русская лексика в составе сочинений о России иностранных ученых и путешественников XV-XVI веков: проблемы лексикографического описания // Русское слово в историческом развитии (XIV-XIX). СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 4. Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVII Международной филологической конференции. 11-15 марта 2008 г. С. 90-96.
- ЭССЯ 1978 - Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 232 с.
- Blank 2000 - *Blank A.* Pour une approche cognitive du changement sémantique lexical: aspect sémasiologique // Société de linguistique de Paris. 2000. Т. IX. P. 59-74.
- Constantinus 1967 - *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, R.J.H. Jenkins // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Washington: Dumbarton Oaks, 1967. 342 p.
- Dexippi 1829 - *Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri.* Historiarum / E Recensione Imm. Bekkeri et B.G. Niebuhrrii // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: Ed. Weberi, 1829. 659 p.

- Falk 1979 - *Falk H., Torp A.* Wortschatz der germanischen Spracheinheit. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. Bd. 3. 573 f.
- Hunger 1953 - *Hunger H.* Zum Epilog der Theonomie des Johannes Tzetzes // *Byzantinische Zeitschrift*. 1953. Bd. 46. F. 302-307.
- Iordanes 1882 - *Iordanes.* Romana et Getica / Recensvit T. Mommsen // *Monumenta Germaniae historica*. Berolini: Arud Weidmannos, 1882. T.V. 200 p.
- Kristophson 2012 - *Kristophson J.* Seltsame Wörter im Neugriechischen – ein Beitrag zum balkanischen Sprachgebrauch // *Philologica Jassyensia*. 2012. Nr. 1 (15). F. 141-150.
- Lelewel 1844 - *Lelewel J.* Gilbert de Lannoy i jego podróże. Poznań: J.K. Żupański, 1844. 92 s.
- Ljubičić 2009 - *Ljubičić M.* Sui metaplasmi delle parole croate nel dialetto veneto // *Studia Romanica et Anglica Zagrabiensia*. 2009. Vol. LIV. P. 83-110.
- Maenchen-Helfen 1973 - *Maenchen-Helfen O.* The world of the Huns: studies in their history and culture. London: University of California Press, 1973. 630 p.
- Moravcsik 1983 - *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Leiden: E.J. Brill, 1983. Bd. 2. 376 f.
- Mund 2004 - *Mund S.* Constitution et diffusion d'un savoir occidental sur le monde "russe" au Moyen Age (fin Xe-milieu Xve siecle) // *Le Moyen Age*. 2004. T. CX, vol. 3-4. P. 539-593.
- Niederle 1911 - *Niederle L.* Slovanské starožitnosti: Život starých Slovanů. Praha: Bursika a Kohout, 1911. Díl. I. 392 s.
- Pasquali 1869 - *Pasquali G.* Nuovo dizionario piemontese-italiano ragionato e comparato alla lingua comune. Torino: Libreria editrice di E. Moreno, 1869. 621 p.
- Petkanov 1976 - *Petkanov I.* Elementi slavi nelle lingue e nei dialetti romanzi // XIV congresso internazionale di linguistica e filologia romanza (Napoli, 15-20 aprile 1974). Ottobre: Gaetano macchiaroli, 1976. Pp. 437-446.
- Skok 1973 - *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973. Kn. 3. 692 s.
- Marco Polo 1931 - *The travels of Marco Polo / Translation of A. Ricci.* London: Asian Educational Services, 1931. 439 p.
- Vaillant 1947 - *Vaillant A.* Serbo-Croate // *Revue des études slaves*. 1947. T. 23, fascicule 1-4. Pp. 252-256.

REFERENCES

- Barbaro, Kontarini 1971 – *Barbaro G, Kontarini A.* O Rossii: K istorii italo-russkikh svyazey v XV v. [About Russia: on the history of Italian-Russian links], trans. from Italian by E.Ch. Skrzhinskaya, Leningrad, Nauka Publ., 1971, 276 p. [in Russian].
- Barbaro 1836 – *Barbaro G.* Puteshestvie v Tanu [Travel to Tanu], in: Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii [The library of foreign writed on Russia], St. Petersburg, III Otdelenie, 1836, vol. 1, 156 p. [in Russian].
- Baskakov 1985 – *Baskakov N.A.* Tyurkskaya leksika v Slove o polku Igoreve

- [Turkish words in The Tale of Igor's Campaign], Moscow, Nauka Publ., 1985, 208 p. [in Russian].
- Gerberstein 2008 – *Gerberstein S.* Zapiski o Moskovii [Notes on Moscovia], Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008, vol. II, 656 p. [in Russian].
- Horsey 1990 – *Horsey J.* Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v. [The notes about Russia. The 16th – early 17th centuries], trans. by A.A. Sevastyanova. Moscow, Moscow State University Publ., 1990, 288 p. [in Russian].
- Dal 1903 – *Dal' V.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language], St. Petersburg; Moscow, M.V. Wolf Publ., 1903, vol. 1, 1724 p. [in Russian].
- Domostroy 2007 – *Domostroy* [The Household Book], ed. by L.A. Dmitriev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 400 p. [in Russian].
- Duychev 1951 – *Duychev I.* Eshche o slavyano-bolgarskikh drevnostyakh IX veka [More on the Slavo-Bulgarian antiquities of the 9th century], in: Byzantinoslavica, 1951, vol. XII, pp. 75-93. [in Russian].
- Dyachenko 1993 – *Dyachenko G.* Polnyy tserkovnoslavyanskiy slovar' [The Complete Church Slavic Dictionary], Moscow, Moskovskiy patriarkhat Publ., 1993, 1159 p. [in Russian].
- Izbornik 1965 – *Izbornik 1076 goda* [Collection, 1076], ed. by S.I. Kotkov. Moscow, Nauka Publ., 1965, 1091 p. [in Russian].
- Ipat'evskaya letopis' 1908 – *Ipat'evskaya letopis'* [Hypathian Chronicle], in: Polnoe sobranie russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], St. Petersburg, M.A. Aleksandrov Publ., 1908, vol. II, 573 p. [in Russian].
- Contarini 1836 – *Contarini A.* Puteshestvie [The Travel], in: Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii [The library of foreing writed on Russia], St. Petersburg, III Otdelenie Publ., 1836, vol. 1, 192 p. [in Russian].
- Lavrent'evskaya letopis' – *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle], in: Polnoe sobranie russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1926, vol. I, iss. 1, 286 p. [in Russian].
- Lvov 1975 – *Lvov A.S.* Leksika Povesti vremennykh let [The vocabulary of The Tale of Bygone Years], Moscow, Nauka Publ., 1975, 368 p. [in Russian].
- Malov 1946 – *Malov S.E.* Tyurkizmy v yazyke Slova o polku Igoreve [Turkish words in The Tale of Igor's Campaign], Izvestiya Otdeleniya literatury i yazyka AN SSSR, 1946, vol. V, iss. 2, pp. 129-139 [in Russian].
- Martynov 2004 – *Martynov V.V.* Yazyk v prostranstve i vremeni. K probleme glottogeneza slavyan [The language in space and time. On the problem of the Slavs Glottogenesis], Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 112 p. [in Russian].
- Medyntseva 2000 – *Medyntseva A.A.* Gramotnost' v Drevney Rusi (Po pamyatnikam epigrafiki X – pervoy poloviny XIII veka) [Literacy in Ancient Russia (on the monuments of epigraphy in the 10th – the first half of the 13th centuries)], Moscow, Nauka Publ., 2000, 291 p. [in Russian].
- Melnikova 1984 – *Melnikova E.A.* Drevnerusskie leksicheskie zaimstvovaniya v shvedskom yazyke [Old Russian lexical borrowings in Swedish], in: Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya [The oldest states on the territory of the USSR. Materials and research], Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 62-75 [in Russian].

Nikolaeva 1976 – *Nikolaeva T.V.* Prikladnoe iskusstvo Moskovskoy Rusi [The applied art of the Moscovy Rus'], Moscow, Nauka Publ., 1976, 288 p. [in Russian].

Opelbaum 1958 – *Opelbaum E.V.* Zakhidnoslov'yans'ki slova v nimets'kiy movi [Western Slavic words in German], in: *Slov'yans'ke movoznavstvo* [Slavonic linguistics], Kiev, Academy of Science USSR Publ., 1958, vol. I, pp. 234-257 [in Ukrainian].

Paterik 1911 – *Paterik Kievskogo Pecherskogo monastyrya* [Patericon of Kiev Pecherask Monastery], St. Petersburg, M.A. Aleksandrov Publ., 1911, 275 p. [in Russian].

POS 1994 – *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Region's dictionary with historical data (POS)], ed. by S.M. Gluskina, M.A. Tarasova. St. Petersburg, St. Peterburg University Publ., 1994, iss. 9, 216 p. [in Russian].

Rybakov 1964 – *Rybakov B.A.* Russkie datirovannye nadpisi XI-XIV vekov [Russian inscriptions dated by the 11th – 14th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1964. 48 p. [in Russian].

Savelev 1850 – *Savelev P.S.* Ocherk puteshestviya v pribaltiyskie strany, Velikiy Novgorod i Pskov, sovershennogo rytsarem Gil'bertom de Lanno, v 1412-1414 godakh [An essay on travel to the Baltic countries, Novgorod and Pskov, by Sir Gilbert de Lanno in 1412–1414], *Geograficheskie izvestiya*, 1850, January, February, March, pp. 17-35 [in Russian].

Severyanov 1904 – *Severyanov S.* Suprasl'skaya rukopis' [The Codex Suprasliensis], St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1904, vol. I, 570 p. [in Russian].

Slovar' 2002 – *Slovar': Ital'yansko-russkiy, russko-ital'yanskiy* [The Italian-Russian, Russian-Italian Dictionary], comp. by O.V. Dmitriev, G.V. Stepenko, Kiev, Irpen', Perun Publ., 2002, 576 p.

SOE 1899 – *Slovar' drevnego slavyanskogo yazyka sostavlennyy po Ostromirovu evangeliyu* [The Dictionary of Old Slavic compiled by The Ostromir Gospels], comp. by A.V. Starchevskiy, St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1899, 948 p. [in Russian].

SRNG 1972 – *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Dialects], ed. by F.P. Filin. Leningrad, Nauka Publ., 1972, iss. 8, 369 p. [in Russian].

SRNG 2004 – *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Dialects], ed. by F.P. Sorokoletov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, iss. 38, 372 p. [in Russian].

SRYa 1977 – *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language, 11th – 17th centuries], ed. by S.G. Barkhudarov. Moscow, Nauka Publ., 1977, iss. 4, 404 p. [in Russian].

SRYa 1978 – *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language, 11th – 17th centuries], ed. by S.G. Barkhudarov, Moscow, Nauka Publ., 1978, iss. 5, 392 p. [in Russian].

SSRLYa 1954 – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of Modern Literary Russian Language], ed. by S.G. Barkhudarov. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1954, vol. 3, 1340 p. [in Russian].

Stolyarova 2000 – *Stolyarova L.V.* Svod zapisey pistsov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI-XIV vekov [The list of

scribes, artists and bookbinders of ancient parchment codes of the 11th – 14th centuries], Moscow, Nauka Publ., 2000, 772 p. [in Russian].

Toshih 2008 – *Toshih Ђ*. Fragmenti iz zhivota khertsega Vlatka Kosache [Fragments from the life of Duke Vlatko Kosach], Istorijski chasopis, 2008, Book LVI (56), pp. 153-172 [in Serbian].

Uspenskiy 1994 – *Uspenskiy B.A.* Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI-XIX vv.) [A short history of Russian literary language (the 11th-19th centuries)], Moscow, Gnozis Publ., 1994, 240 p. [in Russian].

Uspenskiy sbornik 1971 – *Uspenskiy sbornik XII-XIII vv.* [The Uspenie Collection, the 12th – 13th centuries], ed. by S.I. Kotkov. Moscow, Nauka Publ., 1971, 772 p. [in Russian].

Tsyganenko 1989 – *Tsyganenko G.P.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [The Etimological Dictionary of the Russian Language], Kiev, Radyans'ka shkola Publ., 1989, 511 p. [in Russian].

Chernykh 1999 – *Chernykh P.Ya.* Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and Etimological Dictionary of the Modern Russian Language], Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999, vol. I, 624 p. [in Russian].

Shanskiy 1965 – *Shanskiy N.M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etimological Dictionary of the Russian Language], Moscow, Moscow University Publ., 1965, vol. I, iss. 2, 271 p. [in Russian].

Shanskiy et al. 1971 – *Shanskiy N.M.* et al. Kratkiy etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [The Short Etimological Dictionary of the Russian Language], Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971, 542 p. [in Russian].

Shanskiy 1975 – *Shanskiy N.M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etimological Dictionary of the Russian Language], Moscow, Moscow Univeristy Publ., 1975, vol. II, iss. 6, 125 p. [in Russian].

Shaposhnikov 2010a – *Shaposhnikov A.K.* Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Etimological Dictionary of Modern Russian Language], Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2010, vol. 1, 584 p. [in Russian].

Shaposhnikov 2010b – *Shaposhnikov A.K.* Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Etimological Dictionary of Modern Russian Language], Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2010, vol. 2, 576 p. [in Russian].

Shchekin 2009 – *Shchekin A.S.* Russkaya leksika v sostave sochineniy o Rossii inostrannykh uchenykh i puteshestvennikov XV-XVI vekov: problemy leksikograficheskogo opisaniya [Russian vocabulary as a part of works about Russian by foreign scientists and travelers in the 15th – 16th centuries: Problems of lexicographic description], in: Russkoe slovo v istoricheskom razvitii (XIV-XIX) [The Russian word in historical development (the 14th – 19th centuries)], St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009, iss. 4, pp. 90-96. [in Russian].

ESSYa 1978 – Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov [Etimological Dictionary of Slavic Languages], ed. by O.N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1978, iss. 5, 232 p. [in Russian].

Blank 2000 – *Blank A.* Pour une approche cognitive du changement sémantique lexical: aspect sémasiologique [For a cognitive approach to lexical semantic change: the semasiological aspect], in: Société de linguistique de Paris, 2000, vol. IX., pp. 59-74 [in French].

Constantinus 1967 – *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando imperio

[On administration of the Empire], in: *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*, Washington, Dumbarton Oaks, 1967, 342 p. [in Latin].

Dexippi et al. 1829 – *Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri. Historiarum*, in: *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonnae, Weberi, 1829, 659 p. [in Latin].

Falk, Torp 1979 – *Falk H., Torp A.* Wortschatz der germanischen Spracheinheit. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1979, vol. 3. 573 p. [in German].

Hunger 1953 – *Hunger H.* Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes, in: *Byzantinische Zeitschrift*, 1953, vol. 46, pp. 302-307 [in German].

Iordanes 1882 – *Iordanes.* Romana et Getica, in: *Monumenta Germaniae historica*, Berolini, Arud Weidmannos, 1882, vol. V, 200 p. [in Latin].

Kristophson 2012 – *Kristophson J.* Seltsame Wörter im Neugriechischen – ein Beitrag zum balkanischen Sprachgebrauch, *Philologica Jassyensia*, 2012, Nr 1 (15), pp. 141-150 [in German].

Lelewel 1844 – *Lelewel J.* Gilbert de Lannoy i jego podróże. Poznań: J.K. Żupański, 1844, 92 p. [in Polish].

Ljubičić 2009 – *Ljubičić M.* Sui metaplasmii delle parole croate nel dialetto veneto, *Studia Romanica et Anglica Zagradiensia*, 2009, vol. LIV, pp. 83-110.

Maenchen-Helfen 1973 – *Maenchen-Helfen O.* The world of the Huns: studies in their history and culture. London, University of California Press, 1973, 630 p.

Moravcsik 1983 – *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Leiden, E.J. Brill, 1983, vol. 2, 376 p.

Mund 2004 – *Mund S.* Constitution et diffusion d'un savoir occidental sur le monde 'russe' au Moyen Age (fin Xe-milieu XVe siecle), *Le Moyen Age*, 2004, iss. CX, vol. 3-4, pp. 539-593.

Niederle 1911 – *Niederle L.* Slovanské starožitnosti: Život starých Slovanů. Praha, Bursika a Kohout, 1911, DiI. I, 392 p.

Pasquali 1869 – *Pasquali G.* Nuovo dizionario piemontese-italiano ragionato e comparato alla lingua comune. Torino, Libreria editrice di E. Moreno, 1869, 621 p.

Petkanov 1976 – *Petkanov I.* Elementi slavi nelle lingue e nei dialetti romanzi, XIV congresso internazionale di linguistica e filologia romanza (Napoli, 15-20 aprile 1974), Ottobre, Gaetano macchiaroli, 1976, pp. 437-446.

Skok 1973 – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973, Book 3, 692 p.

Marco Polo 1931 – *The travels of Marco Polo*, trans. by A. Ricci. London, Asian Educational Services, 1931, 439 p.

Vaillant 1947 – *Vaillant A.* Serbo-Croate, *Revue des études slaves*, 1947, vol. 23, Nr 1-4, pp. 252-256.

Лушчай Юрий Владимирович – аспирант исторического факультета Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды.

Lushchay Yuri – Graduate Student of the Historical Faculty of the Kharkiv National Pedagogical University named G.S. Scovoroda.

E-mail: luszczaj@ukr.net

УДК 81'272

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/15

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА РУСИНОВ, УКРАИНЦЕВ И ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИЯ

Д.А. Катунин

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, проспект Ленина, 36
E-mail: katunin@mail.tsu.ru
Scopus Author ID: 56401894100

Авторское резюме

Анализируются законодательные акты Республики Сербия, регламентирующие использование и функционирование языков национальных меньшинств, проживающих на территории государства.

На основании результатов переписей населения Сербии 1981-2011 гг. приводятся данные о динамике абсолютной и относительной численности русинов и украинцев, а также о численности тех, кто указал русинский язык в качестве родного.

Делаются выводы о том, что языковые права национальных меньшинств находят свое максимально широкое отражение в законах государственного уровня: Конституции страны, законах об официальном использовании языков и правах национальных меньшинств, международных договорах (Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств). Данные юридические акты фиксируют обязательства государства в области публичного использования миноритарных языков в сферах образования, судопроизводства, административной и государственной деятельности, средств массовой информации, культуры, экономической и общественной жизни, топонимики и т. д.

Ключевые слова: русины, украинцы, русинский язык, украинский язык, национальные меньшинства, Сербия.

The Rusinian and Ukrainian languages in the current laws of Serbia

D.A. Katunin

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Abstract

The article analyzes the legislative acts of the Republic of Serbia governing the use and operation of the languages of national minorities living in the state.

Basing on the population census in Serbia in 1981-2011, the article provides the data on the dynamics of absolute and relative number of the Rusins and the Ukrainians as well as on the number of those who have Rusinian as their native tongue. The author concludes that the language rights of national minorities are reflected in laws on the state level: the Constitution, the laws on the use of official languages and minority rights, international treaties (the European Charter for Regional or Minority Languages). These legal documents record obligations of the state concerning the public use of minority languages in education, judicial, administrative and public activities, media, culture, economic and social life, toponyms, etc.

Keywords: Rusins, Ukrainians, Rusinian language, Ukrainian language, national minorities, Serbia.

Целью исследования является определение языковых прав русинского, украинского и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия. В качестве материала исследования используются статистические данные переписи населения, государственные законы и международные договоры Сербии.

1. Русины и украинцы в Сербии. Русины и украинцы переселялись на территорию современной Сербии с середины XVIII в. из северо-восточных регионов Австрийской империи (с 1867 г. – Австро-Венгрии), преимущественно из Верхней Венгрии и Галиции. Миграция была обусловлена слабой заселенностью плодородных областей на Среднем Дунае, являвшихся ареной многолетних войн между австрийцам и венграми, с одной стороны, и турками-османами – с другой.

На сегодняшний день, согласно переписи населения 2011 г., доля русинов и украинцев в Сербии незначительна: в совокупности – менее половины процента (табл. 1).

Также статистические данные позволяют проследить динамику изменения численности русинов и украинцев, а также тех, чьим родным языком является русинский (не приводятся данные о тех, кто указал украинский язык в качестве родного, поскольку таковых оказалось менее двух тысяч и они не представлены отдельно в опубликованных результатах переписей) (табл. 2)¹.

Табл. 1

Данные переписи населения Сербии 2011 г. по национальной принадлежности (Попис 2013)

№	Национальность	Численность	%
1	Сербы	5 988 093	83,32
2	Венгры	253 899	3,53
3	Цыгане	147 604	2,05
4	Бошняки	145 278	2,02
5	Хорваты	57 900	0,81
6	Словаки	52 750	0,73
7	Черногорцы	38 527	0,54
8	Влахи	35 330	0,49
9	Румыны	29 332	0,41
10	Югославы	23 303	0,32
11	Македонцы	22 755	0,32
12	«Мусульмане»	22 301	0,31
13	Болгары	18 543	0,26
14	Буневцы	16 706	0,23
15	Русины	14 246	0,20
16	Горанцы	7 767	0,11
17	Албанцы	5 809	0,08
18	Украинцы	4 903	0,07
19	Немцы	4 064	0,06
20	Словенцы	4 033	0,06
	Всего	7 186 862	100

Табл. 2

Данные переписей населения Сербии по национальной принадлежности и по родному языку (Попис 2013)

Год	Всего		Русины		Русинский язык		Украинцы	
	Численность	%	Численность	%	Численность	%	Численность	%
2011	7 186 862↓	100%	14 246↓	0,20%↓	11 340↓	0,16%↓	4 903↓	0,07%=
2002	7 498 001↓	100%	15 905↓	0,21%↓	13 458↓	0,18%↓	5 354↑	0,07%↑
1991	7 759 571↓	100%	18 052↓	0,23↑	16 095↓	0,21%↑	5 042↓	0,06%=
1981	9 313 676↑	100%	19 757↓	0,21%↓	16 215↓	0,17%↓	5 520↓	0,06%↓
1971	8 446 591	100%	20 608	0,24%	19 209	0,23%	5 643	0,07%

Большая часть сербских русинов и украинцев проживает в автономном крае Воеводина: 13 928 и 4 202 соответственно (2011 г.).

2. Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в государственных законах Сербии. Несмотря на то что доля русинов составляет 0,2 % населения Сербии, а украинцев даже

менее 0,1 %, они официально признаны национальными меньшинствами, чьи права (в том числе языковые) признаются и охраняются государством.

В современной Конституции Республики Сербия указывается, что в официальном использовании находятся сербский язык и кириллическая письменность, а употребление других языков и алфавитов регулируется законом (здесь и далее выделение полужирным шрифтом наше. – Д.К.):

Језик и писмо. Члан 10.

У Републици Србији у службеној употреби су српски језик и ћирилично писмо.

Службена употреба других језика и писама уређује се законом, на основу Устава (Устав 2006).

Вместе с тем Основной закон в соответствующем разделе (ст. 75 и 79) предусматривает широкую реализацию языков прав национальных меньшинств в области делопроизводства, образования, топонимических надписей и указателей, СМИ и т. д. на территории автономных краев и единиц местного самоуправления, где такие меньшинства составляют значительное число населения:

Право на очување посебности. Члан 79.

*Припадници националних мањина имају право: на изражавање, чување, неговање, развијање и јавно изражавање националне, етничке, културне и верске посебности; на употребу својих симбола на јавним местима; на коришћење **свог језика и писма**; да у срединама где чине значајну популацију, државни органи, организације којима су поверена јавна овлашћења, органи аутономних покрајина и јединица локалне самоуправе воде поступак и **на њиховом језику**; на школовање **на свом језику** у државним установама и установама аутономних покрајина; на оснивање приватних образовних установа; да **на своме језику** користе своје име и презиме; да у срединама где чине значајну популацију, традиционални локални називи, имена улица, насеља и топографске ознаке буду исписане и **на њиховом језику**; на потпуно, благовремено и непристрасно обавештавање **на свом језику**, укључујући и право на изражавање, примање, слање и размену обавештења и идеја; на оснивање сопствених средстава јавног обавештавања, у складу са законом.*

У складу са Уставом, на основу закона, покрајинским прописима могу се установити додатна права припадника националних мањина (Устав 2006).

Отметим, что в современной Конституции отсутствует указание на какие-либо конкретные национальные меньшинства – такое перечисление встречается только в одной из Конституций Сербии (1963 г.), где, упоминаются и русины:

Члан 82. *Шинтари, Мађари, Словаци, Бугари, Румуни, Турци, Русини и припадници осталих народности – националних мањина, који живе у републици Србији, у свему су равноправни и имају иста права и дужности, одређене уставом и законом, као и остали грађани републике Србије и уживају право **слободне употребе свог језика**, изражавања и развијања своје културе и оснивања установа које обезбеђују ова права (Устав 1963).*

Кроме Конституции, соблюдение языковых прав национальных меньшинств регулируется рядом республиканских законов. Так, в 1991 г. был принят закон «Об официальном использовании языков и алфавитов», в котором в качестве официального языка государства объявлялся сербско-хорватский, с уточнением, что при характеристике сербского варианта этого языка может использоваться название «сербский язык». Там же указывалось, что языки народностей могут вводиться в официальное употребление на территории как муниципалитетов, так и автономных краев основными законами (статутами) этих территориально-административных образований:

Члан 1. *У Републици Србији у службеној је употреби српскохрватски језик, који се, када представља српски језички израз, еквивалентно или ијекавски, назива и српским језиком (у даљем тексту: српски језик).*

Члан 11. *Општине у којима живе припадници народности утврђују кад су и језици народности у службеној употреби на њиховој територији.*

Језик, односно језици народности који су у службеној употреби у општини, утврђују се статутом општине.

Језици народности који су у службеној употреби у раду органа аутономне покрајине утврђују се њеним статутом (Закон о службеној употреби 1991).

Данные права подтверждаются и конкретизируются в законе Союзной Республики Югославия 2002 г. «О защите прав и свобод национальных меньшинств» (он действует и в настоящее время на территории как Сербии, так и Черногории, составлявших СР Югославия), согласно которому единицы местного самоуправления обязаны ввести язык и алфавит того национального меньшинства, которое составляет не менее 15 % от общего числа населения по результатам последней переписи².

Если же какой-либо язык обладал таким статусом до момента принятия закона, то этот статус сохраняется за ним независимо от числа его носителей в момент последней переписи. Данный закон также достаточно подробно разъясняет, что подразумевается под «официальным употреблением языков национальных меньшинств»: использование их в судебном производстве и органах власти, ком-

муникации с органами власти, издании документов и при ведении официальных записей, в избирательных бюллетенях и т.д. Кроме того, названия единиц местного самоуправления, населенных пунктов, улиц и площадей, органов, осуществляющих публичные функции, и т.д. также оформляются и на языке соответствующего национального меньшинства:

Члан 11. Службена употреба језика и писма.

На територији јединице локалне самоуправе где традиционално живе припадници националних мањина, њихов језик и писмо може бити у равноправној службеној употреби.

Јединица локалне самоуправе ће обавезно увести у равноправну службену употребу језик и писмо националне мањине уколико процент припадника те националне мањине у укупном броју становника на њеној територији достиже 15 % према резултатима последњег пописа становништва.

У јединици локалне самоуправе где је у тренутку доношења овог закона језик националне мањине у службеној употреби, исти ће остати у службеној употреби.

Службена употреба језика националних мањина из става 1. овог члана подразумева нарочито: коришћење **језика националних мањина** у управном и судском поступку и вођење управног поступка и судског поступка **на језику националне мањине, употребу језика националне мањине** у комуникацији органа са јавним овлашћенима са грађанима; издавање јавних исправа и вођење службених евиденција и збирки личних и података **на језицима националних мањина** и прихватање тих исправа **на тим језицима** као пуноважних, употреба **језика** на гласачким листићима и бирачком материјалу, употреба **језика** у раду представничких тела.

*На територијама из става 2. овог члана, имена органа који врше јавна овлашћења, називи јединица локалне самоуправе, насељених места, тргова и улица и други топоними исписују се и **на језику дотичне националне мањине**, према њеној традицији и правопису.*

Језици националних мањина који су у службеној употреби у раду органа аутономне покрајине утврђују се њеним статутом.

Савезни закони и прописи се објављују и **на језицима националних мањина**, у складу са посебним прописом (Закон о заштити права 2002).

В 2010 г. был принят закон об изменении закона «Об официальном использовании языков и алфавитов», где в качестве официального указывался уже не сербско-хорватский язык, а, как и в Конституции, сербский. Также уточнялись положения об официальном статусе языков национальных меньшинств, которые практически полностью повторяли положения из вышеприведенного закона «О защите прав и свобод национальных меньшинств» (Закон о изменама и допунама 2010).

Право муниципалитетов на утверждение официального использования языков и алфавитов национальных меньшинств закреплено и в законах Сербии «О местном самоуправлении» 1999, 2002 и 2007 гг.:

Члан 13. Јединица локалне самоуправе има статут.

Статутом јединице локалне самоуправе, у складу са законом, уређују се: ...службена употреба језика националних мањина... (Закон о локалној самоуправи 1999).

*Члан 18. Општина је одговорна да, преко својих органа, у складу са Уставом и законом: <...> 29) утврђује **језике и писма националних мањина који су у службеној употреби** на територији општине* (Закон о локалној самоуправи 2002).

*Члан 20. Општина, преко својих органа, у складу с Уставом и законом: <...> 33) утврђује **језике и писма националних мањина који су у службеној употреби** на територији општине* (Закон о локалној самоуправи 2007).

Следует отметить, что, хотя ни в одном из муниципалитетов Сербии русины не составляют указанных 15 % населения, в шести общинах русинский язык утверждён в качестве находящегося в официальном использовании на всей территории этих муниципалитетов.

3. Русинский и украинский языки в международных обязательствах Сербии. В 2005 г. Государственное объединение Сербия и Черногория ратифицировало «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств» (European Charter for Regional or Minority Languages) Совета Европы и взяло на себя обязательства по защите и развитию десяти таких языков в Сербии (в том числе – русинского и украинского) и двух в Черногории (албанского и цыганского).

«Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» была принята Советом Европы (СЕ) в 1992 г., и к настоящему времени (начало 2015 г.) из 47 государств, являющихся членами СЕ, ее подписали 33 страны, но ратифицировали только 25 (т. е. чуть более половины). Отметим, что из 9 стран постсоветского пространства, входящих в СЕ, Хартию подписали 5 государств, а ратифицировали только 2 – Армения и Украина. Из стран бывшей Югославии этот документ подписан всеми шестью республиками, однако в одной из них – Македонии – не ратифицирован.

Сама Хартия в своей основной части (Ч. III) состоит из набора обязательств по отношению к региональным или миноритарным языкам, из которых подписывающееся государство должно выбрать и гарантировать реализацию не менее 35 пунктов и подпунктов из 6 статей этого раздела (всего в нем содержится 7 статей).

Согласно закону о ратификации Хартии, Республика Сербия взяла на себя обязательства по обеспечению языковых прав национальных меньшинств в следующих сферах: образования (8 пунктов и подпун-

тков, ст. 8), судопроизводства (9, ст. 9), административной и государственной деятельности (10, ст. 10), средств массовой информации (8, ст. 11), культуры (5, ст. 12), экономической и общественной жизни (1, ст. 13) и трансграничных обменов (2, ст. 14):

Члан 3. Приликом предаје ратификационог инструмента, Србија и Црна Гора ће дати следеће изјаве:

1. У складу са чланом 2. став 2. Европске повеље о регионалним или мањинским језицима, Србија и Црна Гора прихвата да се у Републици Србији за албански, босански, бугарски, мађарски, ромски, румунски, русински, словачки, украјински и хрватски језик примењују члан 8. став 1. а (iii), а (iv), б (iv), ц (iv), д (iv), е (ii), ф (iii), г; члан 9. став 1 а (ii), а (iii), б (ii), ц (ii), д, став 2. а, б, ц, став 3, члан 10. став 1. а (iv), а (v), ц, став 2. б, ц, д, г, став 3. ц, став 4 ц, став 5. члан 11. став 1. а (iii), б (ii), ц (ii), д, е (i), ф (ii), став 2. став 3. члан 12. став 1. а, б, ц, ф, став 2. члан 13. став 1. ц, члан 14. а, б... (Закон о ратификацији 2005).

Подробнее с текстом Хартии можно ознакомиться на сайте Совета Европы (<http://conventions.coe.int>).

4. Выводы. В целом, несмотря на то что национальные меньшинства в Сербии составляют около 12 % населения (а число тех, кто назвал в качестве родного не сербский язык еще меньше), языковые права данной категории населения достаточно широко и полно отражены в современном сербском законодательстве: как в Конституции государства, так и в целом ряде специальных законов. В государственных и международных документах достаточно подробно прописываются возможности публичного функционирования и развития языков национальных меньшинств. Однако следует отметить, что сербское законодательство большую часть таких обязательств делегирует единицам регионального и муниципального уровня – краям и общинам. Соответственно, полное представление о языковых правах русинского, украинского и других национальных меньшинств Сербии возможно только после рассмотрения региональных и муниципальных законов, что и предполагается сделать в следующих публикациях.

* Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ/ Tomsk State University Competitiveness Improvement Programm.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Резкое уменьшение численности населения Сербии в 1991 г. обусловлено тем, что перепись бойкотировалась албанским населением автоном-

ного края Косово и Метохия; в 2002 г. территория края находилась под международным протекторатом, а в 2008 г. в одностороннем порядке была провозглашена независимая от Сербии Республика Косово.

2. Из стран бывшей Югославии подобный ценз введен еще в нескольких государствах: Хорватии (33 %), Македонии (20 %) и самопровозглашенной и непризнанной Сербией Республике Косово (5 %).

ЛИТЕРАТУРА

Закон о заштити права 2002 - *Закон о заштити права и слобода националних мањина* // Службени лист Савезне Републике Југославије. 2002. № 11.

Закон о изменама и допунама 2010 - *Закон о изменама и допунама Закона о службеној употреби језика и писама* // Службени гласник Републике Србије. 2010. № 30.

Закон о локалној самоуправи 1999 - *Закон о локалној самоуправи* // Службени гласник Републике Србије. 1999. № 49.

Закон о локалној самоуправи 2002 - *Закон о локалној самоуправи* // Службени гласник Републике Србије. 2002. № 9.

Закон о локалној самоуправи 2007 - *Закон о локалној самоуправи* // Службени гласник Републике Србије. 2007. № 129.

Закон о ратификацији 2005 - *Закон о ратификацији Европске повеље о регионалним или мањинским језицима* // Службени лист Србије и Црне Горе – Међународни уговори. 2005. № 18.

Закон о службеној употреби 1991 - *Закон о службеној употреби језика и писама* // Службени гласник Републике Србије. 1991. № 45.

Попис становништва 2013 - *Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији*. Београд: Републички завод за статистику, 2013.

Устав 2006 - *Устав Републике Србије* // Службени гласник Републике Србије. 2006. № 83.

Устав 1963 - *Устав Социјалистичке Републике Србије* // Службени гласник Социјалистичке Републике Србије. 1963. № 14.

REFERENCES

Zakon o zaštiti 2002 – *Zakon o zaštiti prava i sloboda nacionalnih manjina*, Službeni list Republike Hrvatske, 2002, Nr 11 [in Serbian].

Zakon o izmjenama 2010 – *Zakon o izmjenama i dopunama Zakona o službenoj upotrebi jezika i pisama*, Službeni glasnik Republike Srbije, 2010, Nr 30 [in Serbian].

Zakon o lokalnoj 1999 – *Zakon o lokalnoj samoupravi*, Službeni glasnik Republike Srbije, 1999, Nr 49. [in Serbian].

Zakon o lokalnoj 2002 – *Zakon o lokalnoj samoupravi*, Službeni glasnik Republike Srbije, 2002, Nr 9 [in Serbian].

Zakon o lokalnoj 2007 – *Zakon o lokalnoj samoupravi*, Službeni glasnik Republike Srbije, 2007, Nr 129 [in Serbian].

Zakon o ratifikaciji 2005 – Zakon o ratifikaciji Europske povelje o regionalnim ili manjinskim jezicima, Službeni list Srbije i Crne Gore – Međunarodni ugovori, 2005, Nr 18 [in Serbian].

Zakon o službenoj 1991 – Zakon o službenoj upotrebi jezika i pisama, Službeni glasnik Republike Srbije, 1991, Nr 45 [in Serbian].

Popis stanovništva 2013 – Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 2011. u Republici Srbiji. Beograd, Republički zavod za statistiku, 2013 [in Serbian].

Ustav Republike 2006 – Ustav Republike Srbije, Službeni glasnik Republike Srbije, 2006, Nr 83 [in Serbian].

Ustav Socijalističke 1963 – Ustav Socijalističke Republike Srbije, Službeni glasnik Socijalističke Republike Srbije, 1963, Nr 14 [in Serbian].

Катунин Дмитрий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славянорусского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Katunin Dmitry - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology Department of Tomsk State University.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

УДК 81'27

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/15

ЭТНОНИМЫ «РУСИН», «РУСИНСКИЙ» В РУССКОЙ РЕЧИ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

З.И. Резанова¹, К.С. Шилаев²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: shilyaevc@gmail.com

Авторское резюме

В статье анализируются способы и типы актуализации в контекстах русской речи этнонимов *русин*, *русинский* на протяжении трех столетий, выявляются типовые контексты, дискурсы и жанры их актуализации. Исследование выполнено в русле социолингвистического подхода: результаты лингвистического анализа семантики и функционирования языковых единиц рассматриваются как свидетельства соотнесенных с ними социальных явлений. В качестве основного источника материала используется Национальный корпус русского языка, привлекаются данные словарей. Выявлено, что русинский этнос позиционируется двумя способами: как единый с общерусским и другими этносами либо как противоположный окружающим его этносам. Нередко отмечается внутренняя разнородность русинского этноса по принципу самоопределения относительно других этносов. При этом все контексты всех исторических этапов характеризует напряженная рефлексия исследуемых этнонимов. Общая жанрово-временная динамика демонстрирует тенденцию к переходу из более «сиюминутных» дискурсов – публицистических – к художественно-историческому осмыслению. Резкое повышение количества контекстов, начиная с 2000 г. в сфере электронной коммуникации свидетельствует о растущем интересе к проблематике русинства в российской блогосфере.

Ключевые слова: этноним, русин, русинский, социолингвистика, групповая идентичность, Национальный корпус русского языка.

**Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian”
in Russian discourse: a corpus study**

Z.I. Rezanova¹, K.S. Shilyaev²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru²E-mail: shilyaevc@gmail.com**Abstract**

The articles focuses on the analysis of the different ways in which ethnonyms *rusin*, *rusinian* are used in Russian discourse. We apply discourse analysis to the contexts taken from Russian National Corpus in the time range of the last 300 years in order to discover typical contexts, discourses and genres in which these ethnonyms are used. We take these as the evidence of correlated social and historical phenomena that concert the Rusins as an ethnic group. The results have shown that the Rusin ethnicity is presented in two ways: either as united with the Russian ethnicity and its other neighbors, or as opposed to the surrounding ethnicities. The heterogeneous character of the Rusin ethnicity is often highlighted in the context of self-determination relative to other ethnicities. At the same time, all contexts are characterized by an intense reflection on the nature of the ethnonyms *rusin*, *rusinian*. Over time, genre dynamics shows a clear tendency to shift from the more transient discourses (press) to literary and historical reflections. A sharp increase in the amount of contexts from 2000 onward shows a growing interest to Rusin issues in the Russian Internet media.

Keywords: ethnonym, Rusin, sociolinguistics, discourse analysis, collective identity, Russian National Corpus.

Постановка проблемы. Объект исследования в данной статье – этнонимы *русин*, *русинский*, актуализованные в русской речи. Предметом анализа являются способы и типы актуализации в контекстах русской речи этнонимов *русин*, *русинский* на протяжении трех столетий, выявление типовых контекстов, дискурсов и жанров, в которых актуализируются различные аспекты семантики данных слов.

Этноним – лексема, называющая этнические сообщества, а также лиц, к ним принадлежащих. Используется в речи для идентификации как групповой – в качестве наименования этноса, – так и личностной – как имя человека, характеризуемого по его этнической принадлежности. Оба типа функционирования имени специфичны и в то же время тесно взаимосвязаны, что является языковым и текстовым отражением оппозиции и взаимообусловленности двух типов идентичностей, выделенных Э. Эриксоном, – групповой идентичности и эго-идентичности (Эриксон 1996). «Групповая идентичность формируется благодаря тому, что с первого дня жизни воспитание ребенка ориентировано на включение его в данную социальную группу, на выработку присущего данной группе мироощущения. Эго-идентичность формируется параллельно с групповой идентич-

ностью и создает у субъекта чувство устойчивости и непрерывности своего Я» (Идентичность 2015). Вместе с тем они взаимосвязаны, и в их отношениях ведущей является групповая идентичность, так как «индивиды приобретают идентичность и могут изменять ее только в группах» (Хантингтон 2004: 50-52). При этом по отношению и к личностной, и к групповой (в данном случае – этнической) идентификации принципиальным видится противопоставление «я» – «другой»: этноним используется как средство самоидентификации или идентификации себя или другого (*я русин и он, ты русин; мы – русины; они, вы русины*).

Мы считаем важным исследование коммуникативных практик актуализации этнокультурной идентичности, полагая, как и авторы «Новой философской энциклопедии», что «решающим в проявлении этнической идентичности (этничности) выступает... не набор “вещественных” признаков (фенотипические характеристики, язык, культурные особенности, религия), а то значение, которым эти признаки нагружаются в процессе социальной коммуникации» (Идентичность 2000, 2001). Текстовая актуализация этнонима свидетельствует о ситуативной значимости этнической принадлежности человека в различных социокультурных ситуациях и дискурсивных практиках.

В данной статье мы представляем результаты исследования текстовых актуализаций этнонимов *русин, русинский* в русской речи. Как представляется, совокупность контекстов актуализации этнонима может свидетельствовать об интересе в российском этнокультурном пространстве к теме русинов, о векторах направленности этих интересов, проявляющихся в коммуникативной актуальности этнической групповой или личностной идентичности. Мы не изучаем то, как эти этнонимы даны в актуальном сознании носителей русского языка, мы анализируем контексты, в которых они были актуализованы, и те смыслы, которые были важны в данных контекстных актуализациях.

Статья выполнена в русле социолингвистического подхода, в рамках которого результаты лингвистического анализа семантики и функционирования языковых единиц рассматриваются как свидетельства соотнесенных с ними социальных явлений.

Лингвистический анализ функционирования в речи этнонима при таком подходе выступает в качестве базового. Он направлен на выявление: 1) состава специфических текстовых позиций этнонима в речи, смысловых текстовых согласований и оппозиций; 2) дискурсивной и жанровой принадлежности текстовых актуализаций этнонима; 3) аспектов так называемой микродиахронии лексемы – динамики актуализации этнонима в разных дискурсах и жанрах на протяжении трех последних столетий.

На этапе социолингвистического комментирования результатов лингвистического анализа мы исходим из того, что 1) характер распространения этнонима, его актуализаций в текстах разных типов и жанров может рассматриваться как показатель интереса (или отсутствия такового) в обществе к именуемому лексемой этносу, аспектов восприятия этноса и его субъектов в исследуемой лингвокультуре; 2) выявление варьирования дискурсивной и жанровой актуализации этнонима позволяет судить о составе сфер деятельности, связанной с актуализацией смыслов, вводимых анализируемыми этнонимами, – научной, художественной, общественно-политической или бытовой; 3) анализ исторических изменений в функционировании этнонима в речи позволит выявить наличие корреляций интереса к данному этносу в обществе на разных этапах его исторического развития.

Методы анализа, материалы и источники. В качестве основного источника материала, во многом предопределяющего методы и подходы, нами используется Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (Национальный корпус русского языка 2015). Обращение к данному источнику в качестве основного мотивировано тем, что он характеризуется *сбалансированностью и репрезентативностью* текстового материала. Репрезентативным корпус считается, если его текстовый объем превышает 100 млн словоупотреблений, что позволяет выявлять не только наличие языковой единицы в текстовых актуализациях, но и данные об ее относительной частотности. Объем НКРЯ на дату обращения к его материалам при проведении исследования составил 85 996 документов, 229 968 798 слов. Это позволило выявить с большой степенью достоверности относительную частотность использования этнонима и его различных позиций и смысловых актуализаций в русской письменной речи.

НКРЯ относится к корпусам, сбалансированным относительно представления письменных форм русского языка, т. к. «содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.), и... все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода» (НКРЯ 2015), что дало возможность сделать выводы о дискурсивной и жанровой специфике актуализации исследуемого этнонима. Национальный корпус русского языка включает «прозаические (включая драматургию) письменные тексты XVIII – начала XXI века», что явилось основой определения динамики функционирования этнонима в речи на протяжении трех столетий. Наличие в метаразметке корпуса жанровой, временной, дискурсивной дифференциации текстов позволило нам выявить

соответствующие параметры функциональной специфики этнонима.

В качестве дополнительных источников мы используем данные толковых словарей русского языка, которые позволяют опереться на лексикографическую рефлексию семантики этнонима (Словарь современного русского литературного языка 1961, Толковый словарь живого великорусского языка 1998, Толковый словарь русского языка 1999, Большой толковый словарь русского языка 2000, Толковый словарь русского языка 2000, Толковый словарь русского языка 2003, Современный толковый словарь русского языка 2006). Мы считаем также, что наличие / отсутствие этнонима в академических словарях может считаться косвенным отражением степени узуальной устойчивости лексемы в языке соответствующего периода.

В качестве основы социологического комментария лингвистических выводов мы использовали работы, посвященные истории, культуре, современному состоянию русинского этноса и контактирующих славянских и неславянских этносов (Суляк 2007, 2009а, 2009б, Головацкий 2008).

В исследовании были использованы собственно лингвистические методы анализа семантики: дистрибутивный и компонентный анализ для выявления комплекса актуализируемых смыслов исследуемого этнонима в текстах разной жанровой отнесенности. При этом мы не проводили самостоятельного жанроведческого и дискурсивного анализа текстов, в которых используется исследуемый этноним, следуя данным метаразметки корпуса. При исследовании функционального аспекта этнонима считаем принципиально необходимым сочетание качественных и количественных приемов анализа. Диагностически значимым является параметр относительной частотности актуализаций этнонимов *русин*, *русинский*, т. е. их отношения ко всему составу лексем корпуса, а также отношение частотности выявленных текстовых позиций, смыслов, жанровой и дискурсивной принадлежности единиц к общему числу актуализаций этнонимов *русин*, *русинский* в корпусе.

Анализ лексикографических источников. Этноним *русин* непосредственно отражается академическими словарями русского языка. Он не представлен в словарных статьях «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля (Толковый словарь живого великорусского языка 1998), современных толковых словарей «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой в 4 т., в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова (Большой толковый словарь русского языка 2000), в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева (Толковый словарь русского языка 2003), в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (Толковый словарь русского языка 1999).

Словарные статьи этнонимов *русин*, *русинский* представлены в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР в 17 т. (Словарь современного русского литературного языка 1961), в «Большом современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (Современный толковый словарь русского языка 2006), в «Толковом словаре русского языка» в 4 т. под ред. Д.Н. Ушакова (Толковый словарь русского языка 2000). Общей чертой толкований данных словарей является то, что в них *русин* толкуется как имя представителей украинского этноса, дифференцирующим признаком которого является место проживания – Галиция, Прикарпатье и Буковина (Словарь современного русского литературного языка 1961, Современный толковый словарь русского языка 2006), Галиция, Карпатская Русь (Толковый словарь русского языка 2006). Такую же референтную отнесенность термина поддерживает М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» (Этимологический словарь русского языка 1971): «Русин стар. название украинцев в Галиции», – отмечая его производность от имени *Русь*. Значение прилагательного *русинский* толкуется как «относящийся к русину, русинам» (Словарь современного русского литературного языка 1961), свойственный русинам, связанный с ними (Современный толковый словарь русского языка 2006). Говоря о традиции лингвистического истолкования этого этнонима, следует упомянуть, что в словаре, представляющем состояние русского языка XI-XVII вв., *русин* определяется как дублетный термин к этнониму *русский*; иллюстративный контекст представляет оппозицию *русин – варяг*: «Оже емати скоть варягу на русинѣ или русину на варязѣ...» (Словарь русского языка XI-XVII вв. 1997).

Истолкование значения слова *русин*, определение его смысла, а именно тип отношения именуемой этнической группы к близкородственным этносам, в толковых словарях русского языка отличается от его определения в энциклопедических словарях¹. Так, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» этническая группа, называемая этнонимом *русин*, соотносится с русским этносом, при этом термин отражает двойную идентичность: этническую – русские, государственную – Австро-Венгрия: «Употребляемое преимущественно поляками и немцами название русского населения австро-венгерских земель, в отличие от русских (русских подданных)» (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона 1890).

Таким образом, данные толковых и энциклопедических словарей, отражающие рефлексию значения соответствующего имени и понятия, свидетельствуют о неоднозначности смыслов, связываемых с термином, в русской культуре.

Анализ данных Национального корпуса русского языка. Далее рассмотрим, по данным НКРЯ, как рефлексировается этноним в рус-

ской речи, в каких контекстах и с какими смыслами актуализируется. Обращение к материалам НКРЯ свидетельствует о незначительной частотности использования этнонимов *русин*, *русинский* в русской речи: при общем количестве слов 229 968 798 (на время обращения 19.02.2015) количество актуализаций имени *русин* в его разных значениях – 193 вхождения.

При этом контексты позволяют выделить: I. Типичные актуализируемые позиции и смыслы; II. Типичные дискурсы и жанры; III. Изменения в направленности актуализаций смыслов во времени.

I. Итак, типичные текстовые позиции этнонима *русин* в русской речи – это позиции актуализации этнической идентичности, которые далее противопоставляются 1) по аспекту актуализируемого смысла: а) групповая - личностная: *русины* – *русин*, б) «он (они)-идентичность» - «я (мы)-идентичность», 2) по коммуникативной позиции: пресуппозиция - коммуникативный фокус.

Рассмотрим типичные позиции и актуализируемые смыслы в порядке их убывания.

Одна из наиболее частотных позиций этнонима *русин* – актуализация групповой этнической идентичности в соотношении с другими (29 вхождений). Как правило, этноним реализует функцию установления «они-идентичностей», и эти смыслы находятся в коммуникативном фокусе. Этноним при этом может использоваться в единственном числе, но иметь контекстно актуализованное значение типичного представителя этноса: *...так же точно может мстить поляк и русин* (М. Горький. О евреях. 1919 г.). Как правило, перечислительный ряд составляют этнонимы, это имена либо славянских, либо неславянских, но контактирующих территориально или объединенных государственно этносов. Доминирующие смысловые актуализации – идеи:

1) общности представителей разных этносов по признаку «такой же, как и другой / другие»: *...слияния, смешения нашего даже и с западными славянами (с чехами, хорватами, словаками, галицийскими русинами), насквозь пропитанными либеральным европеизмом* (К.Н. Леонтьев. Кто правее? Письма к В.С. Соловьеву. 1890-1891 гг.);

2) разнообразия: «один из ряда других»: *...подстрекателя чехов, словаков, хорватов и русинов* (Леонид Юзефович. Костюм Арлекина. 2001 г.);

3) противопоставления, оппозиции: *...последний вовсе не русин, а украинец-гайдамак – неизвестный* (К убийству Потоцкого // «Русское слово». 1908 г.).

Этнонимы в таких контекстах занимают субъектные и объектные позиции при предикатах бытия (*оказываться, быть*): *...нет русских, а есть белорусы, украинцы, русины, галичане и т. д.* (Борис Ключников. Либеральная эпидемия и здоровый протекционизм // «Наш

современник». 2004 г.), социального взаимодействия и коммуникации: *раскол среди русин* (М.О. Меньшиков. Сроки близятся. 1914 г.), *распри между русинами и поляками* (За границей. Телеграммы наших корреспондентов // «Русское слово». 1911 г.), а также *подстрекать, угнетать, мстить, обвинять, подготовить столкновение, смягчение отношений, доведены до озлобления* и др.

Реже этноним встречается в перечислительном ряду имен, выступающих в качестве маркеров групповой идентичности по другим социально значимым признакам, прежде всего профессиональным: *Остальные приглашенные профессора – русины* (Вести // «Русское слово». 1907 г.), а также *хозяин-русин, русин-ксендз, сторож, пленный русин, купцы русины, студент-русин, профессор-русин* и др.

Вместе с тем контексты Национального корпуса русского языка свидетельствуют и об осознании внутренней неоднородности этноса, его членения по различным социально значимым признакам, что проявляется в наличии сочетаемости с дифференцирующими определениями: *...в среде галицких русинов произошло размежевание на так называемых старорусинов... и на молодорусинов* (Как Львов стал украинским городом. 2011 г.), а также *галицийские русины, галицкие русины, австрийские русины, угорские русины, консервативные русины, православные русины, русины города Львова* и др.

Другая типичная функция этнонима *русин* – маркирование личностной идентичности, как правило, «он-идентичности». Типичная синтаксическая позиция этнонима – приложение, выступающее в качестве дополнительного идентификатора человека. Этноним при этом употребляется либо при имени собственном, которое идентифицирует человека, в то время как этноним называет его основной коммуникативно значимый признак: *Убийца гр. Потоцкого – русин* (Львов, 30-го марта – Телеграммы. «Биржевые ведомости» (вечер), 1908 г.), а также *русин Трофим Круця, русин Глебовский, студент-русин Коцка, русин Львов* и др. Этноним *русин* может занимать позицию приложения при нарицательном существительном, называющем человека по иному социально значимому признаку². Как показал анализ, этноним, как правило, занимает позиции приложения при имени профессии, социальной роли: *русин-ксендз, митрополит русин, хозяин-русин, сторож, пленный русин, друзья из русин, студент-русин, приглашенные профессора – русины, профессор-русин*, менее частотны позиции приложения при именах лиц по возрасту и семейным отношениям: *родители – русины, старик русин* и др.

Занимая позицию приложения, вместе с определяемым именем этноним *русин* сочетается в выявленных контекстах с предикатами³: *вспыхнуть, поднять* (в значении «разбудить»), *отказаться, продавать, бежавшие, ограждать частную собственность, станут жить*

в Галиции, кровопролитное столкновение, убийство, проявил себя в формировании национального самосознания. В качестве дополнения этноним *русин* сочетается со следующими предикатами: *выбрать, пригласить, понимать, велеть, перевешать, ухлопать, мне страшно за, похороны убитого, оскорбить*.

Обращает на себя внимание тот факт, что семантика предикатов содержит скорее негативную коннотацию, актуализирующуюся в контекстах, где речь идет о притеснении русинов и их участии в межнациональных конфликтах (*бежать, столкновение, убийство*). При этом этноним *русин* нередко выступает в качестве приложения к объекту при предикате с семантикой вредоносного воздействия (*убить, похоронить, оскорбить* и т. п. – *Состоялись похороны убитого студентами-поляками, при столкновении в университете, студента-русина Коцка* (За границей. Телеграммы наших корреспондентов // «Русское слово». 1910 г.). Предикаты с нейтральной и положительной коннотацией составляют треть от общего числа.

Третья функция этнонима *русин* – установление личностной идентичности, находящейся в коммуникативном фокусе. Данная функция реализуется в особых речевых актах, особенностью которых является замещение этнонимом позиции предиката в высказывании тождества. Данный тип контекстов распадается на три подгруппы, маркированных различием замещения позиции субъекта:

– местоимения первого лица – речевые акты самоидентификации: *я русин, ты русин, Русин их... русин... нихт австриц!*⁴ (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая. 1928-1940 гг.);

– идентификация партнера по коммуникации *Ты же, простой, неученный и смиренный Русине...* (Георгий Флоровский. Пути русского богословия. 1936 г.), *«Кто ты такой? – «Русин (или Руснак)»* (Д.И. Иловайский. Начало Руси. 1876 г.);

– идентификация третьего лица – позиция субъекта замещается либо местоимением третьего лица: *он оказался русином; он «русин» и «крестьянин», т. е. христианин* (Н.К. Гудзий. История древней русской литературы (XVI-XVII вв.). 1938 г.), либо словосочетанием, выделяющим субъекта: *убийца гр. Потоцкого – русин*.

К данной группе контекстов тесно примыкают метаязыковые речевые акты, предметом рефлексии которых является имя *русин*: *сам называет себя Словенином, а не Русином; название Русь, Русин; усвоить себе имя Русина; Русином называет себя в смысле униата или православногo* (Д.И. Иловайский. Начало Руси. 1876 г.); *фряг называется львом, аламанин орлом, турчин змеей, русин выдрой, литвин туром, болгарин быком, серб волком и проч.* (Ф.И. Буслаев. Эпическая поэзия. 1851 г.); *население Галицкой Руси называло себя русинами, русскими,*

украинофилы отказались от названия «русины», именуя себя русинами-украинцами (Как Львов стал украинским городом. 2011 г.); украинцы назывались русинами, русины – первое самоназвание украинского народа, этноним «русь» (собирательное), в единственном числе – «русин», этноним «русь» / «русин» употреблялся как самоназвание (Самоназвания народов. 2009-2010 гг.).

В текстах НКРЯ представлены развернутые фрагменты метаязыковых рефлексий, в рамках которых осмысливается как современное значение слова, так и историческое. Основная идея метаязыковых размышлений – установление связей по корню с этнонимом *русь*, *русские*, происхождение этнонима: *Так как название «русины» столь же древнее, как русское племя, и гораздо древнее Габсбургов, то приходится мириться с ним. Но всякое проявление мысли, что русины и русские одно и то же, принимается точно государственная измена* (М.О. Меньшиков. Сроки близятся. 1914 г.); *Наиболее достоверный памятник нашей древней письменности, Русская Правда, употребляет те же два племенные термина: Русин и Словении* (Д.И. Иловайский. Начало Руси. 1876 г.).

Другие контексты свидетельствуют о синхроническом осмыслении этнонима *русин* в свете историко-политических реалий и истории русинов как отдельного этноса: *Говорили и писали эти молодые люди на том смешанном и смешноватом семинарско-российском диалекте, какого и до сих пор, вероятно, держатся в Галиции консервативные русины. Это слово «Russin» и «Russinischer» создано было австрийским правительством, и официально «Основа» именовалась «Russinischer Grundstein»* (П.Д. Боборыкин. Воспоминания. 1906-1913 гг.).

Таким образом, на основе анализа можно выделить следующие базовые смыслы, актуализирующиеся в лексикографических источниках и контекстах НКРЯ. Русинский этнос позиционируется двумя способами: как единый с общерусским и другими этносами либо как противоположный окружающим его этносам. Нередко отмечается внутренняя разнородность русинского этноса по принципу самоопределения относительно других этносов. Причем все контексты всех исторических этапов характеризует напряженная рефлексия исследуемых этнонимов.

II. В предыдущем разделе мы рассмотрели типичные контексты актуализации этнонима *русин*, далее рассмотрим, в каких дискурсах и жанрах актуализируются этнонимы, связана ли актуализация с художественной, научной или политической деятельностью и коммуникацией.

В системе метаразметки НКРЯ противопоставляются обиходно-бытовая, официально-деловая, производственно-техническая речь,

реклама, учебно-научная, художественная, церковно-богословская, электронная коммуникация и публицистика.

Не отмечены контексты *русин, русинский* в официально-деловой, производственно-технической речи и рекламе, единичные контексты отмечены в церковно-богословской литературе («*Ты же, простой, неученный и смиренный Русине, простого и нехитрого Евангелия ся крепко держи, в нем же живот вечный тебе сокровенно есть*» (Георгий Флоровский. Пути русского богословия. 1936 г.)) и обиходно-бытовой речи (*Газеты, утверждавшие, что это вопиющее на небо преследование и притеснение русинов – молчат; Исключение составляют только венгерские славяне и русины, которые очень угнетены магнатами* (А.В. Никитенко. Дневник. Т. 1. 1826–1855 гг.)). Безусловно, сфера преимущественного функционирования этнонимов *русин, русинский* – публицистика (117 вхождений), второе место занимает художественная и учебно-научная коммуникация. В рамках последней этноним стабильно актуализируется в периоды 1820-1840 гг. – 10 вхождений и 1860-1880 гг. – 11, на период с 1880 по 2000 г. приходится 4 вхождения (всего 25).

Этнонимы *русин, русинский* актуализируются в определенном спектре жанров. К нежанровой прозе принадлежат 14 контекстов (1860-2000 гг.), из которых 9 приходится на 1920-1940 гг. В жанре исторической прозы нами были обнаружены 15 актуализаций, при этом подавляющее большинство приходится на период с 1820 по 1840 г. – 14; единичная актуализация в 2000-2014 гг. Жанр документальной прозы содержит небольшое количество актуализаций (1880-1900 гг. – 3; 1920-1940 гг. – 1).

Нам представляется, что наиболее объективные выводы может дать анализ жанровой и коммуникативной специфики этнонимов *русин, русинский* в контексте их временной актуализации.

III. В третьем разделе мы рассмотрим временную динамику выделенных выше аспектов актуализации этнонима *русин* и типов его дискурсивного осмысления.

При исследовании временной динамики обращает на себя внимание тот факт, что после взрыва интереса к русинской теме в первое двадцатилетие XX в., на которое приходится наибольшее количество публицистических контекстов, следуют практически 60 лет, когда русскоязычная публицистика Советского Союза не обращалась к теме русинов. Это нашло отражение в том, что в корпусе нет контекстов использования этнонимов *русин, русинский* с 1920 по 1960 г. Во временном интервале 1960-2014 гг. отмечаются единичные актуализации по 1-2 контекстам. Данная диспропорция компенсируется в начале XXI в. явной актуализацией этнонима в электронной коммуникации

(23 вхождения): Среди широкой общественности и даже среди части научных сотрудников довольно распространен стереотип, что русинами всегда были только западные украинцы (Самоназвания народов. 2009-2010 гг.).

В целом временную динамику можно охарактеризовать следующим образом. В 1820-1840 гг. встречаются 34 вхождения этнонима *русин*, относительно равномерно распределенных по трем сферам использования: публицистической (10), учебно-научной (10) и художественной (историческая проза, 10).

На период с 1860 по 1880 г. приходится снижение количества актуализаций (18), тем не менее, при распределении по сферам можно заметить в области публицистики снижение менее, чем на 30 % (7 вхождений), а в сфере учебно-научной даже незначительное повышение (11).

В период 1880-1900 гг. обнаруживается наименьшее количество вхождений – 3 в жанре документальной прозы.

Количественный «взрыв» актуализаций исследуемых этнонимов приходится на период 1900-1920 гг. – *русин* (52), *русинский* (36). Все вхождения относятся к сфере публицистики.

В период с 1920 по 1940 г. количество вхождений снижается (9) и происходит резкая смена жанровой направленности: этноним *русин* актуализируется в нежанровой прозе, посвященной осмыслению исторических реалий предшествующих десятилетий: Вс.В. Иванов. Голубые пески. 1923 г., М.А. Шолохов. Тихий Дон. 1928-1940 гг., П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени. 1922 г.

Выводы. Анализ количества текстовых актуализаций по данным НКРЯ выявляет нарастание и спады интереса к теме *русинов* и как к теме славянского единения, и как к теме самоопределения. При этом прослеживаются четко определяемые пики интересов к теме и спады, коррелирующие с характером прорабатывания смыслов в разных дискурсах и жанрах. Первая волна интересов – середина XIX в., вторая – первое двадцатилетие XX в. Оба всплеска связаны с историческими обстоятельствами: преследования русинов в составе Австро-Венгрии (Суляк 2009а) и сопутствующие конфликты, нашедшие отражение в прессе того времени.

Учебно-научная сфера актуализации связана с выходом в свет фундаментальных трудов по истории Государства Российского Н. Карамзина, в которых термин *русин* актуализируется в первом, историческом значении. Вторая половина контекстов приходится на 1860-1880 гг. – это также историческая работа Д.И. Иловайского «Начало Руси», вышедшая в 1876 г.

Общая жанрово-временная динамика демонстрирует тенденцию к переходу из более «сиюминутных» дискурсов – публицистических – к художественно-историческому осмыслению. Уменьшение количества контекстов упоминания этнонимов *русин, русинский*, начиная с 1940 г., во всех сферах коммуникации непосредственно коррелирует с действиями советского правительства после присоединения Галичины к Украинской ССР – были закрыты все русинские организации, русинам было отказано в этнической самостоятельности (Суляк 2007: 50); русинская тематика стала табуированной с 1950-х гг. (Суляк 2007: 52), что отразилось в лакунарности этой темы в контекстах НКРЯ всего спектра дискурсов и жанров.

В настоящее время ситуация изменяется. Резкое повышение количества контекстов, начиная с 2000 г., в сфере электронной коммуникации свидетельствует о растущем интересе к проблематике русинства в российской блогосфере. Мы полагаем, что это является одним из проявлений нового русинского возрождения, активности русинской диаспоры в сфере публицистики и науки. Растущий интерес к русинской проблематике в интернет-СМИ делает возможным продолжение данного исследования на материале контекстов актуализации этнонимов *русин, русинский* в интернет-коммуникации.

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта в рамках Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015-2016 гг.

** Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ/ Tomsk State University Competitiveness Improvement Programm.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отметим, что наиболее авторитетные энциклопедические словари советской эпохи не включают словарную статью *русин, русины* (Большая советская энциклопедия 1969, Большой энциклопедический словарь 1997).

2. Как неоднократно было отмечено в литературе, имена лица – это скрытые предикаты, характеризующие человека по одному из признаков, что, с одной стороны, наглядно проявляется в производных с выраженной внутренней формой (учитель – тот, кто учит), с другой – в феномене многоименности человека, в том числе и в пространстве одного высказывания (Арутюнова 1976, Резанова 1996). Использование одного имени в качестве субъекта высказывания (подлежащего), а второго – в качестве основного или дополнительного предиката свидетельствует и множественности коммуникативно значимых признаков именуемого человека и о различном характере этого значения.

3. Мы имеем в виду глубинные, семантические предикаты, в тексте они выражаются как собственно предикативными, так и полупредикативными единицами.

4. В данном контексте передан немецкий язык персонажа произведения: ich, nicht.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1976 - *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. 383 с.

Большая Советская энциклопедия 1969-1978 - *Большая Советская энциклопедия*: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969-1978.

Большой толковый словарь русского языка 2000 - *Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С.А. Кузнецов. РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.

Большой энциклопедический словарь 1997 - *Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Советская энциклопедия, 1997. 1456 с.

Головацкий 2008 - *Головацкий Я.Ф.* Карпатская Русь (историко-этнографический очерк) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2008. № 3-4 (13-14). С. 224-261.

Идентичность 2015 - *Идентичность* // Козлов Н.И. Психологос. Энциклопедия практической психологии. М.: Эксмо, 2015. 752 с.

Идентичность 2000, 2001 - *Идентичность* // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН; Председ. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000, 2001. Т. 2. 634 с.

Национальный корпус русского языка 2015 - *Национальный корпус русского языка* / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2015. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения 12.02.2015).

Резанова 1996 - *Резанова З.И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.

Словарь русского языка XI-XVII вв. 1997 - *Словарь русского языка XI-XVII вв.* / Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1997 г. 300 с.

Словарь русского языка 1999 - *Словарь русского языка*: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999 г.

Словарь современного русского литературного языка 1961 - *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 12. 1676 с.

Современный толковый словарь русского языка 2006 - *Современный толковый словарь русского языка*: В 3 т. / Т.Ф. Ефремова. М.: АСТ, 2006. Т. 3. 976 с.

Суляк 2007 - Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2007. № 4 (10). С. 29-56.

Суляк 2009а - Суляк С.Г. Русины карпатского региона и русская цивилизация // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2009. № 1 (15). С. 158-162.

Суляк 2009б - Суляк С.Г. Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев]. 2009. № 3 (17). С. 61-70.

Толковый словарь живого великорусского языка 1998 - Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. М.: Рус. яз., 1998. Т. 4. 685 с.

Толковый словарь русского языка 2003 - Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель, АСТ, 2003. 1584 с.

Толковый словарь русского языка 1999 - Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой; РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.

Толковый словарь русского языка 2000 - Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, 2000. Т. 3. 1424 с.

Хантингтон 2004 - Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ Транзиткнига, 2004. 635 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона 1890-1907 - Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс] / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. 1890-1907 гг. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz> (дата обращения: 14.02.2015).

Эриксон 1996 - Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

Этимологический словарь русского языка 1971 - Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1971. 827 с.

REFERENCES

Arutyunova 1976 - Arutyunova. N.D. Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheckie problemy [The sentence and its meaning: logical and semantic problems], Moscow, Nauka Publ., 1976, 383 p. [in Russian].

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya 1969-78 - Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia], ed. by A.M. Prokhorov, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969-1978 [in Russian].

Bol'shoy tolkovyy slovar' 2000 - Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language], ed. by S.A. Kuznetsov, St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1534 p. [in Russian].

Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' 1997 - Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [The Great Encyclopedic Dictionary], ed. by A.M. Prokhorov.

Moscow, Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1997, 1456 p. [in Russian].

Golovatskiy 2008 – *Golovatskiy Ya.F.* Karpatskaya Rus' (istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Carpathian Rus' (A Historic-Ethnographical Essay)], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2008, Nr. 3-4 (13-14), pp. 224-261 [in Russian].

Kozlov 2015 – *Kozlov N.I.* Psikhologos. Entsiklopediya prakticheskoy psikhologii [Psychologos. The Encyclopedia of Practical Psychology], Moscow, Eksmo Publ., 2015, 752 p. [in Russian].

Novaya filosofskaya entsiklopediya 2000 – *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The New Philosophical Encyclopedia], ed. by V.S. Stepin. Moscow, Mysl' Publ., 2000, 634 p. [in Russian].

Natsional'nyy korpus 2015 – *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus], Moscow, Institute of the Russian Language RAS Publ., 2015. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 12th February 2015) [in Russian].

Rezanova 1996 – *Rezanova Z.I.* Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe proizvodnoe imya [The functional aspect of word formation: Russian derivative names], Tomsk, Tomsk State University Publ., 1996, 218 p. [in Russian].

Slovar' russkogo yazyka 1997 – *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries], ed. by G.A. Bogatova. Moscow, Institute of the Russian Language RAS Publ., 1997, 300 p. [in Russian].

Slovar' russkogo yazyka 1999 – *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language], ed. by A.P. Evgenyeva. Moscow, Russkiy yazyk. Publ., 1999. [in Russian].

Slovar' 1961 – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language], Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1961, 1676 p. [in Russian].

Sovremennyy tolkovyy slovar' 2006 – *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka.* [The Contemporary Explanatory Dictionary of the Russian language], ed. by T.F. Efremova. Moscow, AST Publ., 2006, 976 p. [in Russian].

Sulyak 2007 – *Sulyak S.G.* Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: the past and the present], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2007, Nr. 4 (10), pp. 29-56 [in Russian].

Sulyak 2009a – *Sulyak S.G.* Rusiny karpatskogo regiona i russkaya tsivilizatsiya [Rusins of the Carpathian region and Russian Civilization], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2009, Nr. 1 (15), pp. 158-162 [in Russian].

Sulyak 2009b – *Sulyak S.G.* Rusiny: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Rusins: the past, the present, the future], *Rusin. International historical magazine* [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak, 2009, Nr. 3 (17), pp. 61-70 [in Russian].

Dal' 1998 – *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explana-

tory Dictionary of the Living Great Russian language, Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1998, 685 p. [in Russian].

Tolkovyy slovar' 2003 – Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language], ed. by D.V. Dmitriev, Moscow, Astrel', AST Publ., 2003, 1584 p. [in Russian].

Tolkovyy slovar' 1999 – Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language], ed. by S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova, Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, 939 p. [in Russian].

Tolkovyy slovar' 2000 – Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language], ed. by D.N. Ushakov. Moscow, Astrel' Publ., 2000, 1424 p. [in Russian].

Huntington 2004 – *Huntington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity], trans. from English by A. Bashkirov. Moscow, AST Tranzitkniga Publ., 2004, 635 p. [in Russian].

Entsiklopedicheskiy Slovar' 1890-1907 – Entsiklopedicheskiy Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona [Encyclopedic Dictionary of F.A. Brokgauz and I.A. Efron], ed. by I.E. Andreevskiy, K.K. Arsen'ev, F.F. Petrushevskiy [Online]. Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz> (accessed: 14th February 2015) [in Russian].

Erikson 1996 – *Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis], trans. from English by A.V. Tolstykh. Moscow, Progress Publ., 1996, 342 p. [in Russian].

Fasmer 1971 – *Fasmer M. Etimologicheskii slovar' 1971 – Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language], Moscow, Progress Publ., 1971, 827 p. [in Russian].

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Rezanova Zoia – Doctor of Philological Sciences, Chair of the Department of General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology of Tomsk State University.

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Шилияев Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Shilyaev Konstantin – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology of Tomsk State University.

E-mail: shilyaevc@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2015, № 1 (39)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 256 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»:
<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 30.03.2015. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 72.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2015 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

ЛЮБЛЮ РУСЬ

Иван ТАРНОПОЛЬСКИЙ

Як мать добра любит дети
Так свою люблю я Русь;
Хочте верьте, чи не верьте,
Як мать добра любит дети,
Так свою люблю я Русь.

Русин же я, русин,
Тим я величаюсь,
По-русски говорю,
Читаю, співаю.

Співаю и буду
По-русски співати,
Бо знаю, що славно
Русином назватись.

*Источник: Веночок стихотвореній.
Ч. 518-520. Жовтень, листопад, грудень.
Львов: изд. Об-ва им. М. Качковського, 1932.*

